

**Историческая память населения
Юга России о голоде
1932–1933 г.**

**Законодательное Собрание Краснодарского края
Научно-исследовательский центр традиционной культуры
ГНТУ «Кубанский казачий хор»**

**Историческая память населения Юга России
о голоде 1932–1933 г.**

Материалы научно-практической конференции

Краснодар, 2009.

ББК 63.3(2)615-2

УДК 947.084.62

И 90

Научные редакторы, составители Н.И. Бондарь
О.В. Матвеев

Рецензенты:

Н.Ф. Бугай, доктор исторических наук, профессор

В.П. Трут, доктор исторических наук, профессор

Ответственные за выпуск:

Д.М. Берлизов, А.Е. Горбань, В.П. Громов

ISBN 978-5-903578-87-0

Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г. *Материалы научно-практической конференции / Под редакцией Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. Краснодар, Издательство «Традиция», Типография «Плехановец», 2009. – 454 с. Прил.*

В сборнике материалов конференции (г. Краснодар, 19 июня, 2009 г.) поставлены проблемы методологического обеспечения исторической памяти о голоде 1932–1933 г., вопросы источниковедения и историографии, а также представлены работы, непосредственно обращенные к истории трагедии и, впервые – по антропологии голода. Книга предназначена специалистам в области социальной истории и антропологии народов России, преподавателям и студентам, работникам культуры, сотрудникам казачьих образовательно-воспитательных центров и учреждений. Принципиально важно, что в сборнике помещены источники: полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции, свидетельства очевидцев (Приложение II) и обзоры архивных документов из фондов Центра документации новейшей истории Краснодарского края (Приложение I).

ISBN 978-5-903578-87-0

© Научно-исследовательский
центр традиционной культуры, 2009.

Legislative Assembly of Krasnodar Region
Research Center For Traditional Culture
of Scientific and Artistic Institution “Kuban Cossack Chorus”

**Historical Memory of the South Russia Population
About the Famine of 1932-1933**

Materials of Research and Practice Conference

Scientific editors and compilers

Nikolay I.Bondar

Oleg V.Matveev

Reviewers:

N.F.Bugay, Doctor of Historical Sciences, professor

V.P.Trut, Doctor of Historical Sciences, professor

ISBN 978-5-903578-87-0

Historical memory of the South Russia population about the famine of 1932-1933. *Materials of Research and Practice Conference* / Under the editorship of N.I.Bondar, O.V.Matveev. Krasnodar, “Plekhanovets” Printing-house, 2009. – 454 pp. With Appendices.

The collected materials of the conference bring forth the problems of methodological support of historical memories about the famine of 1932-1933, the issues of source studies and historiography. Also the articles are presented that directly refer to the history of the tragedy, and for the first time – to the anthropology of the famine. The book is meant for the specialists in the sphere of social history and anthropology of the nations of Russia, to the lecturers and students, cultural workers, members of Cossack educational centers and establishments. It is of crucial importance that the book contains the sources: field data of the Kuban folklore-ethnographic expedition, evidence of eyewitnesses (Appendix I) and reviews of archive materials from the Center of documents of the Krasnodar Region contemporary history (Appendix II).

ISBN 978-5-903578-87-0

© Research Center For Traditional Culture

НЕ ЗАБЫТЬ!

Неурожаи, их прямое следствие голод – неотъемлемая часть судьбы человеческого общества с момента зарождения самой аграрной цивилизации. Голодные годы оставались черной вехой в истории каждого народа. Немало их пережила и Россия: великий недород 1601-1602 гг., унесший сотни тысяч человеческих жизней [1], голод в Поволжье, Ленинградская блокада... Но в длинной череде таких трагических событий совершенно отдельно стоит страшный голод 1932-1933 гг., охвативший Украину, часть Казахстана, Поволжья, Урала и Южной Сибири, а также Чернозёмный округ, Дон и Кубань. В отличие от прочих, он не был порожден погодными катаклизмами или войной. Недаром говорится, что самые страшные стихийные бедствия – рукотворные.

Это было всего 70 с небольшим лет назад. По меркам истории – срок не большой. Но нам, живущим сегодня, не только тяжело, но и почти невозможно понять, что такое муки голодной смерти. Сложно представить, что хлебородная и обильная Кубань представляли собой, как отмечает в своих воспоминаниях один из очевидцев, пустыню. Что семь десятилетий назад здесь голод выкашивал не то что отдельные семьи, а 60-70 процентов населения станиц.

Поэтому сколько бы лет не прошло, люди будут, вспоминая это, задаваться вопросами: что это было? Кто виноват? Как такое могло случиться?

Материалы данного сборника не претендуют на то, чтобы дать на них исчерпывающий ответ. Представленные в нём работы являются лишь подходом к осмыслению событий тех лет. Важно, что научно-практическая конференция объединила в русле одной темы многочисленных исследователей, работающих в разных направлениях. Я уверен – никто из открывшихся эту книгу не сможет её равнодушно отложить в сторону. Под одной обложкой объединены разнообразные материалы: работы методологического плана, углубленное описание событий на отдельных территориях, официальные документы того времени. Никого не оставят

равнодушными устные свидетельства тех, кто пережил это страшное время. Они позволяют нам понять дух той эпохи, хоть в какой-то мере увидеть события глазами людей того времени. Приводимые в сборнике слова очевидцев говорят об этих годах сильнее, эмоциональнее и содержательнее любых архивных и статистических источников: «Это такое зверство было, не заснешь, не праснешся... Все у меня в глазах. Всё што было... Отож молишь Бога – Господи, да хоть бы как-нибудь забыть! Нет, никак. Никак. Такая страсть...». Пока еще живы люди, видевшие своими, пусть даже детскими, глазами события Великого Голода, важно сохранить их воспоминания для потомков. Я, как и многие, слушал рассказы родственников, которые искали, и не могли найти ответа на вопрос – как, почему люди ожесточились настолько, что чужая жизнь для многих из них потеряла всякую ценность. Моя тётя вспоминала, как вооруженная охрана отгоняла голодающих от горы собранных в станице тыков. Те постепенно пропадали и гнили, но людям их не отдавали. Для неё была страшна не столько политика верхов, создавшая ситуацию искусственного голода, сколько то, что у неё нашлось множество добровольных и рьяных помощников, готовых во имя абстрактной идеи равнодушно смотреть в глаза умирающего человека. Если вдуматься – это было продолжением, но уже в другой форме, братоубийственной гражданской войны, которая так и не закончилась в 1921-м. Её огонь продолжал тлеть в душах людей, и был выпущен на свободу в 1932-м году.

Нам сложно сегодня представить масштабы трагедии тех лет. По некоторым данным в Северо-Кавказском крае, включавшем в себя и значительную часть территории современных Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краёв, ежемесячная смертность, начиная с июля 1932 года, составила в среднем 12247 человека, а в апреле, мае, июне, 1933 года соответственно 59242, 60038 и 56062 человек [2]. Это количество ежемесячных мучительных смертей не воспринимается сознанием современного человека.

Ещё сложнее сегодня ответить на вопрос о причинах и последствиях голода 1932-1933 годов для СССР, бывших союзных республик (Украины, Казахстана, Белоруссии), отдельных регионов России (Кубани, Дона и др.). Слишком неравномерно исследована эта проблема по бывшим республикам СССР, административно-территориальным единицам России.

Десятилетиями наука не могла подойти к изучению этого периода. Архивы были закрыты, доступ к документам – запрещен или крайне ограничен; большинство свидетелей тех страшных лет предпочитали молчать о прошлом.

Сегодня ситуация изменилась, но возникает иная проблема. Факты о трагедии 30-х годов стали активно использоваться конъюнктурными политиками. Объективное, научное рассмотрение вопроса они замещают политизацией, этнизацией проблемы, неправомерными интерпретациями. «Голодомор» зачастую объявляется актом геноцида, направленным на отдельные народы бывшего СССР. Попытка спекулировать на человеческом горе и разделить народы бывшего СССР на «жертв» и «агрессоров» не имеет ни малейшего отношения к науке. Сознательно или нет, но такой квазинаучный подход направлен на столкновение, конфронтацию народов России и ближнего зарубежья.

Однако материалы научно-практической конференции, лежащие в основе данного сборника, архивные материалы Центра документации новейшей истории Краснодарского края, полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции, помещённые в этой книге, свидетельствуют, что 1932 и 1933-й годы стали трагедией всей страны, а не отдельно взятых народов. Об этом же пишет и член-корреспондент Российской Академии наук В.П. Козлов: «Не обнаружен ни один документ, подтверждающий концепцию «голодомор-геноцид» [3].

Такого рода конференции и издания – это шаг на пути установления правды о трагедии 1932-1933 гг. Лишь на её основе, какой бы горькой она ни была, возможно осмысление прошлого. Поэтому такая работа должна продолжиться – не только во имя памяти миллионов жертв, но и во имя будущего, чтобы подобное никогда не повторилось.

Примечание

1. Н.М. Карамзин. История государства Российского. М, «Олма-Пресс», 2005. С. 370-371.
2. Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов: Трагедия Российской деревни. М., 2008. С. 8.
3. Голод в СССР. 1930-1934 гг. Famine in the USSR/ 1930-1934 гг. М., 2009. С. 7.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Голод 1932–1933 г. в СССР, охвативший Украину, Центральный Чернозёмный округ, Северный Кавказ, Казахстан, часть Поволжья, Урала и Южной Сибири, явился трагической страницей истории наших народов. От голода погибли русские, украинцы, донские и кубанские казаки, немцы, казахи, жертвами стали миллионы крестьян, составлявших большинство населения нашей страны. Память об этой трагедии до сих пор кровоточит в рассказах людей, выживших в ходе страшной зимы 1932 – весны 1933 годов. Слушать или читать эти воспоминания о невиданном бедствии, охватившем советское крестьянство, крайне тяжело... Устная история сегодня – мощное оружие для разоблачения тоталитарных режимов. Принцип тоталитаризма требовал не оставлять материальных следов своих преступлений, а важные государственные решения не всегда оформлялись в письменном виде. Архивы засорялись малозначущими, а нередко и сфальсифицированными материалами. Широкое распространение получила практика уничтожения обличающих документов. В этих условиях устные свидетельства звучат приговором всем экспериментаторам над народом.

Однако устная история, как и историческая наука в целом, может быть также подвержена политической конъюнктуре и идеологическим пристрастиям исследователя. Не случайно творцом «Гарвардского спецпроекта о голодоморе» явился отец американской геополитики Збигнев Бжезинский. Эта «пляска на костях» мало способствует объективному изучению трагедии. Работы Е.Н. Осколкова, И.И. Алексеенко, Д. Пеннер, В.В. Кондрашина и других, вышедшие в 1990-е – 2000-е гг., расширили наши знания о трагедии голода в Северо-Кавказском крае. Рассекречивание огромного массива архивных документов, ранее недоступных исследователям, публикация сборников документов, затрагивающих историю коллективизации и голода 1932–1933 г., позволяют восстановить целостную картину обстоятельств голода и его последствий. В сборнике материалов конференции, проведённой Научно-исследовательским центром традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор» при поддержке Законодательного Собрания Краснодарского края и Кубанского казачьего войска, впервые представлены документы из

Центра документации новейшей истории Краснодарского края и уникальные свидетельства очевидцев трагедии, записанные в ходе работы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции.

Однако исследование исторической памяти о голоде 1932–1933 г. нуждается сегодня не только в расширении круга источников, в том числе устных свидетельств, но и в методологическом инструментарии, способствующем более объективному изучению трагедии. Необходимо и философско-историческое обоснование причин и последствий голода. При общей антикрестьянской направленности политики ВКП(б) конца 1920-х–начала 1930-х годов нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство. Пострадали больше всего те, кто представлял серьёзную угрозу для тогдашнего политического режима: имевшие опыт борьбы с Советской властью крестьяне Тамбовской губернии, донские и кубанские казаки. Научный сотрудник Института восточноевропейских исследований А.Н. Окара не случайно говорит о голоде 1932–1933 г. как процессе «домалывания» «классовых врагов»: казачества, старообрядцев, дворянства, украинских и тамбовских крестьян, всех кто представлял альтернативу существующей политической культуре. Поэтому в сборнике материалов конференции поставлены проблемы методологического обеспечения исторической памяти о голоде 1932–1933 г., вопросы источниковедения и историографии, а также непосредственного обращения к истории трагедии. Кроме того, исследуется очень важное направление – **антропология голода**, стратегии выживания, ценностные установки и категории, связанные с психологическим восприятием трагедии и её озвучиванием. В конференции приняли участие ученые и краеведы из Ростова-на-Дону, Новочеркасска, Краснодара, Новороссийска, Армавира, историки, лингвисты и этнологи, специалисты в области полевых исследований.

Редакторы и авторы сборника надеются, что материалы конференции будут способствовать дальнейшему изучению проблем социальной истории и антропологии народов России, станут востребованы не только специалистами, но и учащейся молодёжью, преподавателями и работниками учреждений культуры, казачьими обществами.

*Н.И. Бондарь
О.В. Матвеев*

Раздел 1. МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ

В.А. Бондарев (г. Новочеркасск)

ГОЛОД 1932–1933 г. В ЮЖНОРОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПРОБЛЕМЫ, НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Одним из наиболее трагических событий новейшей истории России является, безусловно, Великий голод, поразивший коллективизированную деревню в 1932 – 1933 гг. Голод унес жизни миллионов крестьян, «сеятелей и хранителей» нашей страны, осиротил и обездолил множество крестьянских детей (тех из них, которые все-таки сумели выжить), крайне негативно отразился на состоянии аграрного производства. Особый же трагизм событиям 1932 – 1933 гг. придает тот факт, что они стали результатом не столько природной стихии, сколько целенаправленной аграрной политики государства, которое позиционировало себя как «общенародное государство», «государство трудящихся», а на деле закрепощало и эксплуатировало этих «трудящихся», пренебрегая их интересами. Голод стал очередным доказательством глубочайшей пропасти между декларациями И.В. Сталина и его приспешников о построении справедливого «социалистического» общества и политической практикой сталинского режима, основанной на нетерпимости к инакомыслию и презрении к нуждам рядовых советских граждан. Именно осознание несправедливости действий властей в 1932 – 1933 гг., обида за обманутых советских крестьян заставляют российское общество и сегодня остро рефлексировать по поводу голодомора.

Остроту переживаний усиливает то обстоятельство, что в постсоветский период тема голода усиленно раскручивается нечистоплотными политиками, пытающимися путем спекуляций на народной трагедии сколотить себе политический капитал. Можно сказать, что в настоящее время голод 1932 – 1933 гг. является трагедией вдвойне, ибо дельцы от политики, привлекая общественное внимание к страданиям погибших крестьян, стремятся не предотвратить возможность повторения подобных событий, но спровоцировать внутри- и межнациональные конфликты.

Политические спекуляции на теме голода 1932 – 1933 гг. повышают ее научную актуальность, заставляя исследователей с еще большей тщательностью и объективностью анализировать прошедшие трагические события. Ведь бороться с фальсификацией истории можно лишь путем накопления новых знаний о тех или иных исторических проблемах, только путем заполнения лакун в наших представлениях о минувшей реальности. Говоря об исследовании проблемы голодомора, следует отметить, что одним из направлений работы выступает анализ историографии, имеющий целью установить недостаточно освещенные аспекты данной проблемы и, соответственно, определить круг задач, приоритетных для ученых. В равной мере необходимо осуществить анализ как общероссийской, так и региональной историографии, в рамках которой рассматривались особенности хлебозаготовок и голода в тех или иных областях и краях СССР, в том числе – на Дону, Кубани и Ставрополье, объединявшихся в рассматриваемый период в границах Северо-Кавказского края.

После того, как на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в январе 1933 г. И.В. Сталин заявил, что «только заклятые враги Советской власти» могут сомневаться в улучшении материального положения рабочих и крестьян [1], тема голода оказалась закрытой для советских ученых прочно и надолго. Иностранцев ученых, естественно, эти запреты не касались, так что первые работы о голоде 1932 – 1933 гг. появились не в СССР, а за рубежом (из множества исследований можно, например, указать монографию Р. Конквеста «Жатва скорби», получившую широкую известность в России на рубеже 1980-х – 1990-х гг.). Отечественные же специалисты получили возможность вплотную заняться проблемой голодомора лишь в постсоветский период, когда был рассекречен массив архивных документов и устранены политико-идеологические ограничения, ранее существеннейшим образом стеснявшие свободу научного поиска.

В 1990-х – начале 2000-х гг. в России появилось значительное количество работ по проблемам сталинской аграрной политики и голода 1932 – 1933 гг. как закономерного результата этой политики, среди которых отдельного упоминания заслуживают исследования таких авторитетных специалистов в области крестьяноведения, как В.П. Данилов, И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, В.В. Кондрашин [2]. На сегодняшний день последней обстоятельной работой по проблеме

голода 1932 – 1933 гг. является монография В.В. Кондрашина. В ней осуществлен детальный анализ причин этого народного бедствия (погодных условий 1932 г., состояния колхозного производства, характера проведения хлебозаготовок, и пр.), положения голодавшей деревни и настроений крестьян, проведен сравнительный анализ голодовок, поражавших Советскую Россию в 1921 г., в первой трети 1930-х гг. и в 1946 – 1947 гг. Думается, одним из несомненных достоинств данной работы является сравнение голода 1932 – 1933 гг. с наиболее известными голодовками мировой истории, проведенное В.В. Кондрашиным с целью выявления общих черт и особенностей трагедии советского крестьянства [3].

Поскольку Северо-Кавказский край входил в числе регионов СССР, в первой трети 1930-х гг. в наибольшей степени пораженных «продовольственными затруднениями», материалы Дона, Кубани и Ставрополя составляют заметную часть источниковой базы практически всех исследований, в которых проблема голода рассматривается в общесоюзном (общероссийском) масштабе. Однако в сообществе историков Юга России эти материалы, так сказать, не пользуются спросом. В отличие от общероссийской историографии Великого голода, на Дону, Кубани и Ставрополье сложилась, по справедливому замечанию В.В. Кондрашина, «совсем иная ситуация» [4].

Сосредоточив внимание на южнороссийской региональной историографии, приходится признать, что тема «продовольственных затруднений» 1930-х гг. и, в частности, Великого голода 1932 – 1933 гг., отражена в ней далеко не в той мере, как в историографии общероссийской. На сегодняшний день практически единственной специальной работой, где проведен обстоятельный и взвешенный анализ трагических событий 1932 – 1933 гг. в Северо-Кавказском крае, является вышедшая еще в 1991 г. монография видного донского историка-аграрника Е.Н. Осколкова [5], изданию которой предшествовал развернутый доклад ее автора на представительном научном собрании в Москве в конце 1980-х гг. [6]. Как доклад, так и монография были основаны преимущественно на ранее засекреченных материалах политотделов МТС Северо-Кавказского края, хранящихся в Центре документации новейшей истории Ростовской области (бывший партархив Ростовской области, ф. 166), в выявлении которых Е.Н. Осколкову активную помощь оказала старший научный сотрудник архива Н.Я. Емельяненко. В

отчетах, сводках, докладах и спецсообщениях политотделов МТС, которые по роду своей деятельности контролировали все стороны колхозного производства, содержится огромный массив информации о положении на селе в 1933 – 1934 гг. (то есть в период функционирования политотделов), в том числе и о «продовольственных затруднениях». Использование этих материалов позволило Е.Н. Осколкову осветить драматичный процесс реализации хлебозаготовительных планов в 1932 г. (справедливо охарактеризованный им как «бесчинства заготовителей» [7]) и показать разрушительное воздействие голода на аграрное производство Северо-Кавказского края.

На протяжении последующих лет положения и выводы Е.Н. Осколкова были подтверждены и развиты в ряде работ других южнороссийских исследователей [8]. Но специальной работы о голоде 1932 – 1933 гг., равноценной монографии Е.Н. Осколкова, на Юге России более не появилось. Между тем, хотя указанная монография несколько не утратила своего значения, в настоящее время ощущается потребность в дальнейшем освещении проблемы Великого голода в южнороссийских регионах. Необходимость дальнейшего анализа данной проблемы, помимо прочего, определяется и политическими мотивами, о которых мы уже говорили выше.

Анализ южнороссийской историографии коллективизации и, в частности, голода 1932 – 1933 гг., позволяет выделить ряд направлений дальнейшей работы. Прежде всего, в результате изыскания и введения в научный оборот новых источников (архивных документов, материалов прессы, и пр.) возникает необходимость корректировки ряда устоявшихся суждений и выводов. Так, Е.Н. Осколков утверждал, что в преддверии весенней посевной кампании 1933 г. в Северо-Кавказском крае единоличным хозяйствам семенная помощь «не оказывалась вообще» [9]. Но материалы Северо-Кавказского краевого земельного управления, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области (ф. 1390), позволяют говорить, что единоличникам была выделена семенная ссуда, хотя и в мизерных размерах: 7,9 тыс. центнеров проса (данные по 34 районам края), 5 тыс. центнеров подсолнечника (27 районов), 4 550 центнеров кукурузы (24 района), 12,3 тыс. центнеров ячменя (12 районов). Пшеница индивидуальному сектору не выделялась, ее получали только

колхозы [10]. Другое дело, что пока нет ответа на вопрос о том, получили ли единоличники эту ссуду в свои хозяйства, не была ли она использована местным руководством на нужды колхозов.

Говоря о перспективных направлениях научного анализа голода 1932 – 1933 гг. на Юге России, можно выделить, на наш взгляд, несколько таких направлений. Назовем и охарактеризуем наиболее значимые среди них.

В первую очередь, как представляется, необходимо осуществить детальный анализ основных факторов как голода 1932 – 1933 гг., так и в целом «продовольственных затруднений» третьего десятилетия XX в., к числу которых относятся особенности налогово-заготовительной политики сталинского режима, погодно-климатические условия 1932 г., состояние агротехники в коллективных хозяйствах, трудовая активность колхозников, и т.д. В частности, воссоздание полномасштабной климатологической картины погодных условий 1932 г. (желательно дифференцированной по всем районам Северо-Кавказского края) позволит точнее представить степень ответственности сталинского режима за создание пагубной ситуации голода. Что касается вопроса об агротехнике в колхозах 1930-х гг., то он относится к числу неисследованных, и монография В.А. Бондарева, в которой данный вопрос впервые (в рамках южнороссийской историографии) был освещен, – лишь первый шаг на этом пути [11]. Между тем агротехника (как и другие, сугубо «технические», аспекты колхозного производства, – уровень механизации, мелиорации, и пр.) существенно влияла на урожайность, а соответственно на объемы сельхозпроизводства.

Чрезвычайно интересным представляется вопрос о влиянии крестьянской психологии на возникновение «продовольственных затруднений». Источники позволяют утверждать, что пассивное участие колхозников в производстве, отрицательно сказывавшееся на урожайности и размерах валового продукта, порождалось не только узаконенным грабежом колхозов, но и характерной для земледельческих сообществ «моральной экономикой»; в частности, присущей земледельцам «этикой компенсации трудоусилий» [12]. По правилам «моральной экономики», работать следовало умеренно, напрягая усилия на относительно короткие промежутки времени, а в области потребления довольствоваться малым,

сокращая потребности в случае ухудшения снабжения [13]. В итоге колхозники нередко не стремились вырабатывать трудодни сверх определенного ими самими для себя минимума. Так, в 1934 г. в одной из политотдельских газет Азово-Черноморского утверждалось: «уже сейчас среди отсталой части колхозников имеются настроения, «что есть у меня 120 трудодней и довольно», «когда в прошлом году прожили на 2-х килограммах [на трудодень], и теперь проживем, нечего тираниться» [14]. Впрочем, понятно, что традиционная трудовая этика была усилена колхозной бесхозяйственностью, когда ни администрация, ни рядовые колхозники не заботились об социально-экономическом состоянии колхоза.

Немаловажной представляется задача определиться со степенью соответствия действительности официальных утверждений о том, что картины голода зачастую представляли собой «кулацкие» симуляции, что «кулаки» искусственно драматизировали ситуацию, саботируя выполнение планов хлебозаготовок. В источниках нередко встречаются разоблачительные утверждения властей, что «кулаки» хранили в ямах десятки пудов зерна, в том время как их семьи умирали от голода. В целом ряде случаев подобного рода утверждения не имели ничего общего с действительностью; однако нельзя утверждать, что буквально все они представляют собой выдумки официальных лиц, пытавшихся таким образом свалить вину за голод на «кулаков» и «контрреволюционеров». В этой связи возникает вопрос: чем, в каждом конкретном случае, объяснялось стремление крестьян сохранить спрятанное зерно в неприкосновенности, даже под угрозой голодной гибели семьи? Простой невозможностью использовать спрятанные запасы из-за опасения, что это станет известно соседям, властям или сельским активистам (и тогда отберут последнее)? Извечным стремлением хлебороба сохранить хоть небольшое количество семян для посева? Или же, действительно, иногда имела место сознательная драматизация ситуации (хотя невозможно даже помыслить о том, что подобного рода драматизация могла иметь сколь-нибудь широкие масштабы)? Для ответа на эти вопросы требуется дальнейшая упорная работа с источниками и осмысление событий 1932 – 1933 гг. с учетом особенностей крестьянской психологии.

Перспективным для ученых Юга России представляется направление, указанное В.В. Кондрашиным, – сравнительный анализ голодовок 1921 г., 1932 – 1933 гг., 1946 – 1947 гг. Это позволит с большей четкостью представить особенности аграрной политики сталинского режима и, соответственно, степень ответственности И.В. Сталина и его окружения за гибель миллионов земледельцев во время коллективизации.

Наконец, по нашему мнению, освещать проблему голода 1932 – 1933 гг. в Северо-Кавказском крае необходимо в комплексе с другими, связанными с ней, проблемами, такими, как уже упомянутое состояние агротехники (и вообще организационно-хозяйственное состояние колхозов), депортация жителей «чернодосочных» станиц, заселение этих станиц демобилизованными красноармейцами, функционирование красноармейско-переселенческих колхозов, и т.д. В частности, нуждается в рассмотрении сюжет о заселении и обустройстве в «чернодосочных» станицах красноармейцев-переселенцев, которые партийно-советским руководством рассматривались как наиболее желательная замена депортированных крестьян и казаков, объявленных «саботажниками» и «кулацкими подпевалами», «подкулачниками».

Надо сказать, что тема депортации населения «чернодосочных» станиц и переселения сюда красноармейцев не являлась полностью закрытой для исследователей в советский период. Так, в вышедшей в 1967 г. коллективной монографии «Кубанские станицы» прямо говорилось об изменении состава жителей ряда станиц в начале 1930-х гг. из-за «перегибов», допущенных во время «слома кулацкого саботажа хлебозаготовок» [15]. О переселении демобилизованных красноармейцев в «чернодосочные» станицы писал в своей кандидатской диссертации, защищенной в 1981 г., И.Л. Залесский [16]. В постсоветский период депортация жителей «чернодосочных» станиц и переселение на их место демобилизованных красноармейцев неоднократно рассматривалась южнороссийскими исследователями, а наиболее подробно эти вопросы освещались Е.Н. Осколковым и Н.С. Тарховой [18]. Однако до сих пор данные сюжеты еще не рассматривались комплексно и с учетом всей сложности, противоречивости и неоднозначности эпохи «великого перелома». Например, практически неисследованными остаются

вопросы взаимоотношений (нередко враждебных) красноармейцев-переселенцев и кубанских казаков, хотя в тех же отчетах политотделов МТС на эту тему содержится немало информации.

Таким образом, можно заключить, что в южнороссийской региональной историографии проблема голода 1932 – 1933 гг. в Северо-Кавказском крае исследована пока довольно фрагментарно, а специальных исследований по данной проблеме не существует, за исключением работы Е.Н. Осколкова. Между тем, практически неисчерпаемый потенциал региональных архивных хранилищ, доступные сегодня коллекции архивных документов (методика поисковой работы с которыми требует весьма кропотливого труда) и непрерывное совершенствование исторического теоретико-методологического инструментария дают исторической науке новые надежды. Эти важнейшие условия предоставляют исследователям-историкам возможность для эффективной работы по расширению наших исторических знаний и нынешних представлений о поистине неизгладимой в народной памяти трагедии, какой был Великий голод 1932 – 1933 гг.

Примечания

1. Сталин И.В. Итоги первой пятилетки. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 7 января 1933 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1952. С. 200.
2. См., например: Данилов В., Ильин А., Тепцов Н. Коллективизация: как это было // Урок дает история. М., 1989. С. 138 – 182; Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928 – 1935. М., 1993; Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930 – 1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006; Ивницкий Н.А. Голод 1932 – 1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 333 – 363; Кондрашин В.В., Пеннер Д. Голод: 1932 – 1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара – Пенза, 2002.
3. Кондрашин В.В. Голод 1932 – 1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 6.
4. Там же, С. 32.
5. Осколков Е.Н. Голод 1932 / 1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д., 1991.

6. Доклад Е.Н. Осколкова о голоде 1932 – 1933 гг. за «круглым столом» на тему «Коллективизация: истоки, сущность, последствия» // История СССР. 1989. № 3. С. 47 – 51.
7. Осколков Е.Н. Голод 1932 / 1933... С. 66.
8. См., например: Алексеев И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе. Краснодар, 1993; Его же: Наказание голодом // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 33 – 36; Криводед В.В. История села Львовского на Кубани. Краснодар, 2002. С. 62 – 63; Чернопицкий П.Г. Голод 1932 / 1933 гг. на Кубани // Родная Кубань. 2002. № 3. С. 26 – 32.
9. Осколков Е.Н. Голод 1932 / 1933... С. 78.
10. Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. р-1390, оп. 7, д. 1647, л. 1 – 11об.
11. Бондарев В.А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополя в конце 20-х – 30-х годах XX века. Ростов /Д., 2006.
12. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. Из выступления Ф.Б. Белелюбского // Отечественная история. 1995. № 4. С. 27.
13. Скотт Д.С. Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии. Нью-Хевн; Лондон, 1976 (Реферат) // Отечественная история. 1992. № 5. С. 8; Сиви Р.И. Голод в крестьянских обществах. Гринвуд пресс, 1986 (Реферат) // Отечественная история. 1995. № 4. С. 9; Миронов Б.Н. Отношение к труду в дореволюционной России // Социс. 2001. № 10. С. 106.
14. ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 467, л. 116.
15. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / Отв. ред. К.В. Чистов. М., 1967. С. 29.
16. Залесский И.Л. Коммунистическая партия – организатор помощи Красной Армии трудящемуся крестьянству в социалистическом преобразовании сельского хозяйства в 1927 – 1932 годах. (На материалах Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа). Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1981.
18. Осколков Е.Н. Голод 1932 / 1933. С. 56; Его же: Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1 – 2. С. 3 – 23; Тархова Н.С. Участие Красной Армии в заселении станицы Полтавской зимой 1932 / 1933 г. (по материалам РГВА) // Голос минувшего. 1997. № 1. С. 38 – 42; Ее же: Армия и крестьянство: Красная Армия и коллективизация советской деревни. 1928 – 1933 гг. М.: СПб., 2006; Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 113; Кокунько Г.В. «Черные доски» // Кубанский сборник. Т. 1. 2006. С. 210 – 224.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УСТНОЙ ИСТОРИИ ГОЛОДА 1932–1933 Г. НА КУБАНИ

После появления в 1989 г. программной статьи симферопольского историка Д.П. Урсу о методологических проблемах устной истории в нашей стране [1], ситуация в этом направлении мало изменилась. Издаются на русском языке зарубежные классики устной истории [2], проводятся конференции, выходят книги и статьи [3], действует Европейский университет в Санкт-Петербурге, творческое содружество баранульских историков, специальная секция «Голоса прошлого в устных источниках» в составе ежегодных челябинских форумов, посвящённых изучению памяти, однако методологическое обеспечение устноисторических исследований в большинстве своём остаётся на уровне компилятивных деклараций. К примеру, опубликованная в 2006 г. в ведущем историческом журнале страны статья И.Б. Орлова в целом повторяет положения 20-летней давности, сформулированные Д.П. Урсу, и лишь несколько разбавлена некоторыми отечественными и зарубежными фамилиями. Причём предложенное нами в 1997 г. в качестве рабочей гипотезы деление устной истории на архаичный и меморатный пласты [4], впоследствии отвергнутое по причине углубления задач исследования [5], использовано И.Б. Орловым как его авторская классификация [6]. Собственно методологические работы по устной истории можно перечислить по пальцам [7] и посвящены они в своём большинстве устной истории как методу исследования.

Актуальность методологического обеспечения диктуется и современными политическими спекуляциями устной истории. В частности, Роберт Конквест использовал в качестве «свидетельств» о масштабах голода на Украине материалы уголовного Роберта Грига, нога которого вообще не ступала на территорию Украины. Суть «научного» метода Конквеста по его собственному выражению такова: «Правда может быть установлена исключительно в форме молвы. Самый лучший, хотя и безупречный источник – слухи». Джеймс Мейс, которому приписывают изобретение термина «голодомор», сам записывал,

обрабатывал и публиковал свидетельства о голоде на Украине. Эти устные материалы стали официальным документом конгресса США, однако специалисты, исследуя эту информацию, обнаружили, что 80% свидетельств проходят с отметкой «Анонімна жінка», «Анонімне подружжє», «Анонімний чоловік», «Марія №» и т.д. Остальные устные документы представляют интервью с представителями украинской диаспоры, ранее сотрудничавшими с нацистами [8].

В статье предпринята попытка обозначить методологический инструментарий для изучения проблемы устной истории голода на Кубани в 1932–1933 г. При этом необходимо отметить, что речь должна идти не только о прикладном методе устной истории. Методологическое обеспечение должно носить системный характер, охватывая все сферы применения понятия «устная история». Наиболее удачную классификацию его содержания дала зав. лабораторией «Устная история» РГГУ Дарья Николаевна Хубова. Она локализует понятие «устная история» следующим образом: 1) исторический материал, транслируемые устно знания и наследие, т.е. объект изучения; 2) направленный на него метод исторического исследования (интервью, как инициативное документирование элементов устной культуры; процесс формирования знания, передающегося «из уст в уста»); 3) результат этого метода – созданный исторический источник, источник устного происхождения; 4) научная дисциплина с суммой реквизита и понятийного аппарата [9]. Рассмотрим методологический инструментарий этих локусов.

1) Устная история как объект исторического наследия лучше всего поддается исследовательской структуре моделирования. Смысл построения модели состоит в том, чтобы с её помощью углубить изучение свойств, функций и развитие объектов моделирования [10]. Моделирование предполагает выделение наиболее значимых параметров народных знаний о голоде на Кубани 1932–1933 г. Такими параметрами будут служить структура системы народных исторических представлений, её функции и среда (пространственно-временные характеристики), в которой она функционирует. При моделировании необходимо выделить такие элементы структуры народной истории, как устная традиция, свидетельства очевидцев и интраистория.

Локализация устной традиции предполагает такую форму вербального поведения, при которой речевой фрагмент выделяется из повседневного словесного континуума, воспринимается и воспроизводится в известной целостности [11]. Это, прежде всего, семейный исторический нарратив, базирующийся на сюжетно-тематических основаниях, в меньшей степени – песенный жанр и малые формы фольклора. Так, рассказ Якова Васильевича Бельинко из станицы Старовеличковской, зафиксированный нами в 2000 г. по своей тенденции к фольклоризации явно тяготеет к топонимическому преданию. Каганович, устроивший голод на Кубани, проезжал по железной дороге и увидел название станицы – Поповическая, рассердился и приказал переименовать её в Калининскую [12]. Между тем, известно, что своё нынешнее название станица Калининская получила в 1957 г. в связи с переименованием района, центром которого она являлась [13].

Отдельного изучения заслуживает небольшой, но весьма содержательный корпус так называемых «запрещённых» песен [14], а также отражение эпохи в бытующих и сегодня пословицах и поговорках [15].

Воспоминания очевидцев голода вписываются в нарративные схемы и определяют бытование относительно стабильного сюжетного корпуса, репрезентирующего наиболее важные события. К числу повторяющихся у многих рассказчиков мотивов и ситуаций можно отнести, прежде всего, причины голода и политику властей (местных и центральных). Внутри этих устойчивых ситуаций выделяются темы о саботаже, насильственном характере хлебозаготовок, персоналиях (Сталин, Коганович, Шеболдаев, районное и колхозное начальство, состав комсодов и комиссий по хлебозаготовкам и др.). Здесь часто обозначен антиказачий характер проводимой политики, вырисовываются этнические стереотипы. Например, в рассказе Сергея Семёновича Дамницкого, 1917 г.р., из станицы Мингрельской: *«Я сижусь, крутю мэлничку, кукурузу, шоб мама каши сварыла. Председатель совета линейкой зезжа: «Ну, казачка, шо мэлешь?» – На матерь. Та: «Мы дитэй кормыть». – «А хайдохнуть, казачата!».* Мэлничка дэрэвяна була, а тут накована. Здоровый ростом, топор маты дала, вин поломаля на таки куски! *«Корми, – говорит, – своих казачат». Тоди козакив ны ставилы бригадирами, городовыкив. Кто зэмлю ны чув, нэ бачив,*

бригадирами поставили [...]. Красноармэйска станица. Там же що: забунтовалы козаки. Полтавська. Её окружалы по приказу, у нас на Кубань был послан, шо в Ростове действовал по указу Сталина – Каганович. Каганович послал войска, там русские войска, и приказал стрэлять. А вони нэ стрэляють. Солдаты. Солдатив всех отвилы, а на смени казахстанску дивизию, так они там далы [...]. То она и стала Красноармэйска. Пострилялы казахи. А русские отказались. Ну, их расформировалы тоди. Тут Каганович царствовал на Кубани. Это его работа» [16].

Илья Филатович Гордиенко, 1918 г.р. из ст. Старовеличковской: *«В тридцать трэтьем гаду специально, я бы сказал, було сделано, шоб уничтожить козакив. Комиссии тут создавалы, шукалы ямы, кто приспособляивал. Специально ходила комиссия: лениградци, московски булы, большинство были еврэи. Ходилы так по десять, по восемь человек [...]. Лазить на горище, раньше ж хозяева и сушку там держалы, сообщают всё, вот эти еврэи. Между еврэями и наши булы, активисты называлыся» [17].*

В этот же сюжетный корпус включены темы «забирания последнего», занесение станицы на «чёрную доску». Быбик Сергей Гордеевич, 1910 г.р., ст. Новодеревянковская: *«Чёрна доска была [...]. Зайшлы, пишлы везде по дворах, таки железни прутья, где яка печка, расширяют, ищут у кого шо е: хвасоля, горох, даже лук и той забиралы, семена у кого кабачки нашлы – забиралы, ну, в общем, если зайшлы, вот зараз по чердакам, де ямы, закоулки, всё проверять, раскидаютъ» [18].*

Верховых Яков Дмитриевич, ст. Воздвиженская: *«Уполномоченный представитель [...], уже допекли его: «Станица Воздвиженская обведена чёрной линией вокруг! Обведена чёрным кругом!» А я тогда не знал, что это за чёртов круг. И даже спросить кого, кто мне ответит на этот вопрос? И в Темиргоевской значит так. А это уже после войны выяснилось, что эти станицы подлежали уничтожению. Почему? Потому что коммунисты кричали во всю глотку: сопротивление советской власти!» [19].*

Самостоятельными темами выступают масштабы голода и вымирание станицы. Часто здесь локализация идёт по конкретным улицам, фамилиям, родственникам. С этим же связаны темы о коллективных захоронениях, отвоза на кладбище еще живых, но ослабевших и умирающих людей.

Следующая сюжетная линия – источники выживания. Они делятся на «обычные» и аномальные. Первые включают темы,

связанные с коровой, со сбором и использованием в пищу дикорастущих растений, вымыванием ячменя из конского навоза и т.п. Аномальные источники выживания – людоедство и трупоедство. Денисенко Марфа Никифоровна: *«У нас недавно женщина умэрла, шо людэй ила. Пархоменкова Надька. Вот она ловила дитэй. Пишов мальчик, батько ему: «Пиды в лавку, купи табаку». Она показала конфет, а хлопэць же ны знав, зашёл на горище. Десять дитэй заризалы, съилы, вот так було. А було так: ты шей хороший, а я уже умэрла, ты обрезаешь и варишь исты. А одна женщина рассказывала: была в Донбассе, и почула, шо тут така голодовка, шо цэ таке страшнэ, вона значит набрала крупы, там рыбки, того, сего, три мешка, поиду ж я, два брата осталось, их спасу. И тико заходе в хату, а воны на пэчи лижалы. Оны як глянулы: свижа, полна, оны як хищники на неё вытаращылыся, щас зарижут. Она як глянула, мешок той бросила. А сама – тикать. Утикла, где она там ховалася, а через скико врэмэни пришла – они помэрли, они открыли тий мешок, понаедалысь и все»* [20].

Михаил Фёдорович Перепелица, показывая нам свидетельство о смерти своего сводного брата, где была указана причина: «Съеден во время голода»*, говорил: *«Покажи свидетельство на Мишу. Зарезали и съели! Пошёл до бабушки на выгон, она их заманула, семь лет было. Зарезали и съели. Страшно! И главное, он не хотел идти! [...] Кириченко Михаил»* [21]. Гордиенко Илья Филатович: *«Уже весной станица наша – ни одной улицы не було, шоб можно було пройти. Позарасталы, потом началы уже некоторые люды людэй исты. Ловилы пацанив, ризалы, илы. Даже у нас там, Курганы называлыся, там тётка, её обнаружылы, шо она дитэй лове. Идутъ же дети в школу, она пиймает. А потом её хотилы забрать. Но она закрылась и спалылы хату. И она там сгорела, в тий хате»* [22].

Со стратегиями выживания связана тема «Станица разбегается», включающая сюжеты о спасении родственников от голода в адыгейских аулах, на Черноморском побережье и в Закавказье. Поскольку большинство наших информаторов пережили голод в детском возрасте, отдельной темой предстают

* Здесь и далее упоминаются случаи людоедства во время голода, это единичные случаи, но их античеловеческая (животная) сущность потрясла сознание людей «на всю жизнь»

судьбы детей в голодающей станице. Здесь варьируются мотивы пережитого страха, спасения, подробности безуспешных попыток узнать о судьбе братьев, сестёр и др., обстоятельства смерти, описание захоронений и т.д.

В структуру устной истории органично входит интраистория – знание, которое формируется под воздействием литературы, средств массовой информации, слухов и толков. В лексику кубанских станиц прочно вошло официальное слово «саботаж», хотя его значение в народном толковании далеко от его казённого содержания. Неофициальную, народную версию истории страны представляют слухи. Основанные на них знания полны искажений, но позволяют узнать как воспринимали голод его свидетели, что они думали и чувствовали. Не случайно Шейла Фицпатрик, автор книги «Сталинские крестьяне», относит слухи к стратегии сопротивления: «Власти это прекрасно понимали и тщательно отслеживали. Фиксация «разговоров и слухов» стала теперь истинным подарком для историков» [23]. В докладе Л.М. Кагановича на расширенном бюро Северо-кавказского крайкома ВКП(б) 23 ноября 1932 г. отмечались «слухи о скорой интервенции иностранной буржуазии, о неминуемом падении Советской власти, о неизбежном развале колхозов» [24].

Для метода моделирования необходимо также выявление функциональных свойств текстов о голоде, особенностей пространственно-временных представлений. Тема голода служила и служит важным фактором самоидентификации кубанского казачества, обоснованием своего права на место в истории, нередко – политической позицией. В песне казаков, воевавших в составе войск Вермахта, были такие слова: *«За поруганную церковь, / За расстрелянных отцов. / За погибших в тридцать третьем / Всех кубанцев и донцов. / За сожженный край родимый / За станицы, хутора / За детей и женщин слёзы / Отомстить пришла пора»* [25]. Память о голоде долго выступала в качестве протеста против официальной истории коллективизации. *«Мы не забыли и не забудем этого никогда»*, – говорил нам Я.Д. Верховых из ст. Воздвиженской [26].

На это направлен и хронотоп голода. «Тридцать трэтый год» – своеобразный идентификационный рубеж темпоральных представлений кубанского казачества, а пространство голода охватывает в народной памяти только казачьи земли – старательно

подчёркивается, что территории национальных автономий Северного Кавказа избежали этой трагедии.

2) Устная история как метод исторического исследования ведёт своё происхождение ещё от Геродота, однако классическое завершение этому направлению придал Бронислав Малиновский в начале XX века. Его метод включённого наблюдения, при котором собиратель, обладающий предшествующим знанием, ставит вопросы, направляющие его наблюдение, старается понять точку зрения и отношение к миру изучаемого общества, стал основой современных полевых исследований [27]. При изучении истории голода 1932–1933 г. на Кубани необходимо проявлять интерес и уважение к людям, понимание и сочувствие точке зрения свидетелей и очевидцев, даже если они придерживаются неприемлемых для вас взглядов, (или негативных, как мы видели выше, стереотипов), готовность тихо сидеть и слушать. Первый этап этой работы состоит в профессиональной подготовке исследователя, который не только должен изучить специальную литературу по истории той или иной станицы [28], но и методику и этику полевых исследований, пройти практику в качестве стажёра у опытного собирателя.

Для интервью о голоде, как и для всякого интервью, важно задавать правильные вопросы на понятном для человека языке. Необходимо составить и показать опытным полевым вопросам, хотя в ходе работы часто встаёт необходимость отойти от сценария. «Поскольку не информант, а вы несёте ответственность за стратегию проведения интервью, гораздо легче управлять процессом, если у вас уже имеется чёткое представление о том, как оно должно строиться, – писал Пол Томпсон, – тогда вопросы естественным образом будут вытекать один из другого и, даже если вы отвлечётесь от темы, вам легче будет вспомнить, что ещё вам необходимо выяснить» [29].

В практике полевых исследований можно целиком сосредоточиться на теме, как это делалось на Украине, или в 1990-х гг. на Кубани И.А. Варнавских и Д.Н. Хубовой [30]. 15-летний авторский опыт, полученный в такой фундаментальной школе полевых исследований, как ежегодная Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция под руководством профессора Н.И. Бондаря, свидетельствует больше в пользу системного биографического подхода, способного связать воедино все сферы жизни.

В методе включённого наблюдения важны все детали: место проведения интервью (лучше всего собственный дом или двор информатора), умение найти простые и искренние слова, чтобы убедить пожилого человека в важности исследования, качество записывающей техники, умение держаться в тени, поощряя рассказчика жестами и не навязывая собственных комментариев. Необходимо быть внимательным к чувствам людей переживших голод. Если человек нервничает, плачет, даёт односторонние ответы, устал или плохо чувствует себя – лучше перенести встречу. Что касается длительности разговора, то разумный максимум составляет час-полтора. Пожилой человек, увлечённый встречей с вами, может не осознать опасности переутомления. Но поднявшееся давление или боли в сердце заставят его пожалеть об этом после вашего ухода, и он может отказаться от продолжения разговора.

3) Подход к материалам устной истории как к историческому источнику связан с проблемами хранения, отбора и интерпретации полевых записей. В Научно-исследовательском центре традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор» каждая аудиокассета сопровождается описью, нумеруется, дублируется и расшифровывается. Сейчас ведётся работа по переводу кассетных записей в цифровую форму. Расшифровка отнимает много времени, требует знания диалектных особенностей. Полная расшифровка должна содержать все вопросы, сохранять в неизменности грамматику и порядок слов, использовать пунктуацию и орфографию для передачи особенностей речи информатора. Расшифрованные материалы поступают в архив учреждения и становятся историческим источником.

При исследовании голода 1932–1933 г. встаёт проблема достоверности устных источников. Особенность этого вида источников в том, что они часто доносят до нас информацию не столько о событиях голода, сколько о смысле этих событий. «Устные источники говорят нам не только о том, что люди делали, но и о том, что они хотели сделать, что – как они тогда полагали – они делали, и что они думают теперь о том, что они делали в прошлом», – писал А. Портелли [31]. То, во что верят информаторы, в такой же мере составляет исторический факт, как и реально случившееся событие. Память о голоде не является лишь пассивным хранилищем фактов, а представляет собой активный

процесс исторического осмысления мира. Поскольку устные источники часто современны не изучаемому событию, а самому исследованию, они пристрастны по своей природе. В 2005 г. я спрашивал старожилка ст. Ильинской Николая Павловича Попова, 1915 г.р.: почему начался голод? Он ответил: *«Это надо было коммунистам. Власти [...] надо было сделать голод. А как делать? Чтоб у народа не было ничего кушать. Хлеба не было. Поэтому, давайте так сделаем: хлебозаготовки, что есть у крестьянина, всё возьмём. Пройдём подворно, что есть в наличии, всё заберём, в любом хозяйстве. И население останется без хлеба [...]». Всё было рассчитано, раз отобрать у народа. Специально были созданы комсоды – молодые ребята, в основном – пьяницы, картёжники, им по несколько человек заходить в каждый двор, проверять амбары, всё, что есть, всё конфисковать, забрать. Вот вам транспорт, нагрузите, отправляйте, другого дожидайте. И пока улицы вы не кончите, дома не должны быть. [...] Шарит команда. Дедушка стоит возле стола, шубейку латает. Заходят два товарища, один выносит небольшую сумочку с мукой и говорит: «Гляди, негодяй, что схоронил – мука!». А там грамм пятьсот муки! Так что будем делать? Ну что – забирайте! А выходят два ребёнка. Дед: «Они же голодные, просят есть» И упал и кончился». При этом у информатора звучит вывод, в котором проявляются современная оценка ситуации, воображение, желание противодействия и другие отклонения от реальных фактов: *«Надо было брать оружие и сметать коммунистов с России. Обливается сегодня сердце кровью. Я свидетель, я видел. Снопами возили. Телегу загружают, отправляют на братскую могилу, в ямы складывали, одну заполняют, другую, шарабанами. Заходят. Бабушка лежит: «Я ещё живая, не забирайте». Нужно было оружие казакам брать, ни хрена б этого не было, никакой революции! Зачем это, убивать людей голодом? Это страшная смерть» [32].**

Поэтому не существует «недостовверных» устных источников. Конечно, должна проводиться проверка исторической достоверности источников устного происхождения, как и любых других источников согласно всем правилам исторического анализа. Но одна из особенностей устных источников заключается в том, что и те сообщения, которые кажутся профессиональным исследователям советского периода, привыкшим работать с

архивными документами, «недостовверными», требуют исторического объяснения. Ценность устных источников для историка заключается не столько в способности сохранить прошлое, сколько в усилиях автора осмыслить прошлое, придать своей жизни определённую форму, поместить свой рассказ в исторический контекст. Сергей Гордеевич Быбик из Новодеревянковской говорил нам: *«Шесть тысяч в яме лэжить, а скико по дворам? За станицей, туда свозили. Мий ридный брат второго года там, батько, вторая жена была – молодых двое: дочке четыре, а мальчику шесть лет – там, в общем возили туда семьями. Вымиралы семьями [...]. Я уже казал Григорию Сергеевичу, атаману: надо добываться любыми путями, шоб сделать сходку, станичный сход. Я там бы первый внёс предложение: обратиться к народу, собрать деньги, кто сколько может дать, нанять людэй, отрыть ту яму. Отрыть ту яму и позвать нацу молодёжь, хай подывляться, як им там? Те люди, которые добывались светлого будущего. Так вот, посмотрите, як им лыжаты там? А там лыжаты вот так, кто як. Як дрова»* [33].

Искажение в устный источник приносит и личность собирателя. Информаторы • рассказывают о том, что, как они полагают, от них хотят услышать [34]. Часто ценная информация может заключаться не в том, о чём информатор говорит, а в том, о чём он умалчивает, говорит неохотно или не договаривает.

4) Методологическое обоснование устной истории как научной дисциплины со своим инструментарием и категориально-понятийным аппаратом должно включать все рассмотренные выше действия: моделирование народных исторических знаний, методы их фиксирования, хранения, обработки и интерпретации. При этом вполне востребован опыт, накопленный отечественной и зарубежной исторической антропологией: характеристика категорий исторического явления, картины мира, стереотипов и ментальностей. Опыт «Новой исторической науки» во Франции, например, давно апробирован такой аспект исследований, как коллективное чувство страха голодной смерти [35].

Востребованы и методы полевой этнографии, социологии, и собственно исторической науки. Большое значение для исследования голода 1932–1933 г. устной историей как научной дисциплиной имеют такие специальные методы, как историко-сравнительный, историко-типологический, историко-

психологический анализ. Последний исходит из того, что без учёта личных психологических особенностей автора источника невозможно понять содержание самого источника [36]. Стратегии выживания во время голода на Кубани при таком подходе предстают важными критериями, по которым люди оценивают свою прошлую и настоящую жизнь, сравнивают их с другими в более широком контексте положения. Выявляя в рассказе Владимира Даниловича Проценко из ст. Чепегинской идею выживания, мы видим, что она стимулирует сами воспоминания о голоде: *«У тридцать третий год ходили пять-десять километров через полотно. Там совхоз сеял кукурузу и не убрал, а мыши, хомьяки понабывали сыби на зиму, готовьлысь. И ото туды пидэшь, накопиашь, найдёшь гнёзда. Миски две там, с ведро кукурузы принэсэшь и перэмэleshь, и варишь, питалось большинство». Или: «Возилы бедных людей страшенно. Було такички, что жинка привезла его (мужа. – О.М.), тачку выкинула, а он шей живой. А тут стоял амбар государственный, и там зерно сыпалося. Вин полиз туды, подкрыпывся трохи, и до дому пишол, и зараз живой, живэ в Ахтарях» [37].*

В рамках одной статьи можно лишь обозначить возможные направления методологического обеспечения вариантов устной истории. Анализ темы голода 1932–1933 г. на Кубани включает в себя воссоздание всего народного мировосприятия, той системы, в которую кубанцы организуют свою память об этой страшной трагедии. Задача историка – не только реконструировать содержание устной истории голода, но и понять смысл народной интерпретации тех потрясений, выявить контекст времени и наслонения последующего жизненного опыта.

Примечания

1. Урсу Д.П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории, 1989. М., 1989.
2. Хрестоматия по устной истории / Пер., составление, общ. Ред. М.В. Лоскутовой. СПб., 2003; Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М., 2003.
3. Бердинских В.А. Народ на войне. Киров, 1996; Его же. Крестьянская цивилизация. М., 2001; Кринко Е.Ф. Устная история, её проблемы и возможности // Вопросы теории и методологии истории. Майкоп, 2001.

- Вып. 3; Еремеева А.Н. Устная история в изучении историко-психологических особенностей советского научного сообщества // Психологические свойства современного исторического знания / Под ред. С.С. Минц. Краснодар, 2003; Хлынина Т.П. Устная история и её возможности в постижении этоса традиционной культуры // Итоги полевых фольклорно-этнографических исследований на Кубани: прошлое и современность / Под ред. Н.И. Бондаря и В.В. Воронина. Краснодар, 2005; Власкина Т.Ю. Гражданская война на Дону в устноисторической традиции // Мир Шолохова: История и культура. Ростов-на-Дону, 2005; Её же. К вопросу о воздействии тюремного и лагерного опыта на носителей традиционной культуры донских казаков // Человек на исторических поворотах XX века / Под ред. А.Н. Еремеевой, А.Ю. Рожкова. Краснодар, 2006 и др.
4. Матвеев О.В. Устная история кубанских казаков: к постановке проблемы // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Уфа, 1997; Его же. Архаичный пласт устной истории линейного казачества Кубани (по материалам фольклорно-этнографической экспедиций ЦНКК 1996–1997 г. в Тихорецкий, Отраденский и Курганинский районы Краснодарского края) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1996 год. Дикаревские чтения (3) / Под ред. М.В. Семенцова. Краснодар, 1997; Его же. Материалы устной истории в краеведческих исследованиях Кубани // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1998. №1; Его же. Меморатный пласт устной истории кубанского казачества // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1997 год. Дикаревские чтения (4) / Под ред. М.В. Семенцова. Краснодар, 1998 и др.).
5. Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2005.
6. Орлов И.Б. Устная история: генезис и перспективы развития // Отечественная история. 2006. № 2.
7. Легер А.В. Некоторые вопросы методологии устной истории // Проблемы устной истории в СССР. Киров, 1991; Бердинских В.А. Устная история как метод научного исследования российской провинции // <http://www.ialtai.ru> / [ustnaya-istoria-v-nauchnoj-ucyebnoj-rabote](http://www.ialtai.ru); Щеглова Т.К. Методологическое значение устной истории для изучения этнопсихологического портрета крестьянства: крестьянское общество и власть (по устным источникам 80-х–90-х гг.) // Там же. См. также статью Т.П. Хлыниной в этом сборнике.
8. Ткаченко Г.С. Миф о голодоморе – изобретение манипуляторов сознанием // Пресс-служба Леонида Грача. 2008-11-20.

9. Хубова Д.Н. Устная история. Verba volant...? Программа курса. М., 1997. С. 4.
10. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 361.
11. Разумова И.А. Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 184.
12. Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция 2000 г. Полевой дневник О.В. Матвеева. Ст. Старовеличковская.
13. Онищенко В.Я. Станица Калининская (Поповическая): 1808–2008. Изд. 2-е. Краснодар, 2008. С. 3.
14. См. в этом сборнике статью С.А. Жигановой.
15. Волкострел Т.М. Пословицы и поговорки Кубани (исторический и этнический аспекты) // Освоение Кубани казачеством: вопросы истории и культуры / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2002. С. 334.
16. Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 2000 года (ПМКФЭЭ-2000). Станица (ст.) Мингрельская Абинского района (р-на) Краснодарского края (кр.). Аудиокассета (А/к). №2185. Информатор (Инф.) Дамницкий Сергей Емельянович, 1917 г.р.
17. ПМ КФЭЭ - 2000. Ст. Старовеличковская Калининского р-на Краснодарского кр. А/К №2102. Инф. Гордиенко Илья Филатович, 1918 г.р.
18. ПМ КФЭЭ - 2001. Ст. Новодеревянковская Каневского р-на Краснодарского кр. А/К № 2424. Инф. Быбик Сергей Гордеевич, 1910 г.р.
19. ПМ КФЭЭ - 1997. Ст. Воздвиженская Курганинского р-на Краснодарского кр. А/К №1290. Инф. Верховых Яков Дмитриевич, 1918 г.р.
20. ПМ КФЭЭ - 2001. Ст. Новодеревянковская Каневского р-на Краснодарского кр. А/К № 2423. Инф. Денисенко Марфа Никифоровна, 1914 г.р.
21. ПМ КФЭЭ - 2003. Ст. Нижегородская Апшеронского р-на Краснодарского кр. А/К № 2936. Инф. Перепелица Михаил Фёдорович, 1924 г.р.
22. ПМ КФЭЭ - 2000. Ст. Старовеличковская Калининского р-на Краснодарского кр. А/К №2102. Инф. Гордиенко Илья Филатович, 1918 г.р.
23. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / Пер с англ. Л.Ю. Пантиной. М., 2001. С. 13.
24. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти т. / Т. 3. Конец 1930–1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2001. С. 553.
25. Донсков П. Дон, Кубань И Терек во Второй мировой войне // Трагедия казачества. М., 1994. С. 583.

26. ПМ КФЭЭ - 1997. Ст. Воздвиженская Курганинского р-на Краснодарского кр. А/К № 1291. Инф. Верховых Яков Дмитриевич, 1918 г.р.
27. Вульф К. Антропология: История, культура, философия / Пер с нем. Г. Хайдаровой. СПб., 2008. С. 73.
28. См. например: Бугай Н.Ф. Станица Старо-Титаровская: от Екатерины II до начала XXI века... М., 2007; Тернавский Н.А. Елизаветинская: история кубанской станицы. Краснодар, 2005; Из истории населённых пунктов Адыгеи. Вып. 1. Майкоп, 2004; Вып. 2. Майкоп, 2005; Вып. 3. Майкоп, 2006; Дейневич А.В. Станица Новодеревянковская // Кубанский сборник / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2007. Т. II; Павлоградская Л.Д. Степная ласточка // Там же; Дергунов Ф.С. История станицы Ладожской. Краснодар, 2000; Колесников В.А., Федосов П.С. Два века станицы Расшеватской (1801–2001). К 200-летию со дня основания. Ставрополь, 2001; Маслов А.В. Станица Новопокровская. К 170-летию со дня основания станицы. Ст. Новопокровская, 1997; Онищенко В.Я. Станица Калининская (Поповическая): 1808–2008 гг. Краснодар, 2008; Кистерев А.М. Станица Ильская. Краснодар, 1994 и др.
29. Томпсон П. Указ. соч. с. 231.
30. Варнавских И.А. Коллектиризация в памяти современников (результаты выборочного опроса жителей станицы Ленинградской (Уманской) Краснодарского края // Проблемы устной истории в СССР / Под ред. В.А. Бердинских. Киров, 1991. С. 44–53; Хубова Д.Н. Чёрные доски: *tabula rasa*. Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах // Голод 1932–1933 годов. М., 1995. С. 67–88.
31. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 40.
32. ПМ КФЭЭ - 2005. Ст. Ильинская Новопокровского р-на Краснодарского кр. А/К № 3273. Инф. Павлов Николай Павлович, 1915 г.р.
33. ПМ КФЭЭ - 2001. Ст. Новодеревянковская Каневского р-на Краснодарского кр. А/К № 2424. Инф. Быбик Сергей Гордеевич, 1910 г.р.
34. Портелли А. Указ. соч. С. 46.
35. Делюмо Ж. Ужасы на Западе / пер с фр. Я. Епифановой. М., 1994. С. 144.
36. Мининков Н.А. Методология истории. Ростов-на-Дону, 2004. С. 240.
37. ПМ КФЭЭ - 2002. Ст. Чепегинская Брюховецкого р-на Краснодарского кр. А/К № 2424. Инф. Прощенко Василий Данилович, 1914 г.р.

УСТНАЯ ИСТОРИЯ: МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ И МЕТОДОМ

Характерной приметой современной историографической практики становится вторжение в ее пространство разнообразных свидетельств времени, чье по большей своей части изустное происхождение еще несколько лет назад предавалось профессиональной анафеме. В сложившейся иерархии источникового обеспечения науки о прошлом жизненные истории и семейные предания занимали место, если и не граничащих с вымыслом «досужих рассказней», то, во всяком случае, «текстов сомнительных», отмеченных привкусом литературного вымысла. Длительное время, развиваясь под сенью позитивизма с его стремлением к объяснению прошлого посредством изучения и критики документальных источников, историческое знание исходило из иерархической значимости последних, степень ценности которых неизбежно снижалась из-за присущего им субъективизма. Именно по этой причине «дневники всегда ценились выше мемуаров..., а устные воспоминания не рассматривались вовсе – очевидно, как не являющиеся настоящими свидетельствами о прошлом» [1]. Историков не смущал ни факт их частого присутствия на страницах социологических исследований, где они воспринималась практиками созидания прожитой реальности, ни временная типичность находящихся в них отражения сюжетов, ни созвучность письменным нарративам «большой» истории. Обращение к подобного рода свидетельствам рассматривалось в лучшем случае в качестве иллюстрации судеб отдельных людей, память которых причудливым образом запечатлила отдельные вехи истории своей страны.

На сегодняшний день устная история – сформировавшееся и признанное направление исследовательского поиска, где воспоминания о пережитом, увиденном, да и просто некогда слышанном получают надежную дисциплинарную прописку. К ее показаниям прибегают не только исследователи, склонные к профессиональной рефлексии, но и так называемые историки-традиционалисты, длительное время культивировавшие «правду» извлеченных из архивных источников фактов. Зачастую, воспринимаясь в качестве альтернативной возможности

проникновения в мир прошлого, устная история с ее рассказами-воспоминаниями противопоставляется повествованию документа, постепенно утрачивающего монопольное право на воссоздание исторической реальности. При этом растущая популярность нового «голоса прошлого» оказывается не столько следствием его познавательных возможностей, сколько прогрессирующего разочарования в традиционных практиках историописания, провоцируемого интеллектуальным обаянием эпистемологических вызовов последнего времени.

Пройдя довольно тернистый и во многом непростой путь от узкого направления в рамках библиотечного и архивного дела до получившей широкое профессиональное признание междисциплинарной практики, устная история, тем не менее, все еще остается «вещью в себе», нуждающейся в прояснении целого ряда вопросов как теоретического, так и практического свойства. Начавшаяся институционализация сбора устных свидетельств, находящая отражения в создании разнообразных Центров устной истории и архивов устных воспоминаний, может рассматриваться в качестве одного из способов разрешения возникающих сомнений в легитимности получаемых таким образом данным. Так, проекты Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев», «Блокада Ленинграда в коллективной и индивидуальной памяти жителей города» (2001 – 2003 гг.) нагляднее, чем неоднократно декларируемые принципы «изустно исторического творчества», демонстрируют механизмы работы приверженцев данного направления. Их внимание сосредотачивается «не столько на реальных событиях рассматриваемой эпохи, сколько на отражении этих событий в сознании современников и их потомков» [2]. Отголоском международного проекта летних школ Европейского университета стало появление самостоятельного проекта «Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России», выполненного на материалах двух регионов – Краснодарского и Ставропольского краев. Результатом его реализации стало понимание того обстоятельства, что «память, несмотря на определенную неполноту, способна удерживать в сознании людей основные исторические события прошлого. В этой перспективе устные записи воспоминаний – исторический источник о социальной истории войны, повседневности в годы

войны, психологии и гендерной истории войны» [3]. Благодаря деятельности Центра устной истории Петрозаводского государственного университета, стали очевидными не столь однозначные стороны и последствия финской оккупации Карелии, получили право на профессиональное существование ранее не вполне серьезно оцениваемые сюжеты повседневной жизни различных категорий населения того времени [4].

Исследовательские притязания устной истории не ограничивается лишь событиями недавнего прошлого, ее экспансия распространяется и на более отдаленное время, связанное с отражением в коллективной и индивидуальной памяти народных традиций, этнического самосознания. Архивы полевых материалов диалектологических и этнолингвистических экспедиций кафедры общего и сравнительного языкознания факультета филологии и журналистики ЮФУ, Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНГУ «Кубанский казачий хор» стали солидным подспорьем для решения ряда задач в области изучения картины мира кубанского и донского казачества, воинской ментальности, трансформации обрядовых и культурных комплексов старожильческого и пришлого населения.

Как свидетельствует даже беглый и довольно поверхностный обзор возможностей устной истории как направления исследовательского поиска и полноправного исторического источника, они сводятся к трем основным ипостасям: дополнению данных архивных документов и, тем самым, расширению наших представлений о прошлом; выявлению особенностей человеческой памяти и определению ее «места» в потоке «большой» истории; поиску обновленной стратегии постижения исторической реальности и выработке принципиально иного типа нарративных практик. Сосредоточенность усилий устной истории преимущественно на временном интервале XX в. едва ли следует рассматривать в качестве ее дисциплинарной особенности. Тем не менее, именно наличие живых свидетелей воссоздаваемых событий прошлого придает устной истории большую уверенность и оправданность своему существованию в пространстве методологически неустойчивой и теоретически всеядной историографической ситуации рубежа столетий.

В жанровом отношении устная история представляет собою нечто средним между практикой социологического исследования, основанного на разнообразных методах интервью и беседы, и

исторического изучения прошлого, исходящего из признания реальности описываемых событий. При этом устная история не только заимствует аналитический инструментарий и теоретический багаж у близких ей предметных областей, но и привносит не свойственные им смысловые коннотации. На последнее обстоятельство внимания, как правило, обращается меньше, чем на поиски оснований причисления устной истории к науке как таковой. Вместе с тем, существуют не вполне очевидные обстоятельства дисциплинарного порядка, позволяющие отнести устную историю к самостоятельной области научного исследования. Речь, прежде всего, идет о ее теоретическом (1) и методическом (2) обеспечении.

(1) Несмотря на многочисленные и разнообразные заимствования в теоретическом отношении устная история более выражено тяготеет к *интерпретативной теории* и так называемой *теореме Томаса*. Свое широкое признание в исследовательской практике интерпретативная теория получила благодаря «плотному описанию» культуры К. Гирца, исходящему из признания того факта, что современная культура открыта человеку как множество конкурирующих между собою интерпретаций [5]. Интерпретация в данном случае выступает формой познания мира, особым механизмом корреляции сознания и действительности, нацеленным на поиск оптимального способа позиционирования личного или коллективного опыта. Интерпретативная теория, таким образом, мыслится в качестве «построения объяснения с учетом смыслов, приписываемых событиям их участниками» [6]. В ее пространстве устная история обретает так недостающую ей с точки зрения традиционного историописания опору на «конкретику исторических фактов», которая замещается значимостью воспроизводимых человеческой памятью событий. Степень градации этой значимости колеблется в зависимости от масштабности того или иного события, его местоположения в реестре национальной истории, уровня включенности очевидца и современника в орбиту ее влияния. Именно поэтому сторонники устной истории так ценят разнообразие личного опыта, а ее противники находят в нем бесспорное подтверждение непрочности такого рода свидетельств.

Американский социолог Уильям Айзек Томас сформулировал теорему, согласно которой «если ситуация мыслится как реальная, то она реальна по своим последствиям» [7]. Оценивая ее

возможности для понимания принципов функционирования общества, другой не менее известный американский социолог Р. Мертон, отмечал: «И хотя ей недостает охвата и точности ньютоновской теоремы, она остается не менее значимой вследствие своей применимости ко многим, если не к большинству, социальных процессов... Первая часть теоремы непрестанно напоминает о том, что люди реагируют не только на объективные особенности ситуации, но также – и иногда преимущественно – на значение, которое эта ситуация имеет для них. И когда они придают некое значение ситуации, их последующее поведение и некоторые последствия этого поведения определяются этим приписанным значением» [8]. Согласно теореме Томаса, вымысла в воспоминаниях о прошлом не существует по определению: размытость внешних контуров воспроизводимого памятью события не имеет для ее носителя определяющего значения. Реальность, давно замещенная значимостью, переориентировала ретроспективу когда-то произошедшего события на его онтологическую ценность в жизни конкретного человека. Он восстанавливает не его детали, к которым так настойчиво стремится исследователь, пытаясь запечатлеть полноту и непредсказуемость отдельного случая, а передает гамму ощущений и эмоций им вызванных.

(2) Историки, занимающиеся сбором устных воспоминаний, в большинстве своем исходят из того обстоятельства, что «в процессе беседы, слушая воспоминания ..., исследователь, ведущий опрос, имеет реальную возможность спросить свой “источник“, проверить уже в процессе интервью свою гипотезу по тому или иному моменту рассказа. Этап “повторного интервью” (С. Квале) позволяет расширить знания о человеке и событиях, с ним связанных» [9]. При этом изначально задается ситуация, при которой источнику отводится второстепенная, дополняющая позиция, способствующая прояснению либо расширению уже известных сведений. Исследователь, ангажированный общим знанием того, о чем он собирается спрашивать, «как бы» снижает самостоятельную ценность индивидуального воспоминания, пытаясь придать ему внешние признаки достоверности. Отсюда и стремление устных историков к максимальной детализации рассказа, к нацеливанию собеседника на припоминание бытовых подробностей излагаемого им события, а также соотнесение его с течением прошедшего времени.

Зачастую такие настойчивые просьбы со стороны слушателя сопровождаются эффектом аберрации памяти рассказчика. Под воздействием возрастающего интереса интервьюера к его личной судьбе происходит «присвоение» не принадлежащего повествователю опыта, в пространстве которого рассказчик переключается с собственно процесса припоминания на достижение повествовательной идентичности. Социологи, неоднократно обращавшие внимание на особенности речевого поведения опрашиваемых, в данной связи подчеркивают: «Рассказы информантов – это не просто отчеты о том, что произошло. Например, если матери конструируют свои нарративы так, что показывают в них себя в качестве единственного источника заботы о ребенке, то они хотят, чтобы другие воспринимали их именно таким образом. Однако, речь не только о самопрезентации, самоописании субъекта. Нарратив является частью жизни человека, которая конструируется в процессе рассказывания о себе. Получается, что в ситуации рассказывания человек создает свою идентичность» [10].

Работа с нарративами (текстами бесед, интервью) имеет давние традиции и вполне устоявшиеся технологии получения и обработки данных. Тем не менее, их выбор историком и предопределенность этого выбора обуславливается «отношением к нарративам – как источнику более или менее истинной (и ценной) информации, к отражению реальности или же как к реальности как таковой. Некоторые исследователи считают, что респондентам свойственно лгать, приукрашивать историю, чтобы быть более убедительными, привносить в нее свои интересы и ценности. Другие полагают, что рассказ заслуживает внимания сам по себе, как окошко в жизненный мир другого человека с его уникальным опытом и переживаниями» [11]. Решение в пользу выбора того или иного метода принимается исследователем под воздействием факторов самого разнообразного порядка – от его общепрофессиональной подготовки и масштабов стоящей перед ним задачи до случайного стечения обстоятельств в жизни потенциального информанта. Однако вне зависимости от принятого решения метод воспринимается как способ извлечения из повествования реального события либо связанных с ним происшествий. Увлекаясь собственными интересами, исследователь нередко забывает об интересах собеседника, менее всего склонного к удовлетворению профессионального любопытства противоположной стороны.

Нарратив, создаваемый рассказчиком, условно распадается на три части, «состояние – событие – состояние», каждая из которых по своим интенциональным возможностям и предназначению различна, как для самого повествователя, так и для его слушателя. В то время как слушатель заинтересован в более подробном описании средней и с его точки зрения более активной части повествования, рассказчик сосредотачивает свои усилия на «входе» и «выходе» из события. В результате несовпадения первоначальных намерений исследователя и информанта многие нарративы отбраковываются, так и не приобретя статуса источника. Те же из них, что попадают на страницы исследовательских сочинений, в большинстве своем утрачивают очарование избранности, встраиваясь в общий поток «большой» истории, конкретизируя, тем самым, его основные направления и редкие ответвления.

В своем стремлении к полноправному существованию в пространстве разнообразных практик постижения прошлого, устная история добилась практически невозможного. Возведя в ранг источника «голоса из прошлого», она фактически разрушила длительное время культивируемую границу между историей-событием (*res gestae*) и историей-рассказом (*historia rerum gestarum*). Однако, будучи, прежде всего, наукой, а уж затем «выразительницей чужих мнений» (П. Томсон), устная история оказалась неспособной к последующему созиданию. Оказавшись на территории памяти, она подобно библейской ослице не знает, какому стогу отдать предпочтение: событию как таковому или все же его оценке. Но в любом случае, как бы не разрешилась в дальнейшем создавшаяся ситуация, устная история продемонстрировала главное – нерасторжимость в исследовании прошлого теории и метода, их взаимосвязь и предопределенность.

Примечания

1. Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования. М., 2006. С. 9.
2. Там же. С.7.

3. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: Материалы и исследования. СПб., 2008. С. 14 – 15.
4. Устная история в Карелии: сб. научных статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941 – 1944). Петрозаводск, 2007.
5. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Самосознание мировой культуры. СПб., 1999. С.279 – 280.
6. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследования в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза. Саратов, 2004. С.75.
7. Теорема Томаса. [Электронный ресурс]. Режим доступа http://msk.treko.ru/show_dict_1146.
8. Мертон Р. Самоисполняющееся пророчество. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://socioline.ru/node/828>.
9. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России: Материалы и исследования. С.18 – 19.
10. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследования в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза. С.93 – 94.
11. Там же. С.11.

Е.Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону)

УСТНАЯ ИСТОРИЯ В РОССИИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА*

Устная история относится к числу молодых, но чрезвычайно быстро развивающихся исследовательских направлений в отечественной науке. В то же время ее истоки уходят далеко в прошлое: мифы и легенды предшествовали письменной истории, являясь первоначальной формой сохранения и передачи исторических знаний. Даже с появлением письменности былины, песни, фольклорные произведения и другие устные источники оставались важными свидетельствами прошлого, к ним неоднократно обращались и многие отечественные историки и

* Статья подготовлена в рамках проекта «Историческое знание и его возможности в обеспечении устойчивого развития южного макрорегиона» Подпрограммы фундаментальных исследований «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» .

писатели. Но в XIX в. интерес историков к устным преданиям постепенно угас, чему в немалой степени способствовало появление позитивистской историографии с ее культом факта и письменного документа, представители которой воспринимали данные источники как неправдоподобные.

Тем не менее, в начале XX в. в России были сделаны серьезные шаги вперед в деле организации записей устных источников. Сбором устных свидетельств активно занимались краеведы, представители различных политических партий и общественных организаций. После революции 1917 г. запись устных источников получила государственную поддержку, что было связано с возложенными на нее пропагандистскими задачами. По инициативе В.И. Ленина был создан отдел граммофонной пропаганды, записывавший речи советских руководителей на грампластинки. В 1918 г. возник Институт живой речи, в котором профессор С.И. Бернштейн возглавил Кабинет изучения художественной речи. За 10 лет работы фонетической лаборатории она записала более 500 выступлений, организовала экспедиции для записей рассказов северных сказительниц. Коллекция кабинета составила 662 фонограммы, прежде всего, выступлений поэтов и писателей с собственными произведениями, а также актеров Малого и других театров, 50 граммофонных пластинок.

В 1920-х гг. устные свидетельства собирались в ходе изучения истории рабочего и революционного движения, Гражданской войны, отдельных фабрик и заводов, других исследований. Но уже в конце 1920-х – начале 1930-х гг. краеведческие общества оказались разгромлены, многих их членов репрессировали. Был ликвидирован и Кабинет изучения художественной речи, а его коллекция распалась. Исследователи еще продолжали иногда прибегать к устным источникам, но использовали их лишь в качестве подходящих иллюстраций к основным положениям официальной историографии.

Лишь в годы Великой Отечественной войны возродилась практика широкого сбора устных свидетельств. В январе 1942 г. была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР с задачей сбора и публикации материалов о действующих боевых частях, партизанских соединениях, подвигах советских людей на фронте и в тылу. Ее сотрудники выезжали на фронт, в госпитали, приглашали к себе участников войны –

командиров и рядовых, партизан и хозяйственных руководителей. Всего удалось записать несколько десятков тысяч воспоминаний. Комиссии по сбору материалов периода Великой Отечественной войны были также созданы при ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, различных наркоматах и ведомствах. Экспедиции в действующие части Красной армии и освобожденные районы страны организовали и сотрудники Института этнографии АН СССР. Для систематического сбора фронтовых материалов в архивах и музеях возникли специальные отделы Отечественной войны. Записи рассказов очевидцев проводились, прежде всего, с пропагандистской целью, собранные материалы публиковались в газетах, издавались отдельными брошюрами. Рассказы о зверствах немцев были призваны разжигать ненависть к врагу, сведения о подвигах советских солдат, партизан и подпольщиков – крепить боевой дух и веру в победу.

После войны рассказы ее участников продолжали записывать краеведческие и школьные музеи, ветеранские организации. Существенную роль в сборе военных воспоминаний сыграли А. Адамович, Д. Гранин, К. Симонов, С. Смирнов и другие писатели. В 1967 г. на кафедре научной информации МГУ была создана группа фонодокументации под руководством В.Д. Дувакина, опросившая более 300 деятелей культуры первой половины XX в. В середине 1980-х гг. возник клуб устной истории Московского государственного историко-архивного института. О значении устных источников вскользь упоминалось на Всесоюзной конференции по источниковедению в 1983 г.

Однако в целом, во второй половине XX в., в отличие от США и других стран, где устная история в это время стала активно развиваться, в СССР сбор устных источников замедлился. Регулярно записывались лишь воспоминания видных деятелей государства и культуры, а также передовиков производства, названные П. Томпсоном за свой пропагандистский характер «пародией на устную историю» [1]. Главной причиной снижения интереса к устным источникам являлось не столько отсутствие необходимой аппаратуры и специалистов, сколько неприемлемость в советской исторической науке индивидуальных трактовок событий, отличавшихся от официальной версии. Хотя отдельные авторы и использовали устные источники, в большинстве случаев они «старались по возможности не афишировать обращение к

практике устной истории» [2]. Проблемами устной истории более шимались этнографы и фольклористы, чем историки. Они внесли немалый вклад в сбор, публикацию и изучение произведений устного народного творчества, но круг их исследовательских задач отличается от тех, которые обычно ставят перед собой историки.

Внимание к устным источникам в отечественной историографии значительно возросло лишь в конце 1980-х гг. 27–28 ноября 1989 г. в Кирове прошла первая всесоюзная научная конференция по проблемам устной истории, было создано Общество устной истории как добровольное общественное объединение при Советской ассоциации молодых историков. Несмотря на то, что последовавшие затем события не позволили реализоваться всем намеченным планам, устная история приобрела статус самостоятельного исследовательского направления с присущими ему источниками, предметом и методами изучения.

В настоящее время запись воспоминаний осуществляют специальные центры устной истории, а также немало индивидуальных исследователей и рабочих групп, создаваемых на временной основе. Получила известность, например, деятельность центров устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, Российского государственного гуманитарного, Воронежского государственного педагогического, Петрозаводского государственного университетов и других структур. Центр устной истории и биографии Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал» записал около 300 аудио и видеointервью с бывшими узниками немецких концлагерей и «восточными рабочими», около 200 интервью жен и детей «изменников Родины». Архив «Мемориала» содержит также более 2 тыс. интервью с историками и бывшими политзаключенными, общественными и политическими деятелями. О становлении устной истории как особой отрасли научного знания свидетельствуют не только процессы институционализации, но и увеличение общего количества исследований, совершенствование методики сбора и обработки устных источников, само формирование профессионального сообщества, представители которого, нередко существенно расходясь между собой в различных вопросах, постепенно осознают сопричастность к единому исследовательскому направлению.

Необходимо отметить и создание целых комплексов устных источников. Еще в 1932 г. возник Центральный государственный архив звукозаписей (с 1992 г. – Российский государственный архив фонодокументов). В настоящее время в нем содержится 3,5 млн записей, относящихся к периоду с конца XIX до начала XXI вв. В Центральном архиве электронных и аудиовизуальных документов Москвы хранятся записи выступлений видных общественных деятелей, ветеранов революции, войны и труда, космонавтов, деятелей науки и культуры, известных актеров, певцов, музыкантов. В ряде регионов (Псковской и Нижегородской областях, Республике Татарстан и других) в последние годы также появились архивы аудиовизуальных документов. В 1996 г. в Институте истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН был создан Информационно-аналитический центр «Архив науки и техники». Коллекции устных источников хранятся и в других архивах, музеях и научно-исследовательских учреждениях.

В результате в последние годы в профессиональной среде постепенно преодолевается прежнее предубеждение против устных источников, основанное на представлении об их «особой» субъективности. Собственно говоря, любой исторический документ, будучи продуктом своего времени, носит на себе отпечаток определенной эпохи и потому субъективен. Более того, многие письменные документы порой создавались и уничтожались с целью сознательной фальсификации или сокрытия определенной информации. Разумеется, проводя опросы и стремясь выявить интересующую его информацию, исследователь стремится актуализировать память информатора в определенном направлении. Как писал А.Г. Тартаковский: «Лицо, записывающее рассказ очевидца, ориентирует его на определенный комплекс тем и сюжетов, как бы «программирует» память, активизируя ее в отношении одних сторон прошлого и оставляя пассивной относительно других, а это еще более усиливает избирательный характер проявления памяти рассказчиков» [3]. Но практически также действует и исследователь, работающий с любыми другими документами. Он заставляет «говорить» одни из них и отбрасывает то, что считает ненужным. Отбор и интерпретация фактов во многом определяются подходами и концепциями исследователя. Анализ любого источника – устного или письменного, официального или неофициального – требует учитывать

историческую обстановку его создания, личные особенности автора, степень его предвзятости и информированности.

В историографии складывается понимание того, что использование устных источников раздвигает исследовательские горизонты исторической науки, выводя ее на изучение новых проблем. В последние годы определился ряд наиболее приоритетных тем, в исследовании которых широко используются устно-исторические методы. Интересно отметить, что практически все они активно разрабатываются и на Кубани. Так, изучением культурных традиций казачества занимается Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор» под руководством проф. Н.И. Бондаря, систематически проводящий фольклорно-этнографические экспедиции и устные опросы. Отражение в исторической памяти казачества воинской ментальности, харизмы власти, образы войн, формирование этнических стереотипов рассматривает О.В. Матвеев [4]. Одним из ведущих направлений в развитии устной истории в России была и остается запись воспоминаний о Великой Отечественной войне. Среди современных историков, занимающихся сбором устных источников о событиях военного времени на Кубани, прежде всего, можно отметить И.В. Реброву [5]. Историю науки и научной интеллигенции при помощи методов устной истории разрабатывает А.Н. Еремеева [6]. Пожалуй, лишь один из традиционных устно-исторических сюжетов в настоящее время «выпал» из поля зрения кубанских исследователей – это запись воспоминаний о массовых политических репрессиях.

В то же время в развитии устной истории в настоящее время существует немало проблем, от решения которых зависит судьба данного исследовательского направления и его место в общей системе исторического знания в целом. Перспективы дальнейшего становления устной истории тесно связаны с совершенствованием методики и техники сбора устных источников. Фиксация воспоминаний широкого круга лиц требует наличия соответствующей записывающей аппаратуры, квалифицированных сотрудников, подготовленных к проведению опросов, расшифровке полученных сведений, обобщению итоговых результатов. Научно-технический прогресс способствует тому, что средства записи становятся доступными даже для «рядовых» исследователей. Историки постепенно приобретают навыки

составления программ и планов опросов, их организации и проведения, умения «разговорить» собеседника, направить беседу в нужное русло. Получающая все более широкое распространение практика аутентичных записей позволяет передать не только содержание рассказов, но и их эмоциональный фон, поведение интервьюера и интервьюируемого.

В то же время программы проводимых исследований нередко различаются, а их масштабы, как правило, невелики, обычно охватывая по несколько десятков человек. В большинстве случаев устная история остается делом отдельных энтузиастов – музейных работников, вузовских преподавателей и учителей, привлекающих к проведению опросов студентов и школьников. Имея несомненное положительное воспитательное значение, позволяя приобщиться многим молодым людям к «живой истории», способствуя преодолению их отчуждения от прошлого, подобная форма организации устно-исторических исследований нередко наталкивается на значительные трудности, связанные с недостатком профессионального опыта и нехваткой материальных средств. Для разработки и реализации масштабных проектов требуются усилия более крупных исследовательских коллективов, с выработкой единой программы и инструментария опросов.

Серьезной проблемой является хранение и использование уже имеющихся и создаваемых комплексов устных источников. Прежде воспоминания и рассказы фиксировались в основном на грампластинках, затем на магнитной пленке, на катушках, аудио или видеокассетах. Обеспечить для данных записей соответствующие условия (от поддержания особого температурного режима до каталогизации), позволяющие одновременно решать вопросы их сохранности и доступности для исследователей, под силу только учреждениям, располагающим для этого необходимыми средствами, материальной и кадровой базой. В настоящее время используется, прежде всего, цифровая запись, но стремительное совершенствование техники ставит вопросы о выборе ее формата и носителя, поскольку они могут оказаться «нечитаемыми» аппаратурой следующего поколения.

Практически недоступными для других исследователей остаются частные коллекции звукозаписей, принадлежащие как отдельным лицам, так и ряду образовательных и научно-исследовательских учреждений. Подобные коллекции находятся

исцело в распоряжении своих владельцев, желания и возможности которых определяют порядок использования данных источников, что крайне ограничивает возможности их вовлечения в научный оборот.

Следует учитывать и ответственность исследователя перед информатором, в ряде случаев – необходимость сохранения конфиденциальности полученных сведений. Поэтому достаточно перспективным представляется создание виртуальных архивов и электронных баз данных, использование которых должно опираться на четкую правовую основу. Она призвана урегулировать и закрепить правоотношения респондентов и интервьюеров, владельцев и пользователей информации по всему комплексу вопросов.

Несомненными представляются и дальнейшие изменения в содержании и направленности записей, обусловленные общей логикой развития исторической науки. Первоначально сбор устных источников был направлен на выяснение у респондентов отдельных обстоятельств их жизни, позволяя дополнить ими сведения, содержащиеся в других официальных и неофициальных документах. Сегодня же более перспективным представляется осмысление того, как те или иные события отразились в памяти очевидцев, как складывается, сохраняется и трансформируется сама память о прошлом. По словам А.Я. Гуревича, то, как человек «воспринимает события, современником или даже, возможно, участником которых он был, как он их оценивает, каким образом он хранит информацию об этих событиях – все это в высшей степени интересно» [7]. Как и другие источники, устные свидетельства о прошлом многослойны, но главная их ценность заключается все же не в информации о событиях прошлого, а в том, как они отражались в общественном сознании. В данной связи вполне закономерен и перенос центра внимания исследователей с воспоминаний известных государственных руководителей, выдающихся ученых и деятелей культуры, на рассказы «обычных» людей.

Решение указанных задач требует определенной координации усилий всех заинтересованных лиц, архивов, музеев, научно-исследовательских и образовательных учреждений, а также индивидуальных исследователей, использующих методы устной истории. Достижение этого возможно только в рамках

определенной институции, которой первоначально может стать общественная организация с информационным порталом по устной истории, а затем и научно-исследовательское учреждение, инкорпорированное в общую структуру российской исторической науки. Нередко рассматриваемая прежде в качестве альтернативы традиционной историографии, устная история обречена на все более тесное взаимодействие с ней, при сохранении своей относительной самостоятельности.

Примечания

1. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М., 2003. С.74.
2. Шмидт С.О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С.107.
3. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С.62.
4. Матвеев О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.): категории воинской ментальности. Краснодар, 2006 и др.
5. См.: Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования. СПб., 2008.
6. Еремеева А.Н. Научная жизнь и научное сообщество Кубани в XX веке: очерки истории. Краснодар, 2006 и др.
7. Гуревич А.Я. Апории современной исторической науки: мнимые и подлинные // Одиссей. Человек в истории. 1997. М., 1998. С.234.

А.Ю. Рожков (г. Краснодар)

**«МЫШИ СЪЕЛИ ЛЮДЕЙ...»:
ПАМЯТЬ О ГОЛОДЕ 1932–1933 ГОДОВ
В ОТКЛИКАХ НА ПУБЛИКАЦИИ И.И. АЛЕКСЕЕНКО**

Тема массового «рукотворного голода» (В.В. Кондрашин), вызванного форсированной «сплошной» коллективизацией и трагически ознаменовавшего собой начало колхозного строя, ещё с 1932-33 годов имеет, кроме всех прочих, явно выраженный

политический аспект. В 30-е годы голод в основном рассматривался сквозь призму сложной внутривнутриполитической обстановки в стране победившей коммунистической диктатуры. В разгар «холодной войны», когда заинтересованные организации в США и Канаде стали называть голод спланированным геноцидом украинского народа, акценты в трактовке этого вопроса сместились во внешнеполитическое пространство. В годы «перестройки» тема «голодомора» явилась одним из веских аргументов в разоблачении сталинских репрессий как отражение внутривнутриполитического вектора перемен. В последнее время эта тема получила мощный импульс на Украине, где причудливо сплелись как внутри-, так и внешнеполитические интересы руководящей элиты бывшей союзной республики.

Очевидно, даже среди демократической и либеральной части российского общества, включая правозащитников, сегодня трудно найти тех, кто бы согласился с господствующим тезисом современных украинских националистов о целенаправленном «геноциде» украинского народа путём «голодомора» начала 30-х годов. Прежде всего, потому, что этот местнический подход чрезвычайно далек от социально-исторической действительности советского общества 30-х годов.

Между тем, если попытаться игнорировать откровенные политические спекуляции со стороны украинского истеблишмента вкупе с частью научной «элиты» и переместиться в предметное поле реального большевистского голодомора в крупнейших аграрных регионах СССР, следует признать, что в последние полтора-два десятилетия эта трагическая тема постепенно исчезла из общественно-политического и научного дискурсов в России. Данный феномен сложно объяснить одними только категориями теории памяти вроде «посттравматического синдрома», «вытеснения травмы», «амнезии», «аберрации памяти» и т. п. Учитывая весь «государственнический» контекст официальной ревизии исторической науки в современной России, можно утверждать о целенаправленном забвении многих трагических страниц советского прошлого, включая и голод 30-х годов. Поэтому, мне кажется, мы должны быть в определённом смысле признательны украинским националистам, осмысленно или невольно придавшим новый импульс дискуссии в общероссийском и региональном политическом и научном пространстве.

К сожалению, эти, зачастую инициированные «сверху», дискуссии ограничились пределами довольно узкого научного сообщества, специализированных общественных организаций [1], оставив за их рамками множество социальных общностей и обширный спектр средств массовой информации. Редкие публикации о голоде в кубанской печати, скорее, являются исключением из правил [2]. Данная картина контрастирует с периодом конца 80-х – начала 90-х годов, когда на волне демократизации советского общества публикации учёных, публичные выступления экспертов намного активнее стимулировали дискуссии в СМИ о голоде, в которые постепенно вовлекались и более широкие слои населения, в первую очередь, пережившие трагедию жертвы голодомора. Благодаря этому, дискурс о голоде постепенно трансформировался с политического тренда в социально-исторический.

На Кубани общественная дискуссия о голоде 30-х годов в региональной печати тогда была инициирована серией газетных статей профессора И.И. Алексеенко, в первую очередь, публикацией о деятельности*комиссии Л.М. Кагановича на Кубани [3]. В фонде 1774-Р ЦДНИКК хранятся отклики и воспоминания читателей на статью «Председатель комиссии» (ноябрь 1988 г.), адресованные в редакцию газеты «Советская Кубань» или лично Ивану Ивановичу Алексеенко [4].

В 64-листной архивной папке содержатся копии 20 писем, переданных автором статьи в партархив в январе 1989 года. (Общее количество полученных откликов неизвестно). Категории читателей, приславших свои корреспонденции, разные: постоянные жители Кубани, пережившие трагедию в детском или взрослом возрасте; лица, мобилизованные партией и комсомолом на хлебозаготовки; спасавшиеся от голода переселенцы из других регионов; ставропольские коммунары, насильно переселённые на Кубань; красноармейцы-отпускники и т. д.

Большинство откликов датированы в недельном интервале после опубликования статьи. Многие из них были написаны в день её выхода в свет или на следующий день. Это указывает на сильнейший психоэмоциональный и моральный эффект, который оказала на читателей газетная публикация: *«она меня так глубоко взволновала, что без слёз читать я не смогла»* [5], *«я еле дочитал до конца, сильно нервничал, даже прослезился, вспоминая, как я лично*

пережил всё это» [6], «написал Вам как маленькое дополнение к статье, которую буду беречь до конца дней своих» [7], «я выражаю огромную благодарность нашей партии и лично тов. М.С. Горбачёву, что события коллективизации, голодовки <...> наконец стали гласностью, откровенностью в условиях демократии» [8], «я даже сейчас пишу Вам и боюсь, что это навредит если не мне, то моим детям, до чего страшное было время» [9].

При сегодняшнем прочтении отклики и связанная с ними история воспринимаются в трёх регистрах времени: события и атмосфера 30-х годов, реконструированные и конструированные в воспоминаниях очевидцев; «перестроечный» временной пласт, отражающий автобиографическую и коллективную память, эмоции и надежды откликнувшихся читателей; современная научная рефлексия этих документов, ретроспективно охватывающая два первых пласта времени как разорванное и одновременно синтезированное прошлое, устремлённое в будущее (очевидно, это близко к тому, что Морис Хальбвакс описал как противостояние памяти, относящейся «исключительно к прошлому» и рассудка, исходящего «из настоящего» [10]).

В этой связи можно согласиться с социологом Борисом Дубиным, полагающим, что «ностальгия по утраченному прошлому связана с меланхолией в отношении потерянного и более недостижимого будущего». Он справедливо считает, что «работа памяти имеет вид восстановления временной последовательности («программы опыта»), продолжения прошлого настоящим». С другой стороны, как отмечает Дубин, «если разбирать работу механизма воспоминания, то он включается сознанием разрыва привычного течения времен, утраты автоматизированной, «нормальной» самоидентичности и активизацией «программы культуры». Роль спускового крючка здесь выполняет страх потерять прошлое, угроза его забывания, ослабление или даже временное разрушение памяти, амнезия» [11].

С точки зрения социальной истории, исторической антропологии читательские отклики на публикации кубанского историка ценны, прежде всего, как субъективные переживания, индивидуальный и коллективный опыт выживания в экстремальных условиях голода. В них нет научного анализа данного феномена в историческом или социологическом аспекте, который проделали учёные [12]. За каждым из писем – незабываемый страх голодной смерти,

неизгладимая боль от потери близких людей, перемежающиеся с идеей о недопущении повторения подобного впредь. Такие строки трудно читать отстранённо: «В станице умерло 60% населения и были случаи – мать съела ребенка, или взрослый сын – мать <...> Не было ни кошек, ни собак, не летали даже птицы» [13], «я ходила на площадку (садик), нам каждому ребенку давали 50 г хлеба <...> дети лазали под столами, собирали крошки, которые трудно было отыскать» [14], «парнишка вёз на паре лошадей горючее тракторам. Одна лошадь пала <...> не прошло и часа, как эта дохлая лошадь была разрублена на части пришедшими женищинами. Эти куски не понесли, а просто поволокли» [15], «на улицах Краснодара не успевали подбирать мертвые тела. Не стало слышно лая собак. Из-за опасения попасть в аркан люди боялись выходить по вечерам на улицу» [16], «умирали целыми семьями. Ели собак, собирали дохлых ворон вдоль дорог, лазили по мерзлым полям в поисках колосков или качанов кукурузы. Ели дохлых курей. Были случаи и людоедства» [17], «каждую ночь на подводы грузили детские трупы и вывозили на городское кладбище в общую яму. Работники детприёмника организовали преступную группу. Умышленно умерщвляли детей. Об их смерти заявляли только на третий день, хотя пайку хлеба они исправно получали на каждого ребенка и делили между собой» [18], «я сам был свидетелем, как одну старушку тянули с печки, а она ещё живая была и очень просила не трогать её, и всё же её отвезли и бросили в яму. Одного парня <...> ещё живого бросили в яму прямо на трупы. Он очнулся и ему удалось при помощи ножичка вылезть из ямы и он до сих пор живой» [19], «у моей родной тётки была корова и соседки её, и в их обязанности ввели ежедневно <...> собирать мёртвых и вывозить на кладбище, а там была выкопана траншея и стояла палка <...> Если траншея заполнялась, эту палку переносили к другой траншее» [20], «лошади дохли с голоду и мы их ели, свиньи дохли – тоже ели, собак, кошек, ежей, лягушек. Вот такой у нас террор был. Были такие случаи – людей ели. Жили всегда в страхе <...> мне уже пошёл 80-й год. Сейчас жить да радоваться, а годы кончились» [21].

«Традиционные» историки могут вполне резонно возразить, что эти воспоминания читателей не являются надёжными и достоверными источниками, нуждаются в проверке, что здесь возможна гиперболизация и уже упоминавшаяся выше «абберрация памяти». Формально с этими доводами трудно спорить. Но именно

в этом конфликте «официальной» истории и неофициальной, «всемирно торжествующей» коллективной памяти, описанном Пьером Нора [22], и кроется одна из причин забвения голодомора и других трагических страниц нашей недавней истории.

Сотрудница редакции журнала «Знание – сила» Ирина Прусс наглядно отобразила этот конфликт на примерах трансформации исторического сознания россиян в последнее десятилетие. Она сравнивает данные опросов ВЦИОМ и Центра Юрия Левады 1989 и 1999 годов. За это десятилетие в общественном сознании немного возросла значимость победы в Великой Отечественной войне (с 77% до 85%) и полёта Юрия Гагарина в космос (с 35% до 54%), в то время как репрессии 30-х годов резко (в три раза) потеряли в значимости для наших соотечественников: в 1989 году их считали важными для судьбы страны 30% опрошенных, а в 1999 – только 11%. В то же время, по данным Льва Гудкова, примерно две трети россиян демонстрируют терпимое отношение к истории органов безопасности, наряду с полным безучастием к ней. К этому стоит добавить установку власти (при латентной или явной поддержке общества) на изъятие из новых школьных учебников наиболее трагических страниц советской истории – в частности, упоминаний о репрессиях.

Этот поток (тип) коллективной памяти, который Прусс называет «официальным», резко контрастирует с материалами, присылаемыми старшеклассниками на конкурс «Человек в истории. Россия-XX век», организованный обществом «Мемориал». Здесь происходит инверсия публичного и частного в представлениях о ранге событий. Например, в сочинениях не о государственной, а о своей семейной истории Октябрьская революция, прочно занимающая по всем опросам второе место после победы в Великой Отечественной войне, оказывается почти вытесненной из частной памяти. В то время как первое место в этой «табели о рангах» решительно принадлежит коллективизации; второе и третье делят война и репрессии. Причём репрессии в представлениях школьников становятся по преимуществу репрессиями против крестьян, а не против партийно-советской, чекистской и военной элиты. Коллективизация у авторов конкурсных работ неразрывно связана с раскулачиванием. Иными словами, это коллективная память крестьянской России, память провинции, а не мегаполисов [23].

В читательских откликах на публикации И.И. Алексеенко, как и в рассказах, записанных старшеклассниками, на первый план выходят не победы на трудовом фронте, а страдания людей от голода и от насилия. Из вышеприведённых отрывков видно, что зачастую «наивные мемуары», написанные непрофессионалами и людьми, не включёнными в письменную культуру, богаты красочными, эмоционально насыщенными деталями практик выживания. В личных воспоминаниях свидетелей пережитой трагедии исторические события и связанные с ними переживания сохраняются в виде «картинок», образов, целостных, нерасчленённых впечатлений, которые резко преобладают над аналитическими выводами.

Большинство откликов не содержат рефлексии о причинах голода. Далеко не все читатели в своих письмах пытаются найти виновных в этой трагедии. Складывается впечатление, что подобными рефлексивными практиками отличаются в основном письма образованных людей (учителей, профессоров вузов и т. д.). Пожалуй, самый яркий пример в этом ряду – отклик бывшего учителя И.С. Куля, который вложил в своё письмо фрагмент воспоминаний, написанных для своих детей. Назвал его он весьма образно: «Мыши и зелёные усы». Куля вспоминает о своей встрече с Л.М. Кагановичем, который лично инструктировал группу мобилизованных партийцев, куда входил и автор мемуаров, на борьбу с «кулацким саботажем». Далее он описывает свои потрясения от череды жутких картин нашествия мышей в районах Северного Кавказа. Оставшийся необрунным урожай зерновых стал причиной резкого увеличения популяции грызунов, которые начисто съедали все остатки хлеба на полях, проникали в жилища крестьян, в палатки мобилизованных, под одежду. Со слов Кули, под Нальчиком огромная масса мышей однажды остановила поезд, колёса которого забуксовали в толще грызунов, переваливавшихся через рельсы. Соотнося жестокие репрессивные меры «по закону 7/8» вплоть до расстрела по отношению к «стригунам», срезавшим несколько необрунных колосков, с тем ущербом, который нанесло урожаю нашествие мышей, Куля справедливо заключает: «<...> *хороший урожай хлеба съели преступная политика Сталина и мыши*» [24].

Считаю уместным завершить своё сообщение в логике трактовки Жилем Делёзом смысла знаменитой эпопеи Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Если следовать этой

аналогии умозаключений, мы не должны рассматривать осмысление голода начала 30-х годов как очередную попытку «освежения» исторической (социальной) памяти россиян, актуализирующую накопление воспоминаний очевидцев трагических событий. «Поиски утраченного времени» голодомора 30-х должны стать поисками истины, имеющей очень тесную связь со временем. В этом смысле наши поиски истины о массовом голоде будут обращены не к прошлому, а к будущему, и память здесь является всего лишь средством постижения истины.

После конъюнктурного развенчания «культы личности» в 50-60-е и паллиативного осуждения отхода сталинского руководства от «ленинской концепции социализма» в 80-е в российском обществе до сих пор публично не осуждена политика государственного террора и массовых репрессий, в частности, инициаторов и исполнителей «голодомора». Забвение советской разновидности «маккартизма» грозит нашему обществу устойчивым манкуртизмом, в результате чего мы рискуем надолго остаться народом со спутанной коллективной и национальной идентичностью. К сожалению, активные попытки преодоления этого забвения, предпринятые в своё время на региональном уровне профессором И.И. Алексеенко, оказались недостаточными. Между тем они не были бесполезными.

Судя по откликам читателей, люди искренне надеялись на скорое увековечение памяти жертв голодомора, предлагали свою помощь. Разумеется, монументализация «мест памяти» голодомора в России необходима. Но намного актуальнее расширение и углубление дискурса о голоде, где коммуникативную инициативу должны взять на себя специалисты-историки. В этом плане давно назрело издание полновесного сборника документов о массовом голоде на Кубани, состоящего из синхронных и ретроспективных материалов, официальных документов и источников личного происхождения. Подборка откликов читателей на публикации И.И. Алексеенко должна занять в этом ряду источников своё достойное место.

Примечания

1. Кропачев С.А. Кубанские станицы осенью 1933 г.: последствия коллективизации и массового голода // Казачество в истории России: Тезисы докл. междунар. науч. конф. Краснодар, 1993; Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: К 70-летию начала голода 1932-1933 годов в СССР: Мат-лы I регион. науч. конф. / гл. ред. С.А. Кропачев. Краснодар, 2003; Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: К 70-летию начала «Большого террора» в СССР: Мат-лы II регион. науч. конф. / гл. ред. С.А. Кропачев. Краснодар, 2004 и др.
2. См., напр.: Картава В.Ф. Кубанский крематорий // Вольная Кубань. 2007. 13 окт.
3. Алексеенко И., Ларкин В. Председатель комиссии: Штрихи к политическому портрету Л.М. Кагановича // Сов. Кубань. 1988. 23 нояб.; Алексеенко И. «Кубанское дело»: Кризис колхозного строя и местных парторганизаций // Панорама. 1991. № 7; он же. «Дело Н.В. Котова» как зеркало социальных экспериментов // Кубанские новости. 1992. 6 авг.; он же. Пусть не повторится трагедия 1933 года! Наказание голодом // Казачьи вести. 1992. № 27; он же. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX века. Краснодар, 1993 и др.
4. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225.
5. Письмо О. Кобозевой (Краснодар) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 5.
6. Письмо Г.И. Алексапольского (с. Гришковское) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 26.
7. Письмо Ф.Г. Проценко (Армавир) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 2.
8. Письмо К.А. Соколовой (Славянск-на-Кубани) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 9.
9. Письмо А.В. Бардановой (Кропоткин) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 4.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 337.
11. Дубин Б. Память, война, память о войне: Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий [Электронный ресурс] // Отеч. записки: сетевой журн. 2008. URL: <http://www.strana-oz.ru/numid458/article/1701> (дата обращения: 12.01.2009).
12. См., напр.: Сорокин П.А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003; Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов: Трагедия российской деревни. М., 2008 и др.
13. Письмо Ф.Г. Проценко (Армавир) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 2.

14. Письмо А.В. Бардановой (Кропоткин) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 4.
15. Письмо К.А. Соколовой (Славянск-на-Кубани) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 9.
16. Письмо И.С. Куля (Краснодар) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 20.
17. Письмо И.И. Ермакова (ст. Кушевская) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 40.
18. Письмо Л.В. Белова (пос. Яблоновский) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 44, 45.
19. Письмо Г.И. Алексапольского (с. Гришковское) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 27.
20. Письмо Д.И. Шеня (ст. Платнировская) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 59.
21. Письмо А.С. Смирнова (Апшеронск) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 23.
22. Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 390-401.
23. Прусс И. Советская история в исполнении современного подростка и его бабушки [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас: сетевой журн. 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/pr-14pr.htm> (дата обращения: 28.03.2009).
24. Письмо И.С. Куля (Краснодар) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 15-16а, 22.

А.П. Скорик (г. Новочеркасск)

ДЕПОРТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ «ЧЕРНОДОСОЧНЫХ» СТАНИЦ КАК АНТИКАЗАЧЬЯ АКЦИЯ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В трагических событиях, произошедших в 1932 – 1933 гг. на Юге России, выделяется осуществленное сталинским режимом выселение (полное или частичное) жителей целого ряда станиц Северо-Кавказского края, обвиненных в «кулацком саботаже хлебозаготовок» и занесенных за это на «черную доску». В самом факте выселения не было ничего необычного: такого рода репрессивные меры широко практиковались в период сплошной коллективизации, а их вершиной стало «раскулачивание», которому подверглись миллионы крестьян. Не была узко региональной и практика занесения сельских населенных пунктов на «черную доску» за невыполнение хлебозаготовительных планов: «чернодосочные» станицы появились в данное время не только на

Юге России, но и в других регионах СССР. Вместе с тем, депортация жителей «чернодосочных» станиц Северо-Кавказского края отличалась определенной спецификой, выразившейся в том, что эти станицы были заселены в основном казаками; следовательно, выселение носило антиказачий характер и воскрешало печальные сценарии времен Гражданской войны.

В отличие от Великого голода 1932 – 1933 гг., выселение жителей «чернодосочных» станиц, имеющее прямое к нему отношение, не стало фигурой умолчания (хотя и не особенно афишировалось). Сталинский режим стремился придать этой репрессивной акции назидательный характер, показать на ее примере всем реальным и потенциальным оппозиционерам, как опасно сопротивляться проводимой им аграрной политике. Поэтому депортация была табуирована в меньшей мере, чем другие события 1932 – 1933 гг., и получила некоторое отражение в литературе. Уже в процессе депортации и спустя краткое время после нее в Ростове-на-Дону были изданы брошюры, призванные с позиций большевистской идеологии оправдать выселение хлеборобов из кубанских станиц [1]. Упоминалось о выселении и в работах 1960-х – 1970-х гг. [2] Первым же специальным исследованием по указанной теме в южнороссийской региональной историографии стала опубликованная в 1992 г. статья Е.Н. Осколкова, в которой был осуществлен взвешенный анализ депортации жителей «чернодосочных» станиц [3]. Впоследствии появился еще ряд исследований, в которых в той или иной мере затрагивалась эта проблема [4], раскрывающая один из сюжетов Великого голода.

Однако в рамках избранной темы остается еще немало вопросов, требующих дальнейшего осмысления. В частности, хотя антиказачий характер выселения жителей «чернодосочных» станиц Юга России не подвергается сомнению (о том, что депортация носила именно такой характер, обоснованно писал Е.Н. Осколков [5]), нуждаются в детальном рассмотрении причины и последствия этой репрессивной акции. В представленной публикации нами предпринята попытка ответить на вопрос, чем была вызвана депортация казаков «чернодосочных» станиц, и каковы были ее последствия для Юга России (в особенности – для аграрного производства).

Источники позволяют утверждать, что в период сплошной коллективизации (как и в 1920-х гг.) представители власти на Юге

России придерживались двух основных подходов в отношении к казачеству, которые можно обозначить как «классово-дифференцированный» и «этнографически-унитарный». Сторонниками первого из них являлись, как правило, представители краевого и районного советско-партийного руководства; второй же подход находил приверженцев среди работников низового партийного и советского аппарата, активистов, а также среди массы иногороднего населения. С позиций «классово-дифференцированного» подхода казачьи сообщества воспринимались как разделенные на антагонистические социальные слои, заслуживавшие различного отношения со стороны органов власти: от непримиримо-враждебного отношения к кулакам и зажиточным до подчеркнуто-уважительного – к середнякам, беднякам, батракам. В рамках «этнографически-унитарного» подхода казачество воспринималось исключительно как сословие «контрреволюционеров», враждебное советской власти, не поддающееся исправлению и заслуживающее полной ликвидации. Хотя формально-юридически был признан только «классово-дифференцированный» подход, это не мешало приверженцам «этнографически-унитарного» подхода осуществлять на местах антиказачьи акции во время сплошной коллективизации.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. представители высших и средних эшелонов власти на Юге России, не осуждая репрессий в отношении казаков-«кулаков», вынуждены были осудить огульно-враждебное отношение к казачеству со стороны местного руководства и иногородних, поскольку оно негативно отражалось на темпах «колхозного строительства» и состоянии аграрного производства. В частности, в апреле 1930 г. в одном из постановлений Тёрского окружкома ВКП(б) признавалось, что «немыслимо было бы обеспечить успехи советского и хозяйственного строительства в крае..., без бедняцко-средняцких масс казачества» [6]. 11 апреля 1930 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреев раскритиковал невнимание местных властей к средним слоям казачества, призвав активнее вовлекать их в советскую работу [7]. Предложения Андреева легли в основу постановления бюро крайкома «О проведении весенней посевной кампании и мерах укрепления колхозного строительства», принятом 26 апреля 1930 г. [8]

С позиций классового подхода в «казацком вопросе» правы были краевые руководители Юга России, а не местное начальство, негативно относившееся к казакам по определению. Но, вопреки социально-классовой идеологии, в 1932 г. сам И.В. Сталин и его ближайшее окружение осуществили такую огульно-антиказацкую акцию, как депортация населения «чернодосочных» станиц Северо-Кавказского края.

Как известно, в конце октября 1932 г. Сталин, раздраженный медленным выполнением завышенных хлебозаготовок в Северо-Кавказском крае, направил сюда специальную, сформированную из высших партийно-советских чиновников, комиссию во главе с его верным приспешником, секретарем ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичем. Одной из мер репрессивного стимулирования хлебозаготовок полномочная комиссия из центра избрала занесение ряда казачьих станиц на «черную доску» и последующее выселение за пределы края всех подряд или части их жителей указанных станиц.

В литературе можно встретить утверждения, будто систему «черных досок» ввел в обращение первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев [9]. На самом деле это не так: публикации о занесении промышленных предприятий и колхозов Северо-Кавказского края на «черные» и «красные» доски содержатся во многих номерах краевой газеты «Молот» за 1930 г., когда секретарем крайкома ВКП(б) был еще А.А. Андреев [10]. С Шеболдаевым же «черные доски» связывают, по всей видимости, потому, что именно тогда, когда он возглавлял краевую парторганизацию, данный метод морального стимулирования рабочих и колхозников получил наиболее печальную известность: 4 ноября 1932 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б), подчиняясь нажиму московской комиссии, принял постановление, в котором одной из мер воздействия на хлеборобов значилось занесение на «черную доску» колхозов и станиц за «явный срыв планов по севу и хлебозаготовкам» [11].

«Чернодосочными» (или, как говорили кубанцы, «чернодащатыми» [12]) были объявлены 15 станиц, из них 13 кубанских и 2 донские. Выселению подверглись более 61,6 тыс. станичников (в том числе почти все жители кубанских станиц Полтавская, Медведовская, Урупская) [13]. Практически во всех этих станицах преобладало казачье население, что косвенно подтверждается сопоставлением итогов дореволюционных и

советских переписей населения. Если в 1915 г. на Юге России насчитывалось 1,3 млн. кубанских казаков, то к исходу 1937 г. в Краснодарском крае их было «предположительно» 1,1 млн. человек [14]. Как видим, даже к исходу 1930-х гг., несмотря на все усиливавшиеся в это время в СССР тенденции восстановления досоветской численности населения, кубанские казачьи сообщества недосчитывались 200 тыс. членов, что объяснялось не только потерями времен Гражданской войны, но и «раскулачиванием» и депортациями периода коллективизации.

Тот факт, что в «чернодосочных» станицах преобладало казачье население, вовсе не был случаен. О том, что депортация была направлена именно против казаков, заявил партийный функционер Л.М. Каганович, выполнявший указания самого «вождя» И.В. Сталина: «...надо, чтобы все кубанские казаки знали, как в 21 г. терских казаков переселяли, которые сопротивлялись Советской власти. Так и сейчас – мы не можем, чтобы кубанские земли, земли золотые, чтобы они не засеивались, а засорялись, чтобы на них плевали, чтобы с ними не считались ... мы переселим вас» [15].

Таким образом, в 1932 г. Москва, в противовес официально признанной большевистской политике классово-дифференцированного отношения к казачеству, применила огульно-массовые репрессии против казаков. Однако, как нам представляется, депортация казаков из «чернодосочных» станиц не свидетельствовала о намерениях Сталина и его окружения окончательно ликвидировать казачьи сообщества, но была подчинена общей логике коллективизации. Дело в том, что в условиях «колхозного строительства» понятие «кулак» утратило четкие границы и, наполнившись социально-политическим содержанием, стало применяться для обозначения не сельских предпринимателей и даже не зажиточных земледельцев, но всех противников сталинского режима и колхозной системы. Соответственно, когда в конце 1932 г. на Юге России органы власти осуществляли «слом кулацкого саботажа», репрессии были направлены против всех вообще крестьян и казаков. Вместе с тем, по казакам, считавшимся власть предержащими, по сравнению с иногородними крестьянами, большими «контрреволюционерами», сталинский режим нанес и более сильный удар.

Путем применения репрессий и ограбления хлеборобов завышенные хлебозаготовки на Юге России были в основном выполнены. Но депортация жителей «чернодосочных» станиц привела к общему нарастанию напряженности во взаимоотношениях казачьих сообществ и властей (социально-политические последствия) и к глубокому кризису аграрного производства (социально-экономические последствия).

В социально-политическом плане можно говорить о том, что антиказачьи акции Москвы сыграли на руку южнороссийским радикалам-казакофобам, которые с возросшей активностью стали проводить огульно-враждебные антиказачьи акции. В частности, казаки вновь, как во времена Гражданской войны, стали обвиняться в проведении подрывной работы в колхозах. Об этом говорил в конце января 1933 г. на III объединенном пленуме Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и краевой контрольной комиссии представитель Северной Осетии Демиховский: «я слышал в Невинномысском районе много выступлений, что станица такая-то, в бригаде такой-то 50 % или все 100 % белых и [местные работники] стараются этим оправдать то, что нет семян, то, что лошади дохнут. Мне кажется, что это очень опасный уклон в этом отношении, дающий оружие в руки классовому врагу, дающий возможность кулаку-казаку создать единый фронт с казаком-бедняком, дающий возможность ему провоцировать бедняка – если он казак вообще, а тем более, если имел несчастье быть в белой армии, хотя бы мобилизованным, [то теперь кулак может сказать ему: «]знай – все равно тебя угробят, такое отношение к тебе» [16]. Казаки, в свою очередь, восприняли депортацию как первый этап новой волны «расказачивания» и ожидали продолжения, что далеко не лучшим образом сказывалось на темпах коллективизации, состоянии колхозов и сельского хозяйства в целом. Показателен следующий пример. Когда в мае 1934 г. в колхозе «Социалистическое земледелие» Куцевского района Азово-Черноморского края пошли разговоры о выселении всех казаков на Север, население отреагировало немедленно. Сотрудники ОГПУ спешно докладывали, что «отдельные колхозники» на волне слухов о выселении готовятся «к выезду из станицы, распродают имущество, заготавливают сухари и др. продукты на дорогу, вплоть до выкапывания только что посаженного картофеля» [17].

В социально-экономическом плане выселение жителей «чернодосочных» станиц привело к дефициту рабочих рук в сельском хозяйстве Северо-Кавказского края (в первую очередь на Кубани). Причем, помимо более 60 тыс. депортированных казаков, край потерял множество хлеборобов, которые были вынуждены покинуть свои села, станицы, хутора, опасаясь репрессий и голодной смерти. Особенно значительных масштабов бегство населения достигло на Кубани, о чем говорил на упомянутом нами III объединенном пленуме Северо-Кавказского крайкома и крайКК ВКП(б) представитель Тимашевского района Волков: «положение такое, что сейчас в ряде колхозов людей нет. Люди текут, бегут, расплзаются» [18]. В итоге в начале 1933 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев признавал, что имеющийся в крае недосев озимых в размере 500 тыс. га «падает преимущественно на районы Кубани и примыкающие к ним» [19], то есть на те районы, которые в наибольшей мере пострадали от депортаций жителей «чернодосочных» станиц.

Для устранения дефицита рабочей силы, образовавшейся после депортаций жителей «чернодосочных» станиц, краевое руководство Юга России попыталось организовать переселение сюда колхозников из Ставрополя и «северных крестьянских районов края» [20]. Но таким путем покрыть убыль казачьего населения в кратчайшие сроки, то есть до весенней посевной кампании 1933 г., не представлялось возможным. Поэтому было срочно организовано переселение в Северо-Кавказский край демобилизованных красноармейцев, которые должны были стать «образцами колхозного производства для окружающих колхозов и станиц Кубани» [21]. Уже в конце 1932 г. в опустевшие «чернодосочные» станицы начали прибывать первые группы красноармейцев, в основном из центральных, северных и северо-западных регионов СССР.

Но эти меры не могли полностью стабилизировать ситуацию. Даже к исходу 1933 г. представители власти 16 районов Кубани просили краевое руководство для возмещения убыли депортированных казаков прислать не менее 32,7 тыс. человек, что составляло 7,5 % от общего числа трудоспособных жителей этих районов [22]. Да и в 1934 г. начальники политотделов МТС, расположенных в тех районах, где находились «чернодосочные» станицы, в один голос жаловались, что из-за выселений возник дефицит рабочей силы, и просили краевое руководство изыскать для

них новых работников. Так, начальник политотдела Ленинградской МТС Лапшин сообщал руководству Азово-Черноморского края в июне 1934 г., что на подчиненной ему территории, где насчитывалось 16 колхозов, «раньше было 30 000 населения, [а] сейчас имеется 19 000», и просил «дать мне помощь людскими силами из Ростова, в порядке шефства, хотя бы 500 человек» [23]. Тогда же начальник политотдела Отрадо-Кубанской МТС Саенко докладывал в краевой центр, что ему для прополки не хватает 1,8 тыс. человек, а при этом на колхозах висела обязанность выделить для местных совхозов еще 750 человек. Отмечая, что «при таком положении выполнить все правила агротехники..., а также количественно справиться со всеми сельскохозяйственными работами будет чрезвычайно трудно», Саенко просил вышестоящее руководство «завезти в колхозы района деятельности МТС трудоспособных колхозников за счет переселенцев не менее 1 500 человек» и избавить подчиненные ему коллективные хозяйства от обязанности изыскать для совхозов 750 работников [24].

Итак, депортация населения «чернодосочных» станиц, вне всяких сомнений, представляла собой осуществленную сталинским режимом целенаправленную антиказачью акцию. Вместе с тем, на наш взгляд, нет достаточных оснований утверждать, что большевики пытались путем депортации «гальванизировать сословную рознь» [25], представить казаков в виде основных виновников неудовлетворительного состояния колхозного производства, настроить против них иногородних и, в конечном счете, ликвидировать казачьи сообщества на Юге России. Скорее, выселение казаков из «чернодосочных» станиц проводилось в общем русле коллективизации, во время которой органы власти интересовались уже не столько социальными различиями в крестьянских и казачьих сообществах, сколько отношением этих сообществ к сталинской аграрной политике. Если казаки или крестьяне выступали против этой политики, они в равной мере подлежали репрессиям, как бы тяжело это не сказывалось на состоянии колхозного производства. Для партийных функционеров демонстрация своей власти и выполнение амбициозных планов оказывались гораздо важнее, нежели люди с их судьбами и витальными потребностями.

Примечания

1. Радин А., Шаумян Л. За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края? Ростов н/Д, 1932; Товаровский Б., Филон В. Как был сломлен кулацкий саботаж в станице Темиргоевской. Ростов н/Д., 1933.
2. См., например: Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани / Отв. ред. К.В. Чистов. М., 1967. С. 29; Осколков Е.Н. Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1973. С. 290.
3. Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1 – 2. С. 3 – 23.
4. См., например: Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 113; Кислицын С.А., Дулимов Е.И. Шолохов и история России. Парадоксы великого писателя. Ростов н/Д., 2005. С. 180; Кокунько Г.В. «Черные доски» // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2006. С. 216.
5. Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц... С. 19.
6. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК), ф. 5938, оп. 1, д. 42, л. 179.
7. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), ф. 7, оп. 1, д. 995, л. 16 – 17.
8. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). Документы и материалы / Под ред. П.В. Семернина и Е.Н. Осколкова. Краснодар, 1973. С. 295 – 296.
9. Кислицын С.А., Дулимов Е.И. Указ. соч. С. 180; Кокунько Г.В. Указ. соч. С. 216.
10. См., например: Молот. 1930. 31 января; 5 февраля.
11. Осколков Е.Н. Голод 1932 / 1933.... С. 39.
12. Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. р-2608, оп. 1, д. 4, л. 6.
13. Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц... С. 18.
14. Краснодарский край в 1937 – 1941 гг. Документы и материалы / Гл. ред. А.А. Алексеева. Краснодар, 1997. С. 806.
15. Цит. по: Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц... С. 9 – 10.
16. ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1298, л. 50.
17. ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, л. 204 – 205.
18. ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1298, л. 64.

19. Шеболдаев Б.П. Об итогах осенних сельскохозяйственных работ, хлебозаготовок и о задачах весеннего сева. Доклад и заключительное слово на объединенном пленуме С.[еверо]-К.[авказского] Крайкома и КрайКК ВКП(б) 26 – 28 января 1933. Ростов н/Д., 1933. С. 9.
20. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930 – 1940. В 2-х кн. Кн. 1 / Отв. ред. Н.Н. Покровский. М., 2005. С. 561.
21. ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1375, л. 102; ГАРО, ф. р-2608, оп. 1, д. 4, л. 10.
22. Рассчитано по: ГАРО, ф. р-2608, оп. 1, д. 2, л. 55.
23. ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 102, л. 35.
24. ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 227, л. 16.
25. Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц... С. 19.

Е.Н. Гарбузова (г. Армавир)

ПОЛИТИКА «РАСКАЗАЧИВАНИЯ» КАК ПОПЫТКА ИЗМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КАЗАКОВ

Под термином «расказачивание», как правило, понимается политика советской власти, направленная на ликвидацию казачества как сословия. Однако, под «расказачиванием» следует подразумевать и процесс утраты казачеством присущих ему специфических черт (особенностей самосознания, культуры).

С этой точки зрения процесс расказачивания начался задолго до установления советской власти. В частности, Н.Н. Великая отмечает, что уже в первой половине XIX века масштабные переселенческие мероприятия, перестройка административных границ приводили к «размыванию» старых казачьих групп. [1, с. 20-21].

В пореформенный период в результате правительственной политики, умиротворения региона, развития связей с другими областями России, притоком русского населения, развития школьного образования и других процессов происходит утрата казачеством многих прежних этно-социальных черт, к числу которых относятся, прежде всего, военно-промысловый хозяйственно-культурный тип, особенности материальной и духовной культуры [1, с. 22].

После Октября 1917 г. начинается новый этап развития взаимоотношений государственной власти и казачества. Однако, политика советской власти складывалась постепенно и неоднозначно, поскольку казачество на Юге России представляло собой силу, с которой необходимо было считаться [2, с. 45].

Большевики именовали казаков «нагаечниками», «сатрапами», «опорой самодержавия». Апогеем антиказачьей политики стал период гражданской войны, когда по отношению к казакам были применены самые жестокие меры. В период НЭПа, несмотря на нормализацию отношений между казаками и советской властью, установка на «расказачивание» сохранялась в полной мере. Но на протяжении 1920-х гг. наблюдались случаи и укрепления позиций локальных казачьих сообществ на уровне станиц, что позволяло современникам говорить об «оказачивании» [6, с. 291].

Антиказачья направленность большевистской политики проявилась и во время сплошной коллективизации, когда на Юге России донские, терские, кубанские казаки стали первоочередным объектом «раскулачивания», репрессий, депортаций. [6, с. 291].

Такая политика была обусловлена в первую очередь даже не тем, что значительная часть казачества выступала в качестве оппозиции советской власти, а тем, что оно не вписывалось в новую социальную структуру общества. В соответствии с которой все группы населения, существовавшие в Российской империи, были искусственно разделены на две основные категории: трудящиеся массы и эксплуататорский класс.

Казачество же по данной классификации могло войти в обе, поскольку как писали сами большевики: «Казачество по психологии экономической делится на следующие группы: первая - привилегированное казачество, бюрократическое офицерство, постоянно пополняющее свои ряды из источника трудового казачества, более зажиточного кулачества казаков, а также из всех кадровых низших командных составов, путем боевых отличий дошедших до высоких чинов...; вторая представляет из себя трудовое казачество, которое занималось большею частью земледелием, в некоторой части своей имеющая кустарей и ремесленников» [5, с. 82-83].

Однако, выделялась и третья группа, которая и вызывала наибольшие опасения у большевиков: «между этими двумя группами казачества является нетрудолюбивое *слишком воинственное казачество*, для которых совершенно безразлично с кем воевать. Лозунг их – «грабь»... Эта прослойка, сливаясь с белогвардейским офицерством, стоит непроницаемой стеной между идейным красным казачеством и темным трудовым казачеством...» [5, с. 83].

Следовательно, именно воинизированное начало, образ «казака-воина» не давал покоя советскому руководству, то есть то, что поддерживалось и культивировалось на всем протяжении существования казачества [3, с. 29].

Отождествление мужчины и воина, стремление сохранить и преумножить воинскую славу предков являлось стержнем самосознания и самовыражения казаков [3, с. 29]. Оружие для казака – необходимый атрибут полноценного, свободного человека. Не случайно, праздничная одежда казака – военная форма [7].

В то же время, не могло не вызывать беспокойства и восприятие казаков себя «первыми слугами государства», в котором идеи государственности переплетались с представлениями о Родине. Утратив самостоятельность и перейдя окончательно на государственную службу, казачество рассматривало защиту России как основную, святую обязанность [3, с. 29].

Естественно, в таком ракурсе смену политической власти казачество воспринимало как нарушение существующего миропорядка и, соответственно, как то, с чем необходимо было бороться. Во всех казачьих войсках борьба с большевиками носила всенародный характер. Это была война народа с нашествием интернациональной силы. Казаки отстаивали свои права жить и верить по заветам отцов, а не по указке красных комиссаров [4, с 78].

Таким образом, изначально казачество, со свойственными ему представлениями, вставало в оппозицию к новой власти, а следовательно, для того, чтобы уменьшить угрозу с его стороны, советскому правительству необходимо было, прежде всего,

ликвидировать особенности казачьего самосознания, культуры и быта.

В первую очередь, заметный урон казачеству наносился разрушением веками складывавшихся традиций (отношения в обществе, одежда, привычки и т.д.), культуры, принудительным отобранием земель, разрушением казачьих станиц, запрещением форм подготовки молодого поколения казачества к несению традиционной военной службе [5, с 11]. Казаки писали о том, что в казачьих областях образуется новый, чуждый природе казака мир, широким шагом идет ассимиляция, т.е. крестьянизация молодого поколения [4, с 83]. Таким образом, целенаправленно осуществлялась политика по нивелированию самобытных черт казачества.

Кубанский войсковой атаман В.Г. Науменко (находившийся в эмиграции) так оценивал положение казаков: «На Родине большевики всеми мерами стремятся уничтожить казачество. Раздробили они казачьи земли на мелкие административные единицы, часть земель отдали иногородцам, поставили их в привилегированное положение сравнительно с казаками. В казачьи края переселили миллионы населения неказачьего и наоборот, наиболее активный элемент из казаков расселили в отдаленные части государства. Сотни тысяч казаков уничтожили. Разорили казачьи хозяйства, разрушили школу. Распылили молодых казаков, уничтожив казачьи части. Но казачество в России живет. Во многих станицах, где казаки составляют меньшинство, в станичные советы проходят, главным образом, казаки. Во многих станицах до сего времени нарезывается земля для казаков, ушедших за границу... Дома, в родных наших краях, казачество переносит большие страдания, но оно живет и воспитывает детей своих в любви к Родине и казачеству» [4, с 17-18].

Также казаками, находившимися в эмиграции, отмечалось, что основная задача казачества сводится к тому, чтобы сохранить, хотя бы и под советским прессом, - казачий дух, казачий быт и, по возможности, не давать большевикам разлагать морально и

уничтожать физически казачью силу. Что являлось возможным только посредством одной тактики- сидеть до поры до времени смирно, но в то же время, накапливая силы, как это приходилось делать русскому народу во времена татарского ига [4, с 79]. По мнению Д.С. Писаренко (также эмигранта), казак и при царях, и в революцию, и в гражданскую войну бывал часто в таких положениях, когда и до расказачения оставался один шаг, когда он был готов на все, лишь бы выбиться из невыносимого положения. Но прямого предательства, идейного массового выступления за расказачивание, открытого организованного выступления казаков против идеи казачества не доводилось наблюдать [4, с 236].

В конечном итоге, политику большевиков характеризуют как геноцид казачества, стремление растворить его в русском этносе, то есть изменить этническое самосознание. В этом отношении большой интерес представляет «Казачья памятка. Казакам на память – другим в поучение», составленная в 1919 г. членом Казачьего отдела ВЦИК, казаком Кубанского казачьего войска Л.А. Коробовым. Анализируя политику по отношению к казачеству он предостерегал: «Во избежание ошибок со стороны ответственных революционных деятелей, раз и навсегда необходимо усвоить и помнить, что казак определяется не записью в списки и реестры, а свободолюбивой натурой и независимостью характера, совершенно не выносившего и потому никогда не знавшего рабства и угнетения. Поэтому вопрос о «расказачивании» сам по себе отпадает, так как это значило бы «разнатуривание», что может сделать время и сама жизнь, но не люди вообще, не власти, в частности»[2, с. 46].

Е.А. Букановский, председатель Терского войскового правительства, отмечал, что под влиянием репрессий и в ответ на стремление коммунистов расказачить казачество, крепнет его дух и внутри накопилось уже достаточно энергии, остающейся временно в состоянии скрытого потенциала, но будет день, когда она проявит всю свою силу [4, с 103]. Казаки сумели не без жертв сохранить свою славную самобытность, тысячелетний уклад и вековые традиции [4, с 58].

С учетом же того, что в настоящее время активно идут процессы восстановления традиций, жизненного уклада и ценностей казачества, можно отметить тот факт, что несмотря на многочисленные попытки изменить принципы и нормы жизни казаков, сделать это в полной мере не удалось.

Примечания

1. Великая Н.Н. Еще раз о расказачивании // Материалы третьей международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Под ред. В.Б.Виноградова и С.Н. Лукаша.- Армавир, 2002 г. С. 20-22.
2. Голованова С.А. Место семьи в формировании самосознания казачества // Историческое регионоведение Северного Кавказа- вузу и школе. Материалы 7-й региональной научно-практической конференции. Часть I. Под ред. В.Б.Виноградова и Е.И.Нарожного. Армавир – 2001, с. 45-46.
3. Емельянов Ю.Н. Генезис и региональные особенности сословной ментальности кубанского казачества (конец XVIII – 30 –е гг. XX вв.). Автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Краснодар -2006.- 31 с.
4. Казачество: Мысли современников о настоящем, прошлом и будущем казачества.-М.:Собрание, 2007.-383 с.
5. Казачество России. Историко- правовой аспект: документы, факты, комментарии. 197-1940 гг. / Под ред. Н.Ф. Бугая, А.М. Гонова.- М., 1999.- 328 с.
6. Скорик А.П., Бондарев В.А. Коллективизация и расказачивание на Юге России в 1930-х гг. Основные проблемы и перспективы исследования // Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Вып. 2. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 291-306.
7. Сопов А.В. Некоторые особенности ментальности казаков. www.SU.HISTORY.REVISIONS.htm.

ГОЛОД 1930 Г. В ЧЕРНОМОРЬЕ: «ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ» ТРАГЕДИИ 1932–1933 ГГ.

Выступая в июне 1930 г. на XVI съезде ВКП(б), И.В. Сталин в весьма радужном свете преподнес успехи в деле «развернутого социалистического переустройства деревни» и, прежде всего, коллективизации сельского хозяйства: «...Если года два назад мы имели кризис зернового производства и опирались в своей хлебозаготовительной работе, главным образом, на индивидуальное хозяйство, то теперь центр тяжести переместился на колхозы и совхозы, а зерновой кризис можно считать в основном разрешенным. Основные массы крестьянства окончательно повернули в сторону колхозов. Сопrotивление кулачества отбито. Внутреннее положение СССР еще более упрочилось» [1].

Между тем, по прошествии двух лет, жители многих регионов РСФСР, Украины, Казахстана, Белоруссии стали жертвами массового голода, инспирированного государственной политикой насильственной коллективизации и репрессивными мерами, широко практиковавшимися для принудительного изъятия зерна у производителя. От голода и болезней, связанных с недоеданием, в 1932 – 1933 гг. погибли, по мнению депутатов Государственной Думы РФ, около 7 млн. человек [2].

Однако еще в 1930 г. ряд территорий Советского Союза столкнулся с проблемой острой нехватки продовольствия, повлекшей за собой рост социальной напряженности и антисоветских настроений, стихийные митинги, забастовки, акции гражданского неповиновения, погромы и даже вооруженные выступления.

Одним из таких «проблемных» регионов явился Черноморский округ Северо-Кавказского края. Катализатором роста социальных противоречий явились здесь, как нам представляется, «большевистские темпы коренной ломки сельскохозяйственных устоев округа», сопряженных с задачей «правильного определения производственной физиономии» аграрного сектора экономики Черноморья, предусматривавшей резкое сокращение зернового клина и, в то же время, усиленное наращивание производства высокодоходных технических культур [3].

С точки зрения аграрной науки, в частности, анализа почвенно-климатических условий Черноморского округа, подобный подход к долгосрочному планированию развития сельскохозяйственного производства в регионе даже в наши дни не вызывает особых нареканий. Однако теоретически верное утверждение разработчиков плана «Пятилетки Черноморского сельского хозяйства» о том, что необходимое и достаточное обеспечение Черноморья привозным хлебом позволяет ставить вопрос «о предоставлении всей освоенной и подлежащей освоению земли под южные культуры нехлебного типа» [4], в условиях его практической реализации, обусловленной срывами поставок зерна из других регионов страны, привело к голоду и, как следствие, к острым социальным конфликтам в Черноморье. (Мы сознательно не используем в данном случае термин «массовый голод», поскольку разделяем точку зрения о правомочности его использования «для описания ситуаций, при которых люди умирают от голода и, кроме того, среди голодающих распространяются случаи каннибализма» [5]).

Установки директивных центров, сформировав у руководителей Черноморского округа представление о том, что «лишние 10 – 20 маршрутов овса или пшеницы погоды не делают; зато ее делают (и не только внутри страны, но и за границей) лишние 10 – 20 вагонов табака или хлопка», актуализировали очередную хозяйственную задачу – «изгнание хлебов».

«Наш округ, более чем подавляющая масса других округов, – избранник самой природы, и это надо помнить, – предваряли свои рассуждения о перспективах дальнейшего развития сельского хозяйства Черноморского округа местные экономисты. – Изгнание хлебов – не опыт сомнительной успешности, а крайняя, неотложная нужда в этом всей страны. Наступит момент, когда промышленность (табачная, дубильная, прядильная, химико-фармацевтическая, консервная, винная и др.) предъявит нам обвинение (и частично уже предъявила) в недостаточном развитии технических и вкусовых культур...» [6].

Нет оснований утверждать, что создатели плана «Пятилетки сельского хозяйства Черноморья» не видели реальных проблем, неминуемо возникающих на пути его реализации.

Напротив, разработчики плана справедливо указывали на круг актуальных задач, связанных с заменой экстенсивного хлебного производства интенсивным производством технических культур, развитием садоводства и виноградарства [7]. Однако не может не удивлять та поспешность, с которой местное руководство взялось проводить в жизнь эту теоретически верную, но явно преждевременную установку.

Так, если зерновой клин Черноморья в 1927 г. составлял 65,1 тыс. га, то к началу 1930 г. он сократился до 42,8 тыс. га, т.е. на треть. Однако даже столь высокие темпы сокращения площадей, занимаемых зерновыми культурами, не удовлетворяли руководителей Черноморского округа [8]. Они во всеуслышание заявляли о том, что пора прекратить «заниматься злокачественным злаковым полеводством» и требовали в самое короткое время «свести к нулю зерновые культуры» [9]. Пропагандистские демарши, а затем и практические действия властей, осуществлялись на фоне явного невыполнения базисного условия модернизации сельского хозяйства Черноморья – «полного хлебофуражного иждивения округа на бюджете других округов Северного Кавказа».

Ведь именно в это время (с 1 июня 1930 г.) в Черноморском округе было отменено централизованное (плановое) снабжение сельских местностей. Данное известие «ознаменовалось массовыми недовольствами, отказом от колхозных работ, выходами из колхозов и даже эксцессами» [10].

Динамику событий лета 1930 г. в Черноморском округе в полной мере раскрывают специальные сводки окружного отдела ОГПУ [11].

Уже в первые дни после отмены планового снабжения прокатилась волна протестных акций в Туапсинском и Сочинском районах, самостоятельное население которых было занято преимущественно в садоводческой и табаководческой отраслях. Беднейшие слои крестьянства, ввиду отсутствия у них денежных средств, не имели возможности приобретать продукты на частном рынке, а потому вынуждены были «буквально голодать» [12].

Протестное движение сельского населения отличалось многообразием форм, однако, наиболее массовый характер приобрели стихийные собрания колхозников, на которых принимались резолюции с требованием восстановить снабжение

села хлебом. Как правило, на собраниях выбирались делегации, которым поручалось передавать требования селян в директивные органы местной, региональной и даже центральной власти. Так, колхозники села Георгиевка направили своих представителей в Туапсе. Делегаты во время встречи с председателем райисполкома заявили буквально следующее: «Если вы нам хлеба не отпустите, то мы поедим в Ростов, а если Ростов откажет, то поедим в Москву, а после вернемся домой, распродадим свое имущество, посеяв бросим и переберемся в Абхазию, где будем питаться кукурузой» [13].

Наряду с достаточно мирными формами выражения недовольства сельских жителей Черноморского округа нередко возникали ситуации, которые в еженедельных сводках ОГПУ указывались с характерной пометой – «эксцесс».

Уже в первый день отмены планового снабжения продовольствием в Геленджике, «на базаре, собралась толпа в 150 чел. недовольных крестьян, в большинстве – женщины, которые с шумом и руганью направились в РайПО, требуя немедленного объяснения причин отказа крестьянству в выдаче хлеба». Не застав председателя РайПО на рабочем месте, около 20-ти женщин явились на квартиру председателя, где угрожали его жене «разгромом», в то время как основная масса недовольных митинговала у здания райисполкома. Наибольшую активность в ходе стихийного митинга проявили жены бывших красных партизан, которые выкрикивали, в частности, следующее: «Палками будем бить, если хлеб не дадите...»; «Скоро будем бить коммунистов, подождите, скоро попадет вам... муки давайте, а то мы сами возьмем».

Местные власти вынуждены были удовлетворить требования крестьян. Последним было выделено из общего курортного фонда 1,5 тыс. пудов муки [14].

В селе Дефановка Туапсинского района, также 1 июня, было создано «общегражданское собрание по вопросу о перспективах снабжения крестьянского населения». Собравшиеся (около 200 чел.) фактически сорвали выступление официальных докладчиков, высказав угрозы в их адрес («Если не будут выдавать хлеба, то мы с вами расправимся»).

Один из участников собрания, середняк Резниченко, высказался еще более категорично: «Надо перебить всех колхозников и коммунаров, тогда может быть будет лучше».

Гражданка Линева Анна намеревалась бросить камень в представителя райисполкома Гарагулю, однако ограничилась лишь угрозой: «Все равно скоро всех коммунистов перебьем».

Затем неорганизованная толпа крестьян – участников несостоявшегося собрания направилась к складам местной коммуны и Дефановского РайПО с целью их погрома. Однако заведующая складом сама открыла двери складского помещения, в котором хранилось лишь 9 мешков муки. В магазине РайПО муки не оказалось вовсе. «Толпа вынуждена была вернуться ни с чем», после чего потенциальные погромщики разошлись по домам [15].

Своеобразную форму протеста избрала греческая часть населения с. Лазаревка Туапсинского района. Местные греки отправили телеграмму на имя греческого посла в Москве следующего содержания: «Мы, греческоподданные, голодаем, местные власти отказали нам в выдаче хлеба, просим отвечать». Под текстом подписались главы 80-ти хозяйств. Разумеется, в Москву этот документ не попал, телеграмма была задержана сотрудниками ОГПУ [16].

Между тем, отказ в снабжении крестьян продуктами питания вызвал острую критику в адрес местных властей со стороны пролетариата Черноморья.

Так, 1 июня в Геленджике предполагалось провести общее собрание строителей города. Возмущенные рабочие, «с массовыми криками и руганью», сорвали доклад правления ЕПО (Единого представительного органа). Общий тон высказываний строителей сводился к следующему: «Нам стыдно есть хлеб, который производят крестьяне, в то время как они голодают и их лишают хлебного пайка. Это есть разрыв рабочего с крестьянством» [17].

Еще больший размах недовольство рабочих приобрело в «столице» черноморского пролетариата – городе Новороссийске.

В течение всего лета 1930 г. ситуация со снабжением сельских местностей продуктами питания, равно как и промтоварами, оставалась, по мнению окружного отдела ОГПУ, «катастрофической». Несколько лучше обстояли дела с рабочим снабжением и организацией питания в учреждениях санаторно-курортного комплекса. Хотя и здесь наблюдалась явная тенденция к значительному ухудшению основных показателей. Так, уже в июне только по геленджикскому курорту в план снабжения продовольствием не были включены 18 из 32 курортных

организаций (преимущественно комсомольские и пионерские лагеря), с числом отдыхающих более 5 тыс. чел. Из-за нехватки муки в геленджикском РайПО с 1 июня норма выдачи печеного хлеба на одного организованного отдыхающего была снижена с 600 до 400 граммов. Кстати сказать, единственным курортным учреждением, обитатели которого встретили подобное «нововведение» враждебно, оказались так называемые «Ленинские курсы». Здешние курсанты, преимущественно партийные ответработники, даже позволяли себе в гневе бросать на пол «урезанный» хлебный паек [18]. Что же говорить тогда о простых тружениках – рабочих новороссийских цемзаводов, портовиках, металлистах, которым приходилось иметь дело не только с суррогатным хлебом, но и с некачественными обедами в заводских столовых, простаивать помногу часов в очередях и покупать в лавках НЦРК (Новороссийского центрального рабочего кооператива) «испорченное и непригодное к использованию молоко», «селетки с червями и конскую колбасу, также имеющую червей»? [19].

Продовольственный кризис в Черноморье, обязанный своим появлением, прежде всего, издержкам сталинского курса модернизации страны, усугублялся явлениями местного характера: разбалансированностью экономики округа, отсутствием компетентных управленческих кадров, чудовищным бюрократизмом, безответственностью и коррупцией, царившими в советских и хозяйственных учреждениях, недоверием крестьянства к проводимой властями политике хлебозаготовок.

Местное руководство продемонстрировало свою беспомощность в деле изыскания дополнительных продовольственных ресурсов, в том числе, на подведомственной ему территории; не смогло создать систему социально справедливого распределения товаров повседневного спроса и основных продуктов питания среди различных слоев населения.

В конце июля оперативники отмечали в очередной сводке, что, например, «в Анапском районе в кооперативных лавках нет совершенно ничего, за исключением косметики»; «в Крымском районе местная кооперация не в состоянии удовлетворить население даже овощами, причем количество последних в кооперации все уменьшается, а цены возрастают, в то время как на

частном рынке отмечается совершенно обратное явление: количество овощей увеличивается, а цены падают» [20].

Бюрократическая чехарда, непрофессионализм управленцев, отсутствие у них элементарных экономических знаний, мздоимство и казнокрадство, безграмотная ценовая политика приводили в масштабах округа к значительным потерям продовольствия, в том числе, остродефицитных продуктов питания в ходе их транспортировки, складского хранения и реализации в розничной сети [21].

В условиях завершившейся в конце июля уборки колосовых культур и наличии у крестьян хлеба нового урожая местные власти не предприняли должных мер к насыщению внутреннего рынка зерном и мукой. Напротив, преследуя цель выполнения абсолютно неадекватных планов хлебозаготовок, спущенных сверху, они пытались создавать дополнительные трудности для хлеборобов-единоличников. Так, в Анапском районе из 5-ти имевшихся в наличие мельниц работала лишь одна, а норма помола ограничивалась 1 пудом муки на человека [22]. Но да же при таких ограничениях крестьяне отказывались от выполнения кабальных условий контрактации и последующей сдачи зерна государству.

Как видим, Черноморский округ, лишившись в угоду «высшим интересам государства», пусть и недостаточной, но, все же, своей собственной зерновой базы, оказался заложником масштабных экспериментов по коренной перестройке сельского хозяйства и связанных с ними ошибок централизованного планирования, объективных и субъективных трудностей переходного периода («колхозного строительства»), спада производства зерна и вынужденного поддержания заведомо «неподъемных» квот хлебного экспорта.

В этом смысле, особенности экономической жизни Черноморья лишь оттеняли те общие черты, которые стали характерными к началу 30-х гг. для всего советского экономического пространства и которые, в конечном счете, неминуемо вели к трагической развязке событий, произошедших двумя-тремя годами позже.

Примечания

1. Сталин И.В. Сочинения. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1949. С. 261.
2. Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР. Заявление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Пятого созыва. 2 апреля 2008 года // Парламентская газета. 2008. 3 апреля. С. 8.
3. Пятилетка сельского хозяйства Черноморья // Пролетарий Черноморья. 1930. 1 июня. С. 4.
4. Там же.
5. См., напр.: Загоровский П.В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 1998. – 132 с.
6. Пятилетка сельского хозяйства Черноморья // Пролетарий Черноморья. 1930. 1 июня. С. 4.
7. Там же.
8. Доклад т. Бадашева о работе окружного комитета ВКП(б) // Пролетарий Черноморья. 1930. 4 июня. С. 2.
9. Пятилетка сельского хозяйства Черноморья // Пролетарий Черноморья. 1930. 1 июня. С. 4.
10. Архивный отдел администрации г. Новороссийска (АОАН). Ф. Р-9. Оп. 3. Д. 89. Л. 23.
11. АОАН. Ф. Р-9. Оп. 3. Д. 89. Специальные сводки окружного отдела ОГПУ о ходе коллективизации, выселении кулачества, хлебозаготовках, перевыборах Советов, ходе посевной и уборочной кампаний, рабочем снабжении и другим вопросам.
12. АОАН. Ф. Р-9. Оп. 3. Д. 89. Л. 28.
13. Там же. Л. 23.
14. Там же. Л. 24.
15. Там же. Л. 25.
16. Там же. Л. 12.
17. Там же. Л. 27.
18. Там же. С. 26.
19. АОАН. Ф. Р-9. Оп. 3. Д. 80. Л. 186.
20. АОАН. Ф. Р-9. Оп. 3. Д. 89. Л. 144, 145.
21. Там же. Л. 144, 145, 165
21. Там же. Л. 143.

ГОЛОД 1921–1922 ГГ. И 1932–1933 ГГ. НА ЮГЕ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В российской деревне, население которой было вынуждено хозяйствовать в сложных природно-климатических условиях и при этом беспрекословно отдавать государству значительную часть произведенной продукции, голод являлся довольно частым гостем. Не стали исключением и первые десятилетия советской власти, на протяжении которых произошло немало локальных продовольственных кризисов и три крупных голодовки 1921 – 1922 гг., 1932 – 1933 гг. и 1946 – 1947 гг.

Каждая из перечисленных голодовок наносила серьезный ущерб сельскому хозяйству и заканчивалась гибелью сотен тысяч советских граждан, большинство из которых составляли сами производители продовольствия – крестьяне. Однако в общественном сознании россиян наиболее печальную известность приобрел Великий голод 1932 – 1933 гг., который нередко считают одним из самых страшных злодеяний сталинского режима. При этом к голоду 1946 – 1947 гг., также произошедшему в период правления И.В. Сталина, российское общество относится значительно более спокойно, оправдывая его тотальной послевоенной разрухой.

В настоящее время трагические события 1932 – 1933 гг. изрядно политизированы, в особенности на Украине, «оранжевое» руководство которой усиленно раздувает тему голодомора с целью нагнетания антироссийской истерии и, тем самым, добиваясь укрепления своих шатких позиций. Вряд ли у вменяемых людей может возникнуть сомнение в том, что политические измышлизмы имеют мало общего с исторической реальностью. В то же время тщательный и объективный сравнительно-исторический анализ трех указанных масштабных голодовок позволяет утверждать, что, действительно, голод периода коллективизации был во многом обусловлен политическими расчетами (и просчетами) как самого Сталина, так и его ближайших помощников из высшего звена партийно-советской номенклатуры. Одним из первых среди российских специалистов сравнительный анализ голодовок 1921 – 1922 гг., 1932 – 1933 гг. и 1946 – 1947 гг. осуществил

В.В. Кондрашин, который провел такое сопоставление на общероссийском материале [1]. В рамках данной публикации нами предпринята попытка развить и дополнить выводы В.В. Кондрашина на материалах Дона, Кубани и Ставрополья, – регионов, самым серьезным образом пострадавших от голода и в 1921 – 1922 гг., и в 1932 – 1933 гг.

Голод 1921 – 1922 гг., охвативший Поволжье, Юг Урала, Север Казахстана, Западную Сибирь, южные губернии Украины и Юго-Восток России (куда входили Дон, Кубань и Ставрополье), стал следствием целого ряда факторов. Среди них наиболее существенными являлись вызванная Гражданской войной разруха, налогово-заготовительная политика большевиков и сильнейшая засуха 1921 г. Причем, как полагает В.В. Кондрашин, «особенно негативной по своим последствиям для сельского хозяйства была продовольственная разверстка» [2], представлявшая собой в обозначенное историческое время основной метод изъятия сельхозпродукции из деревни. Материалы Юга России в полной мере подкрепляют этот вывод.

Продразверстка, широко практиковавшаяся большевиками в период Гражданской войны, начала оказывать свое разрушительное воздействие на аграрное производство Юга России еще до 1921 г. Продовольственные агенты и инспекторы при поддержке продотрядов забирали у крестьян и казаков максимально возможное количество зерна и другой сельхозпродукции. Причем реквизициям (то есть, по существу, узаконенному грабежу) подвергались не только индивидуальные крестьянско-казачьи хозяйства, но даже совхозы, считавшиеся собственностью советского государства. Так, в мае 1920 г. Земельный отдел облисполкома Донской области (Донземотдел) направил «командиру Кавфронта» телеграмму, в которой передавал поступившие от Таганрогского окружного земотдела «тревожные сведения о беспощадных реквизициях воинскими частями в Советских хозяйствах племенного рабочего скота[:] лошадей[, а также] семян[,] продовольствия и фуража». Донземотдел просил командование «сделать по фронту категорические распоряжения о прекращении в Советских хозяйствах реквизиций без ведома Дон и Окрземотделов». Командование, однако, умыло руки, заявив буквально следующее: «Таганрогский Округ в состав Кавказского фронта не входит» [3] (иными словами, продотряды из состава воинских частей Кавфронта

могли производить реквизиции в Донской области, а штаб отговаривался тем, что он на них влиять не может, ибо территории, где эти отряды оперируют, к фронту не относятся). И подобные бесчинства не ограничивались только границами Таганрогского округа. Донземотдел рассылал телеграммы такого же содержания, касавшиеся совхозов других округов области, в Луганский губземотдел и даже (видимо, отчаявшись найти управу на распоясавшихся продагентов) в Наркомзем. Практически во всех случаях текст телеграмм был стандартен; лишь иногда к заявлениям о «безпощадных реквизициях» добавлялись слова о том, что «противодействие [продотрядам] невозможно», а милиционеры на местах «содействуют реквизиции» [4]. Если от продразверстки страдали даже совхозы, что уж говорить о казаках и крестьянах Юга России.

Продразверстка привела к сокращению посевных площадей, так как, во-первых, лишила земледельцев значительной части семенного фонда. По данным Донземотдела, в 1910 г. в Донской области было засеяно 5,96 млн. десятин, а в 1920 г. посевные площади снизились до 1,84⁴ млн. десятин, то есть больше, чем в 3,5 раза. Причем сотрудники Донземотдела утверждали, что одной из основных причин сокращения запашки, наряду с острейшим дефицитом тягла, рабочих рук, сельхозинвентаря, выступает также «недостаток посевного материала»; утверждалось даже, что «главнейшим (курсив наш – авт.) тормазом увеличения посевной площади служит большой недостаток в посевном материале» [5]. Сокращение посевов естественным образом влекло за собой снижение валовой продукции сельского хозяйства (например, на Кубани за 1913 – 1920 гг. урожай сократился с 304 до 64 млн. пудов [6]), что в случае природных катаклизмов намного повышало вероятность голода.

Во-вторых, продразверстка лишала хлеборобов стимулов к расширению площади запашки, так как нередко продотряды забирали у крестьян и казаков не излишки, а продовольственные и семенные запасы. Кроме того, продразверстка выполнялась, в основном, середняцкими и зажиточными хозяйствами, которые по принципу круговой поруки были вынуждены брать на себя и обязательства бедняков. Все это не способствовало стабилизации, а тем более развитию аграрного производства на Юге России.

Видя снижение посевных площадей в южных, хлебородных, губерниях страны, партийно-советские органы власти сделали все, чтобы организовать весеннюю посевную кампанию 1921 г. Кампания первоначально проводилась в соответствии с политикой «военного коммунизма», то есть носила ярко выраженный принудительный и милитаризованный характер. Весенний сев 1921 г. был объявлен «боевым заданием» [7], пресса запестрела лозунгами типа «незасеянное поле – лютый враг Республики» [8]. Революционный Военный Совет (РВС) трудовой армии Юго-Востока России в своем приказе № 8 от 26 января 1921 г. доводил до сведения казаков и крестьян, что VIII Всероссийский съезд Советов «требует от всех земледельцев полного и обязательного засева своих полей и правильного ведения хозяйства, объявляя это обязательной государственной повинностью». Развивая идеи VIII съезда, РВС объявлял период с 15 февраля до 5 марта 1921 г. «ударным месяцем организации весеннего посева». Посев должен был проходить под контролем (а при необходимости – под давлением) уполномоченных разного уровня, продотрядов и специально созданных посевных комитетов (посевкомов), характеризовавшихся как «новые боевые органы на с/х. фронте» [9].

Поскольку в марте 1921 г. на X съезде РКП(б), как известно, было заявлено о фактической замене политики «военного коммунизма» новой экономической политикой, органы власти в целях успешного проведения весенней посевной кампании стали апеллировать к хозяйственной инициативе и заинтересованности хлеборобов. В этой связи нельзя не согласиться с исследователями, утверждавшими, что «замена разверстки натуральным налогом, переход к товарно-денежным отношениям были понятны крестьянину и казаку» и «создавали мощный стимул для развития сельскохозяйственного производства» [10]. Действительно, среди крестьянства и казачества Дона после официальных деклараций о ликвидации военно-коммунистического варианта аграрной политики распространились настроения, выраженные словами одного из земледельцев: «хотел только 5 десятин засеять, а теперь постараюсь и, может, 8 – 10 оборудую» [11].

В ходе весенней посевкампании 1921 г. на Юге России удалось несколько расширить площади основных сельхозкультур, по сравнению с предшествующими годами. Однако засуха похоронила надежды на хороший урожай и, «в сочетании с чрезмерным

налогообложением вызвала массовый голод в Поволжье и на Северном Кавказе» [12].

Масштабы голода на Дону, Кубани, Ставрополье были весьма значительны. По данным П.Г. Чернопицкого, в целом на Юго-Востоке России голодало 1,5 млн. человек, в том числе на Дону 638 тыс. человек, или почти 50 % населения [13] (это не удивительно, так как к середине 1922 г. голодом была охвачена практически половина Донской области [14]). Не случайно представители органов власти на Дону говорили в декабре 1921 г.: «во второй половине 20-го года, мы имели улучшение, а в 21-м году мы пережили необычайной остроты хозяйственный кризис» [15]. Самая же тяжелая ситуация сложилась на Ставрополье. Здесь посевы почти полностью погибли от засухи, а от голода пострадало 600 тыс. человек, то есть 74,6 % местного населения [16].

Несмотря на недород, партийно-советское руководство не отказалось от повышенного налогообложения. Хотя официально продразверстка была отменена, власти попытались продолжить ее в завуалированной форме, объявив о реализации на Юге России так называемого единовременного продовольственного наряда. С кубанских хлеборобов большевики потребовали наряд в размере 5 млн. пудов [17], с донских – 643 тыс. пудов (первоначально размер наряда на Дону был больше, но его снизили из-за возмущения хлеборобов) [18]. Практически не изменились методы сбора налогов. В декабре 1921 г. представители партийного руководства Донской области говорили, что продналог на местах собирали так же, как ранее продразверстку: «продналоговая кампания по Дону приобрела характер продразверстки со всеми вытекающими последствиями», «формы [сбора продналога] походят на старую продразверстку и фактически деревня не отличает нашего продналога от продразверстки», «репрессии [при сборе продналога] превышают разверстку. В [Донской] области [при сборе налога] эксцессов было больше, чем нужно: вместо арестов целыми пачками, можно, было-бы ограничиться десятками и единицами» [19].

Итак, удручающие последствия природной стихии значительно усиливались аграрной политикой большевиков, которые беспощадной продразверсткой сначала практически разорили земледельцев Юга России, а в 1921 г., не взирая на неурожай, требовали выполнения весьма ощутимых государственных повинностей. Этими

обстоятельствами события 1921 – 1922 гг. очень походили на Великий голод 1932 – 1933 гг., масштаб и тяжелейшие последствия которого были во многом обусловлены упорным стремлением сталинского режима выбить из ослабленных единоличных и коллективных хозяйств максимально возможное количество хлеба, не обращая при этом внимания на произошедшее вследствие засухи снижение урожая.

С другой стороны, в 1921 – 1922 гг. органы власти на местах немало сделали и для того, чтобы как-то снизить остроту возникшего продовольственного кризиса и уменьшить масштабы голода. Наиболее пострадавшие территории все-таки получили налоговые льготы. В частности, 12 июля 1921 г. Краевой Экономический Совет Юго-Востока России постановил признать Медвеженский и Благодарненский уезды и 11 волостей Ставропольского и Александровского уездов голодающими. Было решено просить ВЦИК об уменьшении им налога: на 50 % для Медвеженского уезда и на 30 % для всех остальных перечисленных территорий [20].

Активизировались мероприятия по созданию комитетов крестьянской взаимопомощи (КОВов), которые должны были аккумулировать средства сельского населения на поддержку тех или иных категорий нуждающихся. Представители власти на Дону в сентябре 1921 г. подчеркивали, что «трудовое крестьянство должно напрягать все усилия для того, чтобы научиться собственными средствами изживать недостатки в своей хозяйственной жизни, когда для этого можно при организованности вполне обойтись без государственной поддержки». КОВы должны были помочь хлеборобам самим справиться с голодом: «комитеты крестьянской взаимопомощи – это средство в руках трудовых крестьян и казаков, дающее возможность избежать трудящимся многих более или менее тяжелых бедствий» [21].

Кроме самих крестьян, на помощь голодающей деревне было призвано советское общество в целом. В июле 1921 г. была создана Центральная комиссия помощи голодающим. Представители власти неоднократно организовывали и проводили кампании по сбору средств в пользу населения пораженных голодом губерний и уездов. Например, ВЦИК наметил в период между 15 сентября и 15 октября 1921 г. провести Всероссийскую неделю помощи голодающим [22]. Причем, в полном

соответствии с духом исторической эпохи, отдельные категории населения принуждались к оказанию помощи страдавшим от голода крестьянам. В частности, осенью 1921 г. на Дону «в помощь голодающим было проведено налоговое обложение буржуазии» [23]. Другим известным мероприятием в данном направлении стало изъятие церковных ценностей, средства от реализации которых (правда, далеко не в полном объеме) были использованы на поддержку голодающих крестьян.

Более того, советское правительство не стало замалчивать факт голода и согласилось принять значительную помощь от иностранных государств, несмотря на напряженные взаимоотношения с ними. Лига Наций образовала специальную комиссию помощи голодающим гражданам России во главе с известным путешественником Ф. Нансеном. Огромную помощь Советской России в данное время оказала Американская администрация помощи (АРА). Как отмечает В.В. Кондрашин, АРА обеспечила продовольствием более 10 млн. граждан России, в то время как все остальные международные организации – менее 1 млн [24].

Не стоит преувеличивать ни готовность большевиков в 1921 – 1922 гг. помогать голодавшим земледельцам (в том числе и южнороссийским), ни масштабы поступившей в деревню помощи. Указывая на недостаточно активные усилия властей в борьбе с голодом, представители партийного руководства Донской области в декабре 1921 г. критиковали своих партбоссов и утверждали: «все-таки сделано мало по сравнению с тем, что можно было сделать» [25]. Но, с другой стороны, неправомерно и преуменьшать оказанную советским крестьянам помощь.

Великий голод 1932 – 1933 гг. по своим причинам во многом напоминал голод 1921 – 1922 гг. Поспешно созданные и экономические слабые колхозы, и без того не демонстрировавшие высоких производственных показателей, в результате засухи 1932 г. собрали небольшой урожай (причем часть сельхозпродуктов так и осталась гнить на полях или была потеряна во время транспортировки на тока). Последствия засухи были усугублены нежеланием сталинского режима отказываться от постоянно практиковавшейся им во время сплошной форсированной коллективизации налогово-заготовительной

политики, ориентированной на принудительное изъятие из деревни максимально возможного количества сельхозпродукции.

Однако в отношении борьбы с голодом события 1921–1922 гг. и 1932–1933 гг. заметно разнятся. Сталин и его сторонники, в отличие от своих предшественников, не только не отказались от выколачивания из голодавшей деревни требуемого количества сельхозпродукции, но и не сделали попытки организовать кампанию помощи нуждавшимся колхозникам и единоличникам. В этой связи В.В. Кондрашин справедливо отмечает, что в 1932–1933 гг. «масштабы смертности от голода и вызванных им болезней в немалой степени определялись нежеланием сталинистов обратиться за помощью к мировому сообществу, поскольку в силу политических причин голод замалчивался» [26]. Тем самым, вина за миллионы погибших от голода 1932–1933 гг. ложится на сталинский режим, не пожелавший использовать отработанные советской властью методики борьбы с масштабными голодовками, каковой являлся голод 1921–1922 гг. Продовольственная диктатура советской власти, чем бы она не оправдывалась в разные исторические периоды, нанесла непоправимый урон сельскому хозяйству, и каждый раз требовались годы на восстановление утраченного. Платой за исторические ошибки советской власти стали жизни российских крестьян, причем особенно смертность коснулась хлеботородных районов Юга России.

Примечания

1. Кондрашин В.В. Голод 1932 – 1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 318 – 333.
2. Там же, С. 319.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. р-1775, оп. 1, д. 311, л. 24, 24об.
4. ГАРО, ф. р-1775, оп. 1, д. 311, л. 26, 27.
5. ГАРО, ф. р-1775, оп. 1, д. 192, л. 19, 23.
6. История Кубани. XX век. Очерки / Гл. ред. В.Е. Щетнев. Краснодар, 1998. С. 35.
7. ГАРО, ф. р-1775, оп. 1, д. 192, л. 10.
8. Красный Дон. 1921. 3 марта.
9. ГАРО, ф. р-1775, оп. 1, д. 192, л. 28, 36.
10. Ленинский путь донской станицы / Под ред. Ф.И. Поташева и С.А. Андропова. Ростов н/Д., 1970.С. 45.

11. Сквозь ветры века. Очерки истории Ростовской областной организации КПСС (80-е гг. XIX в. – 1987 г.) / Отв. ред. Е.Н. Осколков. Ростов н/Д., 1988. С. 184.
12. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999. С. 81.
13. Чернопицкий П.Г. Деревня Северо-Кавказского края в 1920 – 1929 гг. Ростов н/Д., 1987. С. 54.
14. Очерки истории партийных организаций Дона. 1898 – 1971. В 2-х ч. Ч. II. 1921 – 1971. Ростов н/Д., 1973. С. 31.
15. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), ф. 4, оп. 1, д. 67, л. 15.
16. Очерки истории Ставропольского края. В 2-х т. Т. 2. С 1917 года до наших дней / Отв. ред. А.А. Коробейников. Ставрополь, 1986. С. 83; Чернопицкий П.Г. Указ. соч. С. 54.
17. История Кубани. XX век. С. 38.
18. Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920 – 1937 гг.). Ростов н/Д., 1971. С. 42.
19. ЦДНИ РО, ф. 4, оп. 1, д. 67, л. 29, 33, 35.
20. ЦДНИ РО, ф. 4, оп. 1, д. 156, л. 25.
21. ЦДНИ РО, ф. 4, оп. 1, д. 99, л. 113.
22. Там же, л. 120.
23. Очерки истории партийных организаций Дона. Ч. II. С. 32.
24. Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 322 – 323.
25. ЦДНИ РО, ф. 4, оп. 1, д. 67, л. 26.
26. Кондрашин В.В. Указ. соч. С. 332.

И.Ю. Бондарь (г. Краснодар)

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ГОЛОДЕ НА КУБАНИ 1932–1933 ГГ.

Центр документации новейшей истории Краснодарского края, созданный в сентябре 1991 г. на базе бывшего партийного архива крайкома КПСС, – единственный кубанский архив, сохранивший в своих фондах крупный комплекс документов официального происхождения начала 1930-х годов. В крайгосархиве и большинстве архивов городов и районов Кубани архивные материалы 1930-х годов отсутствуют, так как документы горрайисполкомов, сельсоветов, колхозов, различных ведомств и организаций за этот период погибли во время оккупации края в годы Великой Отечественной войны.

В начале 1930-х годов территория Кубани находилась в составе Северо-Кавказского края с центром в г. Ростове-на-Дону. После ликвидации в 1930 г. окружного административно-территориального деления кубанские районы напрямую подчинялись краевому руководству в г. Ростове-на-Дону. Поэтому фонды Центра документации (и соответственно документы в них) – только районного (городского) уровня. За обобщающими материалами по краю исследователям нужно обращаться в Центр документации новейшей истории Ростовской области и федеральные архивы (РГАСПИ, ГАРФ, РГАЭ, ЦА ФСБ РФ). Однако это обстоятельство вовсе не обесценивает местные источники. Именно они позволяют в хронологической и практической детальности проследить, как в конкретно взятом районе, населенном пункте реализовывалась политика хлебозаготовок, кульминацией которой стал массовый голод.

Документы начала 1930-х годов представлены в Центре документации в 56 фондах сельских райкомов ВКП(б) (из них 55 фондов уже рассекречено), 34 фондах районных комиссий по чистке партии (все рассекречены), 10 фондах политотделов МТС (все рассекречены), а также в фондах городских комитетов партии, городских и районных комитетов ВЛКСМ и фондах первичных парторганизаций.

Основной блок информации по теме хлебозаготовок содержат фонды сельских райкомов ВКП(б). Однако при работе с ними обращает на себя внимание странное, на первый взгляд, обстоятельство – крайне скудный состав документов сравнительно с другими десятилетиями. В фондах не отложились или почти не встречаются информационные документы различных организаций, присылаемые в райкомы, переписка, справки, отчеты и прочие виды документации, типичной в партийном делопроизводстве. "Особые папки" за эти годы также сохранились в единичных случаях и, как показывают исправления в нумерации листов, – в очень неполном составе.

Сдаточных описей и других учетных данных, свидетельствующих о возможных утратах и списании документов, не сохранилось. Но можно предположить, что многие документы 1930-х годов, попадая под нож проводимых в то время в стране "макулатурных кампаний", просто не успевали дойти до архивного хранения. Кроме того, фонды райкомов ВКП(б) в необработанном

виде перевозились из районов края в г. Ростов-на-Дону, а затем после создания самостоятельного Краснодарского края в 1937 г., – в партийный архив в г. Краснодар, возможно, подвергаясь в ходе этих путешествий чисткам или утратам. Достоверно известно, что уже в Краснодаре в 1941 г., перед отправкой документов партархива в эвакуацию в Казахстан, специальная комиссия крайкома ВКП(б) провела экспертизу материалов партархива, выделив к уничтожению без составления отборочного списка 65 тысяч единиц хранения, не представлявших, с позиций того времени, практической и научно-исторической ценности. Установить, что это были за дела, уже невозможно.

Очевидно, что на состав официальных документов райкомов (также как и на их содержание) повлиял своего рода режим умолчания, общепринятый в партийных инстанциях и высшем руководстве страны для сокрытия ужасных последствий голода и персональной ответственности за это. Табуировано было само слово «голод», вместо него использовался термин «продзатруднения» [1]. В редких случаях в партийных документах райкомов упоминается «голодовка», «спекуляция якобы на голоде». Характерно, что в протоколах бюро райкомов ВКП(б) досконально подсчитывается падеж скота, тягла, кур, гусей (порой с излишними для партийного документа ветеринарными подробностями), но о гибели людей нет ни слова!

Прямое свидетельство голода, обнаруженное в ходе изучения более десяти фондов нашего архива, содержится в отчетном политдонесении начальника политотдела Лиманской МТС Н.П. Петрова от 29 декабря 1933 г. Вполне вероятно, что сохранилось оно благодаря многословности автора, составившего свой отчет в виде пятнадцатистраничного сплошного текста, перегруженного самой разной информацией, от данных по выполнению планов до рассуждений о роли МТС, среди которых «затерялись» потрясающие свидетельства очевидца.

«Основное, что характеризовало в январе положение колхозов, – писал Н.П. Петров в этом отчете, – это саботаж в хлебозаготовках. В целом МТС выполнила план хлебозаготовок 72 %. Но целый ряд колхозов всего сдал 44-48-56% (им. Буденного, Кр. Партизан, Нестеренко и др.). Нечего и говорить, что эти проценты колхозы сдали не добровольно, а через ямы и черные амбары. Больше 6000 ям, из них 3500 с зерном были разрыты. Весь

район МТС наводнен уполномоченными, которые руководили не колхозами и бригадами, а группами комсодов. При таком руководстве роль правления, бригадира, роль бригады совершенно стерлась. Формально колхоз существовал, а фактически его не было... Колхоз как организация был стерт. Бригады перемешались, поразбегались...

Состояние людей было... жутким. За январь–апрель по ряду колхозов умерло от 365 ч. до 290 ч., итого по четырем колхозам свыше 1000 человек».

Далее автор приводит страшные примеры людоедства, похищения трупов с кладбища, пишет, что *«людей даже не хоронили, а просто сбрасывали на кладбище или на улицу»*, характеризует психологическое состояние голодающих (апатия, безразличие к своей участи). Особое внимание уделяет фактам сокрытия зерна не только отдельными колхозниками, но и целыми колхозами. Так, в колхозе им. Буденного, по его свидетельству, – *«самом саботажном»* – *«даже опухших от недостатка питания не было»* и *«маленький штрих – даже собаки (огромные овчарки) здоровенные полностью сохранились. Ясно, что колхоз разворовал [зерно], довольно крепко спрятал и понемногу питался до госпродсуды...»*.

В этом же документе приведены такие личные наблюдения автора: *«Зимой деревня была точно мертвая. Попадающиеся тогда на улице люди – это или уполномоченные района или края, или комсоды. Было тихо до противности. Летом и весной появились песни. Часов с 10 вечера колхозные поля летом дрожали от песен, смеха и плясок. Любопытно, такие же вещи были и с тяглом. Уже в апреле кони при виде несущегося автомобиля стали поводить ушами и глазами. В мае и дальше: при виде авто кони брали в карьер и неслись без удержки по степи. Тягло тоже почуяло новую обстановку. Этим я не хочу охаять вчерашнее, я просто констатирую трудности 1932 года»* [2].

Наряду с итоговым донесением в том же деле сохранились и текущие информации начальника политотдела МТС, характеризующие обстановку на местах в разные месяцы 1933-го года. В них много поразительных фактов и деталей. Например, в политдонесении №3 от 13 марта 1933 г. описаны обстоятельства получения семенной ссуды колхозниками Лиманской МТС:

«По получению постановления посевоккома о семсуде политотдел вместе с дирекцией созвал секретарей ячеек, пом.директоров на участках и председателей колхозов. На этом совете были выработаны конкретные мероприятия по охране семян в пути и на месте. В колхозах под руководством сельсоветов была создана военизированная охрана из партийцев, кр. партизан, бывших красноармейцев и б/п колхозного актива. Предусмотрена была охрана амбаров, их освещение и огороживание колючей проволокой. Была даже предусмотрена дружина из сельского актива на случай экстренного вызова.

Однако несмотря на выработанные указания, ... сельские организации, особенно селений Ей-укрепление, Николаевка и Шабельское не учли всех указаний, в результате чего в первый день было по всем колхозам разворовано в пути и на месте 4 с лишним центнера. В Ей-укреплении 7-я бригада колхоза «Красный партизан» и отчасти 3-я бригада произвели налёт силами гл. образом подростков с ведрами, чашками, мешочками и т.п. – на транспорт с зерном. Охрана оказалась пассивной. Достаточного отпора грабителям не дала».

Далее автор донесения сообщает, что сразу же *«вместе с милицией был проведён обыск у подводчиков и нападающих, половина семян была найдена в целости, а часть уже была сварена в котлах... Характерен штрих – что на воровство послали главным образом детей».*

После этого инцидента охрана была заменена и усилена. Кроме того, *«охране выделили по 250 г муки в день из фонда продовольственной помощи, установили патрули на улицах села, установили летучие обыски подводчиков...»* [3].

Лаконичные свидетельства голода встречаются и в других архивных фондах политотделов МТС. Так, в донесении начальника политотдела Новолеушковской МТС Котикова от 21 февраля 1933 г. сообщалось о более трех десятков случаев «опухания от недоедания», выявленных работниками политотдела «без широкой огласки» [4]. Начальник политотдела Гулькевичской МТС Морозов 19 апреля 1933 г. докладывал:

«За последний период при проверке по колхозным домам обнаруживаются опухшие колхозники, их жены и дети, особенно среди единоличных хозяйств, где при проверке лично мною до 15 дворов Соколовского сельсовета и проверкой до 30 дворов

Николаевского сельсовета почти в каждом дворе опухшие женщины и дети. Полученная продовольственная помощь по нашему распоряжению немедленно выдается... Случаев смерти от голода за период апреля месяца зарегистрировано до пяти, и один неизвестный труп мертвой женщины найден в поле» [5].

В отчетном политдонесении начальника политотдела Новоластуновской МТС Гатина, составленном 3 декабря 1933 г., читаем:

«Посевную кампанию [весной 1933 г.] пришлось проводить в труднейших условиях. Лошади падали в борозде, то и дело приходилось их поднимать, а в лучшем случае они каждые пять – десять метров становились. Сплошной крик стоял в степи: «но...о, но...ой». Колхозники тоже недостаточно физически окрепли, также не вырабатывали нормы...

Истекшая тяжелая в продовольственном отношении зима ударила и по индивидуальному подсобному животноводческому хозяйству колхозников. Свины были все вырезаны. Птицы почти не осталось. Коров много порезали преимущественно под влиянием кулацкой агитации о том, что всех коров заберут в хлебозаготовку...

Станицы были как будто вымершие. Тишина. Ни песен, ни смеху. Запустенье. Под влиянием чуть ли не ежедневных смертей от истощения сильно было такое настроение – “все подохнем...”.

Бригады полуразвалились. Правления колхозов ежедневно были осажены колхозниками, просили о выдаче “хоть чего-нибудь, что можно было есть”. И правления колхозов скупно выдавали на два-три дня то, что они имели: кислую капусту, березку и куколь, заменявшие хлеб. Значительная часть колхозников от длительного недоедания и питания суррогатом была пухлая. 1300 человек по району деятельности МТС в эти предвесенние месяцы и первые весенние (март – апрель) вымерли. Причем большей частью взрослые мужчины и старики. Женщины оказались выносливее» [6].

Прочитанные документы, как уже отмечалось, – исключение. Основной массив источников в Центре документации – протоколы (бюро, пленумов, конференций) с соответствующими постановлениями. Благодаря развернутой преамбуле постановления бюро райкомов достаточно информативны и, как правило, содержат описание повседневной обстановки и изменений

в ней с момента предыдущего решения. Документы партийных чисток (протоколы заседаний комиссий и материалы к ним, постановления о вынесении взысканий и исключении из партии) сфокусированы на персоналиях, но, тем не менее, часто содержат детали конкретных событий, ярко характеризуют состояние парторганизаций в ходе хлебозаготовительной кампании и репрессий, противодействие им многих коммунистов, с одной стороны, и разложение ряда членов ВКП(б), занявшихся спекуляцией, присвоением конфискованного имущества, – с другой. Кроме того, в делопроизводстве комиссий по чистке встречаются ценные аналитические доклады и отчеты о состоянии районов и населенных пунктов, которые составляли члены оргпартгруппы, направленные проводить чистку. В таких документах, как правило, приводится экономическая и демографическая статистика в динамике за несколько лет, сообщается революционная и «контрреволюционная» история местности, даются сведения о коллективизации, хлебозаготовках, саботаже, примененных репрессиях, состоянии советского актива, парторганизаций и комячеек, комсомола, профсоюза и пр. То есть содержится материал обобщающего характера, который не отражен в «повседневных» постановлениях бюро райкомов ВКП(б).

Физическое состояние архивных документов начала 1930-х годов за немногими исключениями малоудовлетворительное. Часто это третьи, четвертые копияные экземпляры протоколов (оставляемые в собственном делопроизводстве партийных комитетов и комиссий на правах подлинника). Многие документы напечатаны на ветхой или папиросной бумаге, сплошную, без интервалов, с трудночитаемым текстом. Однако исследователи, которые преодолеют сложности работы с архивными источниками 1930-х годов, безусловно, получат хотя и мозаичный, но очень ценный исторический и краеведческий материал.

О чем же предметно рассказывают документы фондов Центра документации, относящиеся к периоду 1932-1933 гг.? Перечислим некоторые вопросы и темы.

О проведении весенней посевной кампании 1932 г.: нехватке семян, сборе семенного фонда в порядке «самообязательств» и займов у колхозников, «мобилизации» семенных запасов единоличников; увеличении посевов пшеницы за счет снижения посевов трав, кукурузы и огородов.

В документах приводятся показатели выполнения планов сева, причины отставания, оргмеры райкомов по обеспечению окончания сева.

О проведении уборки хлебов летом 1932 г., планах хлебозаготовок и ходе их выполнения: приведены цифры основных и дополнительных планов по колхозам, единоличному сектору, кулацко-зажиточным хозяйствам, а также в разрезе сельсоветов и по району в целом; данные об урожайности, срыве сроков и объемов хлебозаготовок; прибытии специальных бригад из края для выявления наличия хлеба; вывозе на элеватор остатков семенных фондов. Отдельными постановлениями райкомов освещается ход выполнения планов о поставке зерна на экспорт. Даны оценки невыполнения планов хлебозаготовок: «саботаж», «оппортунистическое объяснение дождями», «расхищение». Сообщается о дополнительных мерах по обеспечению хлебозаготовок: запрете колхозам образовывать «какие бы то ни было резервы»; вывозе обмолоченного хлеба немедленно на элеватор «без завоза в амбары»; объявлении ночных работ; о взысканиях руководителям хозяйств и комячеек, снятии с должности и предании суду.

Об организации: *комсодов* – комиссий содействия хлебозаготовкам из актива (бывших батраков, красных партизан, комсомольцев) для выявления расхищенного хлеба и содействия в применении репрессий к саботажникам; *щуповых бригад* (специальными палками-щупами искали тайники с хлебом); *бухсирных бригад* (из соседних колхозов и районов; выезжали в отстающие хозяйства для проверки полей, скирд, повторного обмолота хлебов и пр.); назначении и работе *уполномоченных* из числа работников районов, городов и краевого аппарата, ответственных за организацию хлебозаготовок. О применении практики «посылки колхозников одного колхоза в другой» для выявления скрытого хлеба, осмотра всех скирд и полей. О деятельности созданных весной 1933 г. районных комитетов по проведению весеннего сева (*посевкомов*).

О мерах по усилению хлебозаготовок: массовых обысках, натуральном штрафе мясом, запрещении использовать молочные продукты с колхозных ферм «для местных нужд»; изъятии у «саботажников госполиткампании» всех продуктов питания; о снятии «упорствующих» в сдаче семян с колхозного обслуживания

(не продавать промтовары, задерживать расчеты по трудодням; не давать лошадей для поездок на базар и т.п.); о начислении пени единоличникам за невыполнение плана и принудительном изъятии недоимок «только натурой». О проверке колхозников, имеющих наименьшее количество трудодней, а также тех, на кого поступили заявления об укрытии хлеба, и аресте виновных. О проведении судебно-показательных процессов с применением высшей меры наказания «в отношении воров колхозного хлеба». Об исключении из колхозов лиц, имеющих не более 20 – 25 трудодней, и немедленном предъявлении к исключенным требований по платежам как к единоличникам. О вывозе всего хлеба с общественных запашек и проверке всех колхозных амбаров.

О занесении кубанских станиц на черные доски и проведении в них репрессивных мер: прекращении торговли, закрытии базаров, магазинов, ларьков, вывозе товаров и продовольствия, досрочном взыскании обязательств, запрете выездов из станиц, чистке соваппарата и парторганизаций, роспуске сельсоветов, колхозов, бригад, отдаче под суд, организации выездных судебно-показательных процессов, ходатайствах перед крайкомом ВКП(б) о выселении за пределы края и одобрении принятых решений.

О выселении из домов, отобрании приусадебных земель, запрещении всякого убоя и продажи скота впредь до снятия с черной доски. О продаже имущества колхозов, колхозников и единоличников в случае невнесения платежей. Единичные свидетельства имеются и об использовании войск для обеспечения «чернодосочных» мероприятий. Так, 26 ноября 1932 г. бюро Тихорецкого райкома ВКП(б) ходатайствовало перед командованием артполка о стягивании в станицу Новорождественскую «300 человек переменников других станиц района, сохранив руководство за командованием полка» [7]. Воинские части, переменники-резервисты и переведенные на казарменное положение члены партии использовались также для охраны и сопровождения вывозимых из станиц продовольственных и фуражных обозов [8].

Всего с 4 ноября 1932 г. до начала 1933 г. на черную доску согласно постановлениям Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) было занесено тринадцать кубанских станиц (в скобках указаны даты постановлений):

1. **Медведовская** Тимашевского района (4 ноября 1932 г.)
2. **Новорождественская** Тихорецкого района (4 ноября 1932 г.)
3. **Темиргоевская** Курганинского района (4 ноября 1932 г.)
4. **Полтавская** (переименована в Красноармейскую) Славянского (ныне Красноармейского) района (24 ноября 1932 г.)
5. **Незамаевская** Павловского района (25 ноября 1932 г.)
6. **Ладожская** Усть-Лабинского района (26 декабря 1932 г.)
7. **Новодеревянковская** Староминского (ныне Каневского) района (26 декабря 1932 г.)
8. **Стародеревянковская** Каневского района (26 декабря 1932 г.)
9. **Уманская** (переименована в Ленинградскую) Павловского (ныне Ленинградского) района (26 декабря 1932 г.)
10. **Урупская** (переименована в Советскую) Армавирского (ныне Новокубанского) района (26 декабря 1932 г.)
11. **Платнировская** Кореновского района (31 декабря 1932 г.)
12. **Старощербиновская** Ейского (ныне Щербиновского) района (31 декабря 1932 г.)
13. **Шкуринская** Кушевского района (дата занесения не установлена в связи с несохранностью в ЦДНИКК документов Кушевского райкома ВКП(б) за ноябрь-декабрь 1932 г.; с черной доски снята 1 апреля 1933 г.).

В этом списке – станицы из разных районов Кубани, и бывшие черноморские, и бывшие линейные. Даже первые занесенные на черную доску три кубанские станицы имели различное происхождение (и соответственно состав населения): Новорождественская была бывшим крестьянским селением, переведенным в 1848 г. в составе Тихорецкой волости из Ставропольской губернии в Кавказское линейное казачье войско; Медведовская – из первых черноморских станиц, основана в 1793 г.; Термиргоевская – закубанская линейная станица, поселена в 1855 г. На черной доске их объединил «саботаж хлебозаготовок».

Но масштаб «чернодосочных» мер этими станицами не ограничивался. Постановлением Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 4 ноября 1932 г. (и соответствующими решениями низовых партийных комитетов) предписывалось «в качестве последнего предупреждения» полностью прекратить завоз товаров в 10 районов края (в том числе 8 кубанских), а еще из 10 районов (все кубанские), прекратив завоз, «вывезти все товары со складов райпотребсоюза и товарных баз промышленности и кооперации» [9].

По ходу «усиления хлебозаготовок» получила распространение практика локализации репрессий внутри населенных пунктов. На черные доски со всеми вытекающими последствиями заносили отдельные колхозы и отдельные бригады в различных станицах. К весне 1933 г. появилась и дифференциация по сельхозработам: за хлебозаготовки, за сбор семян, за невыполнение планов сева. Так, например, 10 февраля 1933 г. бюро Ейского райкома ВКП(б) постановило: «Занесенную на черную доску по хлебозаготовкам станицу Старощербиновскую занести на черную доску по сбору семян» [10].

О выселении из станиц: единоличников; колхозников распушенных колхозов, переведенных на положение единоличников; кулацко-зажиточных хозяйств; жителей чернодосочных станиц Новодеревянковской, Полтавской, Медведовской, Уманской, Шкуринской и др. (ходатайства райкомов о выселении, разрядки по количеству выселяемых хозяйств). Именные списки отсутствуют, за исключением списка на 308 семей по ст. Шкуринской Кушевского района, выселенных в апреле 1933 г. [11].

Об экономическом и политическом состоянии районов и отдельных станиц: численности и социальном составе населения, о колхозах и партиейках, фактах саботажа, настроениях жителей, организации и проведении хлебозаготовок, количестве высланных, привлеченных к суду и т.д.

Эта категория информации содержится в информационных сводках и отчетах оргпартгрупп по проведению чистки партии и докладах о работе райкомов ВКП(б) на партийных конференциях.

О продовольственном положении в населенных пунктах: организации охотничье-рыбачьих бригад для охоты и ловли рыбы, употреблении в пищу суррогатов, сурепы, диких корней, травленной кукурузы; об объемах, распределении и условиях выдачи продовольственной помощи и продовольственной ссуды (с февраля 1933 г.); организации общественного питания, завтраков в школах; установлении процентов от дневного удоя молока в колхозах, разрешенных использовать на питание детей и больных; введении увеличенных норм выдачи продовольствия для трактористов и колхозников, выполняющих нормы выработки на севе весной 1933 г.

О выдаче продовольствия каждому, указавшему на спрятанный хлеб, в размере 10-15 % от найденного зерна и зачислении 50 % в счет выполнения задания по семенам.

О разрешении правлениям колхозов использовать из средств продовольственной ссуды *«по 15-20 грамм пшена на работающего в поле и в минимально необходимом размере мяса для приварка для тракторных и полевых бригад»* (март 1933 г. Кореновский район. [12]. О борьбе с массовыми случаями срезки колосьев на посевах единоличников и колхозников *(июль 1933 г.)*. О помощи в приобретении коров бескоровным колхозникам *(август 1933 г.)*.

Об отходничестве и бегстве из колхозов: мерах по учету и возврату "ушедших на отходные заработки", установлении заслонов на дорогах и контроле за продажей железнодорожных билетов *«только по командировочным удостоверениям и с особым разрешением советов»*; патрулировании станиц и хуторов; организации силами милиции и актива подворных обходов для выявления беглецов.

О чистке местных парторганизаций: биографические данные коммунистов, различный политический и бытовой компромат, факты противодействия хлебозаготовкам, а также примеры спекуляции, скупки коров и имущества у репрессированных жителей; протоколы собеседования с проходящими чистку; постановления комиссии по чистке о вынесении партвзысканий, исключении из партии.

О прекращении массовых репрессий и исполнении инструкции СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 мая 1933 г.: осуждении на бюро райкомов фактов "избиений и пыток колхозников и единоличников, уличенных в воровстве колосьев"; запрещении занесения колхозов и бригад на черные доски без санкции крайкома ВКП(б) и крайисполкома; прекращении выселений из домов и лишения приусадебных участков колхозников и единоличников. Массовые репрессии и голое администрирование рассматриваются как «грубейшая политическая ошибка». О привлечении к ответственности работников, виновных в перегибах и самосудах.

Об организации детских, временных детских домов, детских площадок и пионерских лагерей, борьбе с детской беспризорностью: организации питания «беспризорных детей единоличников за счет общественных запасок» (октябрь 1933 г.), нормах выдачи продуктов в детприемниках, передаче детприемникам одежды и обуви из имущества, конфискованного за недоимки платежей; создании опекунских комиссий при местных советах.

О переселении в кубанские станицы красноармейских хозяйств: количестве переселенцев, подготовке домов и инвентаря, компактном расселении в станицах, организации из переселенцев отдельных колхозов и бригад, «не допуская распыления»; о льготах переселенцам, их бытовых проблемах и взаимоотношениях с местным населением.

О проведении «внутристаничного переселения»: «уплотнении» единоличников для освобождения лучших домов. О передаче изъятого колхозного имущества выселенных станичников (тягло, молочный скот, инвентарь) вновь созданным колхозам из семей красноармейцев.

Безусловно, перечисленной тематикой содержание документов Центра документации не исчерпывается. Многие фонды и дела практически еще не поднимались с полок архивохранилищ. Нужно учитывать и специфику партийного делопроизводства, которая заключается в том, что фонды партийных комитетов и комиссий, несмотря на стандартный видовой состав документов, информационно очень неоднородны. На содержательность документов (особенно за период 1920-х – 1940-х годов) влияли и особенности делопроизводства в том или ином райкоме, и личные качества, грамотность работников, составлявших документы, и близость района к краевому центру, и конкретные события в районе. По-разному складывался состав фондов и в ходе их архивно-технических обработок в партархиве. Тематическая разработка документов райкомов и контрольных комиссий не проводилась, каталоги отсутствуют. Поэтому в каждом архивном фонде исследователей могут ждать находки.

Примечания

1. См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 3. Конец 1930 – 1933. М., 2001. С. 639, 648.
2. ЦДНИКК. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 – 15.
3. Там же. Л. 78–81.
4. ЦДНИКК. Ф. 8069. Оп. 1. Д. 4. Л. 155 – 158.
5. ЦДНИКК. Ф. 12556. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.
6. ЦДНИКК. Ф. 8069. Оп. 1. Д. 4. Л. 6, 11, 16.
7. ЦДНИКК. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 130. Л. 173 – 174.
8. ЦДНИКК. Ф. 7943. Оп. 1. Д. 100. Л. 46.
9. Указ. соч. Т. 3. С. 522 – 524.
10. ЦДНИКК. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 142. Л. 65.
11. ЦДНИКК. Ф. 463. Оп. 1. Д. 127а. Л. 13 – 18.
12. ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 236 – 238.

Н.Г. Попова (г. Краснодар)

«ЗАНЕСТИ НА ЧЁРНУЮ ДОСКУ...»

(документы о репрессиях в кубанских станицах в 1932 – 1933 гг.)

22 октября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании чрезвычайных комиссий, направленных осенью 1932 г. в основные зерновые районы страны "в целях усиления хлебозаготовок". Северокавказскую комиссию возглавил Л.М. Каганович, перед которым ставилась задача "выработать и провести меры по слову саботажа сева и хлебозаготовок, организованного контрреволюционными кулацкими элементами на Кубани" [1].

4 ноября 1932 г. при активном участии членов комиссии ЦК ВКП(б) Северо-Кавказский крайком ВКП(б) принял постановление "О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани". Постановлением предписывалось:

"В отношении станиц, занесенных на черную доску, применить следующее:

а) немедленное прекращение подвоза товаров и полное прекращение кооперативной и государственной торговли на месте и вывоз из кооперативных лавок всех наличных товаров;

б) полное запрещение колхозной торговли, как для колхозов, колхозников, так и единоличников;

в) прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств;

г) изъятие органами ОГПУ контрреволюционных элементов, организаторов саботажа хлебозаготовок и сева.

Предупредить жителей станиц, занесенных на черную доску, что в случае продолжения саботажа сева и хлебозаготовок краевыми организациями будет поставлен перед правительством вопрос об их выселении из пределов края в северные области и заселении этих станиц добросовестными колхозниками, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях" [2].

По существу это означало полную блокаду "провинившихся" сел, станиц и деревень. Каганович осуществил на Кубани такую дикую меру, как поголовное выселение (депортация) всех жителей казачьих станиц, упорствующих в "саботаже", на Север и заселение их колхозниками с Севера и демобилизованными красноармейцами. Среди этих станиц – Полтавская, Медведовская и Урупская (в них проживало 47,5 тыс. человек, а было выслано – 45,6 тыс.). Полтавская была переименована в Красноармейскую, Урупская – в Советскую [3].

13 ноября 1932 г. было издано еще одно постановление, принятое Северо-Кавказским крайкомом ВКП(б) совместно с представителями ЦК – "О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани". В нем, в частности, определялись задачи комсодам – комитетам содействия хлебозаготовок, по указаниям которых в каждой станице предписывалось провести процессы над саботажниками хлебозаготовок, "обеспечив конфискацию имущества не позднее одного дня по вынесению приговора". Объявлялось о проведении чистки всех сельских ячеек в пяти кубанских районах (исключенные из партии в семидневный срок подлежали высылке из пределов края). А также содержалась просьба в адрес ЦК партии санкционировать высылку из станиц Кубани 2000 хозяйств, срывающих хлебозаготовки и сев [4]. Эта просьба была исполнена быстро: 22 ноября ЦК вынес соответствующее решение, а к 8 декабря 1932 г. из 13 районов Кубани было выслано 1008 кулацко-зажиточных и 998 единоличных хозяйств [5].

Разработанные комиссией ЦК меры массовых репрессий были приняты "к неуклонному исполнению". Положения постановлений крайкома ВКП(б) от 4 и 13 ноября 1932 г.

продублированы и получили развитие в многочисленных дальнейших решениях краевых и местных партийных комитетов, а также документах ЦК ВКП(б) и партийных органов других регионов СССР, обеспечивающих хлебозаготовки. По Северо-Кавказскому краю на черные доски было занесено 15 станиц (из них 13 – кубанских), а также целый ряд отдельных колхозов, ферм и бригад.

В документах фондов Центра документации за 1930-е гг. XX века содержатся следующие сведения *о занесении кубанских станиц на черные доски и проведении в них репрессивных мер*: прекращение торговли, закрытие базаров, магазинов, ларьков, вывоз товаров и продовольствия, досрочное взыскание обязательств, запрет выездов из станиц, чистка соваппарата и парторганизаций, роспуск сельсоветов, колхозов, бригад, отдача под суд, организация выездных судебно-показательных процессов, ходатайства перед крайкомом ВКП(б) о выселении за пределы края и одобрение принятых решений.

О выселении из домов, отобрании приусадебных земель, запрещении всякого убоя и продажи скота впредь до снятия с черной доски. О продаже имущества колхозов, колхозников и единоличников в случае невнесения платежей [6].

Представленные вниманию читателя документы из фондов районных комитетов ВКП(б), несмотря на фрагментарность, позволяют проследить динамику, ужасающую последовательность и масштабы репрессивного механизма. В сочетании с материалами устной истории официальные документы воссоздают драму 1930-х годов на Кубани.

Примечания

1. См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 3. Конец 1930 – 1933. М., 2001. С. 28.
2. Там же. С. 522-524.
3. Там же. С. 29.
4. ЦДНИКК. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 130. Л. 80.
5. Указ. соч. С. 549, 612.
6. См.: Бондарь И.Ю. Архивные документы о голоде на Кубани 1932 – 1933 гг. [Электронный ресурс] // <http://www.kubanarchive.ru>

1. Постановление бюро Тихорецкого райкома ВКП(б) о проведении репрессивных мер в станице Новорождественской. 4 ноября 1932

Копия в: ст.м., парт.орг.райком. Прокуратура, милиция.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

заседания Бюро Тихорецкого Райкома ВКП(б) от 4/XI-32 г.

Во станице И-Рождественской

7-го утра. 5-го ноября.

- а) Партийное закрытое собрание
- б) К высшему з/во (закрытое собрание)

Присутств.: Цивиларов, Давенко, Валицкий, Марченко, Ценов (РК-ИКИ).

В/КП - Плехуну Советам с участием колхозного актива.

Организует: Пышкин, Пышкин.

В/КП - 1/2 После Плехуна Советом немедленно высвободить из кооперативных магазинов и государственных.

Отв. Пред. Райсовета г. ЗАКОНОВ.

После Плехуна выставятся вывески во виднее установленные точкам с запрещением вывоза всех продуктов на рынок (колхозный, кооперативный и единоличников)

Огл. г. Войновский.

а) Возложить ответственность на организации колхозно-кооперативных станиц - (указать вышесказанные свои обязательства перед государством) продуктов на колхозный рынок.

г.т. Кузнецов, Барбус, Дьяков.

Вместе с досрочное снятие с колхозов, единоличников ст.

И-Рождественской.

Возлагается г.т. МАРЧЕНКО, Васильев, Криков (РКО) по плану.

Командировать для обеспечения выполнения плана хлебозаготовочного сезона, осеннего сева, уборки пропашных и технических культур - в станицы и колхозы сроком до 1-го декабря будущих товарищ (список прилагаются). Запретить везти выходы во станицы с колхозов без особого на то решения Райкома.

ЗАДАЧИ СЛУЖБ И СЛУЖАВЦЕВ НА СТУАНЦАХ.

а) Концентрация внимания на практическую работу

следствие: Органы - во станицах и колхозах работать в отношении выполнения плана хлебозаготовочного, осеннего сева, уборки пропашных, в частности расставить задачи будущей своей работы в точности с указанными данными, расбораться на месте, в частности по приемке ст. 1 - в единоличников.

Секретарь РК ВКП(б)

(Давенко).

-2-

233-59

целью недопущения перепрыгивания похужешего хлеба и сметания его выжженных мест, где прачетом похищенный хлеб, урезка и вынос из групп в марталах, отодворке с урвнских створов с выношенем в соответствующих местах дворовых напидетелей. Все группы должны быть снабжены специальными шупами, к этим группам должны прикрепляться пять-семь дворов, в которых группа должна иметь колхоза просметать все места в хлеб выжженных опрытанных хлеб на править на элеватор в отчет для хлебозаготовок того колхоза, в район которого наперед опрытанными похищенными хлебом.

В связи с этим усилить состав в работу комосод, делая им определенные задания по хлебу в других колхозах: амниции, особенно контролировать их работу в результате требуют от них выполнения данных им заданий.

4. В целях усиления работы по плану, организованное кулачеством себе же хлебозаготовок в колхозах и индивидуальных хозяйствах организовать буксирные бригады на проверенных работниках в акциях в колхозах "Новый час" - 8-10 чел.; в "Путь Ленина" - 5-8 чел.; для помощи в станицу Медведовскую; в колхозах "Чистот" - 8-10 чел.; "Восмислен Дружок" - 5-7 чел.; в "Федоровской" - 5-7 человек для помощи в станицу Старо-Величковскую и в колхозах "Ковчак" - 8-10 чел.; в "Путь Социализму" - 5-7 чел.; для помощи в Поповичевскую станицу.

Обязать Секретарей указанных колхозных ячеек организовать немедленно буксирные бригады, состав в эти бригады лучших проверенных товарищей, обязавать эти бригады взыскать работниками помощь и поддержать их в указанные станицы не позже 29/XI-32г.

Одновременно рекомендовать Республиканскому в Секретариат Сельхозкомов крупных станиц прекратить переброску группы по выжженным хозяйствам, урван на работы одного колхоза в район другого колхоза, разрешивал между этими группами обменными в ударническую работу.

5. Обязать тов. О. И. Р. провести в ст. Медведовской работу по линии усадьбных мест не свыше 10% индивидуальных хозяйства согласно указания Крайкома и с им. исполнению этого решения доложить на очередном заседании Бюро.

6. Ввиду явного уменьшения хлеба заготовительного плана по ст. Поповичевской поручить тов. ЦДН. Д. И. В. определять в 2-3 дневный срок размер дополнительного плана хлеба заготовок, обеспечить немедленное его выполнение, учесть основную задачу при определении дополнительного плана, что ст. Поповичевская ни в какой мере не должна быть ослаблена, как иная, чем наиболее яркое выражение организованности кулачьем, особенно не только сева и хлебозаготовок, но в во всех остальных мероприятиях, проведя их в ст. Поповичевской организационно-хозяйственной укреплению колхозов.

В связи с этим провести комиссию при четкое мартальном ячеек Поповичевской МТС бороться особенно внимательно не выжженные поля, как в целом МТС, так и в отдельности каждого коммунаста и особенно Директора в деле их борьбы с кулаками, особенно организованным в колхозах станицы Поповичевской.

РАССЕЯНО

- 3 -

8. Объявить всех особо Уполномоченных Райкома и директоров станиц, секретарей станицовых и председателей станицовых тов. осуществлять немедленно в соответствии с общим указанием Комиссии по делам ревизионной работы в отношении хлебоблагодатности и осыпания зерна, в частности директоров колхозов и председателей станицовых комитетов по делам хлебоблагодатности Райкома и р. д. л. а. х. а. т.

9. Немедленно выявить все еще не убранный и не обмолотый хлеб в колхозах оставшихся из колхоза в основном хитроуловочной природы чать колхозников и их подлинники 3-х сутокний срок для окончательной уборки и в случае невыполнения данного решения, заставить также в колхозах оставшихся на полях колхозных перевести круги колхозов на предмет немедленного обмолота и вывоза этого хлеба на элеватор.

10. Сбавить фр. РИК"а, Уполномоченного тов. Струцкого, Загосворено тов. Ладина, а также в всех председателей станицовых, немедленно выявить все наличие хлеба поученного от общественных заготовок и в случаях отсутствия вывезти на элеватор.

11. Поручить всем особо Уполномоченным Райкома, под их личную ответственность, немедленно приступить к проверке наличия хлеба во всех организациях в учреждениях станиц, станиц и др. а тов. Чапа и Лизина, также объявить весь хлеб сверх минимальной государственной нормы оставшийся урваным деревом в случаях отсутствия государственной хлебоблагодатности.

12. Поручить тов. Завулу/Райснаб/ тов. Струцкому/Уполномоченным в тов. Ладину/Загосворено/ немедленно в Райотделении ЦШУ, немедленно проверить наличие государственного хлеба во всех районных, станичных организациях и учреждениях станиц Славянской, на предмет выполнения государственного плана всех наливков хлеба Государственному.

13. Объявить всех Уполномоченных Райкома и тов. Райкомхозов, немедленно проверить наличие наличия государственного хлеба во всех наливках колхозов и колхозах в отношении колхозов на предмет выполнения государственного плана немедленно в организациях колхозов, за что вывезти хлеба на элеватор по государственному плану.

14. Поручить тов. Кауцкому/РайЗСО/ на всех руководящих лиц особо отозванных станиц и ст. ст. срочно на выполнение данного решения Райкома, от 13-го ноября, а также в последующее время Райкома по пахоте озимого хлеба и ячменя, паровать же и в Рай КХ на предмет привлечения к строгой ответственности.

15. Сбавить всех Уполномоченных Райкома, директоров станиц, секретарей станицовых и председателей станицовых тов. всю работу до окончательной уборки и обмолота хлеба, колхозов и в том пахоту озимого ячменя закончить не позднее 20 ноября с/г., не прекращая осыпания озимой пшеницы, пахоту под ячмень закончить не позднее 10-го декабря, сев озимого подсолнуха и кормовых закончить не позднее 5 декабря и немедленно приступить к выполнению государственного плана хлебоблагодатности и обмолота, закончить не позднее 5-го декабря.

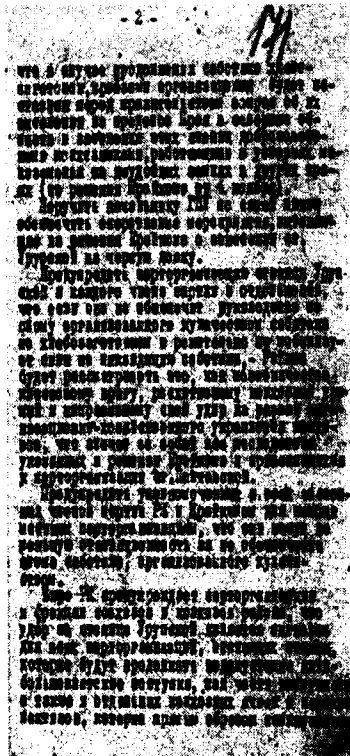
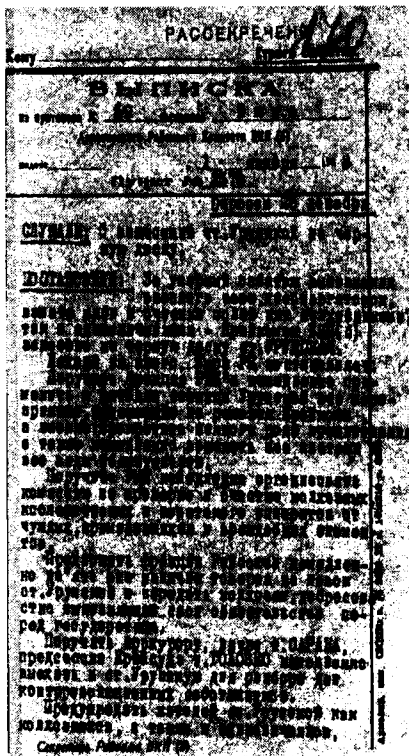
5. Постановление бюро Тихорецкого райкома ВКП(б) о выселении из станиц района кулацко-зажиточных хозяйств. 28 ноября 1932 г.

§ 889. СЛУШАЛИ: О выселении из станиц Тихорецкого района кулацко-зажиточных хозяйств отказавшихся от земли, сева, выполнения плана хлебозаготовок и др. кампания. (Лебедев, Дяченко).

§ 889. ПОСТАНОВИЛИ: За явное сопротивление мероприятиям партии и соввласти, демонстративный отказ от выполнения плана хлебозаготовок и сева, не платежей налога и анти-совет. агитации направленной к срыву сельско-хозяйственных кампаний и проводимых мероприятий по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, УТВЕРДИТЬ К АДМИНИСТРАТИВНОМУ ВЫСЕЛЕНИЮ за пределы ОКЗ по 1-категории по ст. Терновской - 15-хозяйств, и Леушковской - 4 хоз., Дрилевской - 6 хоз, Частовцевой - 15 хоз. И-1с. И-Малороссийской - 23 хоз, И-Рождественск-36-хоз. Итого - 129 хоз. и к переселения по 2-й категории из станиц: Терновская - 12 хоз, И-Леушковской - 31 хоз. Дрилевской - 24 хоз. Частовцевой - 17 хоз, И-Малоросс. 14-хоз, И-Рождественской - 15-хоз, Итого по 2-категории 104-хозяйства. Всего по району по 1 и 2-й категориям выселить - 233-хозяйства.

ЦДНИКК. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 130. Л. 89.

6. Постановление бюро Армавирского райкома ВКП(б) о мерах в связи с занесением станицы Урупской на черную доску. 26 декабря 1932 г.

ЦДНИКК. Ф. 7943. Оп. 1. Д. 88. Л. 170 – 172. Фрагмент.

8. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) о дополнительных репрессивных мерах в отношении колхозников и единоличников черnodосочной станции Платнировской. 2 января 1933 г.

Революция

Секретариат

бюро КОРЕНОВСКОГО Райкома ВКП(б) по вопросу "О ходе хлебоготовок".

К протоколу № 10 бюро РК
от 2 января 1933 года.

Бюро установившей Райкомом и Районом партии по выполнению годового плана хлебоготовок к 1-му января 1933 года районный сорван план на 17,133, выполнил на 90 % за период января, не смотря на применение решительных мер со стороны Райкома и Райкома партии - занесение на черную доску станиц ПЛАТНИРОВОЙ и ряд других поступление резко снижилось по сравнению с последними днями декабря.

Не смотря на решительные предупреждения со стороны Райкома по сравнению с хлебоготовками в этот же район ст. ст. Дядьковская 76,3 %, годового плана, Березанская 85,4 %, Кореновская 78,8 %, Вельгуская 85,6 %, Платнировская 56 %, Шатнировская 82,1 %, х. х. Булавина 68,2 %, 0-Балка 82,4 %, ст. Раевская 87 % (по административному сектору административному план на 45 % и кулацко-экономическим хозяйствам на 34 %, вместе с тем же со стороны бюро парторганизаций (Чернодосочная, Шатнировская, Березанская, х. х. Булавина и Дядьковская) проявляются покаяние забвению организационному участию.

Решение станицы тем же хлебоготовок за последние дни декабря РК одобряет и требует исполнения у ряда коммунистов и руководителей и исполнительской требовании выполнения хлебоготовок станиц колхозники, отдельные забвению административных, отсутствие в ряде мест настоятельной борьбы по слому забвению хлебоготовок, организационному участию, и при этом станица одобряет коммунистов Райком (Петренко, Духовик и др.).

В дополнение к решению бюро от 1-го января 1933 бюро РК ПОСТАНОВЛЯЕТ:

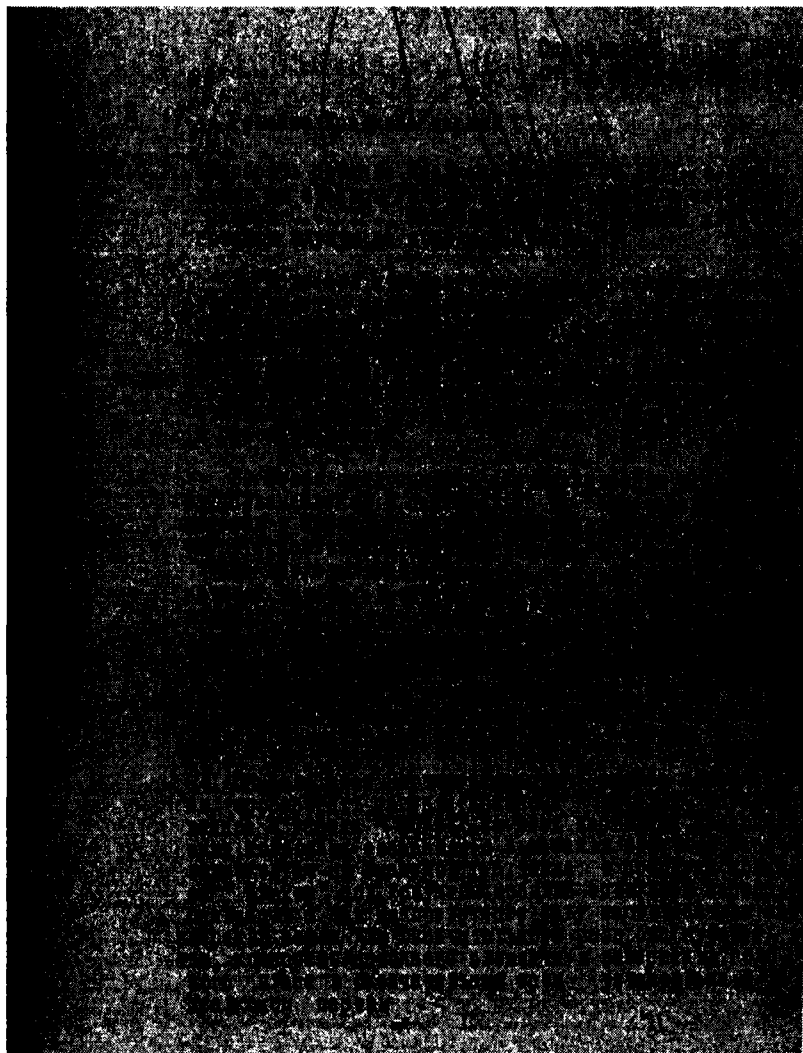
1. Предложить Райфо, Тосбанку, Овечьему, Райпотребсоюз и другим исполнимым организациям в станице ст. ст. Дядьковской и другим станицам тех станиц, которые все же не прекратили всякой торговли и т. д. в отношении колхозов, колхозников и единоличников ст. Платнировской, в отношении их отсутствия заставить станиц на черную доску.
2. Предложить Платнировскому ст. ст. Дядьковской и упомянутому РК т. НЕКУРИНУ в 2-х дневный срок обеспечить отображение присуденных земель у всех единоличников, в том числе части единоличников на своих домах и землях их в дома других единоличников (проезды уплотнения).
3. Обязать Платнировский ст. ст. Дядьковской и упомянутому РК т. НЕКУРИНУ поставить на казарменное положение всех коммунистов и комсомольцев находящихся в станице по месту работы и прикрепления (при ст. ст. Дядьковской, в ст. ст. Дядьковской).
4. Предложить ст. ст. Дядьковской и упомянутому РК ст. ст. Платнировской, Шатнировской, Кореновской, Дядьковской, Березанской и Вельгуской провести также на территории станиц на домов и уплотнение, отображение присуденных земель в отношении распушенных ивнивших колхозных бригад на забвение хлебоготовок, организационный участие.
5. Предложить всем парторганизациям и упомянутому РК решительно поставить работу по на территории распущенного хлеба колхозники, особенно единоличниками, об этом начать самую беспощадную борьбу с колхозниками в этой работе, усилить групп колхозного актива, работающих по на территории распущенного хлеба, коммунистами, комсомольцами и красными партизанами.
6. Созвать 5 января заседание бюро Райкома с участием секретарей партпартий, парткомлетхозов и кураторских парторганизаций, упомянутого бюро РК по станицам и кураторов, директоров РКП и колхозов в 6 часов вечера.

СЕКРЕТАРИ, Кореновского
Райкома ВКП(б)

(СЕКРЕТАРИ)

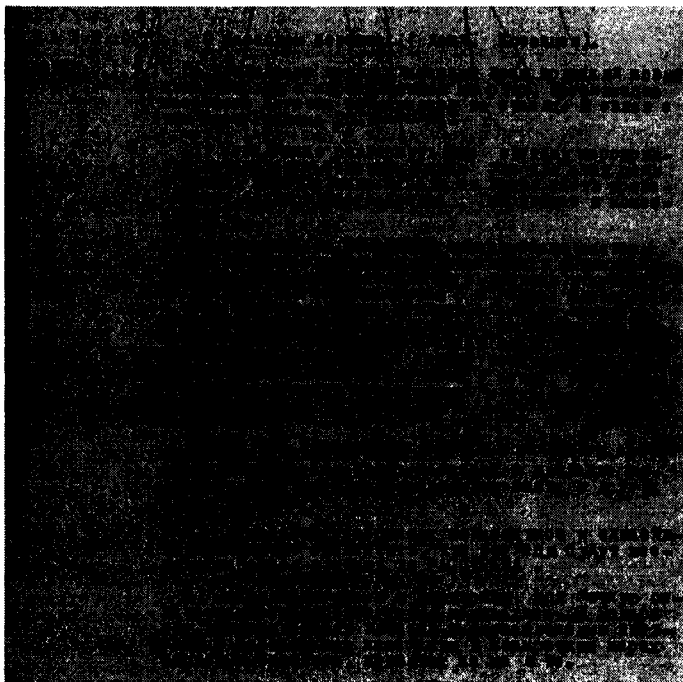
ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 22.

9. Постановление бюро Павловского райкома ВКП(б) с одобрением решения Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 12 января 1933 г. о выселении жителей станицы Уманской в северные районы страны. 14 января 1933 г.

ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 67. Л. 11, 15 – 17. Фрагмент.

10. Постановление бюро Павловского райкома ВКП(б) о борьбе с массовым бегством из станиц. 24 января 1933 г.

ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 67. Л. 20 – 21. Фрагмент.

11. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) о мерах по борьбе с бегством из станиц. 28 января 1933 г.

ОТВОЕНО-ОДЕЛНО. РН

ВЫСЛКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 73.

РАССЕКРЕЧЕНО

Секретаря бюро Кореновского Райкома ВКП(б) от 28 января 1933 года.

ОБЪЕДИЛ: О ходе борьбы с бегством из станиц (Исхурин).

ПОДПИСАНИИ: Бюро РК отмечает, что секретари парторганизмов, председатели ком. прир. и уполномоченные РК ВКП(б), на сессии Краснодарского крайкома РК и Краснодарского исполкома по данному вопросу на собраниях партячеек, достигли успехов в борьбе с бегством со станиц на примере, следовательно на успехи всей работы данного мероприятия в борьбе с бегством, ввиду того, что в некоторых случаях, организованного кулачества с коопер-революционными элементами.

Бюро РК предлагает персонально всем секретарям парторганизмов, председателям ком. прир. и уполномоченным РК, что в целях ослабления в борьбе с бегством будет рассматриваться как первое условие меры борьбы с бегством в станицах и сельской местности на базе, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

На основе вышеизложенного бюро РК предлагает всем парторганизмам, сельсоветам и уполномоченным РК провести в ближайшем будущем следующие мероприятия:

1. На основе широкой массовой работы среди колхозников и единоличников довести до сознания каждого из них, что бегство из станиц в другие местности является советской властью как одно из наиболее преступных и вредных видов саботажа сельского хозяйства, организованного кулачеством и контр-революционными элементами, а потому к лицам, совершающим и участвующим в бегстве будут приняты самые строгие меры судебного наказания вплоть до расстрела.

2. Установить контроль по всем станицам и дорогам в систематическое - круглосуточное наблюдение за лицами, в станицах и дорогах, оказавшим помощь органам ГПУ в борьбе с бегством, используя эту работу колхозников, а также колхозников в т.ч.п.

3. Обозвать парторганизмации и сельсоветы организовать работу в станицах и дорогах на выезде из станиц, на основании только командированным кооперативам по различным делам государственным кооперативных организаций, эту работу поручить одному из ответственных, проверенных, а также лично наданных колхозникам.

4. Обозвать парторганизмации ст. ст. Пластуновской, Пластиковской, Кореновской, Выселковской и хутор. К-Нельского, расположенных по линии железной дороги, а также железнодорожные станции Пластиковской, Пластиковской, Выселковской и Кооперки установить строжайший контроль на правительственную выданы ж.д. билетов только по командировочным удостоверениям и с особым не до разрешениям советам.

5. Обозвать секретарей парторганизмации, председателей ком. прир. и уполномоченным РК под их персональную ответственность в 3-х дневный срок выдать все необходимые документы, как колхозников так и единоличников, установить их место настоящего пребывания и с первоначальными сведениями выдать в Райисполком ГПУ, не позднее 17/1.33. Выявите с этим установить ежедневную информацию РК ВКП(б) по данному вопросу.

6. Особая папка.

Зам. СЕКРЕТАРИ Кореновского Райкома ВКП(б)

(Исхурин)

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 87.

12. Инструкция СНК СССР и ЦК ВКП(б) всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры о прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения. 8 мая 1933 г.

ВНУТРЕННЕЕ
РАССЕКРЕПЧЕНО
СЕКРЕТНО
На эти органы

ИНСТРУКЦИЯ

всем партийно-советским работникам и всем органам ЦК, Суду и Прокуратуре

Степень секретности этой инструкции должна быть введена в 1933 году и прекращена в последующем в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1933 года.

1. Установить, прекратить операции, связанные с дальнейшим выселением крестьян в 1933 году, в целях устранения массовых выселений и содержания их в лагерях. 2. Прекратить операции, связанные с дальнейшим выселением крестьян в 1933 году, в целях устранения массовых выселений и содержания их в лагерях. 3. Прекратить операции, связанные с дальнейшим выселением крестьян в 1933 году, в целях устранения массовых выселений и содержания их в лагерях.

4. Прекратить операции, связанные с дальнейшим выселением крестьян в 1933 году, в целях устранения массовых выселений и содержания их в лагерях. 5. Прекратить операции, связанные с дальнейшим выселением крестьян в 1933 году, в целях устранения массовых выселений и содержания их в лагерях.

или эту работу прекратить немедленно, а всю работу прекратить немедленно.

О ПРЕКРАЩЕНИИ МАССОВЫХ ВЫСЕЛЕНИЙ КРЕСТЬЯН

Нельзя больше отправлять в лагерь массовые выселения крестьян. Выселение допускается только в индивидуальном и частичном порядке и в отношении только тех хозяйств, в связи которых несут ответственность органы милиции и организуемый отказ от себя и заготовок.

Выселение допускается только на следующие области в следующем предельном количестве:

Украина	2.000 жителей	Бел. Сибирь	1.000 жителей
Сиб. Сибирь	1.000	Бел. Сибирь	1.000
М. Двинь	1.000	Латвия	300
С. Сибирь	1.000	Эстония	300
Ц. С. О.	1.000	Литва	300
С. Сибирь	1.000	Украина	300
М. Двинь	1.000	Средняя Азия	300
С. Сибирь	1.000		
Туркестан	300		
Зап. Сибирь	1.000		
Итого	12.000 жителей		

ОБ УПОРЯДОЧЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА АРЕСТОВ

1) Воскресить производство арестов динамо, но не в упомянутых ранее по Записке — председателю РБС, районным и городским управлению, председателю сельсоветов, председателю колхозных и колхознич. объединений, секретарям ячеек и пр. 2) Аресты могут быть произведены только органами прокуратуры, ОГПУ или чрезвычайными комиссиями.

3) Председатели могут производить аресты только с предварительной санкции прокурора. Аресты, производимые или инспектируемые органами милиции, должны быть мотивированы или отменены районными или городскими органами ОГПУ или прокуратуры. 4) Запретить органам прокуратуры, ОГПУ и милиции применять в частных случаях арестов заключение под стражу до суда за истощением.

ЦК и СНК СССР считают, что все эти организационные мероприятия в течение всего 1933 года должны быть выполнены полностью, в частности по ликвидации массовых выселений крестьян в лагеря.

ЦК и СНК считают, что в результате массовых выселений в лагеря миллионы людей, лишены возможности в дальнейшем осуществлять свою трудовую деятельность.

Против не ряда областей еще не прекращаются массовые выселения крестьян в лагеря.

В ЦК и СНК имеется сведения о незаконных выселениях в лагеря в ряде областей.

В ЦК и СНК имеются сведения о незаконных выселениях в лагеря в ряде областей.

ЦК и СНК считают, что все эти организационные мероприятия в течение всего 1933 года должны быть выполнены полностью, в частности по ликвидации массовых выселений крестьян в лагеря.

ЦК и СНК считают, что в результате массовых выселений в лагеря миллионы людей, лишены возможности в дальнейшем осуществлять свою трудовую деятельность.

Против не ряда областей еще не прекращаются массовые выселения крестьян в лагеря.

В ЦК и СНК имеется сведения о незаконных выселениях в лагеря в ряде областей.

В ЦК и СНК имеются сведения о незаконных выселениях в лагеря в ряде областей.

Установлено в течение всего 1933 года должны быть выполнены полностью, в частности по ликвидации массовых выселений крестьян в лагеря.

Против не ряда областей еще не прекращаются массовые выселения крестьян в лагеря.

В ЦК и СНК имеются сведения о незаконных выселениях в лагеря в ряде областей.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В КУЩЁВСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ.

**По архивным документам Кущёвского райкома ВКП (б).
Рассекреченные документы**

В результате проведенной в 2008 г. плановой работы по рассекречиванию архивного фонда были сняты ограничительные грифы с комплекса документов Кушевского райкома КПСС за период 1923–1955 гг. Наибольший интерес в связи с темой социально-экономической политики советской власти в конце 20–начале 30-х гг. XX века представляют архивные материалы, охватывающие 1929–1933 гг. – время коллективизации и раскулачивания.

Развертывание процесса коллективизации, экономические процессы в деревне, усиление давления на крестьянство нашли свое отражение в следующих документах:

– протоколы районной комиссии по коллективизации и хлебной тройки, резолюции районной батрацко-бедняцкой конференции (1929 г.), на которых рассматривались вопросы проведения хлебозаготовок, работы МТС, указания по обобществлению фондов семян и осуществлению посевной кампании в русле политики наступления на кулачество. Как отмечалось в протоколе заседания Кушевской районной хлебной тройки, «...кулацкая часть хлебодержателей злостно задерживает хлеб и оказывает упорство, противопоставляя себя решениям общегражданских собраний...» [1], что вызывало ответные репрессивные действия в виде наложения штрафов и выставления на торги имущества хозяйств, не выполнявших планы хлебосдачи;

– переписка и указания райкома ВКП(б) по вопросам коллективизации и массово-политической работы (1928–1929 гг.), обеспечению ударных хлебозаготовок, данные по экономическим итогам 1928–29 хозяйственного года и перспективы на 1929–30 год, указания об обобществлении фонда зерна для проведения весеннего сева [2]. Общая напряженность хозяйственной кампании 1929 г. описывается в постановлении бюро Кушевского райкома от 15 ноября 1929 г. «О хлебозаготовках»:

«1. Отметить, что в установленные сроки к 7 ноября план хлебозаготовок не выполнен...»

3. Отмечая слабый нажим на кулака и невыполнение им данных заданий (всего по району на 5 ноября выполнено 70%)... обязать ячейки усилить нажим на кулацкие элементы, отнюдь не допуская перегибов к середняку, а также категорически предложить ячейкам не допускать продажи кулацких хозяйств на слом без ведома райхлебтройки...

5. Отмечая недопустимое падение темпа хода хлебозаготовок после Октябрьских торжеств, что явно угрожает срывом плана до осенних дождей, – **ОБЪЯВИТЬ С ПЯТНАДЦАТОГО ПО 25/ХІ УДАРНИК ПО ХЛЕБОЗАГОТОВКАМ**»...

7. Отмечая недопустимо слабое поступление под семя, обязать ячейки и уполномоченных РК по хлебозаготовкам в ударном порядке развернуть работу по заготовкам под семя, решительно в порядке задания заставить кулацко-зажиточную часть немедленно выполнить. За невыполнение привлекать к ответственности...» [3].

О тяжести бремени, обрушившегося на станичников в это время, может свидетельствовать отрывок из резолютивной части протокола конференции бедноты и батрачества:

«Конференция призывает бедноту, середняков и колхозников к 12-й годовщине Октябрьской революции сдать полностью все имеющиеся у них излишки хлеба, уплатить полностью ЕСХН, Госстрах, внести досрочное самообложение, расплатиться с кредитами и контракцией, подписаться на заем в размере, обеспечивающем выполнение контрольных заданий, уплатить взносы по займу согласно наступивших сроков, произвести полностью расчет по засыпу семфондов и продфондов, обеспечить выполнение каждым двором, каждым колхозом намеченного плана по яблевой вспашке, организовать новые крупные колхозы и посевные товарищества...» [4];

– отдельные материалы, отражающие социально-экономические аспекты сельскохозяйственной реформы, например, план производства посевной кампании и кредитования хозяйств, крестьянского займа; сводки выполнения хлебозаготовок, а также списки лиц, осужденных по делам о хлебозаготовках и обобщающие ведомости судебных процессов по уголовным делам этой категории [5]. За несдачу зерна осужденные по решению суда

получали наказание в виде лишения свободы на срок нескольких месяцев с конфискацией имущества – зерна, скота, сельхозтехники и построек.

Наиболее примечательны документы, повествующие о драматических событиях тех лет – выселении крестьян, отнесенных к категории «кулаков».

Эти сведения представлены в циркуляре Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и циркуляре Кушевского райкома ВКП(б) партийным ячейкам о порядке проведения выселения кулаков, в докладе Донского окружкома ВКП(б) о проведении в Донском округе массовой операции по изъятию кулачества, в протоколах заседания районной комиссии по переселению кулацких хозяйств, а также в виде выписок из протоколов бюро райкома ВКП(б), информационных сообщений партийных органов о ходе выселения [6]. Постановление районной комиссии по переселению кулацких хозяйств из Кушевского района от 3 февраля 1930 г. предусматривало проведение этого мероприятия, в частности, следующим образом:

«...4. Операцию разбить на два периода: 1-й – изъятие глав семей кулаков, и 2-й – переселение семей кулаков.

1-й период – проводить конспиративно, замкнуто (момент изъятия).

2-й период – проводить с широким участием батрацко-бедняцких масс, развивая широкую агитационно-массовую работу...

10. В 20 часов 5 февраля провести собрание членов ячейки партии, комсомола и выделенного актива бедняков, на котором секретарю ячейки сообщить о предстоящей работе...

13. С 21 часу 5 февраля до 4 часа 6 февраля все изъятые кулаки должны быть в сельсовете...

14. В 4 часа 6 февраля все изъятые кулаки направляются в Кушевку...

21. Во время нахождения кулаков под арестом выставить усиленные наряды. Всякие переговоры строго воспрещаются.

22. После отправки кулаков начинается второй период операции, проводится не позже 10 часов утра 6 февраля собрание бедноты, общегражданские, женские собрания по хуторам, кварталам, пленум совета. На этих собраниях ставятся вопросы о переселении кулаков и их семей. На этих собраниях должны быть

вынесены постановления, требующие переселения кулаков и их семей из пределов Северо-Кавказского края, как срывающих все хозяйственно-политические кампании, занимающихся злостной агитацией против советской власти...

23. Время выселения семей будет произведено не позднее 10-го февраля. Точно час отправления на станцию Кушевка будет указан особо» [7].

Подобные операции проводились неоднократно, арестовывались и высылались из района скрывавшиеся кулаки, а также «довыявленный» и «обактивившийся» «контрреволюционный элемент».

Помимо подробных организационно-методических указаний по проведению операции, в документах содержатся и красноречивые устные мнения станичников о происходящем, отражающие раскол в сельском обществе. Так, со стороны выслезаемых звучали слова: «Нам нигде работать не страшно, на новом месте построим такой колхоз, что только полюбоваться тем людям, которые нас здесь выгоняют!», «Пусть нас таких свезут со всех концов страны, мы там организуемся и припомним еще, как выслезать, мы еще вернемся!», и, в ответ, от бедняков: «Они легко наживались на наших горбах, пусть теперь наживут своими горбами, тогда совласть не будет у них ничего отбирать и не будет выслезать» [8].

Для проведения биографических исследований представляют интерес поименные списки жителей района, пострадавших от раскулачивания. Так, в протоколах комиссии по завершению сплошной коллективизации содержатся списки крестьян, исключенных из колхозов Кисляковского сельсовета, с указанием членов семьи и перечнем имущества [9].

В составе документов «особой папки» сохранились постановление Кушевского райкома ВКП(б) и протоколы заседания районной тройки по выселению «классово чуждых и враждебно настроенных элементов» из занесенной на «черную доску» станицы Шкуринской за 1933 г. В прилагающихся списках значится более трехсот семей выселенных крестьян [10]. В постановлении бюро Кушевского райкома ВКП(б) от 12 апреля 1933 г. по этому вопросу говорится:

«...В соответствии с решением крайкома партии произвести выселение из станицы Шкуринской 300 хозяйств...

Выселению подлежат кулацкие единоличные хозяйства, отказавшиеся от сева и злостно нарушающие общественную собственность, и колхозные хозяйства, злостно саботирующие весенний сев, имеющие в своем составе трудоспособных мужчин...

...Предложить сельсовету после проведения операции своевременно, точно учесть имущество, подлежащее конфискации (подлежат конфискации средства производства, недвижимое имущество) и представить опись такового в районную тройку не позднее 15 апреля к 4-м часам дня» [11].

К сожалению, строки документов не в полной мере передают весь трагизм происходивших событий. В протоколах, сводках, телеграммах замалчивались голод, вымирание станиц, судьбы высланных из родных мест станичников. Но даже сухие фразы о «саботаже», «невыполнении планов хлебозаготовок», «напряжении всех сил» дают представление о том, какой ценой давалась коллективизация простому крестьянину. Объективное изучение всего спектра источников – устных и письменных, бытовых рассказов и официальных отчетов поможет нам восстановить правдивую картину тех дней.

Примечания

1. ЦДНИКК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 98. Л. 2.
2. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99.
3. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 25-25об.
4. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 99. Л. 35.
5. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 100.
6. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 108.
7. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 108. Л. 5-6.
8. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 108. Л. 32-33.
9. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 116. Л. 13-48.
10. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 127а. Л. 13-36.
11. Там же. Ф. 163. Оп. 1. Д. 127а. Л. 10.

ГОЛОД КАК РЕЗУЛЬТАТ СТИХИИ И ПОЛИТИКИ: «ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ» В СЁЛАХ И СТАНИЦАХ ЮГА РОССИИ В 1930-Х ГГ.

Россия, как известно, находится в зоне рискованного земледелия, где эффективность аграрного производства сильно снижают неблагоприятные природно-климатические факторы. Даже на Юге России, который традиционно считается житницей нашей страны, природные условия тают в себе известные опасности для хлеборобов. В отличие от центральных и северо-западных регионов, где бичом сельского хозяйства являются заморозки и затяжные дожди, для южных и юго-восточных территорий России (Поволжье, Дон, Кубань, Ставрополье) наиболее опасны засухи, где быстрое наступление жаркой погоды (в результате чего вешние воды не успевают впитаться в почву полей и сбегают в балки и овраги), «тяжелое весеннее бездождье», сухие, жаркие юго-восточные ветры отрицательно сказываются на состоянии посевов [1].

Академик Л.В. Милов справедливо заметил, что в отечественной истории «наш климат и наши почвы сыграли далеко не позитивную роль» [2]. Негативное влияние «климата и почв» выразилось, прежде всего, в неурожаях, которые вели к частым и длительным голодовкам населения. Но голод, нередко посещавший российскую деревню на всем протяжении ее истории, являлся не только следствием воздействия неблагоприятных природно-климатических условий. К голоду зачастую вела и аграрная (и в частности, налогово-заготовительная) политика государства, шбиравшего у земледельцев значительную, а то и преобладающую часть произведенной продукции, не считаясь с последствиями. Тем самым, разрушительное воздействие природной стихии дополнялось и усиливалось действиями властей. Такая практика, бывшая вполне обычной в досоветский период, сохранялась и в условиях «колхозного строительства» 1930-х гг., в частности – на Дону, Кубани, Ставрополье.

Уже в конце 1920-х – начале 1930-х гг. сталинская налогово-заготовительная политика негативно отразилась на продовольственном обеспечении сельских жителей. В частности, в письмах, которые донские, кубанские, терские казаки в это время посылали за границу

своим родственникам-эмигрантам, с удручающим постоянством встречаются сообщения о недостатке продовольствия, причиной чему зачастую являлись хлебозаготовительные кампании: «голод действительно надвигается...», «жизнь получше: последний хлеб забрали, оставили только на посев, а больше ничего, ни курям, ни гусям. Сказали [власти и хлебозаготовители] нам так: нехай хоть все с голоду подохнет, а нам дай», «хлеба у многих не хватает», «...кончился хлеб, и нет средств купить его...», «говорят, что будто бы потому исчезновение товаров, что отправляют за границу и хлеб, и сахар, и скот, и рыбу, и проч. Не знаю так ли это, но если так, то, по-моему, неумно отправлять в таком количестве, что свои голодают», «В чем же секрет голода? А в том, что весь хлеб неизвестно куда девается, хотя нам говорят, что никуда за границу не вывозится. И это ведь ужасно! Своих морят голодом, делают нищими, а за границе продают» [3].

Казаки, возмущавшиеся ухудшением снабжения в результате «чрезвычайных хлебозаготовок» конца 1920-х гг., еще не подозревали, что это – лишь «цветочки», а «ягодки» будут впереди. В начале 1930-х гг. ситуация с продовольственным обеспечением сельского населения Юга России еще более ухудшилась, главным образом из-за снижения урожайности (произошедшей в результате дезорганизации аграрного производства, вызванной осуществлением политики сплошной коллективизации) и непомерно высоких государственных хлебозаготовительных планов.

Изымая максимально возможное количество сельхозпродукции из деревни, власть оставляла самим колхозникам и единоличникам лишь минимум продовольствия. Так, из урожая 1930 г. на общественное питание и оплату труда членов колхозов Северо-Кавказского края ушло только около 13 % ржи, около 5 % ячменя, 28,1 % озимой и яровой пшеницы [4]. В пределах Азово-Черноморского края (куда входили Дон и Кубань) в 1931 – 1934 гг. оплата трудодней составляла 0,40 – 0,43 руб. и 2,1 – 2,4 кг хлеба (причем в 1932 г. на трудодень в среднем приходилось 1,3 кг, а денег в подавляющем большинстве колхозов не начисляли вообще) [5]. Колхозники в это время вырабатывали, по утверждениям представителей власти, в среднем 200 – 300 трудодней в год [6]. То есть, по итогам года, колхозник мог получить 80 – 86 руб. и 500 – 750 кг зерна. Этих средств не могло хватить крестьянской семье, а ведь требовалось еще чем-то кормить и скот в личном подсобном хозяйстве. К тому же зерно, полученное колхозниками на

трудодни, власти могли потребовать обратно, если у колхозов не хватало зерна для создания семенных фондов или выполнения дополнительных планов хлебозаготовок [7].

В случае засухи, ведущей к неурожаю, сталинская налогово-заготовительная политика могла привести к голоду. Источники позволяют с полным основанием говорить о том, что голод 1932 – 1933 гг. стал следствием не только засухи, приведшей к неурожаю, но и политики сталинского режима, для которого потребности хлеборобов не значили абсолютно ничего. В период голода, по неполным данным, в Северо-Кавказском крае смертность втрое превышала рождаемость (416,7 тыс. умерших против 138,9 тыс. родившихся); избыточная смертность в крае составила 350 тыс. человек [8]. В основном повышенная смертность на почве голода наблюдалась именно в сельской местности, поскольку единоличники и колхозники отдали государству последний хлеб и при этом не могли надеяться на нормированное снабжение по карточкам, как горожане. В частности, 27 июня 1933 г. начальник Армавирского оперативного сектора (оперсектора) ОГПУ Петров докладывал руководству Северо-Кавказского края, что на подведомственной ему территории голод свирепствует в полную мощь (в данный оперсектор входили такие районы Северо-Кавказского края, как Армавирский, Апшеронский, Белореченский, Курганенский, Лабинский, Майкопский, Ново-Александровский, Невинномысский, Отрадненский). По данным Петрова, в Курганенском районе за шесть дней, – с 15 по 20 июня 1933 г., – только по колхозам Ново-Алексеевской МТС умерло 122 человека, по колхозам Петропавловской МТС – 181 человек (то есть 20 – 30 человек в сутки). В Лабинском районе ежедневно умирало «на почве истощения» около 150 человек. В Ново-Александровском районе, «по грубым подсчетам», в сутки умирало до 100 человек [9].

До сего времени нет ответа на вопрос, можно ли говорить о Великом голоде 1932 – 1933 гг. как «об искусственно задуманной акции окончательного подавления, удушения областей Юга России» [10], или же это было естественное (но не планируемое властью) следствие завышенных хлебозаготовок. Ясно одно: именно преступные действия сталинского режима (и его пособников из числа местных властей и особенно активистов), не останавливавшегося ни перед чем при выполнении завышенных

хлебозаготовительных планов, привели к голоду и массовой смертности. При этом вполне возможно, что большевики сознательно предъявили наиболее высокие нормы сдачи хлеба именно казачьим районам и станицам. Они полагали, что местные колхозы, колхозники и единоличники, в массе своей более крепкие и зажиточные, чем иногородние крестьяне или горцы, смогут эти планы выполнить (а если это и вызовет голодовки, то так «контрреволюционному» казачеству и надо). Ведь вспоминают же жители кубанской станицы Некрасовской, что «в Адыгее (буквально перейти мост через Лабу) голода не было. Это лишнее подтверждение того, что голод на Кубани был создан искусственно» [11]. Когда же казаки (как, впрочем, и иногородние) стали укрывать от санкционированных сверху изъятий последние остатки зерна, чтобы не умереть с голоду, то эта естественная реакция отчаявшихся людей была объявлена сталинским режимом «кулацким саботажем хлебозаготовок».

Голод 1932 – 1933 г. стал наиболее трагическим, но далеко не единственным случаем, когда последствия природной стихии усиливались государственной политикой в области налогов и заготовок. В следующем, 1934 г., регионы Юга России были поражены сильнейшей засухой. В частности, в большинстве кубанских районов в 1934 г. дождей не было до конца мая, а в колхозах Должанской МТС (Ейский район Кубани) осадков не наблюдалось вообще до начала уборки, то есть до июля – августа [12]. Население, не ожидавшее от государства помощи, было охвачено паникой. В мае 1934 г. на рынках Кубани цены на хлеб выросли в 2 – 3 раза по сравнению с мартом – апрелем [13]. Немало колхозников стремилось покинуть пораженные засухой районы. Согласно сводке ОГПУ от 25 мая 1934 г., в колхозах Калмыцкой МТС Азово-Черноморского края «появилось значительное количество донских казаков..., частью приживающихся на месте, частью закупающих в больших размерах хлеб в обмен на вещи и утварь, сопровождая это усиленными разговорами о наступающем у них голоде...» [14]. Даже часть приехавших на Юг России в 1933 г. красноармейцев-переселенцев предпочла вернуться на родину – в центральные и северные регионы РСФСР [15].

Последующие события показали, что опасения южнороссийских хлеборобов были вполне оправданы. Средние выдачи зерна на трудодни по итогам 1934 г. составили 2,4 кг на трудодень, что

ненамного превышало уровень относительно благополучных 1931 г. и 1933 г. и лишь на килограмм с небольшим – уровень голодного 1932 г. [16] Большая часть произведенной сельхозпродукции была изъята рьяными хлебозаготовителями и ушла на оплату работ, произведенных в колхозах машинно-тракторными станциями. «Продовольственные затруднения» по итогам 1934 г. были настолько распространены, что в марте 1935 г. политбюро ЦК ВКП(б) было вынуждено принять решение об отпуске Азово-Черноморскому краю для продовольственной помощи колхозам 1 млн. пудов зерна. Колхозы должны были вернуть это зерно государству из урожая 1935 г. с начислением в виде процентов 10 пудов на каждые 100 пудов [17].

События марта 1935 г. свидетельствовали об определенной корректировке аграрной политики сталинского режима. Голод 1932 – 1933 гг. ни самим И.В.Сталиным, ни его приверженцами публично признан не был. Но, тем не менее, руководство страны понимало, что повторения этой трагедии нельзя допустить. Дело, конечно, было не в человеколюбии, а в том, что гибель сотен тысяч колхозников отрицательно сказалась на колхозном производстве, что обеспокоило представителей власти. Отсюда – и неожиданная забота политбюро о голодавших хлеборобах Азово-Черноморского края.

Во второй половине 1930-х гг. продовольственное обеспечение колхозников Юга России заметно улучшилось. Это стало следствием как повышения уровня агротехники (в результате чего колхозы могли несколько уменьшить разрушительные последствия природной стихии), так и либерализации аграрной политики сталинского режима (о чем свидетельствовало, в частности, уже отмеченное нами постановление политбюро ЦК ВКП(б), принятое в марте 1935 г.). Если в колхозах Дона в 1931 г. колхозники в среднем получали на трудодень 2,2 кг зерна и 0,22 руб., в 1932 г. – 1,42 кг и 0,42 руб., то в урожайном 1937 г. – 5,31 кг и 0,84 руб., в засушливом 1938 г. – 3,19 кг и 1,10 руб., в 1939 г. – 3,3 кг и 1,31 руб. [18] Те же тенденции наблюдались и на Тереке, и на Кубани. Так, в кубанских колхозах в 1935 г. на трудодень приходилось в среднем 2,63 кг зерна и 0,93 руб., в 1936 г. – 2,43 кг и 1,40 руб., в 1937 г. – 6,5 кг и 1,70 руб., в 1938 г. – 2,4 кг и 1,44 руб., в 1939 г. – 3,7 кг и 1,83 руб. [19] Наиболее удачным стал 1937 г., когда по итогам богатого урожая на одну колхозную семью в Орджоникидзевском крае пришлось 203 пуда хлеба (3 248 кг), в Краснодарском крае – 218 пудов (3 488 кг), а на один

трудодень в колхозах Юга России выдавалось 5 и более килограмм зерна [20]. В конце 1930-х – начале 1940-х гг. на Юге России те колхозы, где на трудодень выдавалось лишь 2 – 3 кг зерна, считались неблагополучными, а в прессе утверждалось, что «в доме каждого честного колхозника – достаток всяких продуктов» [21]. В условиях изобилия члены колхозов даже кормили скот зерном, выданным на трудодни [22].

Именно во второй половине 1930-х гг. с наибольшей отчетливостью проявилось смягчение аграрной политики сталинского режима. В данное время колхозное производство Юга России продолжало подвергаться засухам, снижавшим урожай. Засушливыми и неурожайными были 1935 г., 1936 г., 1938 г. По итогам каждого из перечисленных годов в коллективных хозяйствах, расположенных в подвергнувшихся засухе районах Дона, Кубани и Ставрополя, вновь наблюдались «продовольственные затруднения». Даже на исходе третьего десятилетия XX в. сложности в обеспечении сельского населения продовольствием не стали мрачным преданием. Так, в 1940 – начале 1941 гг. в целом ряде районов Орджоникидзевского (ныне – Ставропольского) края колхозники и даже рабочие и служащие, проживавшие в городах и райцентрах, оказались без пищи из-за неурожая и хлебозаготовок, проведенных по завышенным нормам [23].

Во второй половине 1930-х гг., как и ранее, «продовольственные затруднения» усиливались жестким нежеланием партийно-советских органов снижать безвозмездные хлебозаготовительные планы. Например, в 1936 г., несмотря на недород, Азово-Черноморский край должен был сдать государству 148,6 млн. пудов зерновых против 109,6 млн. пудов в 1935 г. Причем, по предложению И.В. Сталина, политбюро ЦК ВКП(б) увеличило еще и планы государственных закупок хлеба для Дона и Кубани на 1,5 млн. пудов, для Северо-Кавказского края – на 1 млн. пудов [24] (государственные закупки хлеба проводились по ценам, заметно ниже рыночных, и представляли собой формально добровольное, но на самом деле строго обязательное мероприятие).

Однако, наряду с реализацией высоких хлебозаготовительных планов (усиливавших негативный эффект неурожая), органы власти во второй половине 1930-х гг. в гораздо более широких масштабах практиковали выделение голодавшим колхозникам

продовольственных ссуд. То есть, по существу, сталинский режим отказался от полного игнорирования нужд и потребностей колхозников и, стремясь избежать массовой смертности их от голода, возвращал им часть зерна, у них же отобранного.

Так, по итогам засушливого 1935 г. в ряде районов Азово-Черноморского края, особенно северо-донских, колхозники получили на трудодни мизерное количество зерна, вследствие чего властям пришлось выделять для них продовольственные ссуды [25]. В 1936 г. голод опять поразил многие области и края РСФСР, в том числе и районы Дона, Кубани, Ставрополя. Как отмечает Е.А. Осокина, хлебный кризис 1936–1937 гг., охвативший целый ряд регионов СССР, мог быть гораздо тяжелее голода 1932–1933 гг.: «урожай 1936 года был хуже урожаев 1931–1932 годов, заготовки выше, а остатки хлеба в деревне меньше. Однако после неурожая 1931–1932 гг. разразился массовый голод, а после неурожая 1936 года голодало несколько тысяч человек». В числе причин такого относительно благоприятного исхода Е.А. Осокина называет не только то, что 1936 г. предшествовал ряд урожайных лет, и не только развитие личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих и служащих. Одной из важнейших причин, по ее мнению, являлось изменение государственной политики по отношению к деревне: государство не хотело повторения событий 1932–1933 гг. [26] События 1935–1936 гг. лишний раз свидетельствуют, что Великий голод 1932–1933 гг. был вызван, в первую очередь, преступными действиями сталинского режима, а не плохими погодными условиями, под влиянием которых был тогда собран низкий урожай.

На протяжении 1930-х гг. аграрная политика сталинского режима сохраняла преемственность с досоветской практикой взаимоотношений государства и земледельцев, когда первое изымало у вторых максимально возможное количество сельхозпродукции, что в условиях неурожая вело к голодовкам и массовой смертности населения. «Продовольственные затруднения», как называли реальный голод в терминологии раннесоциалистического общества, неоднократно возникавшие в СССР (в том числе на Юге России) в третьем десятилетии XX в., являлись прямым следствием не только неблагоприятных природно-климатических условий, но и завышенных хлебозаготовок, проводившихся властными структурами. Особенно тяжелое социально-экономическое положение сложилось в первой половине 1930-х гг., когда из-за разразившейся засухи и жесткого

нежелания властей снизить хлебозаготовительные планы, произошел Великий голод 1932 – 1933 гг. Только во второй половине 1930-х гг. сталинский режим, не отказываясь от прежней практики реализации высоких хлебозаготовительных планов, стал явственно демонстрировать бóльшую заботу о повседневных нуждах земледельцев, что выразилось в оказании государством сельскому населению необходимой продовольственной помощи.

Примечания

1. Бегишев А.Н. Главнейшие сезонные с.[ельско]-х.[озяйственные] работы по полеводству. Ставрополь, 1931. С. 5 – 7.
2. Милов Л.В. Великорусский пахарь: особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 17.
3. Крестная ноша: Трагедия казачества. Ч. 1 / Сост. В.С. Сидоров. Ростов н/Д., 1994. С. 113, 118, 120, 126, 130, 142.
4. Рассчитано по: Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. р-1390, оп. 6, д. 1508, л. 7.
5. Шеболдаев Б.П. Край неисчерпаемых возможностей // Колхозница. 1936. № 10. С. 4; Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). Документы и материалы / Под ред. П.В. Семернина, Е.Н. Осколкова. Краснодар, 1972. С. 615.
6. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), ф. 166, оп. 1, д. 16, л. 2; Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 83; Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет / Под ред. А.И. Гозулова. Ростов н/Д., 1940. С. 257.
7. ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 1372, л. 65; Коллективист. 1933. № 5 – 6. С. 6; Ударник колхоза. 1932. № 3. С. 2; Социалистическое земледелие. 1933. 4 января.
8. Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1 – 2. С. 3; Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928 – 1935 гг. М., 1993. С. 58.
9. ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 21, л. 105 – 106.
10. Кокунько Г.В. «Черные доски» // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2006. Т. 1(22) С. 216.
11. Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В. Станица на берегу Лабы (Исторический очерк станицы Некрасовской) // Кубанский сборник. Т. 1 С. 116.
12. ГАРО, ф. р-1390, оп. 7, д. 459, л. 5.
13. ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 115, л. 85.
14. ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 111, 249, 250.

15. ГАРО, ф. р-2608, оп. 1, д. 4, л. 5.
16. Шеболдаев Б.П. Край неисчерпаемых возможностей // Колхозница. 1936. № 10. С. 4; Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927 – 1937 гг.). С. 615.
17. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5-ти томах. 1927 – 1939. Т. 4. 1934 – 1936 / Гл. ред. В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола. М., 2002. С. 412.
18. Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет. С. 159.
19. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК), ф. р-1378, оп. 2, д. 4, л. 92.
20. ГАКК, ф. р-1378, оп. 2, д. 4, л. 92; Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет. С. 159; Котов Г., Струков М., Горбатенко Г. Советская деревня в третьей пятилетке. Ст. 1 // Социалистическое сельское хозяйство. 1939. № 4. С. 154.
21. Орджоникидзевская правда. 1940. 4 января; 11 января.
22. Дмитриев В. Правильно распределить колхозные доходы // Социалистическое сельское хозяйство. 1940. № 11 – 12. С. 31.
23. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК), ф. 1, оп. 1, д. 691, л. 6, 7, 21, 26, 28 – 30, 33, 41, 42; оп. 2, д. 67, л. 21, 54.
24. Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 832, 841.
25. ЦДНИ РО, ф. 76, оп. 1, д. 38, л. 33, 36, 40.
26. Осокина Е. Легенда о мешке с хлебом. Кризис снабжения в конце 30-х годов // Родина. 1999. № 5. С. 88 – 89.

В.Н. Ракачев (г. Краснодар)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ХЛЕБОЗАГОТОВОК 1932–1933 ГГ. НА КУБАНИ И ЕЁ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Государственная политика хлебозаготовок в 1932–1933 гг. имела жесткий характер, под страшным прессом репрессий к 15 января 1933 г. в крае было заготовлено 18,3 млн. ц хлеба. Для этого потребовалось сдать в счет хлебозаготовок 2/3 валового урожая зерновых, полученного колхозами, в том числе и весь семенной фонд, но планы так и не были выполнены, осенний сев не завершен. Но и после этого кубанские станицы не оставили в покое. Уже 20 января 1933 г. крайком ВКП(б) своим постановлением обязал районы, не выполнившие плана хлебозаготовок, продолжить сбор зерна. Параллельно с этим

началась кампания сбора семян для весеннего сева. Фактически хлебозаготовки в крае продолжались до весны 1933 г. К весенней посевной Северный Кавказ получил из государственных резервов 15,3 млн. пудов зерна. В то время, когда у колхозов забиралось порой последнее, в черноморских портах загружались пшеницей суда, вывозившие ее за границу. В 1932 г. несмотря на тяжелое положение, начинавшийся массовый голод, из страны было экспортировано 18 млн. ц хлеба. При валовом сборе в 698,7 млн. ц это относительно немного, но был вывезен хлебный паек как минимум 7 млн крестьян. Жители городов, начиная с 1928 г., имели гарантированное снабжение продуктами питания по карточкам, а миллионы крестьян голодали. Экспорт хлеба в 1932–1933 гг. принес государству всего 389 млн р., в то же время от продажи лесоматериалов страна получила почти 700 млн, нефтепродуктов – еще столько же. Продажа пушнины в 1933 г. позволила выручить средств больше, чем за вывезенный в том же году хлеб. Таким образом, экспорт зерна не дал крупных валютных поступлений для закупки за рубежом техники оборудования [1].

Данные, приведенные в табл. 1, показывают, что соотношение валового производства и хлебозаготовок неизменно менялось и оставшийся в деревне хлеб составлял в 1932 г. лишь 48,6% потребности сельского населения.

Таблица 1

Валовое производство, заготовки и внутридеревенский остаток зерна в Северо-Кавказском крае, 1928–1932 гг., млн ц.

Год	Валовое производство		Заготовки		Внутридеревенский остаток	
	млн ц	%	млн ц	%	млн ц	%
1928	49,3	100	10,7	21,7	38,6	78,3
1929	52,5	100	17,6	33,5	34,9	66,5
1930	60,1	100	22,9	38,1	37,2	61,9
1931	69,7	100	30,6	43,9	39,1	56,1
1932	35,6	100	18,3	51,4	17,3	48,6

Рассчитано по: *Осколков Е.Н.* Хлебозаготовки и голод 1932–1933 гг. в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д, 1991. С. 65.

Северо-Кавказский край, являясь одним из основных поставщиков хлеба, вошел в число регионов с наименьшим количеством хлеба, выданного колхозникам по трудодням. В 1931 г. в колхозах края на трудодень было выдано по 2,5 кг зерна, в 1932 г. – только 1,4 кг [2]. Следует отметить, что это округленная цифра по краю и часть колхозов (особенно на Кубани) не получили зерна вообще. Это в конечном итоге привело к голоду, масштабы и последствия которого трудно поддаются осмыслению.

Из 75 районов Северо-Кавказского края голод охватил 44 района. В феврале 1933 г. бюро крайкома вынуждено официально признать «факты прямого голодания в отдельных станицах». Стремясь преуменьшить размах трагедии и всю вину за случившееся еще раз возложить на кулаков, бюро крайкома отнесло 20 районов края к неблагополучным.

Один из главных виновников организованного голода Л.М. Каганович во время своей поездки на Северный Кавказ в ноябре 1932 г. – феврале 1933 г. в своем дневнике вину за голод также перекладывает на кулаков и классовую борьбу.

«Отмечен ряд случаев, когда дети пухнут от голода, когда налицо острое недоедание, а начинают искать и находят зарытыми по 75–100 пуд. хлеба (в ст. Петровской, в ст. Старо-Минской и др.). При допросе глава семьи молчит или говорит: "Нам не привыкать"».

В ст. Старо-Минской к одной единоличнице поставили для наблюдения агента. Пока он жил 5 дней, семья ничего не ела и была накануне смерти, а когда агента вынуждены были снять, на другой день опять нашли в доме свежий печеный хлеб.

Режут усиленно скот. За последние дни в Староминской зарезали 150 голов скота. Усилился падеж лошадей. Причины – исключительно небрежный уход, так как грубые корма есть, но их не привозят, не делают сечки и т.п. На прошедшем пленуме крайкома некоторые секретари райкомов пытались отмолчаться, а потом выступали формально. Голодовку боялись называть открыто и говорили "эти случаи"..."» [3].

Документы о голоде – страшная правда о том времени. «Факты продзатруднений отмечены в районах: Курганском, Армавирском, Новоалександровском, Лабинском, Невинномысском, Ессентукском, Крымском, Анапском, Ейском, Старминском, Кущевском, Тихорецком, Медвеженском, Новопокровском, Каневском,

Краснодарском, Павловском, Кореновском, Майкопском, Вешенском, Калмыцком, Константиновском и Тимашевском».

По далеко неполным данным в этих районах учтено: опухших от голода – 1 742 чел.; заболевших от голода – 898; умерших от голода – 740; случаев людоедства и трупоедства – 10 чел. В голодающих населенных пунктах имеют место случаи употребления в пищу различных суррогатов: мясо павших животных (в том числе сапных лошадей), убитых кошек, собак, крыс и т.п.» [4].

В документах ОГПУ содержалась информация, что в отдельных населенных пунктах целого ряда районов Северо-Кавказского края отмечается обострение продзатруднений.

В отчетном политдонесении политотдела Новоластуновского МТС за период с начала работы, т.е. с 16 января по 16 ноября 1933 г., в частности, говорилось: «...план 1933 г. выполнен не был. Это был период саботажа, организованного кулачеством в первую очередь вокруг вопроса о хлебозаготовках. Массовое расхищение урожая, в частности кукурузы, укрытие его в ямы, ожесточенная агитация за несдачу хлеба государству, пропаганда воровства, ярко выраженная в кулацком лозунге “не ворующий, не ест” – вот характерная обстановка хлебозаготовок прошлого года.

С первых же дней работы Политотдела пришлось окунуться с головой в работу по разгрому саботажа, руководить комсодами искать и раскрывать ямы.

Под непосредственным руководством Политотдела в станицах нашей МТС вскрыто 887 ям» [5].

Несмотря на строгую цензуру и контроль со стороны государства и карательных органов, высказывания, приводимые в этом документе, достаточно откровенны: «...несмотря на общее одобрение закона о хлебозаготовках, массы колхозников не верили в то, что он будет действительно твердым законом: “Да это вы только сейчас так говорите, чтобы посеяли и убрали, а как убирать будем, опять по-старому будет – встречные да перестречные и опять нам ничего не достанется”» [6].

Тексты этих документов просто и буднично отражают страшные последствия деятельности комиссии Л.М. Кагановича. «Правления колхозов ежедневно были осаждены колхозниками – просителями о выдаче “хоть чего-нибудь, что можно было есть”, –

сообщает политдонесение. И правление колхозов скупно выдавало на 2–3 дня то, что имели: кислую капусту, березку и куколь, заменявшие хлеб. Значительная часть колхозников от длительного недоедания и питания суррогатом была пухлая. 1 300 чел. по району деятельности МТС в эти предвесенние месяцы и первые весенние (3–4) вымерли. Причем большей частью взрослые мужчины и старики. Женщины оказались выносливее».

«Голод обрекал на крайние действия. Сильно было развито воровство продуктов питания. Воровали в колхозах, воровали друг у друга, у соседей – капусту, картошку, коров, птицу и даже лошадей. Доходило до воровства у заместителей начальников политотделов» [7].

Ужас голодных лет раскрывают воспоминания переживших это время. «В первый колхозный год расчет годовой был прост. Выдали в конце года по 9 пудов = 144 кг зерна на едока. Этого было явно недостаточно. Считается нормальным 300 кг зерна в год на каждого члена семьи. На второй год (на трудовень) выдали и того меньше. А уж на третий колхозный наша семья, 9 человек получила всего 4 мешка ржи, это около 300 кг, т.е. что надо иметь на одного человека, – вспоминает И.И. Ермаков, проживавший в Белоглинском районе. – В 1932 г. наша семья получила за целый год работы в колхозе всего лишь 1 мешок (40 кг) кукурузы в кочанах. Народ остался без хлеба совершенно.

А сверху, из Москвы, шли приказы за приказами в район, в колхозы: “Хлеб, хлеб, хлеб, немедленно и весь”. Разумеется, с угрозами, за невыполнение суд, расстрел. И пошли по дворам комиссии содействия, т.е. комсоды, во главе с представителями райкома, крайкома, политотдела МТС. Они обшаривали каждый закоулок, заглядывали в кувшины, рылись в туалетах, искали ямы, лазали за портретами и иконами. Грабили все подряд: фасоль, горох, коноплю, тыквенные, огуречные, дынные семечки. Все, что можно было подогнать под рубрику “зерно”» [8].

Результатом чрезвычайных мер, использованных при хлебозаготовках, стал разразившийся зимой с 1932 г. на 1933 г. страшный голод. Люди падали на дорогах, умирали на ходу от дистрофии. Похороны были обычным явлением каждого дня.

«В отдельных станицах умирали целыми семьями, – пишет очевидец. – Ели собак, собирали дохлых ворон вдоль дорог, лазали

по мерзлым полям в поисках колосков или кочанов кукурузы. Ели дохлых курей. Были случаи и людоедства...

Люди, в основной массе, выжили в нашем селе только за счет картофеля с огородов. При всех повальных обысках картофель не реквизирувался, а также капуста, огурцы, помидоры, лук, чеснок, морковь.

С наступлением весны появилась надежда. Для посевной в 1933 г. государство выделило семена. На полях появились маломощные колесные трактора. Но их было мало. Лошади, переживавшие на одной половине, были слабы. Привлекали к работе индивидуальных коров колхозников. Обучили их ходить в ярме, на них пахали и сеяли. Корова тоже получала трудовую книжку, ей начисляли трудодни, и на них выдавали муку так же, как и людям» [9].

С.В. Никифоров, отправленный в 1933 г. в ст-цу Староплатнировскую для организации на Кубани пропагандистской работы, вспоминает такой случай. «На следующий день я получил большую булку хлеба на дорогу. Пришел в контору к счетоводу колхоза и стал укладываться. Счетовод жадно смотрел на хлеб. Он был уже пухлый. Он вышел в коридор, а я подумал и решил отдать ему хлеб. У него и дети были пухлые. Я позвал его в комнату и говорю, что уезжаю в район, потом в Ростов, так что я буду скоро дома, поэтому столько хлеба мне не нужно. Я отрезал кусочек, а остальное отдал ему. Он вдруг весь задрожал и упал на колени, стал целовать мои сапоги и говорить: “Простите меня, простите меня, пожалуйста, я хотел вас зарезать, зарубить топором и забрать хлеб, простите меня”» [10].

Голод и смерть многих заставляли усомниться в правильности самой коллективизации либо в методах ее осуществления. Эту мысль в своих воспоминаниях высказывает И.Л. Полежаев, работавший в феврале 1933 г. директором Уманского (Ленинградского) педтехникума. «26.02.1933 г. В станице голод. Мне поручили провести собрание колхозников в к-зе им. Зубрицкого. Явилось человек 15 худых, изможденных женщин. Лица, словно с икон. Согласны со всем и все делать. Но и “трэба хочь крохы хлиба, йисты ничого”. Думаю, а как же дети? Да, коллективизация дается дорогой ценой. Новый путь жизни должен вытеснить все старые привычки, формы хозяйства, весь уклад жизни, выработанный веками. А как сделать это в течение

года или нескольких лет, когда все прикипело к человеку в течение многих веков и находится у него в крови?» [11].

«7 марта 1933 г. У нас ЧП. Когда шли на подсобное хозяйство, растянулись цепочкой по улице, на двоих учащихся, несших хлеб (2–3 булки), напали какие-то люди, выскочившие из камыша. Ученики отстали от нас на 200–300 м, находились за поворотом в низине, и их крик мы не слышали. Напавшие выхватили хлеб у них и скрылись в камыше. Когда мы прибежали на место происшествия, ничего уже не смогли сделать, и было поздно. Перед нами стояли две плачущие девушки. Все говорят, что это какие-то голодные люди, станичники, подметившие, как мы ходили на подсобное хозяйство со своим хлебом.

Да, голод, действительно, не тетка. Мы остались без ужина, а кто-то, может, спас себя и детей от голодной смерти. Не жалко, а грустно, тяжело стало. В голову невольно вкрадывается мысль: “А почему все это так? А не слишком ли это дорогая цена за сплошную коллективизацию?”» [12].

Демографическая статистика 1930-х гг. хотя и является не вполне объективной, позволяет судить о характере демографических процессов в период голода 1932–1933 г. В 1933 г., в стране не было естественного прироста, население сократилось на 1 315,2 тыс. чел. Доля города составила 28,5% , села 71,5% [13].

Однако в европейской части РСФСР убыль городского населения была выше, чем сельского. Основная причина – снижение рождаемости в городах в результате отрицательных последствий экономической политики, главным из которых был голод. Масштабы убыли городского населения на Северном Кавказе в этом году составили 2,5%. Только две территории по этому показателю превосходили Северный Кавказ – Нижняя и Средняя Волга, где численность городского населения сократилась соответственно на 4 и 2,9% [14].

Хотя общая убыль сельского населения в европейской части РСФСР была ниже, чем городского, она распределялась крайне неравномерно. Основная доля падает на Нижнюю Волгу и Северный Кавказ, где большая убыль населения стала прямым следствием голода в этих регионах. Именно эти территории внесли основной вклад в общую убыль населения по европейской части РСФСР. На долю Северного Кавказа приходится при этом более 50%. (табл. 2).

**Численность населения Северного Кавказа и РСФСР
в 1933 г. по расчетам УНХУ и ЦУНХУ (тыс. чел.)**

Название территории	ЦУНХУ			УНХУ		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
Северный Кавказ	2510,5	7222,7	9733,2	2571,9	6801,4	9373,8
РСФСР	26510,5	76322,4	102832,9	26410,0	72170,6	98580,6
Естественный прирост						
Северный Кавказ	-63,9	-227,1	-291,0	-63,8	-214,0	-277,8
Европейская часть РСФСР	-232,4	-68,1	-300,5	-230,8	-66,4	-297,2
РСФСР	-261,0	165,2	-95,8	-247,9	32,7	-215,2

* Разница в данных приводимых в отчетах УНХУ и ЦУНХУ обусловлена тем, что отчеты местных УНХУ охватывали не все население и в ЦУНХУ высчитывались так называемые доисчисленные данные, т.е. распространяемые на всю территорию показатели в соответствии с недостающими процентами охвата.

Источник: *Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 г.: сколько их?*

(Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // *История СССР. 1991. № 5. С. 17–26.*

Пик убыли населения пришелся на середину 1933 г. в Северокавказском регионе в 1933 г. родилось 138 861 чел., умерло 416 664 чел. Т.о. смертность втрое превышала рождаемость, причем 75,5% умерших составляли сельские жители [15].

Весной 1933 г. о голоде стало известно и за границей. В нашей же стране это были долгие годы закрытой темой. И.И. Алексеев предполагает, что в станицах «особо неблагоприятных районов» число умерших от голода колебалось от 40 до 60%, а в отдельных местах и более [16].

На основе косвенных данных английский историк Р. Конквест, предположил, что в 1932–1933 г. от голода в СССР погибли 7 млн чел., в том числе до 1 млн чел. на Северном Кавказе (из них около 80% смертей приходится на северо-западные районы Кубани) [17]. По подсчетам ЦУНХУ общее число смертей,

попадавших в общегражданскую регистрацию, составило в 1933 г. около 5,7 млн чел. Но и эти данные неполные. Взяв в расчет недоучет убыли населения, можно утверждать, что эта цифра составляла 6,7 млн чел., а число жертв голода среди этих умерших составило примерно половину, т.е. более 3 млн чел. [18].

Основываясь на методике расчета В.Б. Жиромской и используя официальные результаты переписи 1939 г. по Краснодарскому краю и Адыгейской автономной области, мы попытались определить численность населения края без автономной области и возможные размеры приписки (табл. 3).

Таблица 3

Численность населения Краснодарского края и Адыгейской автономной области на начало 1939 г. (оба пола)

Территория	Население по данным ВПН 1939 г.	Скорректированная численность населения	Приписка	
			Абсолютная численность	% от скорректированной численности населения
Краснодарский край	3172674	3102757	69917	2,25
В том числе Адыгейская АО	241799	237711	4088	1,7
Краснодарский край без Адыгейской АО	2930875	2865046	65829	2,29

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992. С. 59; Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 54.

Общий процент приписки по Краснодарскому краю приближается к показателям тех регионов, где убыль населения была более значительной. В то же время в Адыгейской автономной области он существенно ниже. В крае высокий процент приписки объясняется тем, что население здесь очень сильно пострадало в период голода и раскулачивания.

Кроме того, приписка к численности мужского населения отличалась от приписки к женскому населению и была выше. В относительно стабильных районах приписка к мужскому населению составила 2,8%, тогда как к женскому она не превышала 1%. Однако в некоторых регионах величина приписки достигала 4%.

В крае процент приписки к мужскому населению был высоким и составлял 3,8%, в Адыгее этот показатель был ниже. Процент приписки к женскому населению был незначительным (табл. 4).

Таблица 4

Численность населения Краснодарского края и Адыгейской автономной области с распределением по полу на 1939 г.

Территория	Мужчины				Женщины			
	Населе- ние по дан- ным ВПН 1939 г.	Скор- ректи- рован- ная числен- ность, тыс. чел.	Приписка		Населе- ние по дан- ным ВПН 1939 г.	Скор- ректи- рован- ная числен- ность, тыс. чел.	Приписка	
			Абсо- лютная числен- ность, тыс. чел.	% от скор- ректи- рован- ной чис- лен- ности			Абсо- лют- ная чис- лен- ность, тыс. чел.	% от скор- ректи- рован- ной чис- ленно- сти
Краснодарский край	1484,8	1429,8	54,6	3,8	1688,3	1673,0	15,3	0,9
В том числе Адыгейская АО	113,0	109,9	3,1	2,8	128,8	127,8	1,0	0,8
Краснодарский край без Адыгейской АО	1371,4	1319,9	51,5	3,9	1559,5	1545,2	14,3	0,9

Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992; *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 58.

Все это однозначно указывает на то, что в результате раскулачивания, репрессий, выселений в первую очередь сокращалось мужское население.

Полученные путем перерасчетов цифры наглядно демонстрируют убыль населения в крае к 1939 г. Это подтверждают и материалы переписи 1937 г. Так, если в 1926 г. население региона насчитывало 3 146 013 чел., то в 1937 г. – 2 881 262 чел. Убыль составила 264 751 чел., или 8,4% к 1926 г.

Организаторы переписи при анализе динамики населения отдельных областей и республик разделили все области на пять групп. Край попадает в 5-ю группу, к которой отнесены в основном сельскохозяйственные районы «с неблагоприятными показателями естественного движения населения и относительно большим по сравнению с другими областями процентом выселенных за пределы области кулацких элементов» [19]. В эту группу попали сельскохозяйственные области Украины (кроме Донбасса), Казахстан, Курская, Саратовская, Куйбышевская области, АССР немцев Поволжья, Азово-Черноморский край, русские районы Северного Кавказа, отчасти Воронежская и Сталинградская области.

«Обращает на себя внимание то обстоятельство, – пишет в докладной записке И.А. Краваль, – что в эту группу входят области, сопротивление кулачества проведению коллективизации в которых было наиболее ожесточенным и острым и это сказалось на численности населения» [20].

Действительно, именно эти районы оказались в большей степени затронуты голодом, репрессиями. Помимо прямой убыли населения, данные события отразились на показателях рождаемости, которые и так в конце 1920-х – начале 1930-х гг. стали снижаться. Если во второй половине 1920-х гг. рождаемость характеризовалась высокими показателями, особенно в 1925–1926 гг., когда общий коэффициент рождаемости ни разу не опускался ниже 44,7%, то к 1928 г. уже повысился коэффициент смертности, а к 1930 г. снизилась рождаемость. Но повышение рождаемости и некоторое улучшение демографической ситуации не могли полностью компенсировать людские потери 1914–1922 гг., а главное, не могли преодолеть нарушений в развитии демографических процессов.

Эти нарушения имели долгосрочные негативные последствия, поскольку оставили глубокие демографические ямы в возрастной структуре прежде всего мужского населения. К началу 1930-х гг. они продолжали определять демографическую ситуацию в стране.

Примечания

1. *Кропачев С.А.* Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории края 30–40-х годов. Краснодар, 1993. С. 14.
2. *Белозеров В.С.* Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. С. 67.
3. Из краткой записи «дневника» о поездке Л.М. Кагановича на Северный Кавказ (ноябрь 1932 г. – февраль 1933 г.) // РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 215. Л. 74 // <http://www.pseudology.org/>.
4. Информация Секретно-политического отдела ОГПУ о голоде в районах Северо-Кавказского края от 7 марта 1933 г. // ЦА ФСБ РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 42. Л. 62–64 // <http://www.pseudology.org/>.
5. Отчетное политдонесение Политотдела Ново-Пластуновского МТС за период с начала работы т.е. с 16 января по 16 ноября 1933 г. // ЦДНИКК. Ф. 80691. Оп. 1. Д. 4. Л. 223–225.
6. Там же.
7. Там же. Л. 237.
8. Отклики и воспоминания на статью И.И. Алексеенко // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 34–39.
9. Там же.
10. Воспоминания Сергея Васильевича Никифорова // Родная Кубань (литературно-исторический журнал). 2002. № 3. С. 101.
11. Дневники Ивана Лазаревича Полежаева (30-е годы, ст-ца Уманская) // Родная Кубань (литературно-исторический журнал). 2002. № 3. С. 53.
12. Там же. С. 57.
13. *Осокина Е.А.* Жертвы голода 1933 г.: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 17–26.
14. Там же. С. 20.
15. Там же. С. 21.
16. *Алексеенко И.И.* Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX века. Краснодар, 1993. С. 49.
17. *Конквест Р.* Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1988. С. 89.
18. *Осокина Е.А.* Жертвы голода 1933 г.: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 21,23.
19. *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996. С. 37.
20. Там же. С. 37; Социологические исследования. 1990. № 6. С. 8–13.

Раздел 2. АНТРОПОЛОГИЯ ГОЛОДА

Н.И. Бондарь (г. Краснодар)

КОД СМЕРТИ (ГОЛОД НА КУБАНИ 1932-1933 ГГ.)

На протяжении если и не всей, то большей части своей истории человечество сталкивалось с голодом, что нашло отражение как в письменных источниках (летописях, хрониках), так и в фольклоре.

Например, 1008 год, Киевская Русь. Засуха, нашествие саранчи: «... быша пружи мнози», голодный год. 1097 год. Сильная засуха, неурожай. Голодный год: «Мнози человеци умирали различными недуги». В 1094 году «пришла саранча на Русскую землю 26 августа, и поела всякую траву и много хлеба» и наступил голод [1].

Регулярно, с древности, голод выкашивал значительный процент населения в Западной и Восточной Европе. Причиной неурожаев являлись чрезвычайная засуха, как например, в 912 г. до н.э., когда «в беспомощном положении оказались огромные массы людей, обречённые на голодную смерть»; избыток влаги (67 г. н.э.), «чрезвычайные холода (102 г. н.э.)», и т.д. [2].

Существенные недороды в 1819–1820 гг. охватили Архангельскую, Вологодскую, Полтавскую, Рязанскую, Витебскую, Владимирскую, Екатеринославскую, Киевскую и другие губернии России [3].

Помимо голода, порождаемого объективными, естественными причинами (естественный голод), существуют и другие его виды, имеющие совершенно иную природу: демографическую (избыточное население), социальную (социальная и имущественная стратификация общества: «богатые» и «нищие»), военную (осада и голод, как составная часть военной тактики).

Любой вид голода ассоциируется прежде всего со смертью и массовым вымиранием людей. И это действительно так: *«Вымирали улицами. Сейчас в станице [Николаевской] нет двадцати – тридцати улиц»* [АК 2031], *«Столько мира погибло»*

[АК 464], «*Вот эта поляна, 23 гектара, моё дитя, оцэ ж усэ булы хаты и усэ люды жылы. И вси поляглы в 33-ём году*» [АК 3117]*.

Как правило, с голодом мы связываем физическую смерть. В связи с естественным и некоторыми антропогенными видами голода (война, например), это правомерно, хотя и не всегда: «*Лучше война, чем голод. В войну убили, [ну и] убили. Значит всё. А голод... мучились люди*» [АК 3562].

Однако и голод голоду, и смерть смерти рознь.

Голод 1932–1933 гг. относится, и это ещё одна его разновидность, к категории «рукотворных», «искусственных». Складывается такое впечатление, что он спланирован и осуществлён сознательно и, так же как и коллективизация, высылка/депортация, являлся продолжением войны. В этом отношении показательно выступление Л.М. Кагановича на расширенном заседании бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), на котором он, в частности, отметил: «На селе, особенно на Кубани, ещё остались представители кулачества. Они нами разбиты, потрёпаны, потеряли прежнюю мощь, **но ещё живы**» [4].

Как сознательно спланированную акцию характеризуют этот голод и большинство из тех, кто его пережил: «*Масква давала указ – сколько с села, сколько с хутора, сколько из города... далжны пагибнуть з голоду. [...] Я не знаю хто этим [голодом] рукавадил. Эта такое зверство было*» [АК 1933].

Многие, рассказывая о том, что комсодовцы забирали абсолютно всё, что можно было есть («до тла», «под чистую», «до росиночки»), подчеркивали, что делалось это специально, чтобы выморить людей голодом и что «*делал это враг*». [АК 495, 2031, 3123].

Этот голод нёс не обычную индивидуальную физическую смерть, являвшуюся частью культуры и жизни: правильная – неправильная, своевременная – несвоевременная смерть, представления и ритуалы, связанные с нею [5]. Голод 1932–1933 гг. вызвал не просто массовую, а тотальную смерть. Её печать лежала не только на человеке, людях, но, практически на всём, что можно отнести к обществу и его культуре.

* Здесь и далее ссылки на №№ аудиокассет, материалы, размещенные в Приложении II.

Дальнейшему разрушению (смерти) было подвергнуто общество, его основные жизненно важные социальные структуры. Гражданская война, административно-территориальные и административно-политические преобразования (образование новых районов, краёв, республик) привели к уничтожению таких важных военно-социальных и социально-территориальных единиц, как Кубанское казачье войско и Кубанская область. Гражданская война, последующие коллективизация и раскулачивание деформировали, раскалывали те социальные единицы, которые представляли основу экономической, культурной, репродуктивной и прочих видов жизнедеятельности общества. Речь идёт о станичной / сельской общине и семье. Уничтожение прежней традиционной социальной системы и внутрисемейных связей осуществлялось поэтапно, с применением разных способов.

Гражданская война поделила общество, в т.ч. на общинном/ станичном и семейном уровнях, на «белых» и «красных», с последующими расстрелами «белых», высылкой мужского населения.

Коллективизация также основывалась на деструктивном потенциале таких оппозиций, как «зажиточные – малоимущие», «единоличники – коммуналисты». По отношению к первым применялось «раскулачивание» (экспроприация всей жизнеобеспечивающей инфраструктуры: земли, скота, инвентаря, жилья и т.п.), и высылка, разделение семей, социальная метка для семьи, детей – «враг народа», влекущая разного рода ограничения.

Из воспоминаний Татьяны Демьяновны Кобцевой, жительницы ст. Хопёрской, – мать померла ещё в 1921 году. Отца «раскулачили» и забрали в 1929. Дети остались с мачехой. Их выгнали из дома, переселили в «политотдел». *«У мачехи нас осталось пять дитэй. Она и побиралась ходыла, а нас прокормыла, выдыржала».*

Отец мачехе сказал, чтобы она отказалась от него, – *«спасы дитэй».*

А у неё отец и брат, которые погибли, были красными партизанами. После того, как она последовала совету отца, им возвратили дом, корову. *«И тоди мы зажылы»* [6].

Таких или похожих историй много: *«А в 1929 году кинули [выгнали] нас из новой хаты. В феврале, метель, аж сиза...»*

И пошли мы скитаться. [Отец и мать, т.к. им грозила высылка, уехали куда-то под Пятигорск, а Агрипина Ивановна Герасименко, наш информатор, осталась в родных местах].

[...] *Я тоже два года скиталась, под лавками пряталась. Нас хватали и ссылали в Сибирь. Гаварили, '– маладэжь высилим, а атцы, радители сами прыдуть.*

[...] *А так было время, хто пустит нас ночевать, и того [хозяев] выгоняли...*» [АК 1933].

Для «красных», «коммуналистов» создавался свой мир, новое социальное пространство: создавались коммуны, колхозы, совхозы. Однако эти новообразования представляли собой небольшие островки в пределах разрушавшейся традиционной социальной системы и предназначались они для «избранных».

Основной угрозой существования общества явилось то, что разрушению, уничтожению подверглась семья, базовый социальный институт в любом обществе, выполнявший жизненно важные функции социализации: экономическую, репродуктивную.

Речь идёт о физической смерти, о вымирании семьями. *«Уже в тридцать третьем году стал падать народ. Не то там одын, два, пять, а улыци. [...] Вот у Пэтрэнкив семеро дитэй было, и свёкр, и свекруха была, и мужик и жинка, и у них семеро дитей [...] все полностью помэрлы, в хати лежали.»* [АК 3717]. *«Много тут по нашему краю семьями вымирало. Щас лесом заросло [...]*» [АК 487].

Следует учесть, что в это время были не только малые, но и большие, многодетные семьи. *«Семьями вымирало. Семьи были от 15 до 20 человек.*

[*Мать послала зачем-то к соседям, Павловым. А они: дед, бабка, сын, невестка, две дочки – все мёртвые*]» [АК 447].

Во многих семьях выживали единицы: *«Вот нас было 8 душ семьи, и все померли. Тока я остался в живых»* [АК 3029].

Как отмечают информаторы, бóльшая смертность была среди мужчин и, особенно, детей. *«Детей было по 8–11 душ и умирали прямо на русской печи»* [АК 3708]. *«Всэ чисто забрапы. [Оставылы] чытыри стины и дитэй куча [...]. И оцэ вси диты подохлы»* [АК 118].

Вымирание семей порождало сиротство, скитальчество. *«Мы дивчаткамы ходылы [нанимались на работу к переселенцам],*

голодуемо, няма у нас ны батькив, ны матыри» [АК 286]; «Мы тогда сыротамы жылы, отца-матери не было...» [АК 3145].

Голод и смерть ослабляли или даже убивали нравственные принципы, чувство родства. Известны факты, когда родители оставляли детей, а сами уходили, уезжали в другие места. Некоторые наоборот, завозили куда-нибудь детей.

Голод убивал родительские чувства, чувство сострадания.

Сын работал в колхозе, принёс домой немного хлеба и сказал отцу: «*Смотри! Если хоть одну крошку одрижеш и куда она денется, я тебя убью [...]*».

Як я крычала [от голода] тогда: “Ой, мама, мама!”. А вона: «*Ой, дочечка, когда ж ты ослобоньш мэнэ”*» [АК 2007].

Или реакция отца на сообщение о смерти ребёнка, сына. «*[...] А он молится: “Ну, слава Богу, Господь прибрал. Кабы ещё и эту Господь прибрал” [об оставшейся и выжившей дочери]*» [АК 4069].

Однако такого рода антисоциальные, античеловеческие проявления не следует рассматривать как однозначно негативные. Передко в такой форме, как это ни странно звучит, проявлялась родительская забота, часто в ущерб себе, вынужденно избирательно.

Семья голодала, мать украла на колхозном поле две картошины и, спрятав в косы, принесла домой. Дома дети, братик и сестричка. «*[Братик] просит, ручку тянет: “Мама, йисть!”*»

Мама сварила эту картошечку и даёт ему: “Коля нехай ест, а ты [дочери] большая”. И Коле дала. И Коля взял эту картошечку двумя ручками и ест, а я [сестра] стою Колю охраняю.

Коля потом лёг и картошечка во рту. Лежит навзничь. А я: “Мама, а Коля картошечку ны йисть!”. Мы до Коли, а Коля мёртвый» [АК 4069].

Детей завозили, нередко дети сами, стоя на коленях, умоляли родителей сделать это, в надежде, что они выживут за счёт подаяния, милостыни.

И в условиях страшного голода большинство, порой из последних сил, стремились сохранить человеческие, родственные связи и отношения, нравственность. «*[Неделю поработала в колхозе.] Кукурузный хлеб наливной, но стали исть. По семьсот*

грамм нам давали. Так я вот такой [крошечный] кусочек съем, а это маме берегу» [АК 3270].

Или о тех, кто пытался выжить подавием: «Ныхвата [еды] в своей симьи, а прышло пухлэ, ну, як ты йёму ны дасы як оно пухлэ, голоднэ стоить» [АК 556].

Однако то, что голод постепенно съедал в человеке всё человеческое, всё же остаётся доминантой. «Нас ны считалы за людэй», «Мы жили хуже животных», «Тогда не говорили умер/помер, а здох, здохла», «Мать убила свою дочь и съела», «Маты вмэрла, вин зъив матирь», «Идёт человек по улице, упал и никому нет до него дела»...

Эти и другие сюжеты и оценки красноречиво говорят о том, до какого состояния были доведены в то время люди.

Можно говорить о том, что голод убивал в индивиде, семье, обществе всё социальное, стирал социальный код жизни. Ни человек, ни семья не в состоянии были выполнять социальные функции, в т.ч. репродуктивную. Многие из наших собеседников отмечали, что «дети пошли», женщины начали рожать только с 1935–36 годов [АК 250].

С помощью голода унищожался не только собственно социальный, но и культурный код, вторая важнейшая составляющая жизни. Деструкции подвергаются практически все блоки, компоненты культуры: пространство, время, пища, одежда, обычаи, ритуально-обрядовая практика, и т.д.

Пространство, как среда и необходимое условие социокультурной деятельности имеет сложное строение, что хорошо прослеживается на лексическом уровне. В.М. Гак отмечал, что пространственные номинации образуют четыре концентрических расширяющихся круга, происходящих от понятий: человек – дом – страна – мир [7]. Эту схему можно дополнить ещё одной единицей – селение (станция, хутор, село).

Пространство, как культурная компонента и составная часть кода жизни характеризуется сложным, многообразным структурированием, основу которого составляли функции его различных частей: человеческое – нечеловеческое, мужское – женское, профанное – сакральное, жилое – хозяйственное, мир (пространство) живых – мир мёртвых, окультуренное – неокультуренное.

Окультуренное, человеческое пространство, мир живых характеризуется рядом признаков. Чёткой структурой и наличием границ между его различными частями, в т.ч. между кладбищем, как частью мира мёртвых, и различными частями пространства мира живых. Наличием дорог, с помощью которых в процессе движения связываются различные части человеческого, окультуренного пространства и что является признаком сотворенности и жизни [8].

Упорядоченная наполненность – ещё одна характерная особенность окультуренного, человеческого, «живого» пространства. Наполненность людьми, их способностями, движениями и действиями, результатами (предметами) этой деятельности (жилые и культовые постройки, орудия труда и хозяйство, обряды и фольклор, и т.д.).

Как выглядело «живое», окультуренное пространство Кубани во время голода?

Небольшая его часть (новая) сохраняла эти признаки: коммуны, колхозы, совхозы, засеянные поля. Однако эти островки «живого» пространства были отгорожены от основного мира физическими и социальными границами.

В их пределы или вообще не впускали чужих (коммуны): поля созревающей пшеницы по периметру обносились сторожевыми вышками и контролировались объездчиками. Вторжение в это пространство «за колоском» гарантировало 10 лет тюрьмы «без суда и следствия».

Или же в эти пространства впускали (совхозы, колхозы), но ограниченно и на жёстких условиях, – еда только тем, кто выполняет норму («красные» и «чёрные» котлы). Попадание в этот мир не гарантировало выживания, спасения. Люди мёрли по пути на работу или с работы, прямо за работой. *«Пряма вот идёт, уже голодная [на работу], в ей уже ноги не ходють, а итить нада. Думае, – може там котёл какой дадут, сварють нам бульон. И впала, и всё [умерла]»* [АК 1339]. *«Вот адин гонит там лошадей, паганяет. Другой – за плугом. Если этот, за плугом упал, помер, ни харанили, ни брали. Другой плуг идёт [следом] чем-как засыпало и всё»* [АК 1933]. А *«когда весной сеяли [в поле], следом выбирали мёртвых»* [АК 3274].

Другой, совершенно другой облик имело ранее основное жизненное пространство. Его не просто отделили от новой

«красной» части станицы, мира, а разрушили традиционную внутреннюю его структуру, чёткие и обязательные границы между жилыми и хозяйственными, сакральными и профанными его частями, миром живых и мёртвых.

В хатах вынуждены были, во избежание воровства, держать скот (коров, коз), где он ещё каким-то чудом сохранялся. В станичных школах и больших домах зажиточных выселенных хозяев могли разместить колхозных свиней. В закрытых и разрушенных храмах в лучшем случае устраивали склады, мастерские, а чаще – клубы.

Смерть настигала людей везде. Они умирали в тех частях пространства, которые традиционным сознанием редко связываются с понятием «правильная смерть», правильная по месту, времени, причинам. Умирали в полях во время поисков мышиных норок с зерном, которое нередко оказывалось травленным. Умирали во время работы («Пошла за топкой, соломой. Наклонилась, упала, и всё»).

Некоторые сами приходили на кладбище и там умирали: «[Дедушка] взял пучочек сенца, пошёл, на могилке лёг и кончился» [АК 1242].

Умирали в хатах, лёжа, сидя «В некоторых хатах обнаруживали одни скелеты дитэй, стариков» [АК 3078].

Но, больше всего людей умирало на улице, на дороге, в придорожных канавах, кюветах. «Они идут, бедные, и деток на руках несут, и падет на дороге, и умирает» [АК 1541]. «Бурьяны такие стояли! В них люди валялись, гнили. Воняло кругом» [АК 1289]. «Выйдешь на улицу, глянешь: то там лежит [мёртвый], то там. А то за бардой ходили в голодовку. Идёшь по улице среди мёртвых... Страсть была! А вонь какая была невыносимая!» [АК 3562]. «В школу ходыла. Идём, по дорожи валяюца люды. Там умирае ще живой, там уже готовый. Пидийдым, побачим-поплачим, пишлы дальше» [АК 556].

Часть умерших и полуживых свозили на кладбище, а больше хоронили в тех частях пространства, которые для этого не предназначались или использовались в исключительных случаях: в саду, в огороде. «Девочку прямо в люльке в огороде закопали» [АК 3562]. «Одного маленького мальчика положили в корыто и похоронили в огороде» [АК 906]. Семьи были большие, умирало

много, некоторые дворы больше походили на кладбище, так много было могил и крестов .

Хоронили в канавах, глинищах, в погребах, в колодцах. А многих вообще не погребали, некому было хоронить: *«Хвосты лошадиные, люди мертвые тут [по улицам] валялись»* [АК 478].

Исчезали улицы, связывавшие различные сегменты пространства, семьи, людей. *«Это спасибо, по улице росла лебеда и щерица ровно [по высоте] с домом. [... Улиц не было], вот такая тропинка только была. Ходить некому было. Хоронить некому было»* [АК 4048]. *«Позаросло [бурьянами, улиц не было], тропинка... Если тропинки нет, умерли все»* [АК 3859]. *«Бурьян в рост человека. По станице ходить было страшно»* [АК 3743].

Как правило, сохранялись дороги, ведущие к коммунам, колхозам, и сквозные, проходившие через станицы, связывавшие ранее их с внешним пространством: миром / страной. По ним накануне голода проходили «красные обозы», приезжали и уезжали уполномоченные. Если станица заносилась на «чёрную доску» и её оцепляли войска, дорога эта перекрывалась. Если нет, то по ней шли беженцы (опухшие, босые, с детьми на руках), спасаясь от голодной смерти, которая чаще всего и настигала их на этой дороге.

Как отмечалось ранее, одним из признаков «живого» пространства, а также необходимым условием его сохранения является движение. Голодающие, даже если силы были на исходе, до последнего, как правило, пребывали в движении: в места, где надеялись найти или получить хоть какую-нибудь еду (река, поле, лес, колхоз / совхоз); к кладбищу; в населённые пункты и вообще в другие края (Закавказье), не затронутые голодом.

Голод принуждал двигаться даже тех, кто не имел сил передвигаться «по-человечески».

За станицей, была «салотопка», в которой отходы, туши сдохших животных топили «на мыло», *«так люди туда на рачках [на карачках] подлаживали, есть хотели»* [АК 3633].

Отсутствие улиц, а затем и тропинок – показатель отсутствия движения. Отсутствие движения (неподвижность,

* В некоторых станицах «активисты» запрещали ставить кресты на могилах, срубали их.

обездвиженность) – признак смерти, хаотизации пространства, «умирания» различных его частей.

«Вымирали целыми проулками. Где сейчас пустыри, хаты сплошь стояли. Кого выслали, а большинство вымерло в голод» [АК 1279].

«В Батуринской вообще пустынно было, люди вымерли» [АК 2597].

«Станица заросла бурьяном и было жутко во дворы заходить, – может там уже звери водятся» [АК 213].

Опустение («дворы пусты», «хаты пустые»), запустение (зарослость сорняком, дикими кустарниками и деревьями), также составная часть кода смерти.

«Бурьяны были страшные. Спрячусь и не видать меня в этом бурьяне. Лебеда у нас была выше хаты [...]»

С яслей убежала, а дома, в хате, ни дверей в нашей хате уже не было, ни стекла ни одного. А а всё равно домой тянуло» [АК 4069].

«Люди по проулку лежали, ну вот, как сено косили, рядами. Станица бурьяном заросла, в человеческий рост. Зайдёшь в дом – пустая хата – лежат мёртвые» [АК 144].

«Забыти [заколоченные] окна. Никого нэ осталось, вымырлы вси» [АК 2978].

«Живое» пространство характеризуется не только упорядоченной наполненностью материальными объектами, но и акциональными, звуковыми элементами культуры. В последнем случае речь идёт прежде всего о различных видах человеческого голоса: крик, зов, пение, шёпот, свист, плач, голошение, смех, говорение / речь [9].

Во время голода из «некрасного» пространства исчезает или до предела минимизируется использование, проявление большинства этих видов человеческой, речевой, голосовой деятельность. Прежде всего это касается речевого общения. Оно минимально и в основном тематически связано со смертью, едой: *«Идут люди с кружечкой, пожалуйста, хоть помойте кувшинчик [из-под молока], но дайте. Идут уже разутые, пухлые...»* [АК 1420].

Плач и просьбы как правило детские, так же связаны со страданиями от голода и просьбами о еде. *«[Отцу десять лет дали] И семья повалилась. У нас в тридцать третьем трое детей*

в один день поумирали с голоду. [...] Маленький, как просил беденький ладичко [оладик], на коленях» [АК 1167].

«На первый день Пасхи. Лежит на кровати умирает отец, и братишка на лавке умирает и просит: “Дайте мне хоть половинку яичечка покушать. Я умираю”. А нема ничего. Вода одна стоит, да и всё. И ветка вербы в хате лежит» [АК 3562].

Детям, чтобы они спали и есть не просили, давали настой хмеля. Отмечали лишь один случай пения во время голода. Обессилевшие люди сползались к соседке, пели и считают, что это помогло им выжить.

Пустое пространство теряло звуковой код жизни. *«Я видел посёлки бурьяном позаросшие. Там собака, там кошка кричить. Редка где старик или старуха выйдет»* [АК 1665].

Речь идет не только о человеческом голосе, речи, но звуковой палитре станицы, хутора в целом: «там и там люды гомонять, дэсь дивчата и хлопци смиюцца», «слышно как то на одном краю, то на другом песню заиграли», «лошадь заржала, коровы мычат – домой идут, гуси, петухи..., кого-то мать зовет домой». Так было до голода, а так стало во время голода: *«[Весна, солнце], каждый же лизэ из хаты [...] Пухлый, голодный, а вылазыш из хаты, хоть дэсь якый бурьян...*

Ничево не было, ни мыши, ни крысы, ны коты, ны собаки, ны лягушкы, ни чирвяка, ни ёжика. Всё люди съели, и траву поели.

Выходять [вылизают] уси, чи пастыся, ... трясуцця, йидять» [АК 3078].

А молчание, безмолвие, немота, невнятная речь, тишина, как отмечает Л.Г. Невская, атрибут смерти [10], примета потустороннего мира [11].

Голод в целом стирал, уничтожал культурный код человека и общества в целом, во всех видах и формах его проявления.

Кого-то спасал случай или удачно спрятанные припасы, «воровство» с колхозных полей, кого-то река, лес, мышки с их запасами на зиму. Некоторые информаторы так говорили: «Спасибо мышкам», «Нас спасли мышки».

Но, в целом, человека вынуждали переходить на табуированную (конина, например), нечеловеческую пищу (собаки, кошки, черви, падаль). Голод провоцировал случаи каннибализма, в т.ч. инфантицид.

В некоторых душах и семьях теплилась вера: молитвы, иконы, попытки хотя бы символически отмечать великие праздники, сваренным к Пасхе яичком и «лишней» лепёшкой из лебеды.

Однако ни календарные, ни семейные праздники и обряды не отмечались и не выполнялись. «Не было ни родин, ни крестин, ни свадеб, ни похорон “по-человечески”».

Код жизни вытеснялся кодом смерти. Причём, как отмечалось раньше, речь идёт не только и не столько о физической, сколько о социальной и культурной смерти. Голод низводил человека до биологического организма, управляемого пищевым рефлексом. Все мысли были только о еде, «о крошечке хлеба».

В своё время наш знаменитый соотечественник физиолог И.П. Павлов проводил серию экспериментов, связанных с выработкой и изучением у животных условных рефлексов. В качестве одного из инструментов управления рефлексией применялся голод.

Суть эксперимента – проста. Животное держали впроголодь. В определённое время появлялся лаборант с пищей, но, прежде чем покормить животное, он наносил ему побои. В первые дни подопытные собаки вели себя адекватно и проявляли естественную защитную агрессию: лаяли, рычали, пытались наброситься на экспериментатора. Однако спустя некоторое время, их поведение кардинально изменилось (голод не тётка). Несмотря на то, что приёму пищи по-прежнему предшествовало избиение, собаки во время этой процедуры демонстрировали по отношению к своему «мучителю» дружелюбие и покорность: виляли хвостом, лизали руки и т.п.

Такой «эксперимент», который Э. Фромм безусловно отнёс бы к идеологическому садизму [12], в 1932–1933 гг. был проведён над людьми. Цель, особенно если рассматривать голод как продолжение Гражданской войны, ссылки, коллективизации, очевидна. Голод, как писал П. Сорокин, ведёт к изменению сознания индивида и может способствовать «успешной прививке коммунистически-социалистически-уравнительных рефлексов» [13]. Искусственный голод 1932–1933 гг. был применён как идеологический инструмент для своеобразной големизации населения.

Голем – каббалистический мифологический персонаж, живая послушная вещь, находящаяся на грани живого и неживого [14], в какой-то степени «живой мертвец».

Чтобы сделать Голема, «надо вылепить из красной глины человеческую фигурку», оживить её и она во всём будет послушна своему хозяину, повелителю [15]. С помощью голода 1932–1933 гг. меняли сущность человека, стремясь превратить его сознание в пластичный материал – «красную глину».

Не случайно в сознании многих людей, переживших этот голод, поселился всеобъемлющий страх. Это не боязнь смерти, а страх перед чем-то нечеловеческим, стоящим за искусственным голодом: «*Забирали всё, даже из кастрюль]. Бабы плачут, а вонь смиюцзя. Я иногда вспомню... я плачу [...]. Я так боюсь голоду, шо я ны можу тоби пзырдать [...]*» [АК 3078].

Масштабы голода 1932–1933 гг. нам ещё только предстоит узнать, но то, что они огромны, уже сегодня не вызывает сомнения: «*Господь на свити дыржав людэй. Тоди ж пустыня була: ото хатка, ище хатка, а то лобода скрызъ*» [АК 286].

Ещё важнее понять последствия этой трагедии, постигшей славянское население и, в первую очередь, значительную часть казачеств Юга России. Вот слова Агриппины Ивановны Герасименко (1915 г.р.), уроженки ст. Екатерининской, жительницы ст. Темнолесской: «*Я не знаю хто этим [голодом] . рукавадил. Эта такое зверство было знаете, не заснёшь, не праснёшься... Всё у миня в глазах. Всё што было.... Ото ж молиш Бога, – Господи, да хоть бы как-нибудь забыть!*

Не, никак. Никак. Такая страсть...» [АК 1933].

Очевидно, что этот голод радикально изменил психологию и культуру человека традиционного общества, уничтожил огромный сложный и самобытный мир.

После 1933 г. жизнь стала возрождаться. Шрам Пелагея Григорьевна заметила, что природа как бы сострадала людям: «*А после голодного года какой был изобильный урожай! На деревьях ветки ломались, в огородах росли грибы.... Всё росло необыкновенных размеров*» [АК 3743].

Жизнь, мир действительно восстанавливались. Только мир этот был уже совсем другим и населяли его другие люди.

Примечания

1. Борисенко Е.П., Пасецкий В.Н. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М. 1988. С. 242,.
2. Вараш Ф.И. История неурожаев и погоды в Европе (по XVI в. н.э.). Л. 1989. С. 13, 17 и др.
3. Борисенко Е.П., Пасецкий В.Н. Указ. соч. С. 386.
4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 3. Конец 1930–1933. М. 2001. С. 549 – 553.
5. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М. 2004.
6. ПМ КФЭЭ-1996. Краснодарский край, Тихорецкий р-н, ст. Хопёрская. Инф.: Т.Д. Кобцева (1916 г.р.). АК 1040.
7. Гак В.М. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Язык пространств. М. 2000. С. 128.
8. Топоров В.Н. Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверх-эмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных тестах // Концепт движения в языке и культуре. М. 1996. С. 16 – 17.
9. Толстая С.М. Звуковой код традиционной народной культуры // Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М. 1999. С.
10. Невская Л.Г. Молчание как атрибут смерти // Мир звучащий и мир молчащий. С. 123.
11. Толстая С.М. Звуковой код традиционной народной культуры // Мир звучащий и молчащий. С. 10.
12. Фромм Эрих. Анатомия человеческой деструктивности. М. 1994. С. 23, 248 – 258.
13. Сорокин П. Голод и идеология общества // Религия и общество. М. 1996. С. 657 – 658.
14. Мельников Г.П. Живое / неживое: голем, машина и концепция современной культуры Э. Фромма // Миф в культуре: человек – нечеловек. М. 2000. С. 169.
15. Мифы народов мира. Энциклопедия. Том первый. А–К. М. 1980. С. 308 – 309.

ГОЛОД НА ДОНУ ПО УСТНЫМ СВИДЕТЕЛЬСТВАМ

«...Год... был страшен: голод небывалый, ели что попало калюку-перекатиху, древесную кору караичевую и тутовую и акациевую, скотину, кошек, собак и всякую падаль, народ умирал по улицам, и некому было предавать земле, потому что каждый был голоден и бессилен. Народ был опухший, каждый ожидал смерть, дерев(янные) дома отдавали за 1 пуд муки. Но в июле получили обильн(ый) урожай на все продукты, и стал народ постепенно поправляться. И власть не имела милосердия и опять все забрала в налог» [1]. Это строки из рукописи Г.С. Попова, казака х. Мостовского Верхнекундрюченской станицы о том, что происходило на донской земле в 1922 году, но в описанной картине также легко угадываются трагические черты целой череды трудных лет, которую довелось пережить населению Юга России в XX веке. Тема голода пронизывает историческую память народа, то сливаясь в грозный и многоплановый эсхатологический образ, то становясь едва заметным фоном для других событий, и только индивидуальные впечатления расставляют на этом «благодатном» поле свои знаки, выделяя по тем или иным приметам конкретные годы: 1918, 1922, 1933, 1946, 1962...

Голод 1932–1933 гг. на Дону – событие, не составляющее тайны для историков: описание и изучение этой темы содержит ряд современных публикаций [2]. Однако цельной картины по ситуации в донских станицах ни одна из этих работ не дает. Причина, вероятно, в том, что в этот период территория бывшей Области Войска Донского была разделена между несколькими административными единицами СССР, причем именно теми, которым принадлежит трагическое первенство по количеству

Статья подготовлена в рамках проекта «Процессы трансформации традиционной культуры населения Юга России» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

погибших от голода в 1932–1934 гг. [3]. При этом во всех трех субъектах донские станицы оказались на периферии трагедии. Заслуживает ли внимания этот вопрос, в то время как тяжесть положения всего населения в пределах каждой из трех административных территорий не вызывает сомнений? Мы думаем, что заслуживает, и, прежде всего, потому что потомки казаков бывшей Области Войска Донского до настоящего времени осознают свою общность и некое отличие от невойскового и недонского населения. Надо полагать, 77 лет назад это чувство было еще более сильным. Кроме того, бедствие такого масштаба не могло остаться без последствий, без его изучения исследования в области истории и культуры донского казачества были бы не полными.

Выявленные на сегодняшний день документы только в самом общем виде позволяют очертить хронологию и географию трагедии.

С июля 1931 г. по июль 1933 г. в сводках ОГПУ, постановлениях политотделов райкомов, крайкомов и других официальных документах представлены сведения, позволяющие охарактеризовать положение в станицах бывшей Области Войска Донского по нескольким параметрам.

1. В сводках о срыве хлебозаготовок постоянно фигурируют Нижне-Чирской, Клетский, Нехаевский, Урюпинский, Котельниковский, Алексеевский, Усть-Медведицкий, Фроловский, Еланский районы Нижне-Волжского края и Верхнедонской, Вешенский, Пролетарский, Обливский, Каменский, Таганрогский, Цимлянский районы Северо-Кавказского края.

2. Открытые выступления, «вредительская деятельность кулацкого подполья» и «саботаж» фиксируются в Таганрогском, Мечетинском, Миллеровском, Азовском районах Северо-Кавказского края, где только в период с декабря 1931 по март

В состав Северокавказского края входила большая часть современной Ростовской области – Ростовский, Черкасский, Таганрогский, Сальский, Первый Донской округа и большая часть Донецкого округа; в состав Нижне-Волжского края – станицы Хоперского, Усть-Медведицкого и восточной половины Второго Донского округов. Ст. Луганская и прилегающие к ней земли западной части Донецкого округа вошли в состав Донецкой области УССР.

1932 г. имело место 97 массовых выступлений (из них в связи с «продзатруднениями» – 81), с общим числом участников – 9003 чел. По линии ПП ОГПУ Нижне-Чирской, Клетский, Урюпинский и Нехаевский районы Нижне-Волжского края признаны наиболее пораженными и насыщенными контрреволюционным элементом.

3. Выявление «очагов саботажа» повлекло за собой массовые аресты и выселения. С октября 1931 г. по декабрь 1932 г. в Нижне-Волжском крае было репрессировано 9386 чел. Из них только в Алексеевском, Котельниковском и Кумылженском районах 1992 чел. В Котельниковском, Урюпинском, Усть-Медведицком и Нижне-Чирском районах арестовано и отдано под суд по обвинению в оппортунизме и организации саботажа более 60 специалистов – работников колхозов (зоотехники, агрономы и т.д.). В этот же период в Обливском районе Северо-Кавказского края арестованы почти поголовно председатели и члены правления колхозов. Во многих колхозах руководящие должности подолгу оставались не занятыми, так как колхозники категорически отказывались идти в состав правления на место приговоренных к расстрелу.

В декабре 1932 г. из станиц Нижне-Волжского края выселено «на север» 400 семей единоличников, в феврале 1933 г. – 2000 семей, в марте 1933 г. – еще 3000 семей.

4. Крайней степенью воздействия на население, «саботирующее» хлебозаготовки, как известно, стало помещение населенных пунктов на так называемые «черные доски», что влекло за собой применение ряда мер репрессивного характера, перечисленных в постановлениях бюро Северо-Кавказского и Нижне-Волжского крайкомов ВКП(б) и Политбюро ЦК КП(б)У от 4, 10, 18 ноября и 6 декабря 1932 г. К декабрю 1932 г. занесены на «черную доску» Мешковская и Боковская станицы Северо-Кавказского края. Неоднократно обсуждалось применение таких же мер по отношению к Вешенскому и Обливскому районам. Еще 16 сельсоветов Нижне-Волжского края в Урюпинском, Нехаевском, Нижне-Чирском, Клетском, Еланском и Котельниковском районах были определены для занесения на «черную доску» постановлениями райкомов и РИКов краевых организаций 14–18 декабря 1932 г. Несмотря на то что список не был утвержден крайкомом, большая часть мер, предусмотренных

постановлениями от 4, 10 и 18 ноября 1932 г. и практически означавших продовольственную блокаду, действовала на территории этих сельсоветов с 10 ноября 1932 г. до середины лета 1933 г.

5. «Продзатруднения» с самыми тяжкими последствиями уже с декабря 1931 г. испытывали более 1230 семей в хоперских и медведицких станицах Нижне-Волжского края. С апреля 1932 г. голод охватил Вешенский, Верхнедонской, Константиновский, Миллеровский, Тарасовский районы Северо-Кавказского края. Станица Луганская, вошедшая в состав Донецкой области УССР, фигурирует в сообщениях о массовом голоде на Украине в 1932–1933 гг.

6. С 25 января на территории Северо-Кавказского края, а с 16 февраля и в Нижне-Волжском крае начинает действовать директива ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 22 января 1933 г., согласно которой создаются препятствия для выезда крестьян из голодающих районов. В пределах бывшей Области Войска Донского на станциях Шахтная, Каменоломная, Зверев, Миллерово, Морозовская, Лихая, Хопры, Ростов, Кизитеринка, Сальск, Матвеево-Курган, Батайск создаются оперзаслоны и фильтрационные пункты [4].

Помимо официальной документации в распоряжении историка имеются письма, в которых многое из того, что лишь угадывается за равнодушным слогом отчетов и скупыми цифрами сводок, предстает в суровой буквальности. Это подборка писем в газету «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» за февраль–март 1932 г. и письма М.А. Шолохова И.В. Сталину [5]. Помимо прочего, в письмах М.А. Шолохова содержится информация о том, что зимой 1932–1933 гг. в Вешенском районе более 3350 (25 %) хозяйств были «оштрафованы» (лишены всего имущества); 1090 семей выселено из домов; 1700 человек осуждены «за хлеб», а их семьи выселены на север. Весной 1933 г., по сообщениям Шолохова, из 50 000 населения района голодало до 49 000 [6]. Обращает на себя внимание то, что письма, в которых даны картины жестокости и произвола со стороны властей, невыносимого положения населения, описывают ситуацию в районах, где, судя по документам, обстановка была благополучнее, чем во многих других. И уж совсем недоступными оказываются многие частные аспекты жизни голодающих, их оценки происходящего, т.н.

«стратегии выживания», нравственно-этические последствия пережитой трагедии. В связи с этим трудно переоценить значение устных источников.

Опуская размышления о методологии и исследовательском инструментарии устной истории, оговоримся, что придерживаемся мнения, согласно которому вербальный текст исторического содержания несет в себе память о факте, преломленную через призму индивидуального переживания и стереотипные формы общественного восприятия тех или иных событий. Безусловно, такой текст должен подвергаться источниковедческому анализу на документальной основе, но, думается, его содержание относится к сфере культурных переживаний, и для его изучения целесообразно применение этнолингвистических методик, обращенных к структуре текста, его лексико-семантической наполненности, способам использования клише и т.д. Полноценный этнолингвистический анализ возможен только на массовом материале.

Фонд записей устных воспоминаний о голоде, находящихся в нашем распоряжении, весьма неоднороден. В нем представлены и короткие, в несколько фраз, микросюжеты, вплетенные в ткань «образцов диалектной речи», многословных автобиографических повествований, и объемные гипертексты, в которых голод является центральным событием [7]. Большинство сообщений при сравнении их с имеющимися документальными данными обнаруживают высокую фактическую достоверность в передаче хронологии и последовательности событий, названий населенных пунктов, имен. В результате те факты, которые не имеют документальных подтверждений, также представляются вполне вероятными. Так, известные сведения об аресте зимой 1932 г. в ст. Шумилинской Верхнедонского района группы молодежи по обвинению в покушении на члена правления значительно уточняются в рассказе очевидцев, которые не только сообщают конкретные подробности событий, но и вспоминают имена участников: *«...А он фскачил жы с койки и падбил эту лампу кирасинавау и выскачил и пришол ф правлению: "На mine, грить, пакушения была, хатели mine зжечь, аблили кирасинам и хатели зжечь, а я убижал!" И пашло. Трех – Стрепитава Ивана, Лишонка Ивана и ишо... какии мужьыки, што он сказал на них, што ани пакушались на ниво. А в диствительности ништо ни пакушафся...*

Ну вот... и пошел, и пошло тут пириварот: усех маладеш забрали и гнать. А этих трех, ой... как издивались жы над них, но ани ш ни делали, а из них выбивали – так ы пад нохти иголки калоли, и дверью руки зажымали, – вот дверь придауливають и руки зажмуть туда, – так ани признались, нагаваривали на сибе. Ну их угнали и ни вирнулись. Да и каво паугнали, так ани и ни вирнулись никто» [8]. Однако если намеренное искажение известных рассказчику фактов следует признать исключением, то формирование их оценки под влиянием множества субъективных факторов при доминировании интерпретационного кода, присущего группе, с которой идентифицирует себя респондент, скорее правило [9]. В донских материалах суждения (в частности о причинах голода) заметно варьируются в контексте социальной специфики территорий, в зависимости от масштаба оценки (причины голода в родном хуторе или в пределах всего Юга России), на основе собственных наблюдений или под влиянием авторитетного мнения: «Саседи взьелися: а ани пчёл наши диржали, жыли так эта – мала-мала, и взьелися. Зависть. Активисты жы были эти разные – прости Бог, гальтинА, и эта, што, кавой-та нада пихнуть. Зарабатывали сибе мидали или чё»; «Спицальна делали, ни дать крестьянину пасеять, вот... вытрухавали. Каких... ну, ни савецка власть, видима-таки, а вот тажыть протиф савецкай власти»; «Ну я о цэ слышала потому... кабаки – о таки булы, бурякы о таки булы – пачиму ниуражай? Гаварять, шо, значить шо: Сталин вывис фсэ зирно, тада ш ана была сельскахозяйствинна такая, аграрная страна Росия, вин вывис фсэ зирно, жылиза ни було, митала ни було, закупалы фсэ за границый. И вывис усэ за граныцю фсэ зирно. Так шо голодоуки ны Якой ни було...» [10].

Более убедительно выглядят соответствия между событием и его образом в культуре, не проявляющиеся прямо и декларативно, а установленные в ходе обобщения значительного материала, каковым в корпусе устноисторических источников является, в частности, диалектная лексика. Одна из особенностей диалекта – насыщение национально-культурной семантики языковых единиц оттенками значений, актуализированных для его носителей конкретными экстралингвистическими обстоятельствами. Этот процесс является непрерывным и открытым, в его сферу вовлекаются как базовые пласты и единицы языка, так и

достаточно новые и специфические, подчас связанные с событиями и явлениями, значимыми исключительно на локальном уровне. Ярким примером этого может служить иностранное слово *саботаж* (от французского корня *sabot* – тормоз), которое, изменяя состав значений, проникает из литературного языка в диалекты Хопра и Верхнего Дона и превращается в культурный термин. Культурный термин *саботаж* обслуживает часть социальных представлений о взаимоотношениях советской власти и казачества в начале XX века. В отличие от литературных значений: «1 – намеренный срыв какой-либо работы, уклонение от работы или умышленное недобросовестное выполнение ее; 2 – скрытое противодействие осуществлению чего-либо» [11], в донских говорах термин *саботаж* обозначает комплекс карательных мер, примененных властью в целях борьбы со срывом хлебозаготовок, определяемым в советских официальных документах как «саботаж». В результате термин стал обозначать конфискацию продовольствия, семенного зерна и имущества, голод, аресты, высылку, уничтожение населения: «Ну фсех забирали пагалоуна маладѣш и знали. Как приказ был: пиривисти людей, маладеш! От, эта ш у нас “сплашной сабаташ” называлась...»; «Голод был трицать третий гот, сабаташ, адбирали симина, штоб... пряма люди... хатели, штоп фсе падохли»; «Ну, пряма фсѣ адбирали, сабатаж был ф трицать третьим»; «Голат был у-у-у такой... фсѣ адбирали – сабаташ... и многа люди паумирли з голоду»... [12]. Описанное явление достаточно точно локализовано в пределах именно той территории, где, согласно документальным свидетельствам, действовала специфическая система мер, предусмотренных для «чернодосочных станиц». В прочих районах, населенных носителями донских говоров, зафиксировано употребление слова, также ставшего печально популярным в обиходе именно в связи с событиями 1932–1933 гг., в литературных значениях. Это не только подтверждает правомерность выводов о причинах усложнения значения термина, но и создает дополнительные возможности для уточнения исторической географии происходившего.

Корпус устноисторических текстов представляет картину голода в двух неравнозначных планах – общем и конкретном. В общий план входят тексты, повествующие о наиболее типичных

бытовых явлениях, сумма которых дает достаточно объемное представление о качестве жизни.

Среди текстов общего плана можно выделить ряд тематических групп: «питание в голодное время»; «состояние здоровья»; «непосильная работа»; «нищета».

Основные характеристики «кухни» голодного времени – недостаток или полное отсутствие привычных и нормальных продуктов питания, замена их суррогатами. При этом степень лишений, которые испытывает население, поддается оценке в зависимости от того, что служит заменой: испорченные продукты (прелое зерно, гнилой картофель, кукуруза и ячмень, выбранные из кала рабочего скота); отходы обработки зерновых (полова, отруби, качаны кукурузы после обмолота); дикорастущие растения (желуди, водяные орехи, травы); запретные и «нечистые» продукты (мясо кошек, собак и грызунов, речные моллюски, насекомые, падаль, мертветчина), заведомо несъедобные предметы и вещества (распаренная кожа, молотые кости, глина, смола) и т.д.:

«Було трое дитей, а такие галада падали. Ись було нечива, баланду кушали... Ис кукурузы былку разломил и мякушку еш, качина вить нима. И трави кушали: сурепу, малачай, марковник. Малчай так гарчил, шо ись ниваозможна было. Чулбушычкой ковшык (баланды) наливають – адна вода...» [13].

«Голод был. Люди макуху ели. Намочуть, расклеють, катушки катають и пикуть. А што та макуха выжатая? А тада совсем плахая была» [14].

«А ф трицьць третым гаду, ну што жы ани зделали? Так жы тожы нильзя. Эта ш люди. Мы день за стакан муки работали. Вечирам идём с работы, а я уже щавилу наварила, аттаптала, атажмала, ляжыть. А приду ш я, этот стакан муки принясу, и пакатаю в эту мучичку чуть, и ели. И аправляюсь, точна скатина. Трава и трава есть» [15].

«Ф стипу сусликами спасались. Тышиами их выливали. Да так на сусликах наелись, што хто ни знал, гаварять: “Чи вы з голоду папухли – такая гладкая?” А сказать нильзя: ани ш паганья и балезни ат них» [16].

«Знаишь, чё ели? Лошать краснаармейская аправица, а там у ней кукуруза... целая зирно, так з гамна выбирали и ели» [17].

«Вот я складаю, складаю кирпичи, а там смала, а я вазьму в рот смОлу эту так и жую, и жую, и жую. Так целый день... Как

чѐй-та я вроди ем. Ну вот, энтим пирижыла, ня знаю, сколькя там» [18].

Устные источники содержат множество разнородных свидетельств о высокой смертности и тяжелом состоянии здоровья населения в результате употребления суррогатов и систематического недоедания. Среди них есть тексты, в которых информанты прямо сообщают об этом: «(От пустой похлебки) ножычки пухнуть стали, у баку балить, у мене булдышки на ручиньках... силизѐнка увилчина... жылуодак... тожа ни гож» [19]. «Вот роим, роим, роим гароды, а пападаюца каренья какии-та, от как маркофка, толькя белая. Адна, другая... Ну, адна вырыла – так, харошый коринь, съела, мне папался такой, пабольшы пальца. И я съела. И Мотькя эта съела, Варонина, рядом папались. Ну, энта сразу пряма умярла, а нас... я ничѐ ни помню, мне уж дяфчата гаварили послѣ, у мене из рота пена пашла» [20]. Однако не менее информативны характерные для рассказов о 1920–1930-х годах сюжеты и мотивы, в которых тема физических последствий голода представлена имплицитно. Это рассказы о народных способах борьбы с заболеваниями, основной причиной которых является недоедание, – рахитом и различными формами дистрофии, анемии, диспепсии и атрофии у детей (сушец, сухоты, еуци, собачья старость); острыми расстройствами пищеварения; эпидемиями тифа и дифтерита (глотошная), порожденными общим падением иммунитета и антисанитарией. Хронологический анализ этих текстов доказывает, что распространение заболеваний, порожденных голодом, охватывает весь период с 1918 по 1950 гг., приобретая катастрофический характер в 1921–1922 гг. и в 1932–1933 гг.:

«Была, была (сухота). Рибѐнак радица, рахитнай. Иво “рахитный” называли, а пачиму “рахитный”? Патаму шо он ни даядал. Вот у няво жывот от такой, тела фся, как у мене: икурка адна... Вот он исть и исть... и бес талку» [21].

«Я радилась ф трицать третьим гаду – у мене от такой (большой) жывот был. Голат. У матери груть... малако прапала, абы чем кармила, ня дай тебе Бох!. Была... рахиты, натуральныи рахиты: сидить дитѐ – галава вот такая, а жывот еще большы... И долга, ф три года я толькя пашла, вот эта влияла фсе. ...Штоп не была рахита пратаскивали (через расщепленное дерево). А мать рассказывала: я кармила абы чем – и свекла, и тыкла, и хлеп, если

пападеца. Но ево ни было и хлеба – голат был великий. И фсё эта пхаишь дитю – жив? Жив. Ни жив – значить умерть» [22].

Другой важный критерий состояния здоровья населения – способность к воспроизводству. Достаточно показательная выборка данных из интервью женщин, проживавших в населенных пунктах бывшей Области Войска Донского, (более 200) свидетельствует об отставании полового созревания в среднем на 6–7 лет и о менструальных паузах до 2–3 лет (и соответственно потери способности к зачатию) у женщин репродуктивного возраста. Хронологически эти данные соотносятся с периодами наиболее сильных голодовок. В сочетании с высокой смертностью младенцев и рожениц, низкой вынашиваемостью в результате истощения эти материалы указывают на причины резкого падения рождаемости в 1932–1933 гг.

Образ трудовых буден сельского населения 1930-х годов в нарративах конструируется с помощью средств, подчеркивающих принципиальную непосильность физических нагрузок. Выполняемая работа огромна, бесконечна и бессмысленна, поскольку вознаграждение ничтожно: колхозники не могут воспользоваться плодами своего труда, никакие усилия не спасают от нищеты и голода. При ее распределении сняты все традиционные половозрастные и календарные запреты: из последних сил в будни и праздники, днем и ночью трудятся дети, роженицы и матери с грудными детьми, падающие от голода люди умирают в поле. Людей в поля *гонят и посылают*; они не работают, а *гандобят, загибают, гнут хрип, паирут, тянут, бодаются, дбают*; делают это *темно, навално, кипя как в аду, обмываясь потом и кровью* [23]. Все это создает образ аномального труда, который часто противопоставляется работе в единоличном хозяйстве как нелегкой, но упорядоченной и целесообразной.

«Эта ш с трицатых гадоу, как калхозы... Загрибали вафсю. Женщины-дамахазяйки на вазах. Муцины кидают. Капнить хадили, за капнильщиками загрибали, ишо такии были... падростки. Дамахазяйка – дамашняя женицина, ана брасаить рана и идёть дамой. А нас сымають с загрибания, и к этим мужыкам талочь вазЫ. Талкём... «Дамахазяйка» – от если ана жывёт с мужам, дети у ней. А если ана такая, хоть и дети у ней там есть, а жывет ана с свикрами или с кем, ана щитаица “кадравай”, ана тада ни дамахазяйка, паложына ей там днивать и нацивать. Мая

от мама, нас семира былО, а тада так работали, шо ана умести са мной нащивала на скирдах за девить-десить килОмитраф. Ни пускали дамой, издивались. И я там нащивала на скирдУ. Устаним: бе-е-лО... басиком! А типерь хочим, шоп здоровья была. А ляжыш, дражыш. Марозы нащинаюца – пацсолнухи жали. Марозы нащнуца, а мы жнём их там, на снегу лазим» [24].

«Ни дай Бог, рабили ад зари да зари, с касилки скидали, трактар тягал, а мы складали. На касилки адна умирла. Ана была старая девушка, встала с касилки и што-та надарвалась... Лошку каши дадут, хлебушка дадут нам порцыю, а мы аставляли дитям... темно, а мы уже на плантацыи, сидим, авёс, пшеницу фсе вязали... Шерсть – аддай, мяса – аддай, пшыницу – аддай, канаплей – аддавай: жысть канчаица... Вяжеш, я двух радила на поле – вязала рож...» [25].

«(Радила, на другой день) бригадир пасылаит вязать рожь, рош косять, вязать снапы. “Там Шурей паняньчить!” А Шурей был – он ишо ф школу ни хадил. Вот мы вяжым... косим, то знать где, а он на жнивЕ, папирёк ухватил во так дитя пад мышку и нясеть... Думаю, спатыкнёцца, ни дай Бох, глазам дитё упадет, ой... Ну... фсе ганяли на работу фсех, цас фсе сидять. А тагда – з дитем... тоже, раньшы же сидели гот, тоже дитя радишь, рана ни пасылали в работу. Ну чё – ищё году нету дитю и няньки сваей ни былО. Идиналична работали – ни пасылали! А с калхозаф начали пасылать... и пака кормишь, энти уш люди (далеко), а я ацстаю, пака пакармлю, панес из Богам назад, а я скарей спяшу жы, нада мне дагнать, энти уш пашли на абет, а я сваю диланку дарабатываю. Нада! Фсем жы там распридияють» [26].

«Чим хвалица, как мы жыли? Ни дай Бох, и лихому лихадею ни жылаю... А у калхози работала, малинькая была. Ирма ни падымиш быка запречь, плачиш... За налыгач вазьму, вяду, а он как даст па груди, я как меч (мяч). Малинькая была сафсем. Абидна. А падымисьси, цоп-цабе! И веили, и капнили, и траву дёргали, асот калючий. Усё сами делали, ни ат каво помащи ни ждали. Дитями ишо дарогу сами чистили и ни капейки за то ни палучали. Ить если падумаишь: усё ета наша. ...А мы хлебнули – ни дай Бох никаму!» [27].

Типичное представление бытовых особенностей жизни, как правило, состоит из описания скудности и плохого качества одежды, недостатка самых необходимых вещей:

«Хадить-та не ф чем жэ была, чё и пастираеш эта платьишка да и пагладиш да и тухли набок каблуки, да и паишол. Как бутта вроде и адетый. Ниче уш ни було. Шыли сами и аддавали, да их не ис чива была шыть дужэ... Если есь адна платья, тут ана в ей адной и ходить. Ни то што сычас: да фсе да с кружавами, да тада ничо ни было» [28].

«Салдацкии на мне гетры са шнурками, чулки шырстяныи па калена. Штанишык никаких ни было, не. Плац-палаташная юпчёнка, куфайчёнка пряшкой патпаясаная... зимой – тах-та было... пасадили ф кузаф. Едут, едут, едут... Машына залезить ф снех – ни праедить, ани вылизуть, атроють, трогают. Я сижу! Нипачём! Ну, привязли мне в Вёшки: “Слась!” Я стала слазить, а у мне от тут от таг больна! (показывает на внутреннюю часть бёдер) Фсё лытёнки паабмарозила» [29].

«Пярина была с кукурузных листьиф. Тольки станиш лажыца, как зашуршыть! Падушки с кукурузы... А палы мазались кизяками. Блох полна. Палынь накладеш, ани убигають, он жы горький» [30].

События и явления, составляющие основу микросюжетов текстов общего плана, как правило, имеют довольно условную временную приуроченность, и весь план может выступать как конструкт хронотопа более широкого порядка: «в станице до войны», «в молодости», «семья в тяжелое время» и т.д.

Конкретный план выступает в виде событийной канвы, представленной рядом сюжетов, высвечивающих наиболее важные, с точки зрения информанта, составляющие образа голода. Среди них можно выделить типичные («раскулачивание», «арест членов семьи», «выселение», «смерть близких», «поиск пропитания», «чудесное спасение», «разрушение семьи», «невозможность следовать традициям» и т.д.) и индивидуальные, то есть сравнительно редкие в корпусе выявленных на сегодняшний день материалов («жизнь в детском доме», «в тюрьме», «в поселке спецпереселенцев» и др.). Структура нарратива позволяет уловить логику выстраивания причинно-следственных связей, свойственную информанту. К примеру, даже если информант

прямо не говорит о том, что политика советской власти и действия местного актива привели к бедствию, но в повествовании сюжеты о различных формах репрессий предшествуют рассказу о голоде, то оценка достаточно очевидна.

«Эта ф трицать третьим гаду матирь пасадили: каласков набрала за хутарам – исть нечива была. Набрала каласкоф, иё пасадили... А патом начали кулачить. Лошадь адна у нас была и пара быкоф, карова – и фсё начиста забрали. И такии... и тряпки – фсё. А забирал тот – у ниво было девак многа, эти тряпки наши забирал, а яво деуки насили (потом) тряпки. И ни стыдна было! Ни стыдна было... А патом, последнии дни – уш фсё, нечива у нас брать, пришли и лазиють... Чё? Ф калхос ни шли мы, вишь? Ф калхос ни шли мы! Банка набажная была: “Ни пайду ф калхос и фсё!” Мать иё угаваривала: “Ма, ну давай...” – “Ни пайду! Эта ничистая сила, ни пайду ф калхос!” И вот, последние пришли: “Будиш ф калхоз записывацца?” Я уж была смыслёная, лет пять или шесть мне было, харашо помню... у нас на палатах адна машынка была, швейная машынка, большы ничё ни было... залез адин и гварить: “Да тут ничиво нету”, – добрая душа. Тожы нашынский, хутарской. А другой залес – эт, какой фсё вытягал: “А тут машына!” А он: “Да ни бяри ты!” – “О-о, давай эту машынку!” А мать гварить: “Да Данила Палыч, да аставь нам хуть эту машынку!” – “Ничаво! Абайдётся! Ф калхос ни фходити!” И он эту машынку забрал и сабе. И ана у них да сих пор, у внучки яво эт машынка. Зингирафскии тада были машынки. И да сих пор ана, эт машынка, вот... Но ф сваем дома астались» [31].

«Свякруха... трицать пять лет ана асталася удавою... Калхозы нацилися и нацАли жа сабатаж какой-та там. НацАли хлеп харанить люди. Ну, а он бригадирам был у Платонавам, свёкар. И каг бы, када эти ямы начАли жы раскапывать и нашли, а эти люди, у каво ямы нашли, и гварять: “А нам бригадир сказал: «Харанити хлеп»”. Ну иво присудили как за агитацию к расстрелу. И иво расстриляли у Навачиркаски. Ана у трицать пять лет асталась с малыми тримя дЕтьми и адна их аспитвала» [32].

«А патом, мая жалкая, так-та нас разарили! И ни знаю... я с от этим дитём, пять месяцыф ей была, я бижала степью трицать киламетраф. Такой, страсть был, сталинский закон.

Ощинь был жыстокай. Фсё у нас, написали, пришли, опись имущества сделали в двацать дивятм гаду. Раскулачили. Да фсе на Сибири памёрли, ф тайге. Фсе памёрли, никаво нету» [33].

«Вот я и старинькая. Никаво у мене нету... Нас пятира было. Поля была тринацытава, я питнацытава, Петя двацыть третица, Ваня двацыть шыстова, а Хведя двацыть васьмова. Хведя памёр в децтви, атец з голада памёр ф трицыть третьим гаду. А Хведя... атец васьмова мая, а Хведя адинацатава мая. А мы выжыли» [34].

«Ну, тада выганяли ис хаты, дом был хороший... А ацца тожы ф трицать третьим забрали. Забирали фсех када старикоу, забирали, штоп их ни было наверна, нашыму ациу была лет писят, наверна... Ночью пришли энкэвэдэ и фсё. Был там ф Камсамольскам на Амуре. Забрали... забирали и уганяли ни за што. А патом с хат выганяли, ну эта уш свая тут правительства была, активы жы эти. Сабируца там ф савети: “Выгнать Панталеивых дитей!” Тряпки забирали фсе... Из дома выгнать... А мы... я была малинькия, мама... Ф карыта пасажали рибяты старшыи, павалакли... Зимой! ... Сабаташ. А он (отец) и ни вирнулси... Пришли, забрали... к нам ночью варвались... энкэвэдэ называлася. Эта я харашо помню, ани у мене и щас стаять пирид глазами... Аделся и пашил... Восим дитей асталась... И матирь тагда забрали. Забирали ш тада и гнали гонам да Милирава пешком, ани и памирзали, и паумирали дарогай. И наш брат... ну фсех забирали пагалоуна маладеш и гнали. Ну, он прикриплениц, он тут жы был глауный ф калхози, аткуда-та приехал, ну, какой-та... какой-нибудь бандит: пириристи людей, маладеш! От эта ш у нас... “сплашной сабаташ”, называлась... Сваи, а што делали – никаких ни законаф ни было никаких, а делали, што хатели... Ой, сказать нильзя... сафсем было, наш самый малинький лижыть на лафки, на лижанки: “Исть хачу... исть хачу...” Иму: “Ой, да скарей ты бы вмэр”, а матири как слышать эта? Ну, фсе галадали, тут с травы ни вылизали, купыри ели, маркоуку (дикая морковь) ели, кудряфцы на буграх капали – трава такая, у нас иё не была ф саду, корни таки длинныи растут, длинныи корни. Фкусная была траука, кудряфцы... Фкусная! Так иё сушыли. Талкли на липёшки. Пайдём, надёргаим, ани фкусныи, слаткии! Ну тада фсё была фкусная – и купыри, и кара с караича, листься, низабутку эту ели. Ана так большая растёт, зилёна, ни цвितеть, листься

толька у ней. Мы тада рвали, борщ варили такой тада – ну абы што, туда набалта... Голод был страшный... Ани в Миллирава гнали жы их, а зима была жыстокая, и забирали: хто ф чем, хто ф чириках, хто так... в Мишкофской ф церкву загнали начивать. Ну, как скатину пагнали, палажыли на палу там где-та, утрам пафставали – там многа мертвыи лижать. Марос страшный, люди дюжы галодныи... И так дарогай, как приастановишься, – ну, уставали люди, шили, – прибили, ф снигу астауся... Тагда была страшна. Страшная дела – пириварот...» [35].

«До бабушкы, сюда ф Симибалкы...А ано – вОсинь ужэ, голодОука, гОлод... Бабушка вышла, стала во так на дарози: “Шо я з вамы буду делать?” Четвира дитэй и мама... А мамына систра сама мэньша была учитильница: “Вера, забывай их усих и визы их здавай у деддом”... А вони глянулы: диты упитани, одеты дети хорошыи. “Мы вас ни примим, у нас цю сколька таких на базари як в Растови умэрають”... А Волотька, самый старший, ему ужэ было десять лит или двинацать, и мама нас када на базари бросыла, она... пряма на базари, но вин як-та каким-та путём, шо как-та вин дабрауся дамой, а мы так... Ой я помню...(Плачет) Я знала, шо тяжэло фсэм, но я яка-та была, шо... крэпка была, а сестра – так крычала! Як схватылась мамы за плаття, кусок плаття астався у нэй в руках: “Мамачка! Ни брасай нас!”... И в Растови нас бросили. На базари. Бросыла мама и прыхала дамой... (Плачет)... Значить... каждый дэнь умирало... значить, наз бросало... холодно зимою, у калидори о так (показывает над полом высоту около полутора метров) трупов лижать мэззли... дитвары. Патом машына када-та чирис тры или чытыри дня приижжае, о ти там санитары грузят на машыны, загружають, о то сколька их мэртвых там дитэй... Еси б мы ни булы упитани мы такии, то мы тожэ п паумЭрлы канешна. О то на машыну и куды ани – чи в гарОд, у яму какую-то вывОзилы» [36].

«...Эта у нас была свадьба у двацать васьмом гаду, а в трицать третьем мы разашлися. Голат. Кушать нечива» [37].

Сохранение информантом традиционного мировоззрения позволяет ему воспринимать и описывать действительность в институционализированных формах. Историческая конкретика свидетельств вписывается в существующие жанровые схемы, дополняет сюжеты и использует мотивы, характерные для устной

традиции в целом и локальной территории в частности. Процесс интеграции новой информации в массив традиционной культуры путем использования классических форм выполняет адаптивную функцию и является важным этапом осмысления и переживания событий прошлого, тем более значимым, чем более болезненны эти события. В среде носителей донской традиционной культуры частотна интеграция исторических реалий в тексты устной несказочной прозы (былички). Голод и саботаж предсказывают мифологические персонажи и люди, обладающие сакральным знанием; местнотчямая святая спасает многодетную мать от *темного греха* аборта; приговор суда смягчают заговоры и «волшебные средства»; высланный на Урал муж является к тоскующей жене огненным змеем; женщина, поедающая детей, оказывается ведьмой.

«В.П.: Нас восимь была у матери... Ницата, трицать третий гот, сабаташ, фсе пазабрали. Ну, у нас и так ничё не была. И ищё карова была у нас – карову украли: жыть нечим. Ну и тут вот эта девачка, наша систренка Мария, радица ей. А мама гаварить: “Чё ш... загубить? Ну как жыть? Этим – смерть, памирать, и эта ш...” Ана (Святая Раиса) грить: “Божы спаси! Я буду визде хадить и (просить куски)...” М.А.: Так че ш? Ана была в Рыбнам и пришла, услыхала, и гаварить: “Ты што, Нюрушка, задумала?” Вы панимайти? Да-а... Ана знала, знала. Ана мысли читала! В.П.: Мысли как читала! Ана: “Матушка, да чё ш?...” – “Ты, Нюрушка, брось, штоп большы этава... РадИ. Выбрась из галавы”. Ну и так ана и асталась, и эта щас систра наша жывая» [38].

«Иё ацца душыл дамавой, а он знал... Деда Ляксандра. А он спрашиваить: “К худу или г дабру?” А он атвичаить: “К ху-уду, к ху-уду...” Тут ривалюцья началася... Он спрашваить: “Кагда ж эта худа будить?” А он (домовой) атвячаить: “Чирис три года”. И чирис три года началась ривалюция и вот эта вот страшная фсё сабаташ» [39].

«Были, были такии люди, ани. Арина хадила арала: “Кзаки на Иртыш”. Как ыё называли? Кликухи, кликухи. Вот эта ад Бога. Даёца им какая, ани, ну как сказать, такии ани, их призирали люди фсе, а ани прицказывали. Вот у них бапка, ана рассказывает. Када от раскулачинья была, ана хадила и шумела: “Кзаки на Иртыш!»

Казак на Иртыш-ыш! Казак на Иртыш!» Вот и Иртыш. Была высылка» [40].

Соотношение типичных и индивидуальных сюжетов при преобладании последних позволяет выделить среди текстов конкретного плана группу индивидуализированных или автобиографических нарративов, которые независимо от объема отличаются точностью описания многообразных жизненных ситуаций. Состав типичных для той или иной территории сюжетов в сопоставлении с подобными же обобщениями материалов в пределах всего голодающего Юга дает подробное и объективное районирование картины трагедии.

Гипертексты, в которых тема голода встроена в канву развернутого жизнеописания, дают возможность проследить мировоззренческие последствия трагедии для отдельных личностей. Сравнительный анализ репрезентативного ряда гипертекстов позволяет судить о трансформирующей роли голода в судьбах целых поколений. Так, по нашим наблюдениям, для людей, переживших в донских станицах 1932–1933 гг. характерно изменение аксиологии пищи в индивидуальной картине мира. Еда становится мерилем качества жизни:

1. Характеристика хорошего жениха: *«Вин кажэ: “У минэ пасика исть, я хОчу вас угастить мёдам с ващиной от этой вот, я навьризаю вам ващины и дам вам па ващини, я ш вас и дожыдаю (для) того”... И я пашла за него»;*

2. Описание счастливой семейной жизни: *«Тока фстаю – кола минэ тут ужэ и яишница жариная, тут и малако стаить... о цэ баранэсса!»;*

3. Описание несчастливой семейной жизни: *«Он: а чим я тебе буду кармить? – У мэнэ дених нимае! А любоуницы возэ... Мни нычого ни хочица – ни исты, ни любви, ни дитэй... Я тоди фспомныла, што есть люды топляца... низя их асуждать никада... Мэд, смитану, памидоры пэрви ей пакупае... Цвиты становэ, мёд ей нэсэ прямо при мини. Он ей усё... становэ ей мед Ана пОуна така, а я во така (показывает согнутый мизинец)» [41].*

Распад семей, вынужденное предательство родных как часть стратегии выживания оказывает воздействие на нравственную позицию индивида в течение всей последующей жизни: для тех,

кто прошел через это, характерны нигилистические оценки семейных ценностей.

Непостижимое, с точки зрения традиционной и общечеловеческой этики, поведение власти конструирует в сознании населения враждебный и непредсказуемый образ, что порождает многообразные последствия с крайними формами проявлений: от колаборационизма до политической апатии.

Примечания

1. ПМДЭ ЮФУ. Дневник Г.С. Попова. Рукопись. 1924 г., январь, 10-е.
2. Осколков Е.Н. Голод 1932–1933. Хлебозаготовки и голод 1932–33 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинга, Л. Виолы и др. М., 2001; Кондрашин В.В., Пеннер Д. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара- Пенза, 2002; и др.
3. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927–1957. М., 1998. С. 4.
4. Для составления исторической справки привлекались материалы: СКК ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 53. Л. 1–64. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3768. Л. 105–106. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3377. Л. 84–84 об. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2277. Л. 115–116. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3768. Л. 138–140. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2026. Л. 15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3377. Л. 124 об. – 125. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 64. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14. Л. 99. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 54. Л. 260–269. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 26. Д. 55. Л. 71–72. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 72. Л. 109–111. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 72. Л. 113. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2030. Л. 17. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 45. Л. 32–42. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 340–345. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 324–327. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 370–372. ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 380–383. ЦА ФСБ РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 42. Л. 62–64. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 4. Л. 70–72. (Цит. по: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Том 3. Конец 1930–1933 / Под ред. И.Зеленина, В.Виноградова и др., М., 2001). Голод 1932–1933 гг. на Украине: Сб. док. Киев, 1990. С. 406–409.
5. Писатель и вождь: Переписка М.А. Шолохова с И.В. Сталиным. 1931–1950 годы: Сборник документов из личного архива И.В. Сталина / Сост. Ю.Г. Мурин. М., 1997. С. 22–69. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Том 3... С. 386–391.
6. Писатель и вождь: Переписка М.А. Шолохова с И.В. Сталиным... С. 28–67.

7. В работе использованы полевые материалы автора (ПМА), а также материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций РГУ (ЮФУ) и ЮНЦ РАН (ПМДЭ РГУ) 1980–2009 гг.
8. ПМА, Кривошлыкова Е.П. 1924 г.р., Гребенникова М.П. 1913 г.р., зап. в х. Гребенниковском Верхнедонского р-на РО, 2004.
9. Хмелевская Ю.Ю. О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сборник статей. Челябинск, 2004. С. 11.
10. ПМА, Мирошникова А.Ф. 1913 г.р., зап. в х. Заикинском Верхнедонского р-на РО, 2004; Рыбалко Г.И. 1925 г.р., зап. в ст. Кагальницкой (райцентр) РО, 2006; Адонина А.К. 1925 г.р., зап. в с. Кагальник Азовского р-на РО, 2009.
11. Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах. Том 13 / Под. ред. Г.А. Галавановой и Ф.П. Сороколетова. М.-Л., 1962. Ст. 29.
12. ПМА, Кривошлыкова Е.П. 1924 г.р., Гребенникова М.П. 1913 г.р., зап. в х. Гребенниковском; Мирошникова А.Ф. 1913 г.р., зап. в х. Заикинском Верхнедонского р-на РО, 2004.
13. ПМДЭ РГУ, Мамина А.Я. 1911 г.р., зап. в х. Усьман Багаевского р-на РО, 1980.
14. ПМДЭ РГУ, Акулинчев В.К. 1909 г.р., зап. в ст. Грушевской Аксайского р-на РО, 1992.
15. ПМДЭ РГУ, Козьмина К.Н. 1915, зап. в х. Мосты Тарасовского р-на РО, 2003.
16. ПМА, Незолина М.И. 1924 г.р., зап. в х. Мирном Дубовского р-на РО, 1993.
17. ПМА, Рыбалко Г.И. 1925 г.р.
18. ПМА, Филимонова А.С. 1921 г.р., зап. в х. Лебяженском Шолоховского р-на, 2004.
19. ПМДЭ РГУ, Мамина А.Я. 1911 г.р...
20. ПМА, Филимонова А.С. 1921 г.р...
21. ПМА, Шмелева А.Г., 1911 г.р., зап. в х. Солонецком Обливского р-на РО, 1998.
22. ПМА, Сомова М.Н. 1933 г.р., зап. в ст. Усть-Бузулукской Алексеевского р-на ВО, 2007.
23. ПМДЭ РГУ; Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003. С. 48, 109, 126, 216, 218, 296, 303, 328.
24. ПМА, Путягина М.С., 1917 г.р., зап. в х. Трофимов Константиновского р-на РО, 1999.
25. ПМДЭ РГУ, Спенкова К.Т. 1910 г.р., зап. в х. Усьман Багаевского р-на РО, 1980.
26. ПМА, Мирошникова А.Ф. 1913 г.р...
27. ПМДЭ РГУ, Горбунова М.С. 1909 г.р., зап. в г. Белая Калитва (райцентр) РО, 1988.

28. ПМДЭ РГУ, Лопашенко Г.Н. 1917 г.р., зап. в х. Богураев Белокалитвенского р-на РО, 1988.
29. ПМА, Филимонова А.С. 1921 г.р...
30. ПМДЭ РГУ, Гладченко Л.С. 1926 г.р., в г. Белая Калитва (райцентр) РО, 1988.
31. ПМА, Колобанова П.И. 1928 г.р., зап. в х. Самолшинском Алексеевского р-на ВО, 2006.
32. ПМА, Сорокина А.А. 1931 г.р., зап. в х. Ново-Россошанском Тацинского р-на РО, 1999.
33. ПМА, Фролова Л.Ф. 1903 г.р., зап. в х. Карпов Цимлянского р-на РО, 2000.
34. ПМДЭ РГУ, Козьмина К.Н., 1915, г.р. ...
35. ПМА, Кривошлыкова Е.П. 1924 г.р., Гребенникова М.П. 1913 г.р.
36. ПМА, Адонина А.К. 1925 г.р.
37. ПМДЭ РГУ, Предкова Н.И. 1913 г.р., зап. в х. Богураев Белокалитвенского р-на РО, 1988.
38. ПМА, Захаров В.П. 1926 г.р., Захарова М.А. 1928 г.р., зап. в х. Нижнекривском Шолоховского р-на РО, 2002.
39. ПМА, Бокова А.С. 1922 г.р., зап. в х. Калининском Шолоховского р-на РО, 2002.
40. ПМДЭ РГУ, Юшкина В.Г. 1939 г.р., зап. в х. Лысогорском Урюпинского р-на ВО, 2008.
41. ПМА, Адонина А.К. 1925 г.р...

Н.А. Власкина (г. Ростов-на-Дону)

ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТ ГОЛОД В ДОНСКИХ ГОВОРАХ

На протяжении XX века голод несколько раз приобретал характер массового бедствия, он стал причиной гибели миллионов людей и в памяти нескольких поколений остался в ряду самых главных событий в жизни. Явления такого масштаба не могут не

Работа выполнена в рамках проекта «Этнолингвистический словарь донского казачества» Подпрограммы «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарных синтез».

найти отражение в языке. Целью данной статьи является анализ способов концептуализации голода в говорах донских казаков. Материалом выступают данные, выбранные из «Большого толкового словаря донского казачества», «Словаря донских говоров Волгоградской области», записей диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного университета (ЮФУ) за 2001–2008 годы.

Основная репрезентирующая концепт лексема *голод* в обозначенном корпусе текстов фигурирует преимущественно во втором из двух значений, регистрируемых в литературном языке: '1. Острое ощущение потребности в пище, сильное желание есть'; '2. Отсутствие или крайний недостаток хлеба и вообще продуктов питания как массовое бедствие в результате неурожая, войны и других причин (в отношении страны, края, населенного места и т. п.)' [1]. Функционируя в говорах, слово меняет и свои морфологические характеристики: в указанном значении оно начинает употребляться во множественном числе, что подчеркивает всеохватность и продолжительность голода. Помимо литературного слова в этом же значении в донских говорах употребляются еще несколько лексем — его производных: *голодок*, *голодовка*, *голодуха*, *голодушка*. Из них последние две употребляются преимущественно во множественном числе.

Прилагательные, наиболее устойчиво выступающие в роли атрибутов голода, — *тёмный* (в значении 'обладающий каким-либо качеством в высшей степени') и *страшный*. Их использование указывает на исключительность голода как трагедии, которую пережили информанты: «*Галада тут были тёмными*» [2]; «*У нас ф трицять третем гаду был голат, страшный голат, ф Чистикофки, за Савецкай*» [3]; «*Голат страшный. Ни вады, ни етава, фсе́ была па за этай, хадили камушки на хлебзавот чистили*» [4].

Голод может восприниматься диалектоносителями как отчужденный от человека объект, о чем говорит функционирование соответствующего слова в составе устойчивого сочетания *нести голод*. Наряду с ним в донских говорах имеют хождение фразеологические единицы *нести нужду* и *нести кару*, что вводит *голод* в смысловой ряд с общим значением бедности, страдания, тяжелой жизни. О внеположенности человеку голода, присваивании ему качеств и свойств физического объекта говорят также

сочетания *ухватить голоду, хватать (схватить) голодка (голодку)*. Как и другие негативные события (беда, нужда, смертный час) голод может прийти: *«Придѣть голат — хоть зубы на палицу клади»* [5].

Значение предельности, временных границ голод получает в составе конструкций *переживать голода* (в значении 'голодать') и *переживать в голод* (в значении 'выживать в голод').

Фразеологические обороты, выступающие в текстах как синонимы слова *голод*, обычно указывают на отсутствие пищи, пустоту, то есть на частные признаки, сопутствующие голоду: *на пустые горшки (черепки), тараканы (лишь) пасутся в сусеках у кого-л., пироги с гвоздями / с таким / ни с чем*. Трагизм ситуации респонденты могут подчеркивать, используя гиперболизацию в рассказах о голоде: *«Голод был, ни дай бох. А ф катле варили, две крупачки на кател и балтають»* [6].

Прилагательное *голодный*, широко функционирующее в народной речи, как и в литературном языке, соотносится с первым значением производящего слова 'острое ощущение потребности в пище, сильное желание есть' и может использоваться в рассказах о непродолжительном голоде. На это указывает и функционирование прилагательного в составном именном сказуемом, где управляющими выступают глаголы физического действия *сидеть, ходить, уйти*: *«Жарю пичирики з длатом, пуцай галодныи уйдуть»* [7]; *«А я галодный хадил и лукавинку у них выдирнул»* [8]. Иное восприятие кратковременного голода находит отражение во фразеологии: устойчивые выражения, синонимичные конструкциям с прилагательным *голодный*, чаще всего иронического характера. Большая их часть — соматические метафоры, элементами которых выступают внутренние органы: *кишка кишке марш играет; кишка кишке показывает шиш в мешке; кишка кишке протокол пишет; кишка кишке фигу кажет; кишка кишку догоняет; кишки к спине приросли (присохли); кишки пересудомились, один одному шиш сворачивают; пташки в животе поют*.

Реже устойчивые сочетания рассматриваемой группы образуются в результате наблюдений за физическим изменением тела: *кожа горит; втянуло живот*. Объектом образного переосмысления становится также само отсутствие еды: *тощечок*

положил за щечок; мышь повесилась; мыши в амбаре подохли; ни семя ни емя у кого-л.

В рассматриваемом значении слово вошло в состав культурного термина *голодная кутья*, называющего тип обрядового кушанья: «Галодная кутья, дифчата, эта так. Пат Крищение целый день нильзя ничиво йисть, кушать, карочи гаваря. Пака ни взайдёт первая звёздочка. Ну какая п ни была звизда, пачиму ана называица галодная кутя, патаму шта целый день на абряду ты ни должын йисть. А патам эта кутя» [9].

Тексты показывают, что состояние голода, описываемое прилагательным *голодный*, может быть обусловлено не только нехваткой пищи, но и, более конкретно, несоблюдением правил ее перераспределения. Количество еды может восприниматься как некая абстрактная постоянная величина, равные доли которой получает каждый человек, в результате чрезмерное насыщение одного приводит к тому, что кто-то другой останется голодным: «Эта у нас бапка была. Хахлова. Ау ней сын, ана уш пажылых лет была, адин радился, так он у ней адин. Фсяда. И вот ана как станить абедать и кусок нидаела, ишо бирётъ. Эта Сёмка галодный. Сын» [10].

Еда распределяется не только на этом свете, но и между мирами жизни и смерти. Поэтому считается, что поминать нужно продуктами, а не деньгами: (Соб: Говорят, если человек не подает ничего нищим, ему потом на том свете плохо будет) «На том свети он тожсы голадам. Даюцива рука никагда ни аскудеить. Ана фсида будить багатая: и на этам свети багатая, и на том свети багатая. Фсида нада, девачки падавать. Деньги — эта ни помин. Прадуктами, любими. Лук — эта первый помин» [11].

В сочетании с существительными *пора* и *год* слово *голодный* выступает в значении 'скудный хлебom, продуктами питания, неурожайный': «В галодную пору такой суп варили: в нём пашанина за пашанинай ганяют з дубинай» [12]. Наряду с использованием в прямом значении эта конструкция может входить в состав фразеологических единиц, в которых маркируется ущербность голодного времени, его аномальность: *девка от голодного года* ('старая дева', 'ирон. о полной женщине'); *как от голодного года (остаться)* 'очень худой (о человеке)'; *остаться от голодного года* 'об остатках еды'.

Большую группу производных лексемы *голод* составляют диалектные глаголы: *голодить* 'морить голодом', *поголодить* 'уморить голодом, погубить', *приголодить* 'ограничить в питании', *голодовать*, *голодоваться* 'голодать, испытывать недостаток в пище'. Первые три глагола имеют в качестве субъекта действия не того, кто испытывает голод, но того, кто может быть причиной голодания других лиц. Наличие нескольких глаголов с таким значением в диалектной речи на фоне отсутствия аналогичных лексем в литературном языке может говорить о том, что причины голода становились предметом активных размышлений сельских жителей. Помимо словообразовательных диалектизмов, с этой же точки зрения заслуживают внимания устойчивые словосочетания *мором морить* и *переводить на воду (на муку)* в значении 'морить голодом'.

Обращение к фразеологии указывает также на тесную связь голода и бедности, нужды: целый ряд устойчивых сочетаний обладает значениями 'голодать, нуждаться, бедствовать'. Среди них: (*положить*) *зубы на полочку*, *клацать зубами*, *ляскать зубами*, *ковырять в зубах*, *и кровь уж из зубов не идёт*, *жить оскалья зубы*, *повесить зубы на гвоздь*. Столь активная метафоризация голода с использованием такого образа, как зубы, представляется неслучайной. По народным представлениям, зубы устойчиво связываются с понятием жизненной силы [13], в ситуации голода, когда сущностным является вопрос о выживании, внимание к данному символу может акцентировать грань между жизнью и смертью.

В другой группе устойчивых сочетаний с уже указанным значением образ создается с использованием лексических соматизмов путем осмысления физиологического состояния: *животы коротки*, *живот подтянуло (подвело)*, *бока подвело*, *ложиться спать на пустое брюхо*.

Наличие в нашем распоряжении достаточно развернутых текстов позволяет выйти за рамки анализа синтагматических, парадигматических и деривационных возможностей основной репрезентирующей концепт лексемы и обратиться к тому, что такое голод в жизни информантов, в каких образах он воплощается, какие ассоциации вызывает.

Наиболее частая тема рассказов о голоде как массовом бедствии, конкретизирующих для интервьюеров (благополучных

молодых людей «из другой жизни») содержание этого явления, — аномальность подобного состояния, которая проявляется в целом ряде деталей.

Главным нарушением нормы является отсутствие привычной еды. Закономерно, что разница в снабжении районов, из которых происходят записи, находит отражение в воспоминаниях информантов. В результате в понятие *голод* респонденты вкладывают абсолютно разный смысл. Словом *голод* называют:

— ситуации, когда еда становится главной ценностью, важнее, чем вещи или деньги: «*<Колядующие> ф каждый двор стучаца, хто пускаить, хто ни пускаить. Давали чё папала. Кусок сала, но ф те годы был голат, давали кусок хлеба, и кусок сала, и кусок мяса варёнава, и пышку, и пиражок...*» [14];

— отсутствие рыбы или мяса: «*Када рыба, у нас жы такой край, если рыба есть, значить, фсё будиш есть. А рыбы нет — фсё, уже голат. Ф сорок шыстой гот фставали — адна вада*»; «*Ну делали мы, мяса ни было, в галодныи годы, делали с рыбы банку пикли. Милили иё, дабавляли лучок, картошычку, а тада в мисачку и ставили ф корап. Чуть маслицца, ну, как-та и нада*» [15];

— отсутствие хлеба: «*Када нет хлеба, яды, жывуть бедна, тада так гаваряць, мол, режуть аборкай хлел*» [16]; «*Я што-та нидавна слышала па радио, прадукты, за картофиль, уражай картофиля, гаварили. Такая картофиля уражай или хлел — эта уже ни голат. Эта уже фсё можна из ниво приготовить. И хлел — папа, картофиль — мама*» [17] (ср. также: *есть в одну ручку 'о крайней бедности, о скудной пище без хлеба'*).

Исчерпание традиционных источников пропитания приводит к тому, что в пищу начинают употреблять различные растения и продукты их переработки: «*Галадавались, кудрявиц у калюки павалаяим и идим*» [18]; «*В голат и либяду, и кытышки ели*» [19]; «*Жылутки в голат ели, сушыли их и раицёлкивали*» [20]; «*Голод был, а у нас дома трава вот эта, капеички. И мы ели их. Рвали и ели*» [21]. Во фразеологии ситуация голода описывается через указание на использование в пищу несъедобных объектов: *девятый хрен без соли доедать; есть соль, водой запивать; жарить печерики с долотом* [22]. Рассказывают, что в тяжелые времена ели речных моллюсков: «*Мама ва время галадофки любила есть ракушки, патом многа лет прашло, привязли с ряки,*

давай, мам, зделай, жывала, жывала и ни праглатила» [23]; «В рике скрябушки, люди в вайну ели. Я рас пробавалси, ижжжарил. Лучи падохну, чем их исть» [24].

Показательным является противопоставление информантами голодной и относительно благополучной жизни: будучи нарушением нормы, голод наделяет однозначно негативным значением и все свои атрибуты. В максимальной степени своего проявления отсутствие голода может трактоваться как единственно важное условие для жизни. В этом случае голод становится своеобразной точкой отсчета, самым страшным, что может произойти: «И знацит, мы сабираимся кагда, мы жы халды-балды, мы жы сабирёмся на день раждения — ка мне, патом от к Машы, к Нади, и идём песни паём. Ана: “Такая жызня, а ани раскроют ратяка и аруть”. Какая жызня? Щас чё, голат? От тада в вайну, как мы, ни дай Бох, как мы жыли, а щаз жы, ну можна ицо» [25]; «Двацьць первый год был, голод был. У нас было две каровы. Мы эта траву сами рвали, малаком наливали. У нас сыр, у нас смитана, от эта шо с травою как сырникаф налепим и ели. Мы выжили, мы ниплоха выжили, две каровы было <...> Мы голыи и босыи были. А сичас мы плачим, плоха жыть» [26].

В связи с этим лейтмотивом рассказов о голоде часто становится преодоление. Ради выживания блокируются привычки и нормативные установки разных уровней: от брезгливости: «И од голод был, знаиш, какой голод был в вайну? Уш эта, немцыф выгнали, а галадали мы. И, значит, мы ездили, от Маша знает, на Дану баржы затапливали в вайну, а ана, баржывая пшыница, ванючая такая, а мы на ту сторону ездили. Эта черпали зимой, лёт прабивали, и кафшы такии, черпали иё, патом сушыли, а ана гавнами ваняить, ванючая такая» [27] до правил поведения, регламентированных обычаями, и смертных грехов. В последнем случае экстремальность ситуации голода обуславливает оправдание информантом в собственных глазах и в глазах Бога поступков, которые несовместимы с представлением о праведном человеке. Голод — время, когда прощаются:

— неисполнение религиозных обрядов: «А пагрибение абизатильна. И фсё. Абизатильна зимле придать. Вот у мене брат как умёр в галадоуку ф трицьць третьим гаду, шыститетний, а была такая галадоука, што от эту траву усю ели, какая ана иде ни была. Мама пагрибение ни атслужыла. И так ано ш асталася» [28];

— воровство: «*Ну Бох наказываить от вароф, убийцыф там. Но эта наверна на крупным кражам там, ни хлеб жы. Ты галодная възьмёш кусок хлеба, табе ничё ни будить. Ты галодная. Эта праститильный грех. А эта от нипраститильный грех: ат жаны гулять, ат мужа жана гуляить. Эта грех большой щитаица. Ну эта в Библии пишуть*» [29];

— прелюбодеяние: «*Бывала жы так, шо люди вайна, голод был, детки пааставалися. А дитей нада воспитываить, а астался там какой-та мужычок, придёт, дравишык нарубаить. Бапка, толька штоп пириспаить. А там ты хочиш, хоть ни хочиш, а ни дров нарубаить. Или можыть, кусок хлеба дадутъ. Вот энта ш усё, энта ж Гасподь знаить, эта рассказывали. Адна гаворить, што адна женищина сильна вила сибе от такую жысть вольную. Ну а патом ана ат этава умираить и да Спаситиля патходить. Ото ж да батюшки патходим, а то да Спаситиля падашла и гаварить: «Спаситиль небесный, я грешная этим делам, я фсё эта. А он гаворить: усё эта ад Госпада Бога. Ты ни сетуй. Тибе детак нада воспитываить или ишо чё-нибуть*» [30].

Массовый голод — не единственный значимый объект описания в рассказах информантов о второй четверти двадцатого века. Анализ контекстуального окружения слова *голод* позволяет выявить образы и события, наиболее тесно связанные в памяти наших респондентов с голодом.

Прежде всего это война. Упоминания о войне и голоде часто следуют непосредственно друг за другом: «*Хадили и бис трусоф, в рубашках, тада ж годы послы вайны были какии. И галодныи хадили, вот в дивени у наз жы шылковица визде, сабирёмся, пашли на тютину, панаидимся, пазамажымся. Наше децтва плахое была. Вайна, голат*» [31]; «*Мы, детачка, ф калхозы фставали ф читьри часа и шли даили каров, послы дойки каровы придёш дамой ф сем часов весь в гавне, ф скатини, принисёш малака, папъёш, голат, вайна. А патом у двинацыть часов апять жы идём даить кароу, и вечирам малако падалили, у баки слили, ваенныи падъехали, забрали. А нам пишуть трудадён или пишят сотых или сорак сотых*» [32]; «*Харошыва ничё, детачки, ни видали мы, адни войны да голат. У нас фсё забрали*» [33]. Широкою территорию распространения имеют трактовки небесных знамений

как предвестия войны и/или голода. И хотя подобную символизацию этих природных явлений можно встретить еще в «Повести временных лет» («Знаменья ведь на небе, или в звездах, или в солнце, или в птицах, или в чем ином не к добру бывают; но знаменья эти ко злу бывают: или войну предвещают, или голод, или смерть» [34]), но актуальность проводимых между голодом и войной параллелей говорит о высокой аксиологической ценности, которые эти события обладают и в XX веке.

Еще одна пара образов, неразрывно связанных между собой в рассказах анализируемой тематики, — голод и холод: «*Галадавали, халадавали, труднасти пиржыла сильнии*» [35]; «*Хоть галодная, хоть халодная — иди на работу*» [36]; «*Фсё была в жызни, а послі вайны — так сафсем. И голат, и холат, фсё была, но фсё пиржыли*» [37]. Отметим, что если для ряда контекстов упоминания голода и холода призваны отразить реально пережитое, то в нарастающем большинстве случаев наблюдается фразеологизация данного сочетания, при которой второй компонент десемантизируется и используется преимущественно для усиления оказываемого рассказом эффекта.

Проведенный анализ даёт возможность с разных сторон охарактеризовать образ голода, восстанавливаемый на материале воспоминаний о 20–40-х годах XX века.

Показательно, что состояние временного, ситуативного голода характеризуется преимущественно с использованием прилагательного *голодный* и его фразеосинонимов, как правило, иронически оценивающих внешние проявления состояния нехватки пищи. В то время как значение ‘массовое бедствие’ и близкие ему характерно в большей мере для слова голод и производных — существительных и глаголов.

Содержательное наполнение концепта обладает достаточно высокой вариативностью (в случае массового голода — от недоедания до полного отсутствия еды и употребления в пищу несъедобных продуктов). Голоду как жизненному событию присваивается высокий аксиологический статус: на одну ступень помещаются голод и война, а отсутствие голода становится единственным и достаточным условием для продолжения жизни. Проводимая корреляция голод — смерть поддерживается сближением образов голода и холода и восприятием голодной

поры как времени, когда религиозные, нравственные и юридические законы, регламентирующие жизнь человека, теряют силу.

Примечания

1. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 3: Г–Е / Под ред. С.Г. Бархударова и др. — М.—Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 226–228.
2. Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. Р.И. Кудряшовой. — Волгоград: Издательство ВГИПК РО, 2006–2008. Вып. 1. А–Г. С. 366.
3. Инф. Беседина Е.С., 1921 г.р., зап. в 2002 г. в х. Осиновском Советского р-на Ростовской области (далее — РО). Полевые материалы автора (далее — ПМА).
4. Инф. Билимова Н.А., 1929 г.р., зап. в 2003 г. в х. Дугино Азовского р-на РО. ПМА.
5. Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 4. О–П. С. 336.
6. Большой толковый словарь донского казачества. — М.: Русские словари: Издательство Астрель; Издательство АСТ, 2003. С. 243.
7. Там же. С. 136.
8. Там же. С. 270.
9. Инф. Денисов А.Д., 1911 г.р., зап. в 2003 г. в х. Коса Азовского р-на РО. Полевые материалы С. Шестак.
10. Инф. Рогачевы Т.И. и А.И. 1912 и 1915 г.р., зап. в 2001 г. в ст. Букановской Кумылженского р-на Волгоградской области (далее — ВО). ПМА.
11. Инф. Назаренкова З.Т., 1930 г.р., зап. в 2003 г. в х. Дугино Азовского р-на РО. ПМА.
12. Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 1. С. 373.
13. Усачева В.В. Зубы // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002. С. 191–193.
14. Инф. Горбункова Н.И., 1938 г.р., зап. в 1998 г. в х. Малотерновом, Обливского р-на РО, Полевые материалы Н. Калиничевой.
15. Инф. Кочергина Т.В. 1930 г.р., зап. в 2003 г. в ст. Елизаветинской Азовского р-на РО. Полевые материалы В. Аванесянц.
16. Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 5. Р–Т. С. 70.
17. Инф. Беспалова Т.И. 1925 г.р., зап. в 2003 г. в х. Казачий Ерик Азовского р-на РО. ПМА.
18. Большой толковый словарь донского казачества. С. 111.
19. Там же. С. 217.
20. Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 2. Д–Й. С. 141.
21. Инф. Болдырева Е.Г., 1912 г.р., зап. в 2001 г. в г. Серафимовиче ВО. ПМА.
22. Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 2. Д–Й. С. 133.

23. Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 5. Р–Т. С. 34.
24. Там же. С. 202.
25. Инф. Короткова М.И., 1930 г.р., зап. в 2004 г. в ст. Голубинской Калачевского р-на ВО. ПМА.
26. Инф. Козьмина К.Н., 1915 г.р., зап. в 2003 г. в х. Мосты Тарасовского р-на РО. ПМА.
27. Инф. Короткова М.И.
28. Инф. Тормозова М.В., 1924 г.р., зап. в 2003 г. в х. Дубы Тарасовского р-на РО. ПМА.
29. Инф. Выскуб М.Е., 1926 г.р., зап. в 2004 г. в ст. Голубинской Калачевского р-на ВО. ПМА.
30. Инф. Салова А.С., 1917 г.р., зап. в 2003 г. в х. Рогожкино Азовского р-на РО. ПМА.
31. Инф. Черноусова М.В. 1935 г.р., зап. в 2008 г. в ст. Кочетовской Семнкаракорского р-на РО. ПМА.
32. Инф. Горбунёва М.И., 1930 г.р., зап. в 2003 г. в х. Казачий Ерик Азовского р-на РО. ПМА.
33. Инф. Смольнова А.Н., 1912 г.р., зап. в 2002 г. в ст. Манычской Багаевского р-на РО. Полевые материалы С. Шестак.
34. Повесть временных лет. — М.–Аугсбург: Im werden Verlag, 2003. С. 51.
35. Большой толковый словарь донского казачества. С. 111.
36. Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 1. С. 367.
37. Инф. Коваленко Н.А., 1926 г.р., зап. в 2003 г. в ст. Елизаветинской Азовского р-на РО. Полевые материалы В. Аванесянц.

И.Ю. Васильев., А.И. Зудин (г. Краснодар)

«ГОЛОДОМОР» НА КУБАНИ 1932–1933 Г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ОЧЕВИДЦЕВ: ОБЗОРНЫЙ ОЧЕРК

«Голодомор» 1932 – 1933 гг. – одно из самых трагических и значимых событий российской истории советского периода. Особенно тяжело он отразился на восточнославянском населении Юга России, Поволжья, Казахстана, Украины. Огромный размах принял и на Кубани.

Массовый голод стал следствием целенаправленной политики Советского государства, инициативой его ведущих руководителей: И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, А. И. Микояна. Она была направлена на то, чтобы сломить

сильных, самостоятельных и зажиточных земледельцев важнейших зерновых районов Советского Союза. Решения о фактической организации голода принимались важнейшими органами власти, как на общесоюзном, так и на местном уровнях. Это и постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», и постановление бюро Северо-Кавказского краевого комитета партии «О ходе хлебозаготовок» от 16 декабря 1932 г., постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) «О ходе хлебозаготовок и севе по районам Кубани» от 4 ноября 1932 г. и др. [1]. Значительную часть сельского населения нескольких регионов сочли нужным уничтожить физически. Другую – обессилить и запугать. Так же голод и репрессии должны были способствовать разрушению традиционного уклада деревни, который, по мнению руководителей советского государства, тормозил модернизацию страны. Непосредственной целью организованного голода и репрессий было подавление попыток сопротивления крестьянства и казачества процессу коллективизации сельского хозяйства, разгрома частнособственнического элемента села, разрушение социальной структуры казачества, которая имела значительный потенциал для антисоветской борьбы.

Эта политика была реализована в результате тотального изъятия у населения *всего* продовольствия, внесудебных выселок и расстрелов, блокирования военной силой населённых пунктов и ликвидации в них торговой сети. Всё это сопровождалось чисткой в партийных рядах, когда из ВКП(б) изгонялись и репрессировались те члены, которые пытались хоть как-то отстаивать народные нужды. При этом земледельцам было запрещено покидать голодающие районы. Непосредственно репрессии осуществляли местные органы ОГПУ и внесудебные тройки, уполномоченные по хлебозаготовкам и политотделы МТС, коллективизаторы-двадцатипяти тысячники и местные комитеты содействия (комсоды) [2].

Точное количество жертв голода неизвестно. Разные источники называют по Кубани цифру от 400 000 до 800 000 тысяч человек. Последнюю цифру называет британский советолог Р. Конквест. При этом он утверждает, что подавляющая часть погибших на Кубани – этнические украинцы. Однако этнический

сильных, самостоятельных и зажиточных земледельцев важнейших зерновых районов Советского Союза. Решения о фактической организации голода принимались важнейшими органами власти, как на общесоюзном, так и на местном уровнях. Это и постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», и постановление бюро Северо-Кавказского краевого комитета партии «О ходе хлебозаготовок» от 16 декабря 1932 г., постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) «О ходе хлебозаготовок и севе по районам Кубани» от 4 ноября 1932 г. и др. [1]. Значительную часть сельского населения нескольких регионов сочли нужным уничтожить физически. Другую – обессилить и запугать. Так же голод и репрессии должны были способствовать разрушению традиционного уклада деревни, который, по мнению руководителей советского государства, тормозил модернизацию страны. Непосредственной целью организованного голода и репрессий было подавление попыток сопротивления крестьянства и казачества процессу коллективизации сельского хозяйства, разгрома частнособственнического элемента села, разрушение социальной структуры казачества, которая имела значительный потенциал для антисоветской борьбы.

Эта политика была реализована в результате тотального изъятия у населения *всего* продовольствия, внесудебных высылки и расстрелов, блокирования военной силой населённых пунктов и ликвидации в них торговой сети. Всё это сопровождалось чисткой в партийных рядах, когда из ВКП(б) изгонялись и репрессировались те члены, которые пытались хоть как-то отстаивать народные нужды. При этом земледельцам было запрещено покидать голодающие районы. Непосредственно репрессии осуществляли местные органы ОГПУ и внесудебные тройки, уполномоченные по хлебозаготовкам и политотделы МТС, коллективизаторы-двадцатипятидесятитысячники и местные комитеты содействия (комсоды) [2].

Точное количество жертв голода неизвестно. Разные источники называют по Кубани цифру от 400 000 до 800 000 тысяч человек. Последнюю цифру называет британский советолог Р. Конквест. При этом он утверждает, что подавляющая часть погибших на Кубани – этнические украинцы. Однако этнический

23. Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 5. Р–Т. С. 34.
24. Там же. С. 202.
25. Инф. Короткова М.И., 1930 г.р., зап. в 2004 г. в ст. Голубинской Калачевского р-на ВО. ПМА.
26. Инф. Козьмина К.Н., 1915 г.р., зап. в 2003 г. в х. Мосты Тарасовского р-на РО. ПМА.
27. Инф. Короткова М.И.
28. Инф. Тормозова М.В., 1924 г.р., зап. в 2003 г. в х. Дубы Тарасовского р-на РО. ПМА.
29. Инф. Выскуб М.Е., 1926 г.р., зап. в 2004 г. в ст. Голубинской Калачевского р-на ВО. ПМА.
30. Инф. Салова А.С., 1917 г.р., зап. в 2003 г. в х. Рогожкино Азовского р-на РО. ПМА.
31. Инф. Черноусова М.В. 1935 г.р., зап. в 2008 г. в ст. Кочетовской Семикаракорского р-на РО. ПМА.
32. Инф. Горбунёва М.И., 1930 г.р., зап. в 2003 г. в х. Казачий Ерик Азовского р-на РО. ПМА.
33. Инф. Смольнова А.Н., 1912 г.р., зап. в 2002 г. в ст. Манычской Багаевского р-на РО. Полевые материалы С. Шестак.
34. Повесть временных лет. — М.–Аугсбург: Im werden Verlag, 2003. С. 51.
35. Большой толковый словарь донского казачества. С. 111.
36. Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 1. С. 367.
37. Инф. Коваленко Н.А., 1926 г.р., зап. в 2003 г. в ст. Елизаветинской Азовского р-на РО. Полевые материалы В. Аванесянц.

И.Ю. Васильев., А.И. Зудин (г. Краснодар)

«ГОЛОДОМОР» НА КУБАНИ 1932–1933 Г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ОЧЕВИДЦЕВ: ОБЗОРНЫЙ ОЧЕРК

«Голодомор» 1932 – 1933 гг. – одно из самых трагических и значимых событий российской истории советского периода. Особенно тяжело он отразился на восточнославянском населении Юга России, Поволжья, Казахстана, Украины. Огромный размах принял и на Кубани.

Массовый голод стал следствием целенаправленной политики Советского государства, инициативой его ведущих руководителей: И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, А. И. Микояна. Она была направлена на то, чтобы сломить

промышленные центры Советского Союза, а также недостаточные темпы вовлечения казачьих и крестьянских хозяйств в колхозы [7]. При этом в отношении к власти иногда сказываются архетипические народные воззрения, через призму которых голод объясняется исключительно произволом местных органов при апологетике И. Сталина и высшего руководства партии [8].

Ознакомление с полевыми материалами также позволяет говорить об односторонности мнения о сугубо антиказачьей направленности акции властей 1932 – 1933 гг. По мнению большинства респондентов, жертвами голодомора стали как казачьи семьи, так и семьи иногородних, как состоящие в колхозе, так и единоличники [9]. Среди пострадавших, умерших от голода или высланных, в некоторых станицах упоминаются семьи красноармейцев, ветеранов Гражданской войны [10]. Об этом же говорит и состав «комитетов содействия» по изъятию продовольствия у населения, который состоял из местных жителей станиц (как казаков, так и чаще не казаков по происхождению) и формировался по принципу максимальной лояльности к советской власти: колхозный актив, партийные, комсомольцы, люмпенизированные элементы [11]. В качестве руководящего звена актива по изъятию продовольствия фигурируют присланные из районов комиссары. Иногда упоминаются сотрудники ОГПУ. Информаторы обращают внимание на обилие среди комсодовцев женщин и подростков [12]. Во многом это связано с тем, что значительное количество взрослых мужчин было к тому времени физически уничтожено или выслано из станиц. С другой стороны, это является проявлением стремления низших социально-половых групп традиционной станицы добиться первенства в условиях экстремальной ситуации и слома традиционной модели отношений. Ситуация Гражданской войны и расказачивания сломала судьбы многих людей. Появилась масса вдов и сирот, девушек, не смогших выйти замуж. Ослабевшая традиционная социальная структура станицы была не способна компенсировать им потери. Ко всему прочему, перед голодомором в станице появилось два мощных пласта «обиженных» людей. Это иногородние бедняки, притеснявшиеся до революции, и пострадавшие уже от новой власти «бывшие» состоятельные казаки и т.д. Представители обеих этих групп и, особенно, их потомки, не впитавшие в должной степени традиционную систему

состав жертв голода Р. Конквест не может удовлетворительно обосновать [3]. Тем более что среди наиболее пострадавших значатся и районы с преобладающим русскоязычным населением: Усть-Лабинский, Тихорецкий, Курганинский, Отрадненский, Армавирский и др. Теорию о том, что голод был сознательно спланирован и направлен против украинцев, сегодня опровергают даже на Западе. Это делают, например, такие известные исследователи, как Р. Дэвис и С. Виткрофт. Более того, они приводят выдержки из письма Р. Конквеста, в котором он согласился, что голодомор нельзя признать антиукраинской акцией [4].

Как ни странно, голод до сих пор недостаточно исследован. Эта тема активно использовалась в различных политизированных полупублицистических работах. Сейчас факт голода используется даже для дискредитации русского народа как такового. И это несмотря на понесённые им потери (на Дону, в Поволжье, Северном Казахстане). В основном это характерно для украинской историографии [5]. Между тем, полевые материалы, собранные за многолетний период работы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции, на примере Кубани наглядно демонстрируют, что голодомор был и остается общей трагедией проживающих здесь восточных славян (казаков, русских, украинцев). Посмотрим на трагедию тех лет глазами ее жертв и очевидцев.

Значимость устных свидетельств о голодоморе в первую очередь заключаются в том, что они позволяют выделить наиболее существенные аспекты этой трагедии в глазах самого народа, главного ее участника и жертвы. В свою очередь это позволяет понять подлинную сущность событий тех лет, объективно оценить преступления власти и сформировать ценностное отношение исследователя к изучаемому событию и эпохе в целом.

Большинство респондентов убеждено, что голод на Кубани не являлся следствием «кулацкого саботажа», как об этом твердила советская пропаганда. Основная часть кулацких хозяйств была ликвидирована в ходе сплошной коллективизации и массовых выселок зажиточных казачьих семей в предыдущие годы [6]. Голод, по мнению очевидцев, был специально спланированной акцией власти с целью наказания рядовых земледельцев, как единоличников, так и колхозников, за срыв поставок зерна в

На начальной стадии голода, когда ещё были силы и возможности, кубанцы спасались бегством из населённых пунктов [22]. Из станицы Бейсугской в последнюю декаду 1932 г. ушёл 321 человек. Каждую ночь выезжало несколько семей. С 15 ноября по 10 декабря 1932 г. на Кубани были учтены полторы тысячи бежавших единоличников. Среди них преобладали мужчины. Бежали в основном в Закавказье, на Черноморское побережье, в Абхазию, на территорию северо-кавказских республик [23].

Легче всего в голодающих станицах жилось комсодовцам. Очень часто они не сдавали отобранные продукты, проедали и пропивали их [24].

Относительно благополучно складывалась ситуация и у тех, кто занимал какие-либо должности в колхозе или в советском аппарате станицы, работникам бригад и МТС [25]. Им и их семьям полагался фиксированный паёк, достаточный для пропитания [26]. Легче было и тем, кому удавалось сохранить в своём приусадебном хозяйстве корову. Они могли регулярно употреблять в пищу молочные продукты [27]. Особенно это было важно для семей с детьми [28]. Последние иногда получали в школах и детских приютах паёк [29].

Прятать же продукты было очень трудно. В домах и во дворах обыскивали буквально каждую пядь [30]. Поэтому пищу можно было сохранить только в специальных схронах за пределами приусадебных участков: в колодцах, полях, плавнях и т. д. [31]. Люди так же могли собирать зерновые, овощи и фрукты в колхозных угодьях. Это было сопряжено с огромным риском вследствие режима вооружённой блокады станиц и практического применения закона «Об охране социалистической собственности». Поэтому собирать люди могли только очень немного [32].

Во время голода кубанцев выручала природа. В Приазовье (станция Черноерковская и др.) люди питались, прежде всего, рыбой [33]. В горнолесном Закубанье они употребляли в пищу дикие фрукты и орехи (яблоки и груши-дички, кизил, терн, фундук) [34]. По всей Кубани во время голода ели крапиву, лебеду, паслён, цветы акации, корни водного растения чакан и др. [35]. Описанные выше растения либо варили с водой, либо перетирали в муку. Тогда из неё пекли так называемы «липэныкы» или «ляпунци», «пляци» [36]. Станичники разрывали норы грызунов и

ценностей, испытывали большое желание отомстить обществу как таковому. Это своё желание они могли осуществить, участвуя в работе комсодов [13].

Можно найти упоминания старожиллов, что среди работников ОГПУ и бойцов войск оцепления бросалось в глаза большое количество представителей нерусских этносов, в особенности кавказцев [14]. В то же время не раз встречались свидетельства того, что простые жители горских аулов оказывали голодающим действенную помощь (у горцев продукты властями не изымались) [15].

Акции по изъятию продовольствия имели исключительно карательный характер, а вовсе не преследовали цели восполнения недостающего на нужды индустриализации зерна, как о том твердила советская пропаганда [16]. Это подтверждают даже официальные документы, фиксирующие ничтожное количество изъятых в конце 1932 г. у так называемых «кулаков» зерновых [17]. Многочисленные устные рассказы ещё более подкрепляют наше мнение, ярко расцветившая сами методы и формы изъятия, наиболее убедительно доказывающие корректность употребления термина «голодомор» применительно к разыгравшейся трагедии. Как подтверждает большинство респондентов, значительная часть станичников лишалась любого продовольствия, вплоть до пищевых отходов [18]. По образному выражению одного из информаторов – вообще «права на питание». Само изъятие сопровождалось откровенным садизмом, который выражался как в моральной, так и физической форме (демонстративное глумление над голодающими, изощренные пытки и убийства) [19]. Зачастую станичники лишались также предметов первой необходимости: одежды, постельного белья, сельскохозяйственного инвентаря [20]. Семьи оставшихся в станицах «кулаков» изгонялись из собственных домов, что являлось абсолютной гарантией скорой смерти. Свидетели ряда станиц подтверждают фактически полное их очищение от взрослого мужского населения, высланного или физически уничтоженного во время голодомора [21]. Не удивительно поэтому, насколько откровенным был произвол «комсодов», не встречавший практически никакого сопротивления со стороны деморализованных кубанцев.

Вызывает интерес то, как станичникам всё же удавалось выжить во время голодомора.

доставали из них запасы, сделанные зверьками [37]. Голодные люди ели собак, кошек, крыс, мышей, пресмыкающихся и насекомых [38]. Всякие пищевые табу оказались сняты [39].

Политика террора и постоянного отъёма продовольствия не позволяла станичникам делать запасы. Добывать пищу мешало и общее истощение организма от голода [40].

Старожилы отмечают, что нередко были случаи людоедства. Чаще всего взрослые ели детей [41] (иногда в роли каннибалов выступали родители) [42]. Нередко убивали живых людей. Были случаи некрофагии [43].

В итоге многие кубанские станицы потеряли значительную часть коренного населения. По причине голода людьми овладевала слабость и апатия. Теряли свою актуальность моральные установки [44]. Поэтому станичники, как правило, не относили своих умерших родственников на кладбище. Многих, в особенности детей, хоронили во дворах и огородах [45]. Других отвозили на кладбище специально назначенные люди. Они ездили по дворам, и, подцепив умершего крюком, укладывали на телегу [46]. Потом его увозили и зарывали в общей могиле без какого-либо обряда [47]. Иногда хоронить отвозили ещё живых умирающих станичников [48].

Во время голода станицы Кубани дичали. Улицы зарастали бурьяном, пустые дома ветшали и разрушались [49]. Численность населения резко сокращалась. Оставшиеся в живых были малоподвижны и опухали от голода [50]. Резко снижалось количество домашних животных. Оставшихся станичники прятали и тщательно охраняли. Зато появлялись дикие звери. Так, в станице Новолабинской поселились волки [51]. На территории населённых пунктов возникали обширные пустыри. В ряде мест они заметны и по сей день (Например, станица Николаевская) [52].

Голод 1932 – 1933 гг. отложился в народной памяти в яркой и структурированной форме. Она выделяет причины голода (действия местных / центральных властей), страдания и гибель людей во время голода и попытки спастись от него. А так же последствия голода – изменение состава населения станиц, вымирание отдельных половозрастных групп, частичное разрушение поселений.

Голод остался в представлении кубанцев как время хаоса – время подмены жизни смертью, традиционных норм жизни –

господством безнравственности. Хотя люди использовали при описании голода словесные клише официальной пропаганды (саботаж), они отвергли содержательную суть официозных установок.

Примечания

1. Алексеенко И.И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX века. Краснодар, 1993. С. 25, 34.
2. Там же. Указ. раб. С. 39 – 62.
3. Конквест Р. Жатва скорби. Реестр смерти // Вопросы истории. 1990. №4. С. 86, 93.
4. Голод 1932 – 1933 годов: «геноцид украинского народа» или общая трагедия народов СССР? // Круглый стол в Центре украинистики и белорусистики исторического факультета МГУ. 10 декабря 2007 года.
5. Кульчицкий С. Смертельный водоворот. Рождение и гибель украинской Кубани // www.day.kiev.ua/178897 (март 2008 г.).
6. Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция (далее – КФЭЭ) – 1996. Аудиокассета (далее - А/к.) – 937. Краснодарский край, Тихорецкий р-н., ст. Новорождественская, информатор (далее - инф.) – Сивцов И.С., исследователь (далее - иссл.) – Матвеев О.В.
7. КФЭЭ – 1996, А/к – 1202. Краснодарский край, Отрадненский р-н, ст. Передовая, инф. – Красников И.Г., 1910 г.р., иссл. – Матвеев О.В.
8. КФЭЭ – 1996. А/к. – 945. Краснодарский край, Тихорецкий р-н, ст. Новорождественская, инф. – Лунёв С.М., Каплун Л.М., иссл. – Матвеев О.В.; КФЭЭ – 1995., А/к. – 820. Краснодарский край, Северский р-н, ст. Григорьевская, инф. – Трофименко В.В., иссл. – Матвеев О.В., Сытенко Д.
9. КФЭЭ – 2001. А/к. – 2327. Краснодарский край, Каневской р-н, ст. Челбасская, инф. – Беда П.И., иссл. - Матвеев О.В.
10. КФЭЭ – 2003. А/к № 2989, Краснодарский край, Павловский р-н, ст. Незамаевская, инф.- Капуста Даниил Иванович, 1915 г. р., местный казак, иссл.- Зудин А. И.
11. КФЭЭ – 2006. А/к № 3656. Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Губская, инф. - Двойникова Ефросинья Дмитриевна, 1921 г. р., местная казачка, иссл. - Зудин А. И.; КФЭЭ – 1995, А/к – 819, Краснодарский край, Северский р-н, ст. Григорьевская, инф. – Сивовол Е.Т., иссл. – Матвеев О.В., Сытенко Д.; КФЭЭ – 2001. А/к. – 2327. Краснодарский край, Каневской р-н, ст. Челбасская, инф. – Беда П.И., иссл. - Матвеев О.В.
12. КФЭЭ – 1996. А/к. – 945. Краснодарский край, Тихорецкий р-н, ст. Новорождественская, инф. – Лунёв С.М., Каплун Л.М., иссл. – Матвеев О.В.; КФЭЭ – 2008 г., А/к. - 4040., Краснодарский край., Усть-

- Лабинский р-н, ст. Новолабинская., инф. - Серикова Мария Алексеевна, 1916 г. р., местная казачка., иссл.- Воронин В. В.
13. КФЭЭ – 2007., А/к. - 3859., Краснодарский край, Выселковский р-н, ст. Новобейсугская, инф. - Калугин Николай Иванович, 1946 г. р., местный казак, иссл.- Воронин В. В.
14. КФЭЭ – 2003. А/к - 2989, Краснодарский край, Павловский р-н, ст. Незамаевская, инф.- Капуста Даниил Иванович, 1915 г. р., местный казак, иссл.- Зудин А. И.; КФЭЭ – 2003. А/к. - 2989, Краснодарский край, Павловский р-н, ст. Незамаевская, инф.- Бутник И.А., иссл.- Зудин А. И.
15. КФЭЭ – 2003., А/к. – 2840., Краснодарский край, пос. Пашковский, инф. – Евтушенко В.Г. (1910 г.р.), во время голода жила на Х. Городском, иссл. - Хачатрян С.Ю.; КФЭЭ – 2006. А/к. - 3505., р. Адыгея., Гиагинский р-н, Ст. Дондуковская., инф.- Люлюков Александр Васильевич, 1919 г. р., местный казак, иссл.- Бондарь Н. И.
16. Чёрная книга коммунизма. М., 1999. С. 167.; КФЭЭ – 2007. А/к. - 3710. Краснодарский край, Кореновский р-н, Ст. Дядьковская, инф. - Мисько Андрей Михайлович, 1918 г. р., местный казак, иссл. - Зудин А. И.
17. Черная книга коммунизма. М., 1999. С. 171 - 172.
18. КФЭЭ – 2002. А/к. – 2703. Краснодарский край, Брюховецкий р-н, х. Полтавский, инф. – Власенко П.И. иссл. – Бондарь Н.И.
19. КФЭЭ – 2004. А/к. – 3078. Краснодарский край, Красноармейский р-н. Ст. Чебургольская, инф. – Завада Л.Т., 1926 г.р. (родилась в станице Ново - Николаевской), иссл. – Воронин В.В.; КФЭЭ – 1995. А/к. – 760. Краснодарский край, Славянский район, ст. Черноерковская, инф.- 1904 г. р. Берёза А.Г., 1919 г.р., иссл. – Самовтор С.В.
20. КФЭЭ – 2008, А/к. - 4048, Краснодарский край, Усть-Лабинский р-н, ст. Новолабинская, инф.- Щурова Александра Алексеевна, 1920 г. р., местная казачка, иссл. - Зудин А. И.; КФЭЭ – 1995. А/к – 785. Краснодарский край, Северский р-н, ст. Новодмитриевская, иссл. – Матвеев О.В., инф. – Антоненко В.В., Ермак П.А., Головки И.С., Певнёв Т.И.
21. КФЭЭ – 1996. А/к № 1044. Краснодарский край, Тихорецкий район, ст. Архангельская, инф.- Пелипенко Василий Филиппович, 1913 г. р., из иногородних, иссл. - Матвеев О. В.
22. Осколков Е.Н. Голод 1932/1933 года. Хлебозаготовки и голод 1932 – 1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов – н/Д., 1991. С. 75.
23. Ракачёв В.Н., Ракачёва Я.В. Народонаселение Кубани в XX веке. Историко-демографическое исследование. Краснодар, 2007. Т. 2. С. 37, 40.; КФЭЭ – 1999. А/к. – 2031. Краснодарский край, Успенский район, станица Николаевская, инф. – Караченцев Н.Г., иссл. – Бондарь Н.И.; А/к. – 2589. Краснодарский край, Гулькевический р-н, х. Кравченский, инф. – Зенина Е.Д. (из станицы Темижбекской), иссл. – Хачатрян С.Ю.

24. КФЭЭ – 2006 г., А/к № 3633., Краснодарский край, Мостовской р-н, Ст. Переправная, инф.- Асеев Иван Михайлович, 1929 г. р., местный казак., иссл.- Зудин А. И.; КФЭЭ – 95, А/к 798, Краснодарский край, Северский р-н, ст. Новодмитриевская, инф – Архипенкова М.Т., 1908 г.р., иссл. – Кирий О.А., Пьянкова Н.А.
25. КФЭЭ – 1999 г. А/к – 1758. Краснодарский край, Тбилисский р-н, ст. Нововладимировская, инф.- Черенкина Т. Д., 1915 г. р., местная казачка., иссл.- Воронин В. В.; КФЭЭ – 1995. А/к. – 907., Краснодарский край, Северский р-н, ст. Крепостная, инф. – Феофанова И.С., иссл. – Бахмет Ю.Н, Кирий О.А.
26. КФЭЭ-1996. А/к. - 1072. Краснодарский край, Отрадненский р-н, ст.Удобная, инф. - Онищенко Г.Т., 1907 г.р., иссл. - Матвеев О.В.
27. КФЭЭ – 2003. А/к. – 2978. Краснодарский край, Павловский р-н, ст. Новопетровская, инф. – Курбала М.Г. (1931 г.р.), Романова И.З. (1929 г. р.), Петренко Д.А. (1928 г. р.), иссл. - Хачатрян С.Ю.
28. КФЭЭ – 2004. А/к. – 3078. Краснодарский край, Красноармейский р-н. Ст. Чебургольская, инф. – Завада Л.Т., 1926 г.р. (родилась в станице Ново- Николаевской), иссл. – Воронин В.В.
29. КФЭЭ – 2007. А/к № 3710. Краснодарский край, Кореновский р-н, Ст. Дядьковская, инф. - Мисько Андрей Михайлович, 1918 г. р., местный казак, иссл. - Зудин А. И.; КФЭЭ – 1995. А/к. – 746. Краснодарский край, Славянский р-н, ст. Черноерковская, инф. – Соколов Д.С., 1925 г.р., Соколова А.Т., 1929 г.р., иссл. – А.Н. Мануйлов.
30. КФЭЭ – 1993. А/к. – 461. , республика Адыгея, Майкопский р-н., ст. Севастопольская, инф. – Зайко В.В. (1925 г.р.), Синко В.Н. (1927 г. р.), Головкина Т.Н. 1931 г.р.), иссл. - Бондарь Н.И.
31. КФЭЭ – 2005., А/к. – 3276., Краснодарский край, Новопокровский р-н., ст. Ильинская., инф. – Сухинин Д.К., иссл. – Матвеев О.В.; КФЭЭ – 2000. А/к. – 2153. Краснодарский край, Калининский р-н., х. Гречаная Балка, инф.- Сидоренко С.В., 1920 г.р., иссл. - Буланкин А.А., Буланкина Е.П.
32. КФЭЭ – 2000. А/к. – 2151. Краснодарский край, Калининский р-н., х. Могуковорский, инф. - Воропаев А.М., Кузьминская К.И., иссл. - Матвеев О.В.
33. КФЭЭ – 1995. А/к. – 746. Краснодарский край, Славянский р-н, ст. Черноерковская, инф. – Соколов Д.С., 1925 г.р., Соколова А.Т., 1929 г.р., иссл. – А.Н. Мануйлов.; КФЭЭ – 2004. А/к. – 3124. Краснодарский край, Темрюкский р-н, ст. Вышестеблиевская, инф. - Черненко М.Я., иссл. – Матвеев О.В.
34. КФЭЭ – 1995. А/к. – 906., Краснодарский край, Северский р-н, ст. Крепостная, инф. – Феофанова И.С., иссл. – Бахмет Ю.Н., Кирий О.А.
35. КФЭЭ – 2003. А/к. – 2978. Краснодарский край, Павловский р-н, ст. Новопетровская, инф. – Курбала М.Г. (1931 г.р.), Романова И.З. (1929 г. р.), Петренко Д.А. (1928 г. р.), иссл. - Хачатрян С.Ю.; КФЭЭ –

1995. А/к 798, Краснодарский край, Северский р-н, ст. Новодмитриевская, инф – Архипенкова М.Т., 1908 г.р., иссл. – Кирий О.А., Пьянкова Н.А.; КФЭЭ – 1995. А/к. – 718. Краснодарский край, Северский р-н., ст. Новодмитриевская, инф. - Винниченко Н.М., Ермак Н.С., Колиниди А.А., иссл.- Матвеев О.В., Сытенко Д.
36. КФЭЭ – 2003., А/к. – 2840., Краснодарский край, пос. Пашковский, инф. – Евтушенко В.Г. (1910 г.р.), во время голода жила на Х. Городском, иссл. - Хачатрян С.Ю.
37. КФЭЭ – 2005., А/к. – 3276., Краснодарский край, Новопокровский р-н., ст. Ильинская., инф. – т Сухинин Д.К., иссл. – Матвеев О.В.
38. КФЭЭ – 2007 . А/к - 3743, Краснодарский край, Кореновский р-н, ст. Раздольная, инф. - Пелехов Иван Романович, 1927 г. р., местный казак, иссл.- Воронин В. В.
39. КФЭЭ – 1995. А/к – 712. ст. Краснодарский край, Славянский р-н, Петровская, инф. – Курина (Гайдарь) Р.Е.1920 г.р., казачка, иссл. - Бондарь Н.И.; КФЭЭ – 2004. А/к. – 3078. Краснодарский край, Красноармейский р-н. Ст. Чебургольская, инф. – Завада Л.Т., 1926 г.р. (родилась в станице Ново - Николаевской), иссл. – Воронин В.В.
40. А/к. – 2589. Краснодарский край, Гулькевический р-н, х. Кравченский, инф. – Зенина Е.Д. (из станицы Темижбенской), иссл. – Хачатрян С.Ю.; КФЭЭ – 2008, А/к. - 4048, Краснодарский край, Усть-Лабинский р-н, ст. Новолабинская, инф.- Щурова* Александра Алексеевна, 1920 г. р., местная казачка, иссл.- Зудин А. И.
41. КФЭЭ – 1996. А/к. – 974. Краснодарский край, Тихорецкий р-н, ст. Фастовецкая, инф. – Резников П.И., 1918 г.р., иссл. – Матвеев О.В.; КФЭЭ – 1995. А/к. – 767. Краснодарский край, Северский р-н, ст. Новодмитриевская, инф. – Крупко М.Г., иссл. – Жиганова С.А..
42. КФЭЭ – 1997. А/к. – 1244. Краснодарский край, Курганинский р-н, Ст. Темиргоевская, инф. – Кролёв П.Е., 1904 г.р., иссл. – Матвеев О.В., Мартынюк Л.С.
43. КФЭЭ – 2004. А/к. – 3078. Краснодарский край, Красноармейский р-н. Ст. Чебургольская, инф. – Завада Л.Т., 1926 г.р. (родилась в станице Ново - Николаевской), иссл. – Воронин В.В.; КФЭЭ – 2008 г., А/к. - 4040., Краснодарский край., Усть-Лабинский р-н, ст. Новолабинская., инф.- Серикова Мария Алексеевна, 1916 г. р., местная казачка., иссл. - Воронин В. В.
44. КФЭЭ – 2008, А/к - 4048, Краснодарский край, Усть-Лабинский р-н, Ст. Новолабинская, инф.- Щурова Александра Алексеевна, 1920 г. р., местная казачка, иссл.- Зудин А. И.; КФЭЭ – 2005. А/к. – 3231., Краснодарский край, Новопокровский р-н., ст. Калниболотская, инф. – Майдибор Г.М., иссл. – Жиганова С.А.
45. КФЭЭ – 1996. А/к. – 985., Краснодарский край, Тихорецкий р-н, ст. Фастовецкая., инф. – Базгин И.И., 1923 г.р., иссл. - Матвеев О.В.;

- КФЭЭ – 1995. А/к. – 718. Краснодарский край, Северский р-н., ст. Новодмитриевская, инф. - Винниченко Н.М., Ермак Н.С., Колиниди А.А., иссл.- Матвеев О.В., Сытенко Д.
46. КФЭЭ – 2001. А/к. – 2401., Краснодарский край, Каневской р-н, ст. Новоминская, инф. - Недбайло И.И., иссл. – Бондарь Н.И.
47. КФЭЭ – 1999. А/к. – 1832. Ставропольский край, станица Расшеватская, инф. – Маслов И.С., 1913 г.р., иссл.- Матвеев О.В.; КФЭЭ – 2004. А/к. – 3078. Краснодарский край, Красноармейский р-н., ст. Чебургольская, инф. – Завада Л.Т., 1926 г.р. (родилась в станице Ново - Николаевской), иссл. – Воронин В.В.; КФЭЭ – 2008 ., А/к № 4041., Краснодарский край, Усть-Лабинский р-н, ст. Новолабинская., инф.- Хамчичёва Агриппина Ивановна, 1917 г. р., иногородняя., иссл.- Воронин В. В.
48. КФЭЭ – 2006. А/к № 3620. Краснодарский край, Мостовской р-н, ст. Переправная, инф.- Пономаренко Михаил Антонович, 1925 г, р., Спицын Иван Андреевич, 1928 г.р., иссл.- Матвеев О. В.
49. КФЭЭ – 2008 ., А/к № 4041. Краснодарский край, Усть-Лабинский р-н, ст. Новолабинская., инф.- Хамчичёва Агриппина Ивановна, 1917 г. р., иногородняя, иссл.- Воронин В. В.; КФЭЭ – 2008, А/к. - 4048, Краснодарский край, Усть-Лабинский р-н, ст. Новолабинская, инф.- Щурова Александра Алексеевна, 1920 г. р., местная казачка, иссл.- Зудин А. И.
50. КФЭЭ – 2003. А/к. – 2978. Краснодарский край, Павловский р-н, ст. Новопетровская, инф. – Курбала М.Г. (1931 г.р.), Романова И.З. (1929 г. р.), Петренко Д.А. (1928 г. р.), иссл. - Хачатрян С.Ю.; КФЭЭ – 1995. А/к. – 785. Краснодарский край, Северский р-н, ст. Новодмитриевская, иссл. – Матвеев О.В., инф. – Антоненко В.В., Ермак П.А., Головки И.С., Певнёв Т.И.
51. КФЭЭ – 2008. А/к. – 4055. Краснодарский край, Усть-Лабинский р-н., ст.Новолабинская, инф. – Филиппская Е.Д., иссл.- Васильев И.Ю.
52. КФЭЭ – 1999. А/к - 2031, Краснодарский край, Успенский р-н, ст. Николаевская, инф.- Караченцев Николай Григорьевич, 1921 г. р., местный казак, иссл.- Бондарь Н. И.; КФЭЭ – 1996. А/к. – 985., Краснодарский край, Тихорецкий р-н, ст. Фастовецкая., инф. – Базгин И.И., 1923 г.р., иссл. - Матвеев И.Ю.

В.А. Бондарев, Т.А. Самсоненко (г. Новочеркасск)

КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАКАЗ: ТЕМА ГОЛОДА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПРЕССЕ 1930-Х ГГ.

Великий голод 1932 – 1933 гг. мог нанести сильнейший удар по престижу Советского Союза как «государства трудящихся», где интересы граждан, якобы, ценились превыше всего. Поэтому советско-партийное руководство стремилось замолчать эту народную трагедию, фактически введя запрет на ее освещение в прессе. Такая позиция была озвучена творцом аграрной политики, приведшей к голоду – И.В. Сталиным. Выступая в январе 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) с докладом «Итоги первой пятилетки», Сталин довольно самокритично признал: «конечно, мы еще не добились того, чтобы полностью обеспечить материальные запросы рабочих и крестьян. И едва ли мы добьемся этого в ближайшие годы». Но дальнейшие слова «вождя» прозвучали как прямая угроза всем критикам колхозной системы, пытавшимся, помимо прочего, осуждать ее за несправедливый принцип распределения продукции, ставший одной из причин голода 1932 – 1933 гг.: «мы несомненно добились того, что материальное положение рабочих и крестьян улучшается у нас из года в год. В этом могут сомневаться разве только заклятые враги Советской власти» [1]. Как отмечал Е.Н. Осколков, впервые в региональной южнороссийской историографии исследовавший вопросы голодомора 1932 – 1933 гг., сталинские изречения представляли собой «заведомую ложь». Но именно этой самой ложью «на тему голода был наложен запрет, как оказалось, на десятки лет. Голод был объявлен несуществующим. Кто бы решился вести о нем речь и оказаться в числе «заклятых врагов Советской власти?» [2]

Однако масштабы Великого голода были настолько велики, что полностью замолчать эти ужасающие события не представлялось возможным. И сам Сталин, и нижестоящие представители советско-партийного руководства поневоле были вынуждены затрагивать тему голода в своих речах и выступлениях. В феврале 1933 г. председатель Северо-Кавказского крайисполкома В.Ф. Ларин, выступая на первом Северо-Кавказском краевом съезде колхозников-ударников, признал: «было бы неправильно, нечестно,

неверно отрицать, что в этом году многие колхозники переживают трудности, каких они не испытывали в прошлом и позапрошлом годах» [3]. Немного ранее даже Сталину, выступавшему на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников, пришлось высказаться по поводу сложного положения коллективизированной деревни. Не краснея, «отец народов» элементарно наврал в лицо делегатам съезда, заявив им, что «главные трудности уже пройдены, а те трудности, которые стоят перед вами, не стоят даже того, чтобы серьезно разговаривать о них. Во всяком случае, в сравнении с теми трудностями, которые пережили рабочие лет 10 – 15 тому назад, ваши нынешние трудности, товарищи колхозники, кажутся детской игрушкой» [4]. И это говорилось в то время, когда по всей стране колхозники тысячами умирали от голода, а по деревням шныряли местные и городские партийцы, комсомольцы, «активисты», выколачивая из крестьян даже то зерно, которое им было выдано на честно выработанные трудодни!

Несмотря на негласный запрет, тему голода 1932 – 1933 гг., помимо представителей власти, затронули писатели и журналисты. Однако не следует думать, что советские «инженеры душ» пытались хоть как-то разоблачить злодеяния сталинского режима. Напротив, и литература, и пресса, выполняя четкий социально-политический заказ, отстаивали официальную версию произошедших событий, согласно которой в «продовольственных затруднениях» 1932 – 1933 гг. была виновата никак не советская власть, а «кулаки», «вредители», «контрреволюционеры» разных мастей.

Среди литературных произведений в данном случае наиболее характерен роман «Бруски» – известный в советский период, а ныне прочно и заслуженно забытый опус одного из классиков соцреализма, Ф.И. Панферова. В «Брусках» вполне реалистично описывается голод в поволжском селе Полдомасове, которое характеризуется как «кулацкая твердыня». Кирилл Ждаркин, – главный герой романа, выросший из простого крестьянина до крупного советского чиновника (который, как и другие функционеры «сталинского» образца, не считается с чужим мнением и легко записывает во «врагов» всех сомневающихся в правильности «генеральной линии»), – приезжает в Полдомасово и убеждается в том, что «все село мертвяками завалили». На въезде в село Ждаркину «то и дело попадались лошадиные трупы с обглоданными ребрами, а неподалеку от них – разбитые телеги или брошенные сани. Но кое-где виднелось и более страшное, чудовищное,

на что Кирилл не мог без содрогания смотреть. Вон совсем недалеко от дороги сидит на корточках рыжебородый мужик и крепко держится за задок саней, точно боится, как бы они не ускользнули. Он вскинул голову кверху и, кажется, вот-вот встряхнет ею и крикнет,... но на голове у него вместо шапки слой снега. Лед с головы спускается на шею и тянется по спине». И Ждаркин понимает, что мужик мертв. А по улицам села разъезжают сани, на которые складывают трупы умерших от голода крестьян [5].

Однако голод в «Брусках» объясняется исключительно в рамках официальной версии – как результат подрывной деятельности «врагов народа»; даже реалистическое описание трагедии необходимо Парфенову лишь для того, чтобы подчеркнуть всю глубину грехопадения «кулаков» и «контрреволюционеров». В романе помещен сюжет о подготовке голода неким жандармским полковником, участником карательных экспедиций А.В. Колчака, который в образе юродивого монаха скитается по деревням и постоянно вредит, чем может, колхозной системе. В разговоре со своими сторонниками полковник говорит о голоде как об эффективном методе провоцирования недовольства населения советской властью: «не удалось мечом, бей голодом, мором. Мор, как бушующее море, напустить» [6]. Описывая же голод в Полдомасове, Парфенов делает его виновниками примазавшихся к власти «кулаков» или их родственников (таков, например, председатель сельсовета, племянник «кулака»), бюрократов и местных партийно-советских чиновников, которые, однако, являются не твердокаменными сталинцами, а нераскаявшимися троцкистами [7]. Усиливая идеологизированную версию о голоде как результате происков «врагов народа», Парфенов подчеркивает, что голодают только жители Полдомасова, а в других деревнях и селах с продовольствием все в порядке: Ждаркину «по пути встречались колхозы, села, и даже при беглом осмотре их было видно», что крестьяне здесь «довольны и живут не так-то плохо» [8].

Получается очень логично – «враги народа» специально морят полдомасовцев голодом, чтобы вызвать в селе антисоветское восстание. Но тут появляется супергерой, – Кирилл Ждаркин, – который без всяких разрешительных бумажек раздаст хлеб крестьянам и корма животным, а также пачками отправляет всех «врагов» в ГПУ. Парфенов, видимо, думал, что действия Ждаркина должны вышибить у читателя слезу и вызвать прилив

верноподданнической любви к советской власти и лично к «товарищу Сталину». Но этот «хэппи-энд» получился слишком фантастическим. Во-первых, потому, что до этого Ждаркин, обуреваемый мечтой о «коммунистическом рае», на страницах романа неоднократно демонстрировал презрение к естественным потребностям обычных людей, крестьян, – к потребностям в пище, в жилье, и т.п. Во-вторых, хорошо известно, каким суровым наказаниям сталинский режим подвергал местных руководителей, пытавшихся сначала накормить колхозников, а уж потом выполнять непомерно завышенные хлебозаготовки. Тому пример – трагическая судьба секретаря партийной ячейки станицы Отрадной Тихорецкого района Северо-Кавказского края Н.В. Котова и его сторонников, расстрелянных за то, что они выдали колхозникам на трудодень не 491 грамм зерна (как требовало краевое руководство), а около 1 кг [9]. Если бы Ждаркин действовал не на страницах литературного произведения, а в реальной жизни, то он, как минимум, был бы расстрелян сталинскими опричниками несколько раз.

Любопытно, что Парфенову все же не удалось скрыть истинных виновников голода, каковыми являлись Сталин и его приспешники, обуреваемые идеей «принудительного осчастливливания советского народа» [10] (даже ценой гибели народа по пути к всеобщему счастью). Один из отрицательных персонажей романа, – партийный функционер Жарков, – объясняя причины голода, говорит Ждаркину: «Конечно, лучше было бы, если бы этого не было. Но заводы-то ты строишь, а чем платишь за оборудование?... Мы отстали от Запада на пятьдесят, сто лет. Нам надо догнать Запад в десять лет. Так ведь говорил Сталин. Что ж, разве можно догнать и перегнать без жертв?» [11] Достаточно вспомнить известную сталинскую теорию об «обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму», чтобы понять: слова Жаркова о неизбежности жертв при модернизации СССР полностью соответствовали логике и духу преобразований «по-сталински».

В отличие от литературы, в советской прессе, по понятным причинам, не содержалось реалистичных описаний голодомора 1932 – 1933 гг. Зато журналисты обрушили громы и молнии на головы «кулаков» и «контрреволюционеров», которые, якобы, были повинны в голоде или же «симулировали» его, чтобы вызвать взрыв народного (и международного) возмущения политикой большевиков. Так, весной 1933 г. ОГПУ было арестовано более 70 сотрудников Наркомзема СССР, которым предъявили обвинения во

«вредительской деятельности» с целью подорвать колхозное производство «и вызвать голод в стране». После двухнедельного разбирательства 35 арестованных сотрудников наркомата земледелия были расстреляны, а остальных приговорили к различным срокам тюремного заключения [12]. По этому поводу некто М. Путиловский, одобряя вынесенный приговор, писал в июньском (1933 г.) номере журнала «Коллективист»: «враги народа, пользуясь положением и правами государственных служащих и прикрываясь своей технической квалификацией, пытались взять рабочих, колхозников и их семьи измором, обречь их на голод и вымирание... Остервенелые враги народа старались уничтожить колхозный скот, колхозных лошадей, поджигали и разрушали МТС, сознательно засоряли поля сорняками и растаскивали народное добро» [13].

Совместными стараниями властей и журналистов утверждения о виновности «кулаков», «вредителей» и «контрреволюционеров» в возникновении Великого голода 1932 – 1933 гг. стали в СССР аксиомой. Зачастую ретивые писаки и партийно-советские функционеры обвиняли «кулаков» даже в том, что те, якобы, в запале «классовой борьбы» морили голодом собственных жен и детей. В частности, первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев написал статью «Казачество в колхозах», которая в конце 1935 г. была издана отдельной брошюрой и опубликована в целом ряде периодических изданий (в том числе в газете «Правда» – рупоре компартии). В статье Шеболдаев, обозревая прошедшие события, писал о «сломе кулацкого саботажа» на Кубани в конце 1932 – начале 1933 гг. (то есть о выколачивании хлебозаготовок из колхозов и колхозников) в следующих выражениях: «озлобленность врага доходила до того, что отдельные матерые кулаки из казачества, скрывая от хлебозаготовок в ямах тысячи пудов хлеба, доводили себя и собственных детей до голодной смерти» [14]. Выдвигая подобные утверждения (которые, по меткому замечанию Ш. Фицпатрик, «отдавали патологией» [15]), представители сталинского режима снимали с себя всякую ответственность за трагические события 1932 – 1933 гг.

Все же, несмотря на доминировавшую тенденцию к умалчанию любых свидетельств о голодоморе, в СССР возникали ситуации, когда и властям, и журналистам приходилось-таки со всей определенностью говорить о голоде. Такая ситуация возникла летом 1933 г. в связи с

тем, что российские немцы, страдавшие от голода в равной мере с другими советскими колхозниками, стали направлять за рубежом призывы об оказании помощи. В итоге в Германии и Австрии началась кампания в защиту голодающих немцев СССР, достигшая пика в июле 1933 г. [16] Советская пресса следующим образом интерпретировала движение в защиту немцев-колонистов: «германская печать, находящаяся под контролем национал-социалистов, проводит за последнее время в организованном порядке систематическую резкую кампанию лжи и клеветы против СССР под предлогом «помощи немцам в СССР» [17].

В свою очередь, советское руководство летом 1933 г. начало в печати массированную пропагандистскую кампанию, имевшую целью «разоблачить клевету фашистов» и создать впечатление, что голода в СССР нет. В частности, в целом ряде июльских номеров газеты «Социалистическое земледелие» были помещены утверждения немцев-колхозников (в том числе проживавших на Юге России) об их хорошей жизни в СССР. Все эти письма и публикации были удивительно стереотипны и построены по единому принципу: немцы-колхозники выражали свое возмущение «клеветническими измышлениями фашистов о голоде в СССР», настойчиво доказывали, что по итогам 1933 г. у них будет достаточно продовольствия, и клялись в верности советской власти. Подобная стереотипность убедительно свидетельствовала об инсценировке этой «петиционной кампании» немцев-колхозников органами советской пропаганды.

Так, колхозница сельхозартели им. Карла Маркса Гнаденбургской МТС (Кабардино-Балкария) Анна Вайман утверждала в июле 1933 г.: «нет того дня, чтобы не было у нас на завтрак кофе, чая с молоком, хлеба с маслом. На обед – борщ или суп, мясо, картошка в масле. На ужин – опять суп, кофе, каша... И это ведь самые неважные дни. А ведь яйца, масло, птицы, сыр, творог, сметана, фрукты – ведь все это имеет каждый из нас. А вино? И это смеют называть голодом немцев-колхозников?» [18] В других письмах немцы-колхозники заявляли, что после распределения произведенной продукции на трудодни у них будет достаточно пищи. При изучении этих писем создается впечатление, что их авторы соревновались между собой в том, кто назовет наибольшую ставку оплаты трудодней. Например, немцы из села Мангейм (Республика Немцев Поволжья) уверяли, что «после выполнения всех обязательств и создания семенного фонда» в колхозе «на каждого едока» придется по 9 центнеров зерна [19]. Колхозники села Фрейдорф той же

республики писали: «Мы соберем со своих полей не меньше 20 тыс. центнеров хлеба. Из них мы сдадим установленное количество государству, уплатим свои долги (семенные, фуражные ссуды), рассчитаемся с МТС, создадим фонд для учителей и школы, для детских яслей и нетрудоспособных. После этого останется на каждый трудодень не меньше 12 килограммов зерна» [20]. В отдельных письмах размеры выдач на трудодень вырастали до 20 – 21 кг зерна! [21]

Конечно, часть утверждений немцев-колхозников об их обеспеченной жизни в той или иной мере соответствовала действительности. Но, вместе с тем, нетрудно заметить, что в этих утверждениях содержался элемент (и немалый) лукавства. Прежде всего, колхозники ничего не говорили о голоде 1932 – 1933 гг. Речь шла только о том, что по итогам урожая 1933 г. ожидаются высокие ставки оплаты трудодней. Тем самым советская сторона как бы вовсе и не искажала реальность: просто-напросто советские пропагандисты обходили сложные вопросы стороной, искусно подменяя одно суждение другим. Далее, восхищенные заявления о высоких ставках оплаты трудодней сами по себе ничего не значили. С 1933 г. размер госпоставок и натуроплаты МТС определялся по видовой урожайности. Видовая урожайность (то есть предполагаемое количество зерна, еще не убранного с полей) очень и очень существенно отличалась от урожайности амбарной, то есть от количества фактически собранного и складированного зерна. При видовой урожайности никак не учитывались потери при уборке, транспортировке, обмолоте и хранении зерна, которые в условиях бесхозяйственности, апатичного отношения к труду и хищений в коллективных хозяйствах были неизбежны.

Наконец, следует отметить, что советским пропагандистам, организовавшим «петиционную кампанию» советских немцев, не удалось скрыть очевидного: колхозники в СССР получали сельхозпродукты по остаточному принципу, что нередко вело к «продовольственным затруднениям». Выдачи на трудодни следовали только после выполнения «первой заповеди» (сдача хлеба государству по обязательным поставкам), возвращения государственных семенных и фуражных ссуд, натуральной оплаты за работы МТС (которая была введена как раз с 1933 г.). При разумном подходе в этом не было ничего предосудительного. Но трагедия заключалась в том, что колхозы отдавали тогда государству

и государственным организациям столько произведенной продукции, что остатков зачастую не хватало не только для развития собственной экономической базы, но и для поддержания на удовлетворительном уровне трудовой заинтересованности и самой работоспособности колхозников. Собственно, подобная практика и стала одной из ведущих причин голода 1932 – 1933 гг.

Итак, Великий голод 1932 – 1933 гг., ставший в СССР своеобразным «предметом умолчания», все же получил некоторое отражение в художественной литературе и периодической печати. В ряде случаев в литературных произведениях содержались реалистичные описания «продовольственных затруднений» в деревне, чего не встречалось на страницах периодики. Однако в объяснении причин голодомора советские литераторы и журналисты проявляли полное единодушие с представителями власти, заявляя, что виновниками этой народной трагедии являются разнообразные «враги народа», но никак не сталинский режим. При этом преобладающий лексикон «тружеников пера» толерантным не назовешь. Соответственно получалось, что успешная борьба с классовыми врагами социализма в состоянии обеспечить улучшение материально-бытовых условий колхозников и всех жителей страны, ибо уничтожение этих врагов, их общественная изоляция неизбежно приведет к продовольственному изобилию.

Примечания:

1. Сталин И.В. Итоги первой пятилетки. Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 7 января 1933 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1952. С. 200.
2. Осолков Е.Н. Голод 1932 / 1933. Хлебозаготовки и голод 1932 / 1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д., 1991. С. 5.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО), ф. 7, оп. 1, д. 1372, л. 49.
4. Сталин И.В. Речь на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. 19 февраля 1933 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1952. С. 243.
5. Панферов Ф.И. Бруски. Книга третья и четвертая. М., 1950. С. 353 – 355.
6. Там же. С. 218 – 219.
7. Там же. С. 355 – 360.
8. Там же. С. 353.
9. Осолков Е.Н. Голод 1932 / 1933. С. 47 – 51.
10. Там же, С. 3.
11. Панферов Ф.И. Указ. соч. С. 355.

12. Социалистическое земледелие. 1933. 5 марта; 15 марта.
13. Путиловский М. Сеять по-большевистски! // Коллективист. 1933. № 5 – 6. С. 8.
14. Шеболдаев Б.П. Казачество в колхозах // Колхозный путь. 1935. № 11. С. 4.
15. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 90.
16. ЦДНИ РО, ф. 166, оп. 1, д. 12, л. 74; Социалистическое земледелие. 1933. 11 июля; 20 июля.
17. Социалистическое земледелие. 1933. 11 июля.
18. Социалистическое земледелие. 1933. 24 июля.
19. Социалистическое земледелие. 1933. 16 июля.
20. Социалистическое земледелие. 1933. 14 июля.
21. Социалистическое земледелие. 1933. 24 июля.

В.П. Громов (г. Краснодар)

ГОЛОД 1932 – 1933 ГГ. В СУДЬБЕ МОИХ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ

Моя бабушка кубанская казачка ст. Курчанской Таманского отдела Гром Ольга Игнатовна в 39 лет. К тому времени у неё было семь детей. Младшим был мой отец. В 1919 г. бабушка вместе с группой казаков ст. Курчанской, выполнив решение сбора, переехала на земли, в районе ст. Бриньковской и основали хутор Курчанский. Первую зиму провели в землянке, а затем взялись за обустройство: построили хату, обзавелись хозяйством. Земельный надел составлял 70 десятин земли. В хозяйстве было к началу коллективизации: 2 пары волов, 6 лошадей, 6 коров, овцы и птица которые и счёта не знали. Все сыновья трудились по хозяйству, у каждого были свои обязанности. Накануне коллективизации построили на подворье огромный деревянный амбар под железной крышей. На колхозном дворе он простоял до конца 70 – х годов.

Ольга Игнатовна отказалась идти работать в колхоз. Хозяйство отдала, а детям сказала, что они могут поступать как хотят. Старшие сыновья разъехались, а дома остались мой отец и две его сестры: Галина и Ефросинья. Им то и пришлось перенести вместе с бабушкой голодовку 1932 – 1933 гг.

Впервые о голоде я услышал в середине 1960 – х годов. Тогда летними вечерами мужчины выходили на улицу и играли в

«домино», «козла забивали», а кто в лото. Тогда эта игра вошла в моду. Каждый называл номера, доставая «бочонки» из сумки, некоторым из них давали небольшие комментарии. Так вот, бочонок с цифрой «33» называли «голодовкой». Услышав это, я и заинтересовался у отца, что это означает. И здесь узнал всю правду о голоде на Кубани в 1932 – 1933 гг.

На уроке истории я спросил у учителя о голоде. Однако он резко оборвал меня: «Какой может быть голод в социалистическом государстве? Громов, не задавай провокационных вопросов!» Стало ясно, что эта тема закрыта и подлежала забвению. Но те, кто пережил голод, об этом не могли знать.

Отец мой, Гром Прокофий Иванович, 1916 года рождения, вспоминал, вопреки расхожему мнению, что в 1932 году был неурожай: урожай был хоть не столь обильный как прежде, однако вскоре зерно было вывезено из колхозных амбаров по хлебозаготовкам. Колхозникам раздали немного пшеницы. Семья бабушки получила на работающих моего отца и тётю. К осени 1932г. из колхоза забрали последнее зерно семенного фонда, вскоре взялись и изъяли у людей розданное ранее зерно. Первое время семьи спасались тем, что были запасы овощей, а работающим, выполнявшим норму, давали в колхозе обед. Народ начал бедствовать. У бабушки было несколько золотых пятирублёвых монет, которые за бесценок были сданы в Торгсин. Туда же было сдано оружие, пояс серебряный. Семья голодовала. От скудного пайка в колхозе ослабели отец и тётя, а бабушка начала пухнуть. К тому же в семью передали двух внуков бабушкины родители, которые умерли от голода, Нину и Валентину. Положение было сложное. Ситуацию спасло то, что во дворе бабушки стоял так и не перевезённый на колхозный двор амбар, ключ от которого был отдан в колхоз. Так вот, изъятое в очередной раз зерно было свезено в амбар и объявлено неприкосновенным запасом – семенным фондом. Однажды отец в поисках чего-либо съестного полез на чердак, нашел несколько засохших и уже закаменевших груш дичек, ссохшиеся в комок постолы из свиной кожи. И вдруг в толстом слое пыли он обнаружил ключ от амбара. О существовании его забыли и в колхоз отдали только один. Из постолов бабушка сварила суп, а во время обеденного перерыва, когда сторож уходил, отец пробирался в амбар и набирал зерна. Бабушка пшеницу молола и пекла из

зерна с лебядой «плящыки». Так и спасались, отец и сестры окрепли и вновь стали выходить на работу в колхоз.

Позже тема голода интересовала меня, и я искал объяснение этой трагедии народа. Ясно, что это было результатом проводимой в стране силовой коллективизации. Казакам не могли простить их активное участие в Гражданской войне и непринятие советской власти. Коллективизация и голод привели к коренным изменениям в психологии казаков, вольном духе. Приспособленчество стало нормой поведения. Изменилась и география расселения казаков. Те, кто был в силах, разъезжались по стране. Находили пристанище в республиках Северного Кавказа в крупных городах.

Не могу не рассказать о судьбе кубанского казака ст. Костромской Баева Ивана Васильевича и его жены Софьи Максимовны. И.В. Баев участник Гражданской войны на стороне белых, более того, именно им был пленен известный на Кубани командир Иван Кочубей. Вскоре после Гражданской войны властям кто – то сообщил о службе И. Баева. Он был арестован и сослан на десять лет первоначально на строительство Беломорского канала и канала Москва – Волга. Домой в станицу вернулся в 1935 году. К этому времени из-за голода умерли все шесть его детей. Когда началась коллективизация, жену казака И. Баева и детей как контрреволюционный элемент в колхоз не приняли. Семья была обречена на гибель. Первое время семья перебивалась всем, что можно было употребить в пищу, а затем один за другим умерли все дети. В живых осталась лишь жена София Максимовна. Но и она настолько ослабла, что однажды выйдя из хаты во двор, потеряла сознание. В это время по хутору ехала подвода собиравшая трупы умерших. Мужик, подойдя к лежавшей на земле женщине, чтобы убедиться в том что она мёртвая, ударил ногой по ключице, она застонала. Так бы и осталась Софья Максимовна умирать, но на следующий день в станицу приехала из Абхазии дочь её двоюродной сестры. Ничего о голоде она не знала, но была шокирована увиденным. Она забрала в Абхазию свою мать и Софью Максимовну. В Абхазии никакого голода не было, но поскольку у Софьи Максимовны была перебита ключица, то рука не действовала и работать ею она не могла. Так в Сухуми Софья Максимовна проживала у родственников в тоске и горе об умерших детях и неизвестной судьбе мужа.

Вернувшись в станицу И. Баев нашёл свою хату пустой и узнал о смерти детей. Кто-то из станичников сказал, что его жена уехала в Абхазию. Туда он и отправился на поиски жены. Не зная точного адреса, он целыми днями ходил по улицам в поисках родных. И вот однажды, уже потеряв надежду найти жену, он отправился в пекарню купить хлеба. И здесь у входа увидел одетую в лохмотья женщину, просившую милостыню. Когда их глаза встретились, то в постаревшей и измученной женщине он узнал жену, и она тоже узнала его. От этой неожиданной встречи София Максимовна потеряла сознание. Некоторое время они жили в Сухуми. В 1940 г. они переехали в х. Вольный на Кубани. К этому времени у них родилась дочь – Мария Ивановна Баева, которая и рассказала мне трагедию семьи.

Во время Великой Отечественной войны И.В. Баев с семьёй ушёл вместе с немецкой армией на Запад. Находился в Казачьем Стане. Но не доверял англичанам. Узнав о выдаче офицеров в Лиенце, ночью, забрав жену и дочь, ушел в горы, укрываясь в лесах, в зону, где ещё сохранялся снег. Спасла всех казачья бурка. Несколько дней они укрывались в горах, а затем, когда англичане прекратили поиски казаков, они спустились в долину.

Первое время семья проживала в Германии а затем переехала в США. При въезде в США американский офицер спросил его, воевал ли он в немецкой армии? И. Баев ответил, я служил в казачьей армии. Тогда последовал ещё вопрос, а почему Вы ушли из России? На это И. Баев ответил, моя семья столько испытала, что если бы черт пришёл, я бы и с ним ушёл.

Этот факт является свидетельством того, что советская власть проводила жестокую политику в отношении своего народа, казаков, ломала судьбы, характеры, всячески уничтожала людей. Не случайно в годы Великой Отечественной войны в рядах вермахта служили более 1 млн. советских граждан. Часть из них затем эмигрировала с отступающими немецкими войсками. Не последнюю роль в этом сыграл голод 1932 – 1933 г.

ГОЛОД 1932–1933 ГГ. НА КУБАНИ В ВОСПОМИНАНИЯХ СТАРОЖИЛОВ

«Я вот уже девятый десяток лет живу на этом свете и прошлое, пережитое, забыть не могу и не только не вспоминаю, но и при случае рассказываю другим, дабы из долгого моего жизненного опыта, новые поколения нашли что-то полезное и не повторяли тех ошибок, которые принесли бедствия их предкам».

Николай Леонтьевич Рой,
казак станицы Дядьковской

Голод – величайшее бедствие, трагедия, которую трудно себе представить во всём её драматизме и масштабности. Голод случается по разным причинам: неурожай, засуха, стихийные бедствия, но голод 1932-1933 гг. был осуществлён людьми, облечёнными властью над своим народом. В исторической науке голодомор зимой 1932 г. и весной 1933 г. длительное время замалчивался от исследования и общественного мнения, тогда его маскировали терминами – «рассказачивание», «раскрестьянивание» и др. Впервые о голоде мне, окончившей в 1973 г. исторический факультет Кубанского госуниверситета, стало известно не из лекций кубанских учёных и учебниках, а из воспоминаний тогда ещё живших свидетелей, переживших эту трагедию.

В середине 70-х гг. прошлого столетия музей стал проводить свои первые историко-этнографические экспедиции и командировки в кубанские станицы. В эти годы в станицах нам приходилось встречаться с 80-90 летними старожилками, и я стала вести дневник записей их воспоминаний. Старожилки свидетельствовали о том, что в 1932 г. собрали неплохой урожай, большая часть которого хранилась как семенной фонд. Все пережившие голод указывают на жестокое и циничное отношение представителей власти к голодающим. Казалось бы, в эти дни надо было создавать какие-то комитеты помощи, направлять хлеб и продукты, а вместо этого в станицы направлялись из Краснодара,

Ростова и других мест «щупальные» отряды, которые окружали станицы и изымали последние крохи зерна и продуктов. «Щупальцы» – так старожилы называли приспособления из металлических стержней на древке для поисков зерна. Участник такого отряда М. Жабский из станицы Переяславской рассказывал, что в эти «продотряды» в основном входили не жители станиц, а приезжие, студенты, которых записывали под страхом исключения, рабочие промышленных предприятий.

Особенную жестокость проявляли к жителям бывшего казачьего сословия. Волобуй П. Т. и Путинцева П. Ф. из станицы Брюховецкой рассказывали о том, что «заходили даже в те семьи, где все уже были пухлые от голода и забирали даже маленькие мисочки зерна и продуктов, не обращая внимания на слёзы и мольбы оставить это детям» [1].

Многие в своих воспоминаниях свидетельствовали о том, что голод создавался искусственно, для того, чтобы наказать за неповиновение и сопротивление вступить в колхозы, отдавать частную собственность, нажитую целыми поколениями казачьих семей, для того, чтобы физически уничтожить эту часть населения России и поселить для всех страх.

Осенью 1932 г. корреспондент газеты «Правда» Ставский, посетивший кубанские станицы, писал: «Стрелять надо вредителей» [2].

Продотряды ходили по домам даже ночью и изымали зерно – семечки, кукурузу, фасоль, горох. На вопрос о том, как относились станичники к тем, кто изымал продукты, большинство отвечали: «А, что их тоже заставляли, они хотели жить, у них тоже были дети».

Старожилы станицы Роговской Тимашевского района Рыбина В. И., Репринец Н. Ф. и станицы Пластуновской Динского района – Славянская Н. М., Рядченко П. Н. свидетельствовали о том, что зимой и весной 1933 г. «люди в станицах умирали на улицах и лежали как жердели», «никто не обращал внимания на трупы», «не было никаких сил, полное безразличие, у многих не было сил даже плакать», «пропадали дети, было людоедство» [3].

Питались в станицах – «чем попало»: речными ракушками, корой деревьев, кореньями, семенами трав. В станицах были сведены все собаки, кошки, мыши и крысы.

В бывших линейных станицах, с огромными лесными пространствами, большим спасением были: лесные орехи, ягоды,

фрукты, коренья. Старожил станицы Баговской В. Трубинин говорил: «были обглоданы все коренья у деревьев» [4]. Бывшие черноморские станицы пострадали от голода сильнее. Старожилы этих станиц рассказали о детских узелках – «дитячи узлыки». И небольшие тряпичные узелки завязывали горсточку любого зерна или луковку и прятали на верёвочке ребёнку на шею под рубашку, разрешали в день съесть 3–4 зернышка. Так надеялись сохранить жизнь своим детям. Старожил станицы Чепигинской М. Сидоренко вспоминала – «какие мы были послушные, как хотелось кушать, но мы покорно слушали родителей, крошечка зерна упадёт и ту подбирали» [5]. Кто-то донёс об этих узелках и ночью продотрядовцы будили сонных детей, срывали эти узелки, несмотря на мольбы и слёзы.

Старожилы кубанских станиц рассказали о «общественных ямах» – так назывались братские могилы, куда свозились умершие. Эти могилы обычно делались на краю станицы, часто на местах старых скотомогильников, умерших от заразных болезней животных. По улицам один раз в неделю ходила телега, куда собирали умерших. Обессилившие одинокие люди выползали умирать на улицу, чтобы их заметили и похоронили. Часто на телегу бросали еще живых людей. Старожил Сидоренко рассказывал о том, что «когда везли телегу, то она шевелилась и дышала. Соседка погрузила своего мужа, который был ещё жив со словами: «а что, когда ещё придёт телега, собаки его съедят или люди». Было какое-то бесчувствие и отупение. В станице Старолеушковской Павловского района были записаны в 1979 г. воспоминания Ульяны Яковлевны Оноприенко / Бардик, 1896 г.р. «Баба Оноприенчиха» – так её звали в станице. Ей удалось выбраться из такой могилы в январе 1933 г. Она рассказала, как упала без сил у калитки своего дома, её вечером отвезли ещё живую в «яму» и присыпали землёй. Ночью она очнулась, встать у неё не было сил, и она доползла к своей хате, потом «ещё долго заживали в кровь стёртые колени, руки, живот и долго снилась живая шевелящаяся братская могила» [6].

Такие случаи спасения были и в других станицах. Весной 1933г. находились смелые люди, которые писали письма Сталину с просьбой выдать голодающим немного зерна из семенного фонда. Так, например, такое письмо написал И. С. Кузнецов из станицы Роговской Тимашевского района. В 1937 г. он был объявлен врагом народа и расстрелян.

За более чем 35-летнюю работу в музее удалось читать дневники еще двух свидетелей голодомора. Это – дневники, II тетрадей, которые вёл в период голодомора сын священника станицы Должанской Ейского района Митрофан Попович. Назвал свою рукопись он «Гибель российского крестьянства».

Уникальными по содержанию являются и воспоминания, написанные из станицы Дядьковской Николая Леонтьевича Роя (1907 – 2008). Рукопись своих воспоминаний «Бегство из ада» он писал уже в Канаде и подарил автору в 1996 году во время своего посещения Краснодара. Это не только воспоминания, а пронзительная летопись пережитой трагедии голодомора и страданий целого поколения кубанских семей, это боль за всю Россию. Проезжая поездом на Тифлис, он всюду видел умирающих от голода, страдания. «В Армавире, на станции вижу, сидят две девочки, пухлые, прозрачные лица, одна шевеля губами, протягивает ручки, возле другой лавки лежит умершая женщина, а возле неё мальчик не плачет, а стогнет, а дальше вижу мимо спокойно ходят охранники и часовые» [7].

На вокзале станицы Кавказской он наблюдал сцены, как патрульные загоняли в вокзал пожилых женщин, которые прибыли поездом из Осетии и Грозного и раздевали их до нага и забирали привязанные к телу мешочки с кукурузной крупой. Об этом писал и в своих биографических очерках известный писатель зарубежья, казак станицы Кавказской Ф. И. Елисеев (1892 – 1987). Его бабушка, мама вместе с другими пожилыми женщинами ездили в Осетию и Грузию за кукурузной мукой и бабушка умерла в одной из поездок [8].

Елисеев, как и многие старожилы рассказывали, как в адыгейских аулах спасались от голода русские семьи и дети. Москаленко И. М., старожил станицы Новотитаровской Динского района, рассказала о детском доме в станице, куда в период голода свозили детей из семей, где умерли родители и взрослые члены семьи. «В голод умерло половина станицы. Як закидали яму, она три дня ходуном ходила, многие были живы». В станице сорок пять детей отдали в детский дом на ул. Заречной. Председатель колхоза очень плохо относился к детдому, дети были без одежды, спали на полу в соломе, на всех были одни деревянные башмачки. Детей кормили трухой, запрещали выходить на улицу. К весне сменился председатель, им стал местный житель – Романец.

При осмотре комнаты он был поражён нечеловеческими условиями и спросил: «А где же диты? Ведь это скилеты!, мои диточки, как только развиднеется, придут до вас и всё принесут, и одежду и пищу» [9]. Через несколько дней детям пошили одежду, обувь и они пошли в школу.

В семейных архивах большой редкостью являются фотографии 1932 – 1933 гг. Такую редчайшую фотографию сохранила жительница станицы Брюховецкой Гончарова Н.Е., в девичестве Стуконог. Она родом из известной казачьей семьи, её дед и отец отличились в спасении войсковых регалий в 1918 г. Её мама, оставшись с шестью детьми, предчувствуя гибель семьи, зимой 1932 г. сфотографировала свою семью и каждому дала по фотографии с просьбой её всегда сохранять и сказала: «Диты, если я помру, вы будите фотокарточкой любоваться и на мене дивитесь, а як вы пропадете, я буду на вас дивитесь». Весной 1933 г. мать Надежда Семеновна умирает, пропадает одна из сестёр, умирает младший брат. Оставшиеся три сестры идут в колхоз работать в поле, на ферму, брата Гришу берут в местный детдом, где он тяжело переболел брюшным тифом. Нина Евдокимовна вспоминала: «Мы с сёстрами утаили в колхозе по горсточке ячменя, дома заварили, получалось семь ложек. Вечером позовем из детдома брата, я ему отдам свою ложечку, а он скажет – «сестрица, я съел уже третью ложку, больше не буду, это твоя...» [10]. В 1941 г. Григорий Стуконог одним из первых пошёл из станицы Брюховецкой защищать свою Родину, ему тогда было 22 года.

Ценным источником по истории голодомора являются статьи, опубликованные в русских эмигрантских изданиях, в частности в журналах «Кавказский казак», издаваемых атаманом В. Г. Науменко в Белграде. Здесь публиковались письма, приходившие из кубанских станиц, рассказы очевидцев [11].

Пережитые события голодомора во многом послужили поводом к уходу в эмиграцию потомков кубанских казаков в период Великой Отечественной войны в 1943 г. Так, Н. В. Дубовский, проживающий в США, вспоминает о том, что в станице Пашковской вымер каждый третий двор. Их сосед В. Шаповал зимой 1932 г. стал изготавливать деревянные кресты для своих родственников, сделал до полусотни, крестами был заставлен весь

его двор. «Мы, казаки, все умрём – говорил он». Умерла семья и другого соседа Якова Тыщенко. Он был свидетелем того, как последний сын Тыщенко, Василий, сошёл с ума от голода и ел смлю.

Память о голоде жива в воспоминаниях его переживших и передается другим поколениям.

Примечания

1. Роман и жизнь. Материалы научно-теоретической конференции по роману Василия Барки – «Желтый князь». Краснодар, 1994 г., с. 32.
2. Левченко В. Чёрные доски // Кубанец. № 138, ноябрь 1990г., Нью-Джерси, США, с. 7-12.
3. Фонды КГИАМЗ. Дневник экспедиции в Тимашевском районе, 1986г.
4. Фонды КГИАМЗ. Дневник экспедиции в Мостовском районе, 1978г.
5. Фонды КГИАМЗ. Дневник экспедиции в Тимашевском районе, 1986г.
6. Воспоминания А. Оноприенко. Дневник командировки в станицу Старолеушковскую, 1979г. Личный архив автора.
7. Рой Н.Л. Бегство из ада. Рукопись. Торонто, Канада, 1988г., с. 39-42. Личный архив автора.
8. Елисеев Ф.И. Немного истории для семейной хроники Елисеевых. Нью-Йорк, 1969г., с.16.
9. Воспоминания И. М. Москаленко. Дневник командировки в станицу Новотитаровскую. 2000г. Личный архив автора.
10. Воспоминания Н. Е. Гончаровой. Дневник командировки в станицу Брюховецкую, 2004г. Личный архив автора.
11. Письма с Кубани // Кавказский казак. Белград, № 1, 1934г., с. 9-10.

Семья Стуконог. Станица Брюховецкая, 1932 г.

Старожил станицы Чепигинской М. Н. Сидоренко рассказывает о голоде. 1986 г.

Казачка станицы Старолеушковской У.Я. Оноприенко/Бардик
с супругом. Начало XX века.

ГОЛОД НА КУБАНИ В ПАМЯТИ КУБАНСКОГО УЧЕНОГО В.Ф. ПИСАРЕНКО

Предлагаемый текст представляет собою фрагмент интервью с основоположником региональной научной школы физики Виктора Федоровича Писаренко (1925 – 2007) и краткие комментарии к интервью. Вся жизнь этого ученого, за исключением одного года службы в армии во время Великой Отечественной войны и трех лет учебы в аспирантуре, связана с Краснодарским краем, а потому во многом детерминирована особенностями истории и культуры региона (1).

Интервью с Виктором Федоровичем Писаренко было проведено в рамках поддержанного РГНФ проекта «Метод устной истории в исследовании регионального научного сообщества» в два этапа – 3 и 17 февраля 2007 г. Желая стимулировать респондента на полноценный рассказ о своем жизненном пути, я предоставила ему свободу в выборе тем и биографическо-нарративных сюжетов.

Виктор Федорович Писаренко родился в станице Стародеревянковской Каневского района 14 февраля 1925г. Он так рассказал о своих корнях:

Папа – Федор Прохорович – 1893 года рождения. Он не то пятый, не то шестой ребенок в семье. Дед – заслуженный казак. Он 1828 года рождения, дети разбросаны по времени. Последний сын родился в 1901 году. Дед участвовал в Крымской войне. И в Русско-турецкой войне 1877–78-го годов вместе со старшим сыном Феокистом. Отец был младшим, кто служил в царской армии – участвовал в империалистической войне на турецком фронте пулеметчиком. Был рядовым. После революции при дележке имущества ему досталось тело пулемета. Его он поменял на мешок сахара. В 1918 году в период Советской власти его мобилизовали в Староминской, потом мобилизовали при Деникине. Служил в Екатеринодаре, водил автомобиль. Со мной как со старшим он немножко делился. Отец под конец бежал из армии, не пошел отступать, а вернулся в станицу со своим земляком вдоль железной дороги. Пешком. Мобилизовали его в Красную армию на Польский фронт. Опять был пулеметчиком. В 1924-м

демобилизовался. Начал заниматься сельским хозяйством. Отец женился, и в 1925 году родился я, а через 2 года дочь, в 1930-м – еще сын, потом еще сын.

Родители матери – Родион Мефодиевич Дикий, а бабушку не помню, как звали. Дедушка в мае 1933 года приезжал к нам, очень сильный мужчина. Мама – Мария Родионовна, 1900 года. При Деникине она училась в учительской семинарии в Полтавской. В этом здании до сих пор школа. В 1920 году ее старшего брата бандиты убили, когда он вез коммунистов на собрание в Ейск. Так и не нашли ни его, ни делегатов. Учебу пришлось прекратить, так как родители ее вызвали. Занималась сельским хозяйством. У мамы был абсолютный слух и огромный голос – контральто, колоссальный диапазон. Отец в детстве пел в церковном хоре.

Обратим внимание: в рассказе о двух поколениях акцент сделан на семье отца; особым ореолом окружен «заслуженный казак» – отец отца, которого внук никогда не видел. Вероятно, отец не просто «немножко делился» с ним, старшим сыном, воспоминаниями, но и доверил ему историю семьи, не утаив даже такие моменты, как собственная служба в деникинской армии.

Детские годы В.Ф. Писаренко совпали с массивным наступлением на мелкое крестьянское хозяйство и коллективизацией. Уже в хлебозаготовительных кампаниях 1927–1928 и 1928–1929 гг. применялись чрезвычайные меры. В эти годы, по свидетельству респондента, в профессиональной карьере отца произошли изменения:

Отца выбрали директором ссыпки (пшеницу собирали в определенном месте, чтобы потом вывезти). Но тут ему припомнили участие в Белой Армии. Нашей семье пришлось уехать из станицы. Поехали на хутор Сухие Челбасы Каневского района: там нужен был секретарь.

Кубань была одним из регионов «первой очереди» коллективизации. Важной ее составляющей стала высылка тех крестьян, которые сопротивлялись насильственному обобществлению скота и другого имущества. Виктор Федорович помнил, как ссылали семейство его друга Яши («Всю семью посадили на арбу и они уехали»).

Зимой 1932-33 г. На Кубани, как и в других регионах страны, разразился голод. По данным исследователей истории Каневского района, в 1932 г. в районе был убран хлеб, он стоял в

скирдах, а молотить его начали только зимой. Хлеб пропадал, а обессиленные люди ели траву, собак, кошек... Люди пухли от голода. Почти в каждой станице района люди долго обходили стороной некоторые дома, где в тот жуткий 1933 год ели людей (2). Свою картину голода представил в интервью В.Ф. Писаренко:

Хорошо помню голод 1932 г. Отец в то время работал в колхозе, так как у него было какое-то бухгалтерское образование. Он работал там как вольнонаемный, получал муку, продукты. В 1932 г. был очень хороший урожай. С токов свозили в центр усадьбу, а мы там рядом жили. Транспорт – лошади, ход (четырёхколесная тележка, у которой колеса соединялись дышлом). Я катался на дышле. Отец увидел и отругал. Я опять... Это было опасно, можно было упасть под дышло. Подвод было много. Летом выдали колхозникам и отцу положенное на трудодни. Белая мука и другие продукты... Но подошла поздняя осень. Сверху поступило распоряжение сдать еще большее количество зерна, пришлось собирать с колхозников. Люди начали его прятать, появилась комиссия по содействию, которая ходила по дворам. Отыскивали ямы, забирали хлеб. Кукуруза осталась неубранной, ее занесло снегом. Из-за этого развелось огромное количество мышей и хомяков. В следующий раз зарплату отец получил выточками (отходами от зерна). Из него делали лепешки. Это длилось до весны 1933 г. Она была особенно трудной. В станице забрали все съедобное, там съели собак и котов, началось людоедство. Мамина подруга приехала в гости к отцу и старшему брату и услышала, что брат сказал отцу, что она в теле и ее можно пустить на мясо.

Родители моей матери бедствовали. Одна из невесток убирала кукурузу из снега и пыталась пронести несколько початков, а на выходе дежурные обыскивали, ее арестовали, судили. Сидела в тюрьме легко одетой, потом в этом же поехала в поезде на Урал и не доехала до места назначения...

Мы с сестрой вместе с другими ходили на поле с перезимовавшей кукурузой. С лопатами раскапывали хомячьи запасы, но кукуруза прогоркла. В ступе кукурузу толкли и мама пекла чуреки. Ранней весной появились всходы щавеля и в чурек добавляли щавель. Вкус противный до невозможности. Потом колхоз организовал общественное питание. И мы ели кандёр – суп из кукурузной крупы. Ходили на кухню с посудой. Потом

стало лучше. На хуторе смертельных исходов не было, но некоторые опухли.

Сюжет «Голод на Кубани» инициировал респондент, то есть его высокая значимость была осознана. Рассказ В.Ф. Писаренко – не формальный пересказ событий 1932-33 гг., хотя такой вариант был вполне вероятен, учитывая многочисленные публикации о голоде, появившиеся в последние 20 лет. Это эмоциональные воспоминания о лично виденном и слышанном от родителей, родственников, знакомых. Особенно важным представляется включение в нарратив описания стратегий выживания взрослых и детей в условиях голода.

Примечания

1. Подробнее о В.Ф. Писаренко см. Аванесов А.Г., Еремеева А.Н. Виктор Федорович Писаренко: биография в контексте эпохи // История регионального научного сообщества: проблемы изучения / Отв. ред. А.Н. Еремеева. Краснодар: изд-во «Кубанькино», 2007. С. 31-56.
2. Простихина В.Ф., Коротичский И.А. Каневской район, к 75-летию образования //Каневчане. Историко-литературный альманах. 1999. №6-7. С. 11.

С.А. Жиганова (г. Краснодар)

ЛИХОЛЕТЬЯ 20-30 ГГ. XX ВЕКА КАК ТЕМА НАРОДНО-ПЕСЕННОГО ТВОРЧЕСТВА КУБАНСКИХ КАЗАКОВ

Недавние политические события всколыхнули волну интереса к фольклорным текстам о раскулачивании и голоде 30-х годов на территории бывшего СССР [1]. Несколько кубанских народных песен, сюжеты которых без сомнения связаны с голодом 1933 года и высылкой казаков, опубликованы В.В. Запорожец в одном из недавних выпусков журнала «Живая старина» [2]. Полевым исследователям хорошо известна редкость подобных материалов. Разыскание и запись песен с историческими сюжетами, посвященными раскулачиванию, высылке кубанских казаков и голоду 1933 года, особенно с развернутыми текстами, исполненных *на голос*, можно считать фактами особой собирательской удачи. Тем более велика ценность того факта, что крупнейший на Северном

Кавказе фонограммархив научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор» располагает рядом записей таких песен*. Представляется, что нет необходимости доказывать особый статус и значимость музыкальных текстов подобной тематики. Информация об условиях их сложения и дальнейшего функционирования позволяет ценить даже самые малые фрагменты и упоминания о фактах песнетворчества в то страшное для казачества время.

В традиционный репертуар в советские десятилетия влилось небольшое число собственно народных сюжетов и напевов. Общий корпус исполняемых музыкально-поэтических текстов пополнился в те годы образцами советской массовой песни, пришедших в села и станицы через клубную самодеятельность, киноэкраны, радиоприемники – продукцией, активно предлагаемой идеологическими структурами власти. Это предложение базировалось, в том числе, и на вполне разумных опасениях услышать в народных песнях разоблачительную оценку государственного строя в целом, качеств конкретных личностей и совершаемых ими действий. Отсюда жесткий контроль со стороны властных институтов за тем, что и кем поется в селах и станицах и, как следствие, явление *запрещенных* к исполнению песен. В данный круг заносились тексты, содержащие не только сообщение и народное мнение о какой-либо личности или событии, т.е. собственно исторические, но и эмоцию, рефлекссию философского характера, в которой угадывался намек на недовольство строем и ходом колхозной жизни.

Совершенно понятно, что песенные формы народного отклика на ужасающие события расказачивания и голода на Кубани целиком были отнесены к категории *запрещенных*. Эти песни никогда не исполнялись широко и открыто, но в большинстве случаев тайно, с опаской за свою дальнейшую судьбу: *«Мы вкратцах сами соби спиваем, а коменданту хто-то*

* Наличие в фонограммархиве целого ряда таких образцов связано с многолетней полевой работой Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции. Авторами записей, любезно позволившими их проанализировать, являются разные исследователи, в числе которых научный руководитель экспедиции Н.И. Бондарь, О.В. Матвеев, В.В. Воронин и др.

ж, наверно, доложив. Ну, и приезжает на работу, [...] расспрашивае, а потом каже: – Дивчата! Вы песню яку-то ся, думаем: – Посадют! –спиваетэ по-хохлацки. А ну, заспивайтэ! – А мы ж боимо ся, Вы нас посадитэ!А вин: – Ну, заспивайтэ, девочки, я вас прошу! – Мы боимо [...] Это ужас, какая песня была! Мы забулы со временем» [3]. Очевидны, таким образом, особо неблагоприятные условия, в которые был поставлен процесс трансляции песен о рассказывании и голоде, повлекшие плохую сохранность текстов.

Последнее, т.е. степень сохранности песен о бедах кубанских казаков во втором и третьем десятилетии XX века, связано также с тяжелым эмоциональным состоянием, возникающим у исполнителей при погружении в сюжеты. Из-за горестных воспоминаний песни значительно купируются, хранятся в памяти фрагментарно, а их исполнение (особенно женщинами) часто прерывается плачем: «В двадцать девятом началось, а в тридцатом пэрва высылка. Двадцать седьмого февраля. Нас пэрво-напэрво высылялы. Нэ тико з нашей станыци, эшалон в Тимашовку с Кубани, полный эшалон. А батьку посадылы заране в тюрьму. А нас ужэ ото склалы на гарбу и отвэзлы туда в Тимашовку. Ну, как у песне кажутъ: – Нам бумагу прочиталы...

– А что это за песня?

– Тут ужэ сочинилы.

Ой, очимои, очи, чого ж вы ны спытэ?

Чи плакаты хочетэ, чого вы ждэтэ?

Плакать мы ны хотим, и ны [...]

Худобу забралы, и мужа взяли...

[Исполнителя плачет – С.Ж.]» [4].

Несмотря на фрагментарность песен о высылке казаков и голоде, анализ имеющихся записей вкупе с интервью на соответствующие темы дает возможность увидеть в текстах как отражение особенностей времени, так и проявление важных закономерностей традиционной культуры.

Известно, что песни с историческими сюжетами имеют некоторые особенности межпоколенной трансляции. Важнейшая из них связана с постоянным пополнением художественного наследия в области исторических песен новыми образцами, которые несут в

себе народный отклик на недавно произошедшие масштабные события, потрясения, катаклизмы [5]. Факт возникновения песен об исторических событиях XX века на фоне целенаправленного разрушения системы традиционной культуры в СССР сам по себе уже очень важен, поскольку он свидетельствует о работе механизма исторического песнетворчества. При этом в XX веке сохранялись традиционные формы и приемы сложения исторических песен, актуальные и для предыдущих (XVII – XIX) веков. Отметим:

- использование материала ранее сложенных песен, их музыкальной и поэтической основы, но с большей или меньшей долей изменений в песенном сюжете (подмена даты и места события, фамилий военачальников, номинации вражеской армии: *поляки / германцы / фашисты* – и др.);
- сочинение нового поэтического текста на напев, уже известный в народе;
- сложение совершенно нового поэтического текста на новый же авторский напев.

Все обозначенные формы характерны для кубанских песен о высылке и голоде.

Многочисленны в рассмотренном материале свидетельства об ассоциативной связи переживаемых или пережитых событий с некоторыми традиционными песнями кубанских казаков. Наиболее часто с временем 20-30-х годов на Кубани связывают музыкально-поэтический текст «*Чорна хмара с-за лымана*» (версии «*Стала хмара с-за лымана*»; «*Зибралыся вси бурлаки*»), пришедший на Кубань с Украины и известный в течение, по крайней мере, двух веков. Именно этот сюжет о разрушении системы традиционных ценностей, по свидетельству информантов, в первую очередь подвергся на Кубани запрету к исполнению: «*Оцэ писня була «Стала хмара с-за лымана». Запрэтылы! А щас ужэ...*

Стала хмара с-за лымана, а другая з моря.

Зажурылась та й Кубань ридна, гирка йийи доля.

Зажурылась, заплакала, як мала дытына,

Ныхто йийи ны рятуе, козачество гынэ.

Гынэ слава, батькивщина, гынэ всэ на свити,

Вырастают та й ныхрищени козацкие диты.

Вырастають, помырають, быз попа хоронять,

Запродана та й жидам вира, в цэркву й нэ пускають» [6];

Помимо общего соответствия смысла этого текста испытанному казаками на рубеже 20-30 годов ощущения «конца времени», особую важность в плане ассоциаций, как представляется, получил концепт *чорна хмара* в сочетании с концептом воды (*лыман, море, дождь*), которые можно понимать как символ неблагополучия, беды, приходящей извне и разрушающей порядок мира: *«Когда высылали, пели «Черна хмара наступае / Дрибный дождык з нэба»* [7].

Важным обстоятельством, определившим приуроченность других традиционных текстов к трагическим событиям 20-30-х годов, явилось осознание жителями Кубани сходства на ситуативном уровне высылки с проводами казаков на войну и воинскую службу. Поскольку прощальные мотивы, отражающие боль расставания с Родиной, домом, родными, являются заглавными и ключевыми в песнях, традиционно сопровождавших отходы полков на службу, эти сюжеты были переосмыслены для иной исторической ситуации. Обратим внимание на то, что свидетели высылки казаков, пребывавшие в то время в детском возрасте, вспоминают об исполнении репрессированными песен с прощальными мотивами именно в момент увоза, что, безусловно, усилило драматизм происходящего и, возможно, стало причиной сохранения этой сцены в воспоминаниях наблюдателей. По свидетельству жительницы станицы Старолеушковской Павловского района Е.Ф. Наливайко (1926 г.р.) тех, кого высылали, *везли на гарбах*, а они пели: *«Прощай, родимая станиця, / Прощай, родная сторона!»* [8]. Н.А. Корчина (Павлюк) (1922 г.р.), жительница станицы Кисляковской Кушевского района в 1991 году вспоминала: *«А высылали як? Я помню, як щас. Скико мни там було, п'ять-шесть лит тоди. Яки крики були, яки той! А всэ равно, йихалы бедни, аж спивалы: «Да прощай, прощай го ж усе мы повыходылы, т'агород-станыця, а ще й здешня сторона!» Та до то плачемо!»* [9].

Самого пристального внимания заслуживает рефлексия других жительниц Кисляковской М.Н. Варуши (1907), В.С. Панченко (1921), К.И. Володиной (1910), осознанно увязывающих сюжет о переселении в Закубанье с коллективизацией и голодом 1933 года: *«Что пели в голодные годы, во времена коллективизации, рассказывания? – Как раскулачивалы, спивалы ту писню, шо*

«Запрягайтэ волы в возы», забыла сначала. «Та й за Кубань жыты» – як их высылалы раньше людэй [...]:

*Йидуть, йидуть чорноморци назад повэрнуця,
Та як глянут в ридный край – з очей слёзы льюця!*

Цэ як оны ужэ выежжэжы, як собыралысь йихать. Як высылалы ж тоди людэй жи, самое ж вот эту писню...» [10].

Историческое песнетворчество о лихолетьях 20-30 годов, в той или иной степени опирающееся на известные в народе поэтические и музыкальные образцы, также представлены в кубанской песенной коллекции несколькими текстами. Один из наиболее интересных сообщен в 1993 году жительницей станицы Ленинградской З.А. Клименко, которая сама подверглась высылке в Казахстан и прожила там много лет до возвращения на Кубань. Она явилась одним из авторов и исполнителей песни, в которой отразились впечатления от жизни на чужбине: « – Вообще богато из станицы выслали людей? – Ой, богато! Я ж Вам кажу, из станицы ишалоны грузили, ишалоны. Цэ ж я тики бачила, а Бог его зна. Цэ ж нэ пэрвы высылалы! Еще высылалы и в двадцать девятом, и в трыдцатом, и после нас, кажут, цэ высылалы. Бог его знае, шо оно робылось! [...] Прывэзлы нас на Новокубанку. А мы боси и голи, считай. Хухвайку нам выдали, завяжешь вот так вот и чапаешь, а сзаду вэрховый йидэ, на работу: копыцы класты или сино грибты, или ще шо-ныбудь. А мы робым-робым, сядим отдыхать. [...] Ото собырэмся с дивчатамы: «Давайтэ, дивчата, песню складэм!» «Давайтэ!» У нас был комендант Михайличенко, такый казак, кубанец тожэ. Сложилы песню:

*Каминдант Михайличенко,
Атпусти ты нас домой,
Ваши тёмные бараки
Паказались нам тюрьмой.*

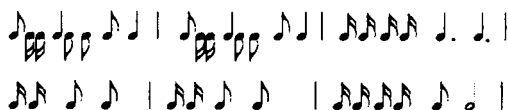
*На работу утром рано,
А с работы – вжэ тимно,
Прыйдэм поздно повычерять,
В нас и лампочки ныма.*

Брыгадир нам идэ [...],

А учётчик атчисля.
[Там хлеба ны дають] [11].

Песня «*Комендант Михайличенко*», сочиненная женщинами в Казахстане, была положена ими на мотив популярного военного марша времен Первой мировой и Гражданской войны, позднее ставшего широко известным со словами «По долинам и по взгорьям». Задолго до кубанских событий этот на этот напев распевалось множество текстов: с началом Первой мировой войны писатель В.А.Гиляровский написал текст «Марша Сибирского полка», во время Гражданской войны был сочинен «Марш Дроздовского полка» (1919), «Гимн махновцев» (1919), «Марш дальневосточных партизан» (1922). Не ясна картина с авторством напева. Есть предположение, что мотив был сочинен добровольцами генерала Чернявского еще в 1828 году. Различные источники приписывают ее либо некоему красноармейцу Атурову, а обработку А.Александрову, либо Дм. Покрассу [12]. Таким образом, очевидно, что текст о жизни кубанских казаков на чужбине лег на один из напевов обширного «банка» русской исторической песни.

Образный план и поэтическая стилистика «*Коменданта Михайличенко*» (*Ваши тёмные бараки / Показались нам тюрьмой*) позволяют увидеть определенное сходство еще с одной песней о выселении казаков «*Вспомню, вспомню, как нас выселяли*», записанным на территории бывшей Кубанской области – в станице Григориполисской Новоалександровского р-на Ставропольского края от ее жителя В.И. Дронова [13, Нотное приложение, №3] . В отличие от «*Коменданта*», текст которого оригинален, в песне, спетой Василием Ивановичем, «просвечивает» вполне определенная поэтическая основа. Музыкально-поэтический текст, жанр которой правильнее было бы определить как жестокий романс (автор слов и музыки неизвестен) имел хождение в народе со словами «Позабыт-позаброшен» (версии «Там в саду при долине» «Я один на чужбине») [14]. Широко известно она по последним строфам сюжета:

Ох, умру я, умру я, похоронят меня,
И никто не узнаст, где могилка моя.

И никто не узнаст, и никто не придет,
Только раннюю весною соловей
пропост.
Пропост и просвищет и опять улетит,
А моя скромная могилка одиноко стоит.

*Вот умру на савхоз(ы)кай пастели,
Пахаронють мене абы как.
И радныя аб этам ни знают,
Где магилка зарыта мая.
Толька Божия пташ(и)ки слетяцца
На сыруя магилку маю.
Толька дну ани песню сыграють –
Пра «вольнаю» савхозскою жизнью
маю.*

(Альбом Жанны Бичевской
«Старые русские народные
деревенские и городские песни и
баллады», Ч.1, ZeKo Records, 1996)

(Заключительный фрагмент песни,
исполненный В.И. Дроновым)

Переделке в кубанской версии подверглась первая часть сюжета, в которой открыто и определенно проводится параллель совхоз – тюрьма: «Кругом стража, кругом часавыя / Ни вилять нам манат(ы)ки забрать». Мощное воздействие при этом производит элементы лексики, отсылающие к образцам тюремной лирики. Для такой поэзии крайне характерен и профессиональный тип стихосложения, конкретно трехстопный анапест – метр, стопа которого состоит из двух безударных и одного ударного слога. Черты позднего сложения видятся и в исполненном В.И. Дроновым напеве: метрическая основа музыкального ритма, гармонический тип лада (минор).

Две песни из коллекции НИЦ ТК, посвященные высылке кубанских казаков, являются, по мнению автора, наиболее интересными, состоятельными в художественном отношении образцами народного творчества. Текст «*Да литив арёл по-над лугом*» был исполнен во время работы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции в станице Хоперской Тихорецкого района Татьяной Демьяновной Кобцевой (1916 г.р.) [15, Нотное приложение №2]. К сожалению, он, как и многие уже отмеченные образцы, тоже не до конца сохранился в памяти исполнительницы*. Тем не менее, спетый ею трёхстрочный фрагмент весьма примечателен. Как с точки зрения поэтического, так и музыкального

* Более полный вариант этого текста из станицы Динской Краснодарского края опубликован в упоминавшемся выше материале В.В. Запорожец в журнале «Живая старина» [2].

сложения он органично соответствует стилистике традиционных лирических песен черноморских станиц Кубани. Отсылает к лирическим образам уже первая строфа песни, в которой создается параллелизм образов орла, летящего над лугом и казака, идущий по дороге; крика птицы и плача человека:

*Да литив арёл по-над лугом, лытяюче кряче,
Йидэ козак по дороги, стиваюче плаче.*

В двух последующих строфах значимо, наоборот, противопоставление двух групп людей: членов семьи казака, обозначенных в стихе (*диты, ридна мать*) и их безличных обидчиков (концепт для их обозначения отсутствует). Сущность их отношений дана через оппозицию предикатов (*покосылы, змолотылы / забралы, выгоняють, гонють в тюрмы*):

*Плакать пыристанэ, про дитэй сгадае,
ще й про ридну матир,
Покосылы, змолотылы – прышлы, всэ забралы.
Прышлы, всэ забралы, выгоняють с хаты,
Гонють наших хлиборобов в тюрмы, казаматы.*

Традиционна и структура напева. Силлабический стих с формулой 4_6+4_6+6 координируется в песне с цезурированным музыкально-ритмическим периодом (в слоговой музыкально-ритмической форме использованы ямбические версии формул слогового ритма – характерная черта музыкально-ритмического мышления украинцев):

 $5 \rightarrow 4 \quad 4 \rightarrow 3 \quad 3/1 \rightarrow IV \rightarrow 1$

Звуковысотное развертывание песни происходит в условиях школы широкого (октавного) объема. Отметим опорность 1, 3 и 5 ступеней в горизонтально-ладовом аспекте, «вопросо-ответное» соотношение периодов в мелодико-композиционном аспекте.

Песня «*Как мы жили на Кавкази да й папали в кулаки*» была записана дважды в Отрадненском районе Краснодарского края. Ее полный текст сообщен Михаилом Харитоновичем Сопотовым (1910 г.р.), казаком станицы Надежной в июле

1996 года [16, Нотное приложение №1]. Небольшой фрагмент сюжета, вернее, поэтической версии сюжета, был напет осенью 1989 года А.А. Лагеревым, жителем станицы Бесстрашной [17]. Он соответственно адаптирован в отношении места действия: *«Как мы жили в Бесстрашке / Да попали в кулаки»*.

Песня о бедствиях 20-х годов на Кубани, исполненная М.Х. Сопотовым, на сегодняшний день самый развернутый, полноценно сохранившийся текст коллекции. Во многом это объясняется личностью Михаила Харитоновича – человека с прекрасной памятью, запомнившего много песен с историческими сюжетами, некоторые из которых редки. Рассказывая об истории и исполняя песни, М.Х. Сопотов в ряде случаев приписывает их авторство себе, в том числе и в отношении интересующей нас песни о выселении казаков: «– Кто сочинил эту песню? – *Это я сочинил.* – Ее потом пели? – *А потом пели, пели ее»* [18].

Если песня *«Да литив арёл по-над лугом»* может быть отнесена к лирическому жанру, то *«Как мы жили на Кавкази»* реализует эпические модели народного музыкального творчества. На это указывает и характер поэтического содержания, и склад текста и напева.

Семь стрóf поэтического текста представляет собой сжатый и довольно сдержанный рассказ о пережитых событиях, изложенных от первого лица. В стихе доминирует действие, текст насыщен предикативными элементами. Перечисление событий в их реальной исторической последовательности (присуждение статуса *кулаков*, решение о высылке, опись имущества, раскулачивание, призыв и явка мужчин на сельсовет, где они узнают известие о своей судьбе) – все это очень напоминает стилистику исторически баллад:

Мнение информанта о собственном авторстве песни может быть подвергнуто сомнению, поскольку М.Х. Сопотов назвал себя и сочинителем поэтического варианта песни «В шестьдесят втором году послал турок орду», сюжет которой был распет им относительно А.Гитлера и Великой Отечественной войны *«...посылал Гитлер орду»*. Сюжет песни о турках хорошо известен в ряде станиц Кубани, нет сомнения в том, что он опережает творчество Сопотова по времени своего происхождения. Авторство переосмысленного варианта сюжета возможно.

<i>Как брат сестру на Русь спустил,</i>	<i>Как(ы) мы жили на Кавкази,</i>
<i>А зять тѣшу у полон узял.</i>	<i>да ѿ папали в кулаки.</i>
<i>Он гнал ее и босую, и голою</i>	<i>Бид(ы)ната нас ни взлюбила,</i>
<i>По пожаришшу, по прокосишшу...</i>	<i>да ѿ сказала выслать нас.</i>
	<i>Аписали всё ж да нитки,</i>
	<i>да ѿ забрали всё дабро.</i>
	<i>А мушцинам и сказали,</i>
	<i>штоб прышли на сельсавет...</i>

Ист. баллада про татарский полон. Белгородская обл. Алексеевский р-н, с. Подсереднее [19].

Песня о высылке казаков Ст. Надежная Отрадненского р-на Краснодарского края

Аналогии с организацией эпических жанрами вызывает в песне, исполненный В.И.Дроновым, структура текста и напева. Поздний силлабо-тонический стих со слоговой нормой 8+7 положен на напев традиционного склада. Как форма поэтической строфы, так и ее мелодическая композиция строго соответствуют друг другу, реализуя принцип повтора: $KE^* = AA$. Одной из самых ярких характеристик мелодики эпического склада является устойчивость мелодической композиции. Три мелодические ячейки объединены в нисходящем движении в узкообъемной шкале (квинта с субквартой). Первые две представляют собой «террасный» спуск от 5 к 3 ступени лада секвенционного типа, а третья реализует оппозицию основного опорного тона и субквартовой опоры:

5 → 4 4 → 3 3/1 → IV → 1

Еще одна явственная аналогия – с жанром плача – связана с заключительной строфой песни:

Ох, вы детачки, вы ж малютачки!
Вой, куда нас повезут?(2)

Анализ материала позволяет сделать некоторые выводы.

Несмотря на немногочисленность и неполноту записанные образцов, песни о высылке казаков и голоде 30-х годов на Кубани отражают довольно широкую область поэтического содержания.

* KE – композиционная единица поэтического текста.

Это информация о произошедшем, интерпретация событий, образы казаков (мужчин, женщин и детей) переживающих беду, картины их новой жизни, в большинстве случаев жизни *в казематах*, полное лишений существование на чужбине. Горечь прощания с родной станицей, стороной, отчаяние от предчувствия невозможности возвращения доминирует в эмоциональном стрессе песен. Довольно скупо обрисованы в сюжетах образы обидчиков, которые редко обозначаются через определенный концепт (*комендант, беднота*), но в большей степени представлены через характеристику их деяний, выраженную безличными глаголами (*аписалы, забралы, гонють*) кто без лиц и эмоций –. Не *комсод* – прочно увязывается в песнях о высылке с концептом *чорной хмары* – силы, которую не может умолить вид людского горя, тронуть естественные чувства.

Тот или иное аспект поэтических сюжетов явился, по-видимому, определяющим для выбора модели музыкального жанра. Для песен, в которых превалирует летописная функция, избраны напевы, характерные для эпических жанров музыкального фольклора, как наиболее соответствующих функции сообщения. Для отражения эмоций очень значимыми явились, конечно же, разнообразные формы лирического жанра, включая поздние (жестокий романс, тюремная лирика). В музыкальной организации текстов о высылке сказалась и их причастность определенному историческому периоду народного творчества (XX век), определившему присутствие здесь напевов массовых песен, частушек, анализ которых не производится в данной работе.

Наиболее светлое ощущение от восприятия этого страшного, мрачного в эмоциональном отношении материала создает сам факт сохранения и развития во времена катаклизмов традиционного искусства, свидетельствующее о мужестве его творцов и неубиенности народного духа.

Примечания

1. Народный фольклор о голоде 1932-1933 гг. в колхозной жизни Поволжья и Южного Урала // Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С.507–514.
2. Песни казаков станицы Динской Краснодарского края. Публикация В.В. Запорожец // Живая старина. 2009. №1. С.40-42.

3. КФЭЭ-1993. Ст. Ленинградская Ленинградского р-на Краснодарского края. Инф.: Клименко З.А. Иссл.: Бондарь Н.И. А/к 380А.
4. Ст. Калининская Калининского р-на Краснодарского края. Инф.: Майорова П.А. (1912). Иссл. Воронин В.В. Запись 1998 г. А/к 1409.
5. Мысли об особенностях функционирования песен на историческую тематику отражены в трудах практически всех их исследователей, в первую очередь, Б.Н. Путилова. В отношении музыкального фольклора кубанских казаков на особенности функционирования исторических песен часто обращает внимание О.В.Матвеев.
6. КФЭЭ-1991. Ст. Кисляковская Кушевского р-на Краснодарского края. Инф.: Корчина (Павлюк) Н.А. (1922), Корчин Н.С. (1919). Иссл. Жиганова С.А., Перерва И.А., Семенцов М.В.. А/к 118.
7. КФЭЭ-2001. Ст. Новодеревянковская Каневского р-н Краснодарского края. Инф. Бибие С.Г. (1910), Денисенко М.Н.(1914). Иссл. Матвеев О.М. А/к 2423.
8. КФЭЭ-1992. Ст.Старолеушковская Павловского р-на Краснодарского края. Инф.: Наливайк Е.Ф. (1926). Иссл.: Горбань А.Е., Ермоленко И.Н. А/к 286.
9. КФЭЭ-1991. Ст. Кисляковская Кушевского р-на Краснодарского края. Инф.: Корчина (Павлюк) Н.А. (1922), Корчин Н.С. (1919). Иссл. Жиганова С.А., Перерва И.А., Семенцов М.В.. А/к 118.
10. КФЭЭ-1991. Ст. Кисляковская Кушевского р-на Краснодарского края. Инф.: Варуша М.Н. (1907), Панченко В.С. (1921), Володина К.И. (1910). Иссл. Перерва И.А. А/к 115.
11. КФЭЭ-1993. Ст. Ленинградская Ленинградского р-на Краснодарского края. Инф.: Клименко З.А. Иссл.: Бондарь Н.И. А/к 380А.
12. Электронный* ресурс: www.pobeda.ru Малая энциклопедия русской военной песни. По долинам и по взгорьям.
13. КФЭЭ-1999. Ст. Григориполисская Новоалександровского р-на Ставропольского края. Инф. Дронов В.И. Иссл. Бондарь Н.И. А/к 1880.
14. Электронный ресурс: www.sovmusic.ru Форум сайта «Советская музыка»
15. КФЭЭ-1996. Ст. Хопёрская Тихорецкого р-на Краснодарского края. Инф.: Кобцева Т.Д. (1914). Иссл.: Бондарь Н.И. А/к 1040.
16. КФЭЭ-1996. Ст. Надежная Отрадненского р-на Краснодарского края. Инф. Сопотов М.Х (1910). Иссл. Матвеев О.В. А/к 1231.
17. Ст. Бесстрашная Отрадненского р-на Краснодарского края. Инф. Лагереv А.А. Иссл. Жиганова С.А., Семенцов М.В. Запись 1989 г. Б.158.
18. КФЭЭ-1996. Ст. Надежная Отрадненского р-на Краснодарского края. Инф. Сопотов М.Х (1910). Иссл. Матвеев О.В. А/к 1231.
19. По изд.: Народное музыкальное творчество. Хрестоматия со звуковым приложением. Отв. ред. О.А.Пашина. С.-Пб., 2008. С.169-170.

Нотное приложение

1. Как(ы) мы жили на Кавкази, да й папали в кулаки

Ка-к(ы) мы жи-ли на Кав-ка-зи, да й па-па-ли в ку-ла-ки.
Ка-к(ы) мы жи-ли на Кав-ка-зи, да й па-па-ли в ку-ла-ки.

Би-д(ы)-на-та нас ни влю-би-лы да й ска-за-ла вы-слать нас.
Би-д-на-та нас ни влю-би-ла да й ска-за-ла вы-слать нас.

А-пи-са-ли всё ж да нит-ки, да й за-бра-ли всё да-ро.
А-пи-са-ли всё ж да нит-ки, да й за-бра-ли всё да-ро.

Как(ы) мы жили на Кавкази, да й папали в кулаки.

Как(ы) мы жили на Кавкази, да й папали в кулаки.

Бид(ы)ната нас ни влюбила, да й сказала выслать нас.

Бидната нас ни влюбила, да й сказала выслать нас.

Аписали всё ж да нитки, да й забрали всё добро.

Аписали всё ж да нитки, да й забрали всё добро.

А мущинам и сказали, штоб прышли на сельсавет.

А мущинам и сказали, штоб прышли на сельсавет.

Двойной скрипичный ключ, употребляемый для записи высоких мужских голосов, обозначает, что напев звучал октавой ниже.

Собрались все ж мушцины, да й пошли на сельсавет.
Собрались все ж мушцины, да й пошли на сельсавет.

У начал(и)ства и спросили: – Вой, куда нас повезут?
У начал(и)ства и спросили: – Вой, куда нас повезут?

А начальства атвичала: – У Прыкумский райивон.
А начальства атвичала: – Ва й Прыкумский райивон.

Ох, вы детачки, вы ж малютачки! Вой, куда нас повезут?
Ох, вы детачки, вы ж малютачки! Вой, куда нас повезут?

Ст. Надежная Отрадненского р-на
Краснодарского края.
Исполнитель Сопотов М.Х (1910).

2. Да литив арёл по-над лугом

♩ = 90

Д-ЛИ-ТИВ А-РЁЛ ПА-НАД ЛУ-ГОМ, ЛИ-ТЯ-Ю-ЧИ КРА-ЧЕ,
ЩИ-ДЭ КО-ЗАК ПО ДО-РО-ГИ, СПИ-ВА-Ю-ЧИ ПЛА-ЧЕ.

Пры-шлы, веза-бра-лы, вы-го-ня-ют сха-ты,
Го-нють на-ших ХЛИ-БО-РО-БОВ ВТЮРЬ-МЫ, ХА-ЗА-МА-ТЫ.

Пла-кать пы-ри-ста-но – про-дтой сга-да-е, щей прорив-жу ма-тир,
По-ко-сы-лы, змо-ло-ты-лы – пры-шлы, веза-бра-лы.

Да литив арёл по-над лугом, лытяюче кряче,
Йидэ козак по дороги, спиваюче плаче.

Плакать пыристанэ, про дитэй сгадае,
ще й про ридну матир,
Покосылы, змолотылы – прышлы, все забралы.

Прышлы, все забралы, выгоняють с хаты,
Гонють наших хлиборобов в тюрьмы, казаматы.

Ст. Хопёрская Тихорецкого р-на
Краснодарского края.
Исполнитель Кобцева Т.Д. (1914)

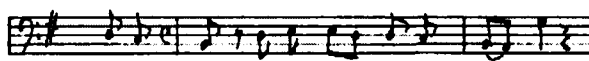
3. Вспомню, вспом(ы)ню как нас высияли

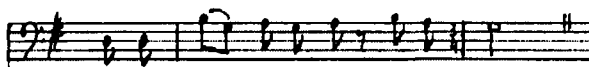
Вспом-ню, вспо-м(ы)ню, как нас вы-си-ля-ли,

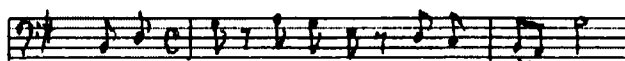
Вспом-ню, вспо-м(ы)ню, как пла-ка-ла мать.

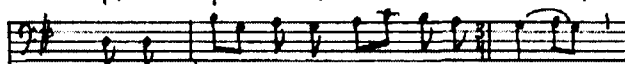
Вспом-ню, вспо-м-ню, как нас(ы) вы-си-ля-ли,

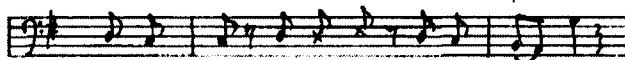
Вспом-ню, вспо-м-ню, как пла-ка-ла мать.

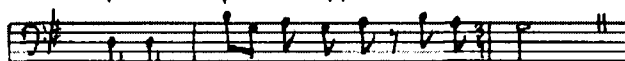
Кру-гом стра-жа, кру-гом чи-са-вы-е,

Ни ви-ля-ти нам ма-нат(ы)-ки за-брать.

Кру-гом стра-жа, кру-гом чи-са-вы-е,

Ни ви-ля-ти нам ма-нат-ки за-брать.

*Вспомню, вспом(ы)ню как нас высияляли,
Вспомню, вспом(ы)ню, как плакала мать.
Вспомню, вспом(ы)ню как нас высияляли,
Вспомню, вспом(ы)ню, как плакала мать.*

*Кругом стража, кругом чисавья,
Ни вилять нам манат(ы)ки забрать.
Кругом стража, кругом чисавья,
Ни вилять нам манатки забрать*.*

*Вот лижу я в савхози бальная,
Вспминаю родительский дом.*

*Вот умру на савхосс(ы)кай постели,
Пахаронють мене абы как.*

*И радныя аб этам ни знают,
Где магилка зарыта мая.*

*Толька Божия пташ(и)ки слетяцца
На сыруя магилку мая.*

*Толька дну ани песню сыграють –
Правильно савхоссаю жизню мая.*

Ст. Григориполисская Новоалександровского р-на
Савропольского края.
Исполнитель Дронов В.И.

* Далее форма поэтического текста сохраняется.

Раздел 3. ПРИЛОЖЕНИЯ.

Приложение I.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ из некоторых фондов Центра документации новейшей истории Краснодарского края о хлебозаготовках и голоде на Кубани в 1932 – 1933 гг.

Данный перечень подготовлен сотрудниками Центра документации новейшей истории Краснодарского края И.Ю. Бондарь и Н.Г. Поповой по материалам, выявленным для сборника Росархива "Голод в СССР".

Основу перечня составили документы фонда Староминского райкома КПСС (ф.1075), рассекреченного в 2008 году. Они разработаны относительно подробно как пример политики хлебозаготовок, которая проводилась во всех зерновых районах Кубани.

В перечень также фрагментарно включены документы и из других фондов (в основном по тем районам, в которых были "чернодосочные" станицы): Армавирского (ф. 7943), Ейского (ф. 1297), Каневского (ф. 1071), Кореновского (ф. 1222), Кушевского (ф. 163), Павловского (ф. 1384), Славянского (ф.1863), Тимашевского (ф. 162), Тихорецкого (ф. 1361), Усть-Лабинского (ф. 1471) райкомов КПСС; политотдела Лиманской МТС (ф. 1689), Краснодарского горкома КПСС (ф. 1072).

Все включенные в перечень (а также оставшиеся за его рамками) документы 1932 – 1933 гг. находятся на открытом хранении и ждут своих исследователей в читальном зале Центра документации.

1932 год

Январь – март

1. Постановление бюро Тимашевского райкома ВКП(б) о создании семенных фондов.

4 – 5 января 1932 г.

Сов. секретно.

Отмечается неудовлетворительное состояние семенного фонда: по колхозному сектору – 41 %, по единоличному – 4,5 %, что ставит под угрозу обеспечение семенами весеннего сева, в особенности по станицам Тимашевской, Поповической, Старовеличковской, Медведовской. Кроме того, засыпанные семенные фонды по качеству признаны совершенно неудовлетворительными (сорные, повышенной влажности и т.п.).

*ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 98. Л. 8.
Машинопись (далее машинописное
исполнение документов не
оговаривается).*

2. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о перегибах в станице Некрасовской, допущенных местной ячейкой ВКП(б).

14 февраля 1932 г.

Райком категорически осудил действия местной партиячейки, допустившей "вместо самопроверки массовый ночной обыск с целью выявления похищенного зерна колхозниками". Председатель сельсовета снят с работы и исключен из партии, и.о. секретаря ячейки объявлен выговор с запрещением в течении года "занимать руководящую работу". За непринятие мер и допущение

массового обыска колхозников бюро ячейки станции Некрасовской объявлен выговор, а прокурору поручено в кратчайший срок закончить следствие и организовать в станции показательный судебный процесс.

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 114. Л. 54-54.

3. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о ходе подготовки к весенне-посевной кампании и приложение к нему (план мобилизации семенных фондов в порядке займа у колхозников).

1 марта 1932 г.

Сов. секретно.

Ход подготовки к посевной кампании признается неудовлетворительным, семенные фонды по колосовым культурам по колхозному сектору собраны на 92 %, по единоличному – на 61 %. Предлагается собрать семфонд в порядке "самообязательств и займов" у колхозников (план на 9000 ц дан в разрезе колхозов района), а также обеспечить полную мобилизацию семфондов у единоличников.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 74. Л. 50, 51, 60.

4. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) об увеличении в районе посевной площади колосовых культур на 3000 га по колхозному сектору.

15 марта 1932 г.

Сов. секретно.

Постановление принято во исполнение телеграммы крайкома ВКП(б). Посевную площадь яровой пшеницы решено увеличить на 3000 га за счет снижения посевов трав, кукурузы и огородов (приведены данные в

разреze сельсоветов). Обеспечить дополнительный посев пшеницы предлагалось "собрать семена в колхозах путем самообязательств и займа у колхозников".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 74. Л. 76.

5. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) об итогах сбора семенного материала и подготовки к севу.

30 марта 1932 г.

Сов. секретно.

Отмечается, что сельсоветы и колхозы к севу не готовы, по району не собрано еще 19 000 ц семян пшеницы, "совершенно слабо проводится сбор семян по самообязательствам колхозников" - собрано 777 ц, или 8,6 %, и единоличниками. Предлагаются различные оргпартмероприятия по обеспечению начала сева. Партячейки, сельсоветы и правления колхозов предупреждаются о недопустимости обобществления приусадебных огородов колхозников. Поручается "оказать колхозникам полное содействие в запашке и засеве всех приусадебных огородов, в том числе бывших кулацких и пустырй".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 74. Л. 86-87.

Апрель – май

6. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) по телеграмме крайкома ВКП(б) о дополнительной заготовке хлеба.

28 апреля 1932 г.

Сов. секретно.

Постановили: "Дополнительный план хлебозаготовок 2 300 тонн пшеницы принять не можем. Выполнением плана сева колосовых исчерпаны все

возможности вплоть до перечисления фуража и фондов общественного питания. Отдельные колхозы выезжают закупать хлеб в соседний Павловский район на продовольственные нужды".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 74. Л. 119.

7. Постановление бюро Тимашевского райкома ВКП(б) о дополнительном плане хлебозаготовок.

8 мая 1932 г.

Сов. секретно.

Принято в соответствии с телеграммой крайкома от 8 мая 1932 г. В постановлении отмечается: "Учитывая, что страна и край переживают напряженное состояние с хлебом, безоговорочно принять преподанный краем дополнительный план хлебозаготовок пшеницы в размере 3 000 тонн (180 тыс. пудов)". В целях быстрого и решительного выполнения плана предлагается ряд мероприятий по району, среди которых – повторный обмолот соломы и сбоин зимней молотбы, перевеивание половы. Отмечается, что выполнение дополнительного плана хлебозаготовок по единоличному и кулацко-зжиточному сектору необходимо строго сочетать с выполнением ими обязательных и добровольных платежей по мобилизации средств. Кроме того, в районе введен запрет на внеплановые заготовки без разрешения райснаба как организованными, так и не организованными покупателями, сокращены нормы выдачи хлеба, пересмотрен контингент лиц, получающих хлеб из колхозов.

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 99. Л. 59 – 61.

8. Постановления бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о хлебозаготовках в районе.

9 – 10 мая 1932 г.

Приняты по телеграмме крайкома ВКП(б). В связи с напряженным положением в крае и районе с хлебными ресурсами "для уточнения хлебных остатков" создана комиссия, которой предписывается установить действительную потребность хлеба на общественное питание в колхозах при экономном расходовании, товарные остатки хлеба выявить и заготовить хлеб из наличия его у колхозников и единоличников. Утверждена представленная фракцией райисполкома разверстка на 1 500 тонн с 10 % - ной страховкой. За сданное зерно предполагалось отоваривать "дифтоварами". Срок окончания заготовок устанавливался 20 мая 1932 г. Из Краснодара для участия в кампании прибывало 88 человек. Отдельным пунктом указывалось на "недопущение каких бы то ни было перегибов". *

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 114. Л. 155, 180.

9. Выписка из протокола № 19 внеочередного заседания бюро Староминского райкома ВКП(б) о дополнительном плане хлебозаготовок.

13 мая 1932 г.

Сов. секретно. Особая папка.

В постановлении, во исполнение решения крайкома ВКП(б) от 9 мая 1932 г., приводится разверстка дополнительного плана хлебозаготовок продовольственных культур (пшеница, рожь, кукуруза) по единоличному сектору (9 409 ц), по кулацко-зажиточным хозяйствам (3 114 ц) и "за счет покупки у колхозников" (12 477 ц), а также в разрезе сельсоветов района.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 66 а, Л. 14.

10. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о дополнительном плане хлебозаготовок.

*13 мая 1932 г.
Сов. секретно.*

Принято во исполнение решения крайкома ВКП(б) от 9 мая 1932 г. В связи с невыполнением плана гарцевого сбора в крае и угрозой срыва снабжения промышленных городов хлебом (до нового урожая) установлен дополнительный план хлебозаготовок продовольственных культур (пшеница, рожь, кукуруза). Дается его разверстка, в т. ч. по сельсоветам, по единоличному сектору (9 409 ц), по кулацко-зажиточным хозяйствам (3 114 ц) и за счет покупки у колхозников (12 477 ц). Срок выполнения дополнительного плана хлебозаготовок – 15 июня 1932 г. Для мобилизации товарных излишков колхозников в колхозах создаются "комиссии содействия". За продажу излишков хлеба колхозникам предлагается выдавать в кооперации "дефицитные промтовары" на сумму, равную стоимости сданного хлеба. Для выявления наличия хлеба в районе из края прибыла специальная бригада, членов которой распределили по сельсоветам.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1, Д. 74. Л. 128 – 129.

11. Постановление бюро Тимашевского райкома ВКП(б) о методах в стимулировании хлебозаготовок и местном хлебоснабжении.

*13 мая 1932 г.
Сов. секретно.*

Принято в дополнение к предыдущему постановлению от 8 мая 1932 г. В комплексе дополнительных мер значатся снижение норм выдачи хлеба до 300 граммов в день работникам, командированным

краевыми, городскими и районными организациями, прекращение выдачи хлеба в буфетах; лишение хлебных карточек у безработных по истечении декадного срока с момента начала безработицы; снятие со снабжения хлебом семей строительных рабочих и др.

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 99. Л. 65 – 67.

12. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о выполнении дополнительного плана хлебозаготовок.

21 мая 1932 г.

Сов. секретно.

Отмечается, что план под угрозой срыва – выполнен на 0,58 %. Это квалифицируется как "оппортунистический самотек". Предписывается немедленно вывезти на эlevator остатки семенного фонда.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 74. Л. 132.

13. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о ходе выполнения дополнительного плана хлебозаготовок.

27 мая 1932 г.

Сов. секретно.

Выполнение плана признано "преступно слабым" - 4,13 %. Причина – слабая разъяснительная работа и "оппортунистический самотек". Под личную ответственность председателей и секретарей предлагается в однодневный срок вывезти на эlevator остатки семенного фонда.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 74. Л. 141-142.

14. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о запрете на выдачу колхозникам 15 % натуральной части доходов до уточнения хлебо-фуражного баланса.

22 июля 1932 г.

Директива о выдаче 15 % натуроплаты, спущенная по колхозам райколхозсоюзом без согласования с бюро райкома ВКП(б), немедленно отменена как "неправильная". Фракции райколхозсоюза поручено в пятидневный срок проработать этот вопрос в разрезе каждого колхоза и коммуны.

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 114. Л. 298.

15. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о хлебофуражном балансе по урожаю 1932 г.

25 июля 1932 г.

Заслушаны сообщения директоров МТС по установлению урожайности пшеницы. Средняя урожайность по району – 4,4 ц с гектара. Товарность пшеницы определена в 3 760 тонн.

ЦДНИКК. Ф. 1471, Оп. 1. Д. 114. Л. 309.

16. Постановление закрытого заседания бюро Староминского райкома ВКП(б) об уточнении завышенных показателей годового плана хлебозаготовок из урожая 1932 года.

2 августа 1932 г.

Не подлежит оглашению.

Отмечается, что установленный крайкомом окончательный годовой план хлебозаготовок на 1932 г. расходится с "максимальными возможностями района" по

пшенице на 38 604 ц, по ячменю – на 5 148 ц, а всего по расчетам района на 43 752 ц. По данным МТС расхождение еще больше: по Староминской МТС – 50 060 ц, Албашской МТС – 79 086 ц, Новодеревянковской МТС – 51 691 ц, Канеловской МТС – 30 200 ц. Всего – 211 037 ц. Расхождение объясняется резким снижением урожайности хлебов. Бюро постановляет довести до сведения крайкома, что утвержденный окончательный план хлебозаготовок по району распределен по МТС без согласия директоров МТС, а выполнение плана идет в целом "за счет резкого снижения количества семян, фуража и натуральной части колхозников". Просят выслать представителя крайкома для уточнения плана хлебозаготовок.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 15-16.

Машинописная копия

Протокол отпечатан в двух экземплярах:

1- Шеболдаеву (крайком), 1- в деле.

17. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о годовом плане хлебозаготовок из урожая 1932 года.

2 августа 1932 г.

Сов. секретно.

Утверждается окончательный годовой централизованный план хлебозаготовок по зерновым культурам (448 850 ц) и кукурузы сверх плана 4 211 ц. Приведена его разбивка по сельсоветам, МТС и видам культур. Отмечено, что план "не подлежит никакому изменению в сторону его снижения". Сообщается о "крайне неудовлетворительном выполнении плана июльских заготовок – 23,7 % и оппортунистическом объяснении этого дождями".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 18-21.

18. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о плане экспорта хлеба на август 1932 г.

2 августа 1932 г.

Сов. секретно.

Постановили "преподанный краем план экспорта на август месяц пшеницы 2 000 тонн и ячменя 1 400 тонн принять к исполнению". Приведена разбивка плана по МТС и сельсоветам. Обеспечить план надлежит "лучшим зерном", доведенным до экспортных кондиций.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 21.

19. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о борьбе со спекуляцией и расхищением хлеба.

2 августа 1932 г.

Сов. секретно.

Правлениям колхозов предлагается применять "строжайшие меры взыскания": штрафы, предание суду, исключение из колхоза. "Случаи собирания и кражи колосков на неубранных полях немедленно ликвидировать". Обязать райотделение ОГПУ и милицию применять к хлебным перекупщикам репрессивные меры – конфискацию хлеба, штрафы, высылку. Вместе с тем "запретить допущение репрессивных мер на рынках в разгоне базаров, не допуская административных действий в отношении колхозников и трудящихся единоличников".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1, Д. 75. Л. 25-26.

20. Постановление бюро Тимашевского райкома ВКП(б) о мероприятиях по борьбе с разбазариванием, спекуляцией и хищением хлеба в районе.

7 августа 1932 г.

Сов. секретно.

Вводится ограничение помола на одного едока в месяц не более 16 кг для колхозников любого стандарта; норма для общественного питания не более 800 грамм печеного хлеба исключительно для работающих в поле колхозников. В тех колхозах, где хлеб на общественное питание не выдавался, фондов для этой цели не выделяется.

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 100. Л. 105 – 107.

21. Постановление Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о ходе уборки и хлебозаготовок.

8 августа 1932 г.

Отмечены неудовлетворительные темпы уборки и катастрофическое состояние со скирдованием и выполнением плана хлебозаготовок. Некрасовская и Ладожская МТС представили дефицитные балансы, "пытаясь не показать товарных излишков". Бюро потребовало "прекратить всякие дискуссии о норме урожайности" и "кроме 15 % натуральных авансов и общественного питания запретить образование каких бы то ни было резервов и запасов с тем, чтобы обмолачиваемый хлеб немедленно вывозился на элеватор от молотилок без завоза в амбары".

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 115. Л. 4.

22. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о выполнении августовского плана хлебозаготовок.

11 августа 1932 г.

Сов. секретно.

Выполнение августовского плана признано "преступно слабым" (4,9 %). Предлагаются меры: допускать

расход хлеба только на общественное питание и для выдачи 15% натуральных авансов в счет трудодней, "без образования каких бы то ни было резервов и запасов с тем, чтобы не менее 80 % всего обмолачиваемого хлеба вывозилось немедленно на элеватор непосредственно от молотилок без завоза в амбары". Партийным работникам станиц объявлены взыскания.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 32-33.

23. Постановление бюро Тимашевского райкома ВКП(б) о ходе выполнения хлебозаготовительного плана по единоличным трудовым и кулацко-зажиточным хозяйствам.

22 августа 1932 г.

Сов. секретно.

Отмечается, что выполнение хлебозаготовительного плана по единоличным трудовым и кулацко-зажиточным хозяйствам поставлено под прямую угрозу.

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 100. Л. 118-119.

Сентябрь – октябрь

24. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о ходе обмолота, скирдования и выполнения плана хлебозаготовок.

1 сентября 1932 г.

Сов. секретно.

Констатируется, что августовский план в районе сорван. Предписывается всю тягловую и рабочую силу колхозов переключить на обмолот, невыполнение августовского плана включить в сентябрьский. Отмечается, что железная дорога не предоставляет элеваторам вагоны и

из-за перегрузки складов хлеб лежит в бургах. Руководителям хозяйств и ячеек объявлены партвзыскания.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 53-54.

25. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о мерах по взысканию хлебозаготовок с единоличников и кулацко-зажиточных хозяйств.

14 сентября 1932 г.

Сов. секретно.

Принято по телеграмме крайкома ВКП(б). Предписывается в течение суток предъявить единоличникам договора о контрактации и обязательства по выполнению хлебозаготовок к указанному в договорах сроку. Сроки считать истекшими. К невыполнившим план через пять дней начислять пеню 0,1% к заданию, через 15 дней "приступить к принудительному взысканию", изъятие проводить только натурой.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1, Д. 75, Л. 72.

26. Постановление бюро Кропоткинского райкома ВКП(б) о нормах снабжения хлебом рабочих города.

2 октября 1932 г.

Сов. секретно. Особая папка.

"Учитывая катастрофическое положение со снабжением хлебом рабочих города ... передать Райсоюзу для снабжения города по пятьдесят тонн пшеничных отходов, годных к переработке на муку и использованию для выпечки хлеба". При этом "отпустить Райсоюзу пять тонн муки 85% за счет города для снабжения особых контингентов (руководящий состав работников)".

ЦДНИКК. Ф. 1724. Оп. 1. Д. 125 а. Л. 11-11 об.

27. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о ходе обмолота, выполнении плана хлебозаготовок и уборке пропашных.

*11 октября 1932 г.
Сов. секретно.*

Отмечается, что задание первой декады октября выполнено лишь на 4%, колхозы отдельных сельсоветов не дали ни одного фунта хлеба. Идет "разбазаривание большого количества хлеба колхозами под видом общественного питания".

Предписывается в течение двух суток вывезти на ссыпные пункты товарное зерно, осевшее в колхозах; для обследования колхозов и принятия мер к вывозу зерна организовать две комиссии, запретить "переброску зерна колхозам на общественное питание без ведома райколхозсоюза и райисполкома".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 77-78.

28. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о нехватке семян для сева в связи с низкой урожайностью озимой пшеницы.

*21 октября 1932 г.
Сов. секретно.*

Отмечается, что из-за низкой урожайности озимой пшеницы вместо предполагаемых с га 5,7 ц при обмолоте фактически получается от 45 кг до 2 ц. В результате в колхозах района не хватает семян на 12 000 га.

Просят крайком завезти в район озимую пшеницу для засева 12 000 га в обмен на яровую.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 84.

Ноябрь

29. Постановление бюро Тихорецкого райкома ВКП(б) о проведении репрессивных мер в станице Новорождественской.

4 ноября 1932 г.

Решено провести в станице с 7 часов утра 5 ноября закрытые партийное и комсомольское собрание и пленум совета с участием колхозного актива; "после пленума немедленно вывезти товары из кооперативных и государственных магазинов", выставить заставы с запрещением подвоза всех продуктов на рынок; взыскать досрочно платежи с колхозов и единоличников.

ЦДНИКК. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 130. Л. 61 – 62.

30. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о годовом сниженном плане хлебозаготовок.

5 ноября 1932 г.

Сов. секретно.

Сообщается, что крайком ВКП(б) вследствие неблагоприятных погодных условий, ухудшивших урожаи в районе, сократил годовой план хлебозаготовок по колхозно-крестьянскому сектору на 100 000 ц, а план по ячменю и овсу в 12 000 ц заменил кукурузой. Приведена разбивка нового плана по сельсоветам и МТС. План по единоличному сектору и кулацко-зажиточным хозяйствам оставлен без изменений (с допущением замены ячменя кукурузой).

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 111-112.

31. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о выполнении плана хлебозаготовок и осеннего сева в районе.

8 ноября 1932 г.

Сов. секретно.

Принято во исполнение постановления крайкома ВКП(б) от 4 ноября 1932 г. об обеспечении резкого перелома в выполнении плана хлебозаготовок. Предписывается установить молотилки во всех колхозах, имеющих не обмолоченный хлеб, который "непосредственно из-под молотилок отправлять на элеватор"; исключать из партии и предавать суду "оппортунистов всех мастей"; использовать тягло и инвентарь единоличников на севе и обмолоте; усилить репрессивные меры, оживить работу комсомола и т. д.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 101-103.

•

32. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) и президиума районной контрольной комиссии о выполнении постановлений крайкома ВКП(б) от 4 ноября 1932 г. и райкома от 8 ноября 1932 г. о хлебозаготовках.

12 ноября 1932 г.

Сов. секретно.

Принято по докладам директоров МТС и секретарей парткомов. Констатируется, что ход хлебозаготовок, несмотря на категорическое предупреждение, проходит "явно неудовлетворительно". В Канеловской и Новоминской колхозниками в своих огородах посеяно до 69 га озимой пшеницы, в то время как колхозные поля остаются необсемененными. Предлагается учесть дворы колхозников, посеявших озимую в огородах, и законтрактовать эти посева. Обеспечить дополнительное изыскание семенных фондов путем повторного обмолота.

За сопротивление хлебозаготовкам, "срастание с кулачеством" исключены из партии и преданы суду председатель Новоминского колхоза "Большевик" и другие работники.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 106-107.

33. Постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), принятое совместно с представителями ЦК ВКП(б), о ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани.

13 ноября 1932 г.

Строго секретно.

В постановлении устанавливается комплекс мер "по слову саботажа": установить каждой станице точный план заготовок; прикрепить "к решающим станицам" всех членов бюро в качестве уполномоченных; каждый уполномоченный вместе со станичными организациями обязан в трехдневный срок обеспечить вывоз хлеба из амбаров колхозов, не выполнивших план; запретить до выполнения плана выдачу натуроплаты зерном; создать во всех сельсоветах специальные комиссии для выявления несовершенного и необмолоченного хлеба; обязать комсоды установить задания по вывозу хлеба единоличным хозяйствам и ежедневно проверять выполнение; провести показательные процессы над саботажниками с конфискацией их имущества; поручить органам ОГПУ в семидневный срок выселить из станиц Кубани 2 000 хозяйств, "срывающих хлебозаготовку и сев"; организовать чистку сельских партячек в Тихорецком, Курганинском, Тимашевском, Павловском, Славянском районах; выслать из пределов края исключенных из партии коммунистов и т.д.

ЦДНИКК. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 130. Л. 80 – 81.

Типографский экземпляр.

34. Постановление бюро Тихорецкого райкома ВКП(б) о ходе хлебозаготовок и сева в районе.

13 ноября 1932 г.

Выполнение плана хлебозаготовок по району признано неудовлетворительным. Судебно-следственные органы "крайне неповоротливо проводят нажим". Райком предлагает прокуратуре и судам все дела, связанные с саботажем, оформлять "быстро и на месте". По факту прекращения ряда дела на "воров колхозного хлеба" решено привлечь к партийной ответственности прокурора района. Запрещена до выполнения годового плана хлебозаготовок выдача натурального аванса "как пшеницей и просом, так и кукурузой и подсолнухом".

*ЦДНИКК. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 130. Л. 81.
Типографский экземпляр.*

35. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) о ходе хлебозаготовок и сева

14 ноября 1932 г.

Отмечается, что большинство станичных и хуторских парторганизаций недооценили политическое значение решений крайкома и райкома о хлебозаготовках. За последние дни ноября резко снизились темпы сева и хлебозаготовок. В числе прочих мер постановлено "предложить фракции РИКа с участием райотделения ОГПУ из намеченных к выселению 80 хозяйств единоличников по ст. Пластуновской – 30, Кореновской – 20, Бейсугской – 30". Кроме этого, подлежали выселению еще 70 хозяйств "исключительно по станице Платнировской".

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 148. Л. 337 – 339.

36. Постановление бюро Каневского райкома ВКП(б) о ходе сева и хлебозаготовок.

15 ноября 1932 г.

Отмечено, что положение в станицах Каневской, Стародеревянковской, Челбасской и Привольной "остаётся угрожающим". Для выполнения плана к 20 ноября в районе объявлена трудгужповинность всего трудоспособного населения. До выполнения плана запрещена выдача натуроплаты колхозникам пшеницей, кукурузой и подсолнухом. Во всех станичных советах решено создать специальные комиссии для выявления на полях всего нескошенного и необмолоченного хлеба. Отдельным пунктом записано: "возбудить ходатайство перед крайкомом ВКП(б) о временном прекращении кооперативной и государственной торговли в станицах Челбасской, Каневской, Стародеревянковской до окончательного выполнения плана по севу и хлебу".

ЦДНИКК. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 79. Л. 273, 274.

37. Постановление бюро Тимашевского райкома ВКП(б) об усилении хлебозаготовок в районе и проведении репрессивных мер в чернodosочной станице Медведовской.

16 ноября 1932 г.

Сов. секретно.

Констатируется, что местные парторганизации недооценили значение решений, принятых ЦК партии и крайкомом. Крупнейшая станица района – Медведовская занесена на черную доску. Тем не менее результаты хлебозаготовок и сева по району неудовлетворительны. Предлагаются меры, в том числе – "обеспечить вне зависимости от наличия семян полностью пахоту озимого

клина не позднее 20 ноября; вывезти из амбаров весь колхозный хлеб; активизировать работу комсодов; единоличников, отказавшихся сеять, через стансоветы лишать усадебных мест; исключать из колхозов всех тех, кто к 1 ноября имеет не более 20 – 25 трудодней, и ко всем без исключения "немедленно предъявить требования по платежам, налогам, мясопоставкам и т.д. как к единоличникам".

Отдельным пунктом постановления записано: "Принять к сведению сообщение о том, что в ст. Медведовской, занесенной крайкомом на черную доску, закрыт колхозный базар, прекращена кооперативная и государственная торговля и все промтовары вывезены из станицы, досрочно производится взыскание всех денежных кредитов, отпущенных государством колхозам и погашение всех обязательных платежей как за колхозами, так и за единоличниками".

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 101. Л. 54 – 56.

38. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о ходе хлебозаготовок и сева.

*19 ноября 1932 г.
Сов. секретно.*

Отмечается, что хотя с момента принятия постановления крайкома ВКП(б) от 4 ноября прошло 15 дней, темпы хлебозаготовок "не только не повысились, а даже дали снижение". Ситуация рассматривается с позиций "слома саботажа, организованного кулачеством". Предложен ряд мер: личная ответственность секретарей парткомов и председателей Советов; создание комиссий для выявления в колхозах скирд соломы, подлежащих повторному обмолоту; организация "специального актива из колхозников - бывших батраков, бедноты, красных партизан и комсомольцев по выявлению расхищенного

хлеба"; у единоличников, отказавшихся от сева, забирать тягло для работ в колхозах и "немедленно отрезать усадебные места". Из партии исключены и преданы суду председатели колхозов и др. работники.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 115-118.

39. Постановление бюро Славянского райкома ВКП(б) о мерах в связи с занесением станицы Полтавской на черную доску.

*26 ноября 1932 г.
Сов. секретно.*

* Одобрив решение крайкома ВКП(б) от 24 ноября 1932 г. о занесении станицы Полтавской на черную доску, бюро райкома постановило немедленно прекратить в Полтавской кооперативную и государственную торговлю, вывезти все товары, прекратить всякую колхозную и индивидуальную торговлю на базарах и в ларьках; прекратить всякое кредитование и приступить к досрочному взысканию финансовых обязательств; приступить к чистке всех государственных учреждений. По району предписывалось немедленно выявить весь еще не убранный и не обмолоченный хлеб и подсолнух, оставшийся на полях и дать колхозникам и единоличникам трехдневный срок для уборки, а при невыполнении передавать другим колхозам для немедленного обмолота и вывоза на элеватор. Вывезти на элеватор в суточный срок весь хлеб с общественных запашек. Весь хлеб по организациям (станпо, МТС, учительские фонды) "сверх минимальной потребности по суточным урезанным нормам в суточный срок сдать в государственные хлебозаготовки". К виновниками и пособникам кулачеству применять самые суровые меры вплоть до выселения.

ЦДНИКК. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 89. Л. 18 – 21.

40. Постановление бюро Тихорецкого райкома ВКП(б) о мероприятиях в "чернодосочной станице Новорождественской и других станицах района по обеспечению хлебозаготовок.

26 ноября 1932 г.

Решено мобилизовать из города ФЗУ и отделения РИПСа – 1 000 человек, в порядке буксира направить 290 человек и 80 подвод из соседних станиц – для обеспечения "хлебозаготовок в Новорождественской и работы на полях". Буксир должен прибыть в Новорождественскую не позже 16 часов 27 ноября "со своим питанием". Также "просить командование артполка стянуть в станицу Новорождественскую 300 человек переменников других станиц района".

Отмечено, что в отдельных станицах уполномоченные райкома и райисполкома и командированные из города коммунисты "переходят на позиции защиты местных интересов вместо того, чтобы со всей решительностью проводить требования государства". Весь хлеб общественных запасов предписывается отправлять на элеватор. Советам образовывать специальным решением комсода (комитеты содействия) в составе 3 – 5 человек из числа проверенного актива с "обслуживанием" не более 50 – 60 единоличных хозяйств. Срок окончательного взимания единовременного налога с единоличных хозяйств – 5 декабря.

ЦДНИКК. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 130, Л. 173 – 174.

41. Постановление бюро Павловского райкома ВКП(б) о проведении репрессивных мероприятий в станице Незамаевской, занесенной на черную доску.

26 ноября 1932 г.

Строго секретно.

Принято во исполнение постановления крайкома ВКП(б) от 25 ноября 1932 г. В ст. Незамаевской постановлено закрыть все магазины и вывезти все товары;

провести в недельный срок досрочное взыскание с колхозов, колхозников и единоличников уплаты всех кредитов и денежных платежей, при невнесении платежей – продажу имущества; организовать оцепление станицы с целью невыезда жителей; провести повторную проверку и чистку аппарата, собрания, выпустить специальную листовку. Суточные задания по хлебовывозу увеличить Уманской МТС – до 200 тонн, Незамаевской – 150 тонн.

Отмечалось, что ряд колхозов района прекратили хлебосдачу, ссылаясь на отсутствие хлеба. Бюро потребовало выполнить "остаток хлебосдачи за счет повторного обмолота, повторной уборки кукурузы, выявления расхищенного хлеба и за счет посевов в единоличном пользовании колхозников". Колхозам, окончившим годовой план, "добиться встречных планов". Всем сельсоветам срочно вывези весь хлеб с общественных запашек, как продовольственный, так и фуражный.

ЦДНИКК. Ф. 1384. ОП. 1. Д. 65. Л. 142 – 144.

42. Постановление бюро Тимашевского райкома ВКП(б) о ходе сева, хлебозаготовок и уборке урожая в районе.

26 ноября 1932 г.

Сов. секретно.

Сообщается, что "меры по слому организованного кулачеством саботажа в районе, особенно по станице Медведовской, проводятся недостаточно. Решающие станицы (Медведовская, Старовеличковская, Поповическая) не обеспечили окончания работ по уборке колхозного урожая, по севу и хлебозаготовкам". В целях безоговорочного выполнения плана хлебозаготовок к 10 декабря рекомендуется "немедленно вывозить весь хлеб от молотилок, убранный кукурузу и обмолоченный подсолнух с поля прямо на элеватор; организовать вторичную переборку убранный кукурузы и переобмолот соломы и половы и все зерно сдавать на элеваторы; немедленно выбросить из

общественных амбаров все имеющееся зерно, полученное от общественных запасек в счет хлебозаготовительного плана".

Кроме того, райком обязывает организовать спецгруппы из лучшего колхозного и советского актива (бывшие красные партизаны, батраки, беднота и др.) по выявлению расхищенного колхозного урожая. С целью недопущения перепрятывания похищенного хлеба и тщательного выявления мест, где прячется похищенный хлеб, рекомендуется расстановка групп в кварталах, сто дворах с разных сторон с выставлением в соответствующих местах дозорных наблюдателей. Все группы должны быть снабжены специальными щупами, к этим группам должны прикрепляться пять – семь дворов, в которых группа тщательно обязана просматривать все места и весь выявленный спрятанный хлеб направлять на элеватор в счет плана хлебозаготовок того колхоза, в районе которого найден хлеб.

В целях усиления работы по разгрому саботажа в колхозах и единоличных хозяйствах создаются "буксирные бригады".

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 101. Л. 58 – 60.

43. Постановление бюро Тихорецкого райкома ВКП(б) о ходе сева, хлебозаготовок и взмета ябл.

28 ноября 1932 г.

Сов. секретно.

Констатируется, что в станице Новорождественской саботаж не сломлен и мероприятия по борьбе с саботажем проводятся недостаточно.

Решено конфисковать все посева, необранные к 30 ноября, провести их уборки и обмолот "силами буксирующих" (специально созданных групп из других станиц), провести проверку разворованного хлеба не только у единоличников в колхозных дворах, но и у коммунистов.

"Усилить наблюдение за недопуском граждан станицы Новорождественской на базары в Тихорецк".

ЦДНИКК. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 130. Л. 166, 168.

44. Постановление бюро Тихорецкого райкома ВКП(б) о выселении из станиц района кулацко-зажиточных хозяйств.

28 ноября 1932 г.

Утверждены к административному выселению за пределы Северо-Кавказского края (за сопротивление мероприятиям партии и соввласти, отказ от выполнения планов хлебозаготовок и сева, неплатеж налога и антисоветскую агитацию) 233 хозяйства по 1-й и 2-й категориям. Дана их разрядка по станицам (из Новорождественской – 80 хозяйств).

ЦДНИКК. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 130. Л. 89.

45. Постановление внеочередного заседания бюро Староминского райкома ВКП(б).

28 ноября 1932 г.

Сов. секретно.

Констатируется, что "кулацкий контрреволюционный саботаж не сломлен, за последние дни поступление хлеба совершенно прекратилось". Парткомитеты, ячейки, директора МТС, сельсоветы "не видят огромного расхищения хлеба, не понимают необходимости борьбы... Занялись подсчетами, которые основаны на кулацких настроениях". Бюро постановило "запретить всякие разговоры и подсчеты – основанные на кулацких настроениях, притупляющие борьбу за хлеб", "последний раз потребовать резкого перелома в выполнении плана хлебозаготовок".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 123-124.

Декабрь

46. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о декабрьском плане хлебозаготовок.

4 декабря 1932 г.

Сов. секретно.

Недовыполненная часть годового плана составила план на декабрь: по колхозно-крестьянскому сектору по всем зерновым культурам – 152 922 ц, в т. ч. – по колхозному сектору – 150 929 ц, по единоличному бедняцко-средняцкому – 3187 ц и по твердым заданиям 757 ц. Дана разбивка плана по сельсоветам и МТС.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 140-142.

47. Директивное письмо Павловского райкома ВКП(б) всем секретарям парткомитетов и ячеек ВКП(б) о проведении мероприятий по усилению выполнения плана хлебозаготовок.

6 декабря 1932 г.

Строго секретно.

Райком предлагает в колхозах, не выполнивших план хлебозаготовок, опечатать амбары, в том числе по фермам и бригадам, выбросив все наличие зерна на элеваторы и заготовительные пункты" к 5 декабря; организовать проверку в колхозах всех складов, кладовых, сараев и т.п. и все обнаруженное зерно немедленно сдать на заготовительные пункты; в течение 3 – 5 декабря специальными комиссиями провести осмотр всех скирд и составить акты на необмолоченный хлеб и скирды соломы и половы, подлежащие вторичному обмолоту; осмотреть все полевые становища и усадьбы бригад с целью выявления скрытого хлеба; провести осмотр всех кукурузных полей и вторичную молку кукурузы; провести

обыски в колхозах, саботирующих план, в первую очередь у коммунистов, возчиков, весовщиков, амбарщиков и т.д. "не допуская однако сплошных обысков, которые на практике не дали положительных результатов".

ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 65. Л. 152.

48. Постановление бюро Славянского райкома ВКП(б) об усилении репрессивных мер в связи с невыполнением плана хлебозаготовок в станицах района.

6 декабря 1932 г.

Вместо плановых 700 тонн в день по району поступает 100 – 120 тонн. Для усиления хлебозаготовок в станице, помимо ранее посланных работников, командированы дополнительные кадры. Им поручено немедленно проверить всех колхозников, имеющих наименьшее количество трудодней, а также тех, на кого поданы заявления об укрытии хлеба. Найденный хлеб отобрать, виновных арестовать. В отношении единоличников, не выполнивших плана хлебозаготовок, "применить обязательное, бесспорное изъятие хлеба (повторное)". Прокурору поручено "немедленно организовать и провести судебные процессы (с применением высшей меры наказания) "в отношении воров колхозного хлеба" в станицах Петровской, Полтавской, Ивановской, Николаевской и Гривенской.

Решено также организовать 14 буксирных бригад за счет станиц и колхозов, выполнивших план. Провести во всех станицах массовые собрания "по вопросам состояния хлебозаготовок и о репрессивных мерах по станице Полтавской, занесенной на краевую черную доску (выселение 200 хозяйств за пределы края и исполнение высшей меры наказания – расстрел 17 человек за воровство колхозного хлеба).

ЦДНИКК. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 89. Л. 34 – 35.

49. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о ходе хлебозаготовок, зяблевой пахоты и сева подсолнуха.

8 декабря 1932 г.

Отмечено, что годовой план хлебозаготовок успешно выполнили колхозы и сельсоветы Ленинталь, Свободный и Аргатов, а все остальные "еще не сломили кулацкого саботажа". По району процент выполнения плана низкий: по зерновым – 68,8 %, по масличным – 37 %, темпы полевых работ "преступно снизились". Бюро постановило категорически осудить выступления секретарей Кирпильской и Александровской ячеек, выразивших неуверенность в выполнении плана хлебозаготовок, и отметило, что партколлектив ст. Восточной "сделал большую политическую ошибку, допустив обсуждение на президиуме сельсовета списка граждан на предмет ходатайства о их выселении". Также отмечается, что в выявлении расхищенного зерна в станицах Ладожской, Воронежской, Кирпильской имели место перегибы, виновные в которых привлекаются к ответственности.

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 116. Л. 144 - 145.

50. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о ходе выполнения плана хлебозаготовок по Новодеревянковской МТС.

*11 декабря 1932 г.
Сов. секретно.*

Райком в последний раз категорически потребовал к 20 декабря обеспечить стопроцентное выполнение плана хлебозаготовок по сельсоветам, колхозам и бригадам "во что бы то ни стало".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 135-136.

51. Постановление бюро Павловского райкома ВКП(б) о мерах по преодолению саботажа хлебозаготовок в районе.

17 декабря 1932 г.

Строго секретно.

Принять во исполнение решения крайкома ВКП(б) от 16 декабря 1932 г. Поручено через аппарат ОГПУ и милицию "с привлечением проверенных членов партии" в двухдневный срок еще раз проверить все амбары, склады, сельпо и т.д. и организовать вывоз хлеба; "поголовно обыскать всех кулаков, зажиточных и лишенцев, все обнаруженное зерно сдать немедленно на заготпункты; в бригадах, не выполняющих план, применять к колхозникам "натуральный штраф мясом в размере мясных поставок", исключение из колхоза и предание суду лодырей и расхитителей с взысканием с них гособязательств деньгами и хлебом как с единоличников. Бюро райкома ходатайствовало перед крайкомом о роспуске за злостное сопротивление хлебозаготовкам двух бригад колхозов в ст. Уманской и одной бригады – в ст. Павловской. Колхозники и единоличники ст. Незамаевской предупреждались о высылке из пределов края.

Также предполагалось разъяснить колхозникам решение ЦК и СНК о разрешении колхозной торговли хлебом в Московской области и Татарской АССР – что краю, и в том числе Павловскому району, будет разрешена эта торговля только после выполнения годового плана хлебозаготовок и засыпки семян.

ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 65. Л. 155 – 157.

52. Постановление бюро Каневского райкома ВКП(б) о ходе хлебозаготовок в районе.

18 декабря 1932 г.

Сообщается, что саботаж не сломлен, обещание, данное крайкому партии, о выполнении плана хлебозаготовок к 15 декабря, не выполнено. Решение крайкома от 16 декабря

о ходе хлебозаготовок принято к безусловному исполнению. Отмечается, что "отдельные коммунисты прямо перешли на позицию классового врага". Принято решение о снятии их с работы и исключении из партии. Парторганизации станций Каневской и Стародеревянковской предупреждены, что при невыполнении плана будет оставлен вопрос о занесении этих станций на черную доску.

По ряду колхозов (названы) предписано довести до бригад "Обязательное задание по хлебу, применяя меры репрессий, в частности, натуральный штраф мясозаготовок, в размере мясопоставок и т.д., вплоть до исключения из колхозов, предания суду расхитителей хлеба, лодырей, ... взыскивая с исключенных из колхозов все государственные задания по хлебу, как с единоличников". Под личную ответственность уполномоченных райкома и секретарей ячеек приказано в течение суток вывезти все зернопродукты, имеющиеся в сельпо и запретить всем населенным пунктам района образование каких бы то ни было хлебных фондов впредь до полного выполнения плана хлебозаготовок.

ЦДНИКК. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 79. Л. 309 – 310.

53. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) и президиума райКК ВКП(б) о выполнении хлебозаготовок.

18 декабря 1932 г.

Одобрят линию крайкома на разгром саботажа на Кубани и выселение жителей ст. Полтавской. За "преступно слабую борьбу с саботажем" сняты с работы и исключены из партии секретари ячеек, председатели сельсовета, директор МТС. Предписано организовать повторный обмолот, пересевание зерновых культур, вторую, а в случае необходимости и третью уборку кукурузы, обеспечить жесткий контроль за уборкой и

обмолотом. Изъять все зерно на мельницах, как единоличного, так и колхозного сектора.

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 116. Л. 158- 159.

54. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о ходе хлебозаготовок.

18 декабря 1932 г.

Сов. секретно.

Принято по постановлению крайкома ВКП(б) от 16 декабря 1932 г. "О ходе хлебозаготовок". Отмечается, что кулацкий саботаж на Кубани не сломлен. Принимается дополнительный план к годовому плану хлебозаготовок для выполнения (любыми культурами) по 18 колхозам района со сроками сдачи зерна 21 – 25 декабря. В счет плана хлебозаготовок предписано в двухдневный срок "вывести на элеватор полностью амбарные остатки всех культур". В случае саботажа – "принимать меры репрессии": натуральный штраф мясом, исключение из колхоза, отдача под суд. Райком потребовал усилить работу по вскрытию разворованного хлеба в ямах, амбарах и т.д., прекратить всякое расходование фуража и какое бы то ни было образование хлебных фондов в колхозах впредь до выполнения плана. Несколько председателей колхозов исключено из партии с отдачей под суд.

ЦДНИКК. Ф. 1075, ОП. 1, Д. 75, Л. 145-147.

55. Постановление бюро Тихорецкого райкома ВКП(б), принятое совместно с райпартактивом, о реализации постановления Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 16 декабря 1932 г. о ходе хлебозаготовок и снятии с черной доски станицы Новорождественской.

18 декабря 1932 г.

На 19 декабря 1932 г. назначен "широкий пленум совета совместно с правлениями колхоза и колхозным активом для разъяснения решения о снятии станицы с

черной доски. В связи с тем, что станица плана озимого сева не выполнила, вся невыполненная часть озимого клина включена в план весеннего сева. Колхозники и единоличники станицы Новорождественской предупреждены о том, что неудовлетворительный сбор семян и плохой уход за тяглом будут означать, что саботаж не сломлен, и приведут станицу "опять к занесению на черную доску со всеми вытекающими отсюда последствиями", а к единоличным хозяйствам, отказывающимся от засыпки семян, будет применена высылка за пределы Северного Кавказа.

Исключен из партии ряд руководителей парторганизаций, стансоветов и МТС. Постановлено довести конкретные задания до колхозных бригад и при невыполнении применять штрафы мясом в размере мясных поставок, исключение из колхоза и предание суду.

*ЦДНИКК. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 130. Л. 210 – 211.
Типографский экземпляр.*

56. Протокол заседания комиссии по чистке Новодеревянковского партколлектива Староминского района.

20 декабря 1932 г.

Приведены биографические данные коммунистов станицы, оценки их борьбы с кулацким саботажем, факты бытового компромата (председатель ревкомиссии – "отъявленный картежник, профессионал, был случай, когда он целые недели подряд играл в карты. На требование партячейки прекратить игру он ответил: "Так это моя жизнь, источник существования". "Пьянствует, лодырничает...", решения об исключении из партии или прохождении чистки. В нескольких случаях упоминается, что правление колхозов приняло решение не вывозить хлеб.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 94. Л. 1-20.

57. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б)
о ходе хлебозаготовок.

*25 декабря 1932 г.
Сов. секретно.*

Отмечается, что саботаж не сломлен. Наряду "с позорно – оппортунистически проваливающимися план хлебозаготовок" хозяйствами есть колхозы, которые выполнили ^{п*}перевыполнили план (названы пять колхозов). От невыполнивших "последний раз" потребовано к 1 января 1933 г. обеспечить полностью выполнение плана хлебозаготовок и в трехдневный срок – планов по твердым заданиям и единоличного сектора. Прокурору, нарсудам и милиции предложено перестроить свою работу так, чтобы все дела расхитителей колхозного имущества рассматривались в трехдневный срок. "Буксирные бригады" из ударников выполнивших план колхозов решено направить в отстающие колхозы Новодеревянковского и Новоясенского сельсоветов.

В отдельном пункте постановления отмечались случаи, когда представители райкома и крайкома, "работая длительный период в колхозе, станице, вместо того, чтобы со всей твердостью проводить требования государства, переходят на позиции защиты местных интересов, теряют большевистскую твердость...". Райком предупреждает об ответственности вплоть до исключения из партии.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 149-150.

58. Постановление бюро Армавирского райкома ВКП(б)
о мерах в связи с занесением станицы Урупской на черную доску.

*26 декабря 1932 г.
Строго секретно.*

Сообщается, что за упорный саботаж сева и хлебозаготовок станица Урупская крайкомом партии

занесена на черную доску. Бюро райкома поручает фракции райисполкома немедленно применить к жителям станицы репрессивные меры: прекратить всякого рода кредитование, немедленно взыскать все платежи и все виды обязательств, организовать комиссию по чистке колхозных, кооперативных и советского аппаратов "от чуждых, примазавшихся и враждебных элементов". Фракции райпо предложено немедленно изъять из лавок станицы Урупской все наличие товаров и передать из колхозам, добросовестно выполняющим план. Прокурору района и председателю сессии крайсуда поручено немедленно выехать в Урупскую "для разбора дел контрреволюционных саботажников". Жители станицы предупреждены о возможном выселении в северные области в случае продолжения саботажа.

ЦДНИКК. Ф. 7943. Оп. 1. Д. 88. Л. 170 – 172.

59. Постановление бюро Павловского райкома ВКП(б) о выполнении решения Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 26 декабря 1932 г. о ходе хлебозаготовок.

26 декабря 1932 г.

Строго секретно.

Отмечается, что ряд станиц, особенно Уманская, Незамаевская и Старолеушковская саботируют решения крайкома партии. "Совершенно правильным" признано занесение ст. Уманской на черную доску. Исключен из партии уполномоченный крайкома по этой станице – председатель райисполкома "за явно оппортунистическое руководство и способствование классовому врагу". В Уманскую командированы секретарь райкома Будгер и зам. председателя райисполкома Попов для проведения всех мер, вытекающих из занесения станицы на черную доску.

ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 65. Л. 166 – 168.

60. Постановление бюро Каневского райкома ВКП(б) о ходе выполнения плана хлебозаготовок и применении репрессивных мер в станице Стародеревянковской, занесенной на черную доску.

27 декабря 1932 г.

Сообщается о занесении ст. Стародеревянковской на черную доску за продолжение саботажа и применение к ней мер, предусмотренных решением крайкома ВКП(б) от 4 ноября 1932 г.

*ЦДНИКК. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 79. Л. 316.
Типографский экземпляр.*

61. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о запрещении массовых обысков и о ситуации в станице Новоминской.

*30 декабря 1932 г.
Сов. секретно.*

Постановлено запретить сельсоветам, партиейкам и уполномоченным райкома допускать массовые обыски в колхозных и единоличных хозяйствах. Обыски производить только при наличии данных о скрытом хлебе при обязательном участии в комиссии представителей милиции и оперативных групп.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 156.

62. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о ходе хлебозаготовок по станице Новодеревянковской.

*30 декабря 1932 г.
Сов. секретно.*

К неуклонному исполнению принято постановление крайкома ВКП(б) от 26 декабря 1932 г. о занесении на

черную доску станицы Новодеревянковской. Перечисляются репрессивные меры: немедленное прекращение подвоза товаров, вывоз из лавок всех наличных товаров, полное запрещение торговли, прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание финансовых обязательств, чистка госаппарата. Жители станицы предупреждались, что в случае продолжения саботажа будет поставлен "вопрос об их выселении из пределов края в северные области и заселении этой станицы добросовестными колхозниками, работающими в условиях малоземелья в других краях". Для слома саботажа в колхозы Новодеревянковского сельсовета командированы представители райкома. Единственным средством, при котором станица может быть снята с черной доски, названо полное выполнение годового плана хлебозаготовок.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 157-158.

63. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о взыскании платежей по задолженности колхозов Новодеревянковского сельсовета.

30 декабря 1932 г.

Сов. секретно.

В связи с занесением станицы Новодеревянковской на черную доску задолженность госбанку колхозов "Животновод", "Правда" взыскивается досрочно, для чего решено объявить торги на продажу свиноводческой фермы, а в случае непокрытия задолженности – продать кролиководческую ферму и отбракованный скот из МТФ. Продажу производить только колхозам, выполнившим план хлебозаготовок, и организациям.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1, Д. 75, Л. 154.

64. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о роспуске Новодеревянковского сельсовета в связи с саботажем хлебозаготовок.

30 декабря 1932 г.

Особая папка.

Сообщается, что все мероприятия, вытекающие из решения о занесении станицы Новодеревянковской на черную доску, проведены, но за истекшую пятидневку выполнение плана хлебозаготовок "вместо повышения дало снижение". Это трактуется как неспособность партийной, комсомольской организации и сельсовета сломить саботаж. Поэтому решено сельсовет распустить. Фракции РИКа поручено "провести это решение в советском порядке".

Вторым пунктом постановления райком просит крайком "ускорить разрешение вопроса о выселении всех единоличников и весь контрреволюционный элемент с пределов Северо-Кавказского края".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 75. Л. 160-161.

65. Протокол заседания комиссии по чистке ячеек ВКП(б) колхоза им. Каншина станицы Ладужской Усть-Лабинского района.

30 декабря 1932 г.

Приведены высказывания проходивших чистку и о них. В том числе - активисты по борьбе с саботажем: О.В. Иващенко, 1889 г. р., колхозница, батрачка, иногородняя ("создала женактив, обнаруживали ямы с хищенным зерном, находили в печках, в зачатках"); А.М. Лионов, 1906 г. р., колхозник, бедняк, иногородний ("сегодня выявил 40 пудов зерна и муки, виновных передаю участковому").

ЦДНИКК. Ф. 1471. ОП. 1. Д. 125 а. Л. 189, 193, 194.

66. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) об утверждении дополнительного плана хлебозаготовок сельсоветам и колхозам, выполнившим план.

Декабрь 1932 г.

Выполнившим планы сельсоветам и колхозам (пять) дан встречный дополнительный план (от 200 до 500 т.).

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 116. Л. 168.

1933 год

Январь

67. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о выполнении плана хлебозаготовок.

1 января 1933 г.

Отмечается, что темпы выполнения плана "преступные".

"Совершенно правильным" признано решение крайкома ВКП(б) от 31 декабря 1932 г. об исключении из партии председателя Усть-Лабинского райисполкома, прикрепленного по хлебозаготовкам к станице Ладожской и не сумевшего обеспечить слом саботажа, районного прокурора ("за защиту классового врага") и секретаря райкома ВЛКСМ.

Отмечается, что население станицы Ладожской, занесенной 26 декабря 1932 г. на черную доску за сопротивление хлебозаготовкам, продолжает "упорно саботировать выполнение плана" (на 1 января 1933 г. план выполнен на 71,1 %).

Бюро постановило распустить станичный партком, а секретаря Шаршидского, "проводившего политику мира с кулаками", исключить из партии. Сняты с

работы и исключены из партии председатели артелей "Пищевик" и инвалидов. Новому составу парткома поручено обеспечить проведение всех мероприятий, вытекающих из занесения станицы на черную доску: полное прекращение торговли, взыскание платежей, запрещение выезда из станицы, репрессии.

• ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 127. Л. 1-4.

68. Постановление внеочередного заседания бюро Тимашевского райкома ВКП(б) о роспуске парторганизации и выселении жителей станицы Медведовской.

1 января 1933 г.

Сов. секретно.

Бюро одобрило как "совершенно правильное и своевременное" решение крайкома ВКП(б) от 31 декабря 1932 г. о роспуске парторганизации станицы Медведовской и выселении жителей на Север "за контрреволюционный саботаж в выполнении плана хлебозаготовок".

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 139. Л. 1 – 2.

69. Постановление бюро Ейского райкома ВКП(б) по вопросу о мероприятиях в станице Старошербиновской, занесенной на черную доску.

1 января 1933 г.

Отмечается, что выполнение решений крайкома ВКП(б) от 16 декабря 1932 г. по хлебозаготовкам в районе сорвано. Бюро райкома одобрило решение крайкома о занесении на черную доску станицы Старошербиновской и постановило применить к станице следующие меры: прекращение подвоза товаров и торговли; вывоз всего наличия товаров, прекращение всякого кредитования и

досрочное взыскание обязательств. Предупредить жителей ст. Старощербиновской, что в случае продолжения саботажа будет поставлен вопрос об их выселении из пределов края в северные области.

ЦДНИКК. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 142. Л. 2.

70. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) о мерах в связи с занесением станицы Платнировской на черную доску.

1 января 1933 г.

Решение крайкома ВКП(б) о занесении на черную доску станицы Платнировской "за явный саботаж хлебозаготовок" признано "совершенно правильным и своевременным". Отмечается, что значительная часть колхозников и абсолютное большинство единоличников не только помогали кулачеству организовывать саботаж, но и сами непосредственно расхищали колхозный урожай. "В результате в колхозах ст. Платнировской создан единый фронт, организованный кулачеством, против мероприятий партии и советской власти". План сева выполнен на 56 %, хлебозаготовок – 56 %. "Ряд коммунистов, комсомольцев, членов профсоюза и совета являлись и являются организаторами саботажа".

Бюро райкома распорядилось провести в ст. Платнировской все меры, вытекающие из занесения ее на черную доску; для борьбы с саботажем командировать в станицу начальников райотделения ОГПУ и милиции, а также бригады коммунистов из х. Буряковского и ст. Выселки; выехать в станицу райпрокурору и нарсудье "для постоянной там работы по своей линии до выполнения станицей плана хлебозаготовок".

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 13 – 15.

71. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) о дополнительных репрессивных мерах в отношении колхозников и единоличников черnodосочной станицы Платнировской.

2 января 1933 г.

Отмечается, что несмотря на занесение ст. Платнировской на черную доску, поступление хлебозаготовок по району снизилось по сравнению с концом декабря. Это райком объясняет "наличием колебаний у ряда коммунистов" и "отсутствием настоящей борьбы по слову саботажа". Поэтому в дополнение к постановлению от 1 января решено силами районных организаций в суточный срок принять меры (взыскание платежей, вывоз товаров и т.п.) в отношении колхозников и единоличников ст. Платнировской; в двухдневный срок "обеспечить отобрание приусадебных земель у всех единоличников, выселение части единоличников из своих домов и вселение их в дома других единоличников (уплотнение); в других станицах провести такие же меры в отношении распущенных колхозных бригад.

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 22.

72. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) о ходе хлебозаготовок.

5 января 1933 г.

Сов. секретно.

Констатируется факт резкого снижения темпов хлебозаготовок, особенно по единоличному сектору, в первую пятидневку января. "По-прежнему проводят саботаж" жители станицы Платнировской. Райком предупреждает, что при неисполнении ими плана к 10 января будет поставлен вопрос о выселении в северные районы.

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 8.

73. Постановление бюро Славянского райкома ВКП(б) по вопросу о вселении и размещении красноармейских хозяйств, прибывших на жительство в станицу Полтавскую.

5 января 1933 г.

Сообщается, что "в бывшую станицу Полтавскую" прибыло на постоянное жительство 1 400 человек, в том числе 800 членов и кандидатов ВКП(б), поэтому решено, с учетом оставшихся в этой станице части бывших красных партизан, двух переселенческих коммун и одного колхоза, образовать сельсовет и сельское потребительское общество. Также решено "принять все меры к завозу в бывшую станицу Полтавскую овощных ресурсов: 15 тонн подсолнечного масла, 2 тонны картофеля и мяса..., обеспечить это мероприятие в двухдневных срок". Отдельными пунктами записано о настоятельных требованиях прибывших красноармейских хозяйств немедленно закрыть все церкви в "бывшей станице Полтавской" и о ходатайстве переименовать станицу "в село Красноармейское".

ЦДНИКК. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 92. Л. 7 – 8.

74. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) о ходе хлебозаготовок

8 января 1933 г.

Снижение темпов хлебозаготовок признано "совершенно нетерпимым". Бюро райкома постановило распустить колхоз "Заветы Ильича" станицы Платнировской; "стансовету ст. Платнировской немедленно исключить из колхоза всех колхозников, злостно саботирующих выполнение заданий по хлебу, и применить к ним все мероприятия, вытекающие из занесения станицы на черную доску". Колхозников, выполнивших свои задания по хлебозаготовкам, перевести в другие колхозы.

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 47 – 48.

75. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о ходе хлебозаготовок в районе.

9 января 1933 г.

Сов. секретно.

Отмечается, что саботаж не сломлен, повторяются предупреждения, вынесены взыскания. 4-й пункт постановления содержит просьбу к крайкому о выселении жителей черносочной станицы Новодеревянковской за пределы края.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 79. Л. 1-3.

76. Постановление бюро Ейского райкома ВКП(б) и райисполкома о роспуске "лжеколхоза № 5" станицы Старощербиновской и взыскании недоимок с колхозников и единоличников.

9 января 1933 г.

Сов. секретно.

Констатируется, что 5-й колхоз им. Тельмана ст. Старощербиновской выполнил план хлебозаготовок только на 40 %, допустил "засорение" своих руководящих органов, "идет на поводу у кулака". На предъявленное требование в 24-часовой срок выполнить годовой план хлебосдачи продолжает злостный саботаж. Решено "распустить его как лже-колхоз", немедленно довести до колхозников задания по хлебу, мясу и финплатежам как до единоличников; в двухдневный срок произвести опись и изъятие имущества тех хозяйств, которые не произведут платежи; наиболее злостных лишать усадебной земли, выселить из занимаемых домов и предать суду. Для ликвидации колхоза создать специальную комиссию.

ЦДНИКК. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 142. Л. 19 – 20.

77. Материалы заседания Северо-Кавказской краевой комиссии по чистке партячеек колхозов Староминского района в отношении Амилова С. М., уполномоченного по хлебозаготовкам в станице Новодеревянковской.

13 января 1933 г.

Протокол беседы с Амиловым и постановление об исключении его из партии и снятии с работы налогового инспектора "за допущение перегибов в работе и незаконные действия в станице, занесенной на черную доску". Изъяв у колхозников "расхищенное" зерно, он вместо сдачи его на элеватор завез к себе на квартиру, "купил гуся и начал его откармливать для своих личных надобностей... Допустил покупку гуся в станице, занесенной на черную доску, на что не имел никакого права, т.к. в станице всякая торговля прекращена". Незаконно описал все имущество, вплоть до дома, у беднячки колхозницы Кононенко, которая делала бумажные цветы и продавала, после чего Кононенко умерла. Так же он поступил с другой бедняцкой семьей за то, что колхозница продавала юбку.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 100. Л. 66-67, 69 об., 70.

78. Постановление бюро Павловского райкома ВКП(б) с одобрением решения Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 12 января 1933 г. о выселении жителей станицы Уманской в северные районы страны.

14 января 1933 г.

Сов. секретно.

Выселению подлежали 1 200 хозяйств, "злостно саботирующих хлебозаготовки, идущих на поводу у кулака". Одновременно, отмечалось, что партруководство района, несмотря на категорические предупреждения крайкома, не добились слома саботажа, а "отдельные колхозы и в целом станицы абсолютно прекратили сдачу хлеба". Райком предупреждал секретарей парторганизаций

и колхозы станиц Незамаевской (находящейся на черной доске), Павловской, Старолеушковской, Атаманской, что если они в ближайшие три дня не добьются решительного перелома в завершении плана хлебозаготовок, к ним будут приняты "самые жесткие меры как к явным саботажникам, не желающим выполнять своих обязательств перед пролетарской страной".

ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 67. Л. 11, 15 – 17.

79. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о ходе хлебозаготовок в районе.

15 января 1933 г.

Сов. секретно.

Райком "категорически и последний раз" требует закончить выполнение годового плана хлебозаготовок каждым колхозом к 20 января. Утверждены дополнительные планы хлебозаготовок по сельсоветам, выполнившим свои планы.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 79. Л. 7.

80. Постановление бюро Тимашевского райкома ВКП(б) о размещении красноармейский семей, вселяемых в станицу Медведовскую.

15 января 1933 г.

Сов. секретно.

Предлагается из числа переселенцев организовать два самостоятельных колхоза по 250 – 300 хозяйств каждый и до 100 семей влить на пополнение и освежение коммуны "Новый мир" с последующей постановкой вопроса о переводе ее на устав сельхозартели". Вселяемые семьи красноармейцев разместить в домах высланных компактными группами; для создания материальной базы вселяемым хозяйствам отчислить от медведовских колхозов такой процент озимого посева, который был в среднем, равен площади посевов колхоза. Изъятое имущество

выселенных – тягло, молочный скот, сельхозинвентарь предписывалось полностью передать организуемым колхозам из семей красноармейцев.

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 139. Л. 12 – 13.

81. Постановление бюро Армавирского райкома ВКП(б) об организации оргбюро в станице Урупской.

16 января 1933 г.

В связи с выселением жителей Урупской для проведения оргмассовой работы в станице и перерегистрации парторганизации создано оргбюро из трех человек.

ЦДНИКК. Ф. 7943. Оп. 1. Д. 88. Л. 68.

82. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о запрете колхозам "Щербак" и "Животновод - Правда" использовать молочные продукты для местных нужд.

17 января 1933 г.

Сов. секретно.

Ввиду неудовлетворительного выполнения плана хлебозаготовок двум колхозам Новодеревянковского сельсовета запрещается использовать молочные продукты "для местных расходов, за исключением преданных честных борцов за хлеб, за укрепление колхозов и красных партизан". Районному земельному отделу предписано установить строгий контроль за расходом молочных продуктов и их сдачей полностью государству в счет выполнения плана молокозаготовок. Правления колхозов предупреждены, что в случае отсутствия сдвига в хлебозаготовках к 20 января будет поставлен вопрос об отчуждении товарных ферм.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 79. Л. 9-10.

83. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) об итогах выполнения плана хлебозаготовок, роспуске колхозных бригад, не выполнивших планы.

*20 января 1933 г.
Сов. секретно.*

За упорное "кулацкое контрреволюционное" сопротивление хлебозаготовкам распущены пять бригад из четырех колхозов Новодеревянковского сельсовета. К колхозникам распущенных бригад предписано немедленно применить меры как к единоличникам.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 79. Л. 12-13.

84. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) об изъятии всех продуктов питания у "саботажниковхозполиткомпании".

*20 января 1933 г.
Сов. секретно.*

Принято по предложению Ярошенко* в отношении ст. Новодеревянковской, с условием соблюдения классового подхода и особой бдительности "при подборе хозяйств для применения суровых мер воздействия".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 79. Л. 13.

**Примечание:*

Ярошенко – уполномоченный райкома и райисполкома по Новодеревянковскому сельсовету, заместитель председателя райисполкома по заготовкам. Постановлением бюро от 4 апреля 1933 г. отозван из Новодеревянковской, снят с работы и исключен из партии " за необеспечение резкого перелома в ходе сева по Новодеревянковской, голое администрирование и запугивание колхозников".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 79. Л. 86.

85. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о подготовке к весеннему севу.

20 января 1933 г.

Сов. секретно.

В связи со снижением крайкомом оставшегося количества невыполненного плана хлебозаготовок предписывается немедленно начать сбор семенных фондов и завершить его 10 февраля. Утверждены ориентировочные показатели сева по МТС. Сбор семенных фондов рекомендовано проводить методами хлебозаготовок. В отношении колхозников, расхищающих семена и не желающих сеять, применять меры вплоть до исключения из колхоза и немедленного перевода на положение единоличников. К саботирующим единоличникам применять меры, предусмотренные ст. 61 Декрета об охране общественной собственности.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 79. Л.17-18.

86. Постановление бюро Павловского райкома ВКП(б) о борьбе с массовым бегством из станиц.

24 января 1933 г.

Отмечается, что в последнее время "классовый враг применил новый метод борьбы с мероприятиями партии – организацию массового бегства колхозников из станиц". Решено немедленно развернуть всю систему мер борьбы с бегством: выделить в помощь райотделению ОГПУ и милиции проверенный актив и комсомольцев; организовать заслоны на выходах из станиц и ж.д. станциях, патрулирование по станицам и хуторам, "не допуская ни одного случая бегства". Одновременно "провести выявление беглого элемента, осевшего в других колхозах, МТС, совхозах". "Соцблизкий элемент" после

проверки вернуть к прежнему месту жительства, а "все прочие элементы" привлечь к судебной ответственности. Во всех стансоветах силами милиции и актива немедленно организовать путем подворных обходов "массовое выявление бежавших из своих и других станиц". На массовых собраниях оповестить колхозников и единоличников, что "беглецы будут жестоко караться вплоть до расстрела". Секретарям предлагалось информировать райком "личными информационными письмами" о настроениях населения и мерах борьбы с бегством.

ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 67. Л. 20 – 21.

87. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) о мерах по борьбе с бегством из станиц.

28 января 1933 г.

Строго секретно.

Бегство жителей из станиц расценивается как "один из наиболее вредных методов саботажа". Бюро райкома требует развернуть широкую массовую работу и к лицам убегающим и пытающимся убежать принимать "самые строгие меры судебного воздействия вплоть до расстрела". Решено установить заслоны по всем основным дорогам и систематическое круглосуточное наблюдение за движением в станицах и хуторах; прекратить всякую выдачу справок и разрешений на выезд из станиц; обязать парторганизации станиц Пластуновской, Платнировской, Кореновской, Выселковской, расположенных по линии железной дороги, установить строжайший контроль за выдачей ж/д билетов "только по командировочным удостоверениям и с особым на то разрешением советов". В трехдневный срок выявить все сбежавшие хозяйства, как колхозников, так и единоличников, установить место их пребывания и персональные списки выслать в райотделение ГПУ.

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 87.

88. Постановление бюро Ейского райкома ВКП(б) о массовом убое скота в чернодосочной станице Старощербиновской.

29 января 1933 г.

Сов. секретно.

Отмечено, что "хищнический убой скота в Старощербиновке продолжается". Решено воспретить всякий убой и продажу скота впредь до снятия станицы с черной доски.

ЦДНИКК. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 142. Л. 50.

Февраль

89. Постановление Центральной комиссии по чистке сельских парторганизаций Северо-Кавказского края в отношении Г. С. Проскурина, председателя Староминского райисполкома.

1 февраля 1933 г.

Обвиняется в непринятии решительных мер по выполнению хозполиткампаний. Из 46 колхозов района 29 "засорены чуждым элементом". Являясь уполномоченным по хлебозаготовкам в ст. Новодеревянской, не обеспечил выполнение плана хлебозаготовок, и станица два месяца находится на черной доске. Формально отнесся к выявлению кулачества в районе: по учету РИКа значилось 15 человек, а выявлено 200.

Чистку прошел, но за "бездеятельность в выполнении плана хлебозаготовок по станице Новодеревянской" ему объявлен строгий выговор.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 97. Л.33-34.

90*. Постановление Центральной комиссии по чистке сельских парторганизаций Северо-Кавказского края об исключении из партии председателя колхоза им. Ворошилова станицы Староминской А.С. Федорова за саботаж хлебозаготовок и мясозаготовок.

1 февраля 1933 г.

Из бедняков, кандидат ВКП(б) с 1931 г. Будучи председателем колхоза, заявил: "Сначала обеспечу колхозников, а потом буду давать хлеб государству". Не выполнил план мясозаготовок, "мотивируя тем, что общественное стадо овец принадлежит колхозникам, надо спросить согласия".

Исключен за саботаж хлебозаготовок "как агент классового врага".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 97. Л. 48-48 об.

91. Постановление Староминского районного посевного комитета об общественном питании в период весеннего сева.

1 февраля 1933 г.

Решено для изыскания дополнительных продуктов на организацию общественного питания в период весеннего сева организовать охотничье-рыбачьи бригады для охоты и ловли рыбы.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 81. Л. 2.

92. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) о вселении красноармейских хозяйств в станицы района.

6 февраля 1933 г.

Принята к сведению директива "по линии ГПУ" о вселении в Платнировскую 500 хозяйств, Бейсугскую –

245 хозяйств, Пластуновскую – 200 хозяйств. Постановлено в ст. Платнировской на базе бывшего колхоза "Заветы Ильича" организовать специальный колхоз из переселенцев на 250 – 300 хозяйств, а в других колхозах на базе распущенных бригад – новые бригады по 60 – 70 хозяйств, то же – и в других станицах, исходя из общей установки о компактном ("кучном") размещении переселенцев. Весь живой и мертвый инвентарь и все имущество распущенных бригад и колхоза передать вновь образуемым хозяйствам.

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 103.

93. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) по вопросу о вселении красноармейских хозяйств.

8 февраля 1933 г.

Во изменение постановления от 6 февраля решено из прибывших красноармейцев организовать два колхоза в ст. Платнировской и по одному колхозу – в Пластуновской и Бейсугской. В связи с этим "провести внутрисканіонное переселение с территориями поименованных колхозов всех без исключения единоличников и худшую часть колхозников на территорию других колхозов", а "лучших активистов" оставить во вновь организуемых колхозах и в занимаемых ими домах. Из колхозников, подлежащих внутрисканіонному переселению, наиболее злостных в невыполнении планов по сбору семян отдать под суд. Новым колхозам провести прирезку земель от соседних колхозов, чтобы их обеспеченность землей была не меньше. Внутрисканіонное переселение провести с 9 по 12 февраля. Для встречи и расселения прибывающих красноармейцев привлечь актив и части Красной Армии, расположенные на территории станицы".

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 100.

94. Постановление Староминского районного посевного комитета о засыпке семфонда и очистке полей от сорняков.

10 февраля 1933 г.

Принято на выездном заседании в станице Канеловской, в присутствии актива 105 человек. Заслушаны доклады председателей колхозов. В постановлении ситуация характеризуется как "контрреволюционный саботаж", поставивший под явную угрозу срыва сбор семфонда в колхозах. Предписывается принять срочные меры, дать 5-дневные задания и т.п.; не выполнившие их "будут привлекаться к строжайшей государственной ответственности как враги народа". Первую бригаду колхоза "Червоне поле" – распустить "как упорно саботирующую сбор семфонда, идущую на поводу у кулака", честно боровшихся за семена колхозников из красных партизан, батраков и бедняков этой бригады перевести в другие бригады. "Предупредить остальных колхозников о том, что всякий колхоз или бригады, не собравшие семена, – это лжеколхозы и лжебригады, и что такие колхозы и бригады будут немедленно распускаться с вытекающими отсюда последствиями".

Отдельным пунктом указывалось о предании суду нескольких колхозных руководителей.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 81. Л. 11-12.

95. Постановление бюро Тимашевского райкома ВКП(б) о сборе семенного материала.

10 февраля 1933 г.

Сов. секретно.

Отмечается, что ход поступления семфонда по району проходит преступно слабо (по состоянию на 10 февраля 1933 г. – 9 % выполнения). Особо угрожающие темпы сбора семян в ст. Старовеличковской – 4 %, несмотря на то, что ямы и различные укрытия по данной

станции и единоличным хозяйствам продолжают вскрываться. Райком признает "совершенно правильным предупреждение передовицы "Правды" от 5 февраля 1933 г. о том, что "за оппортунистическое топтание на месте в засыпке семян Тимашевский район вполне заслуживает быть занесенным на черную доску с применением к нему всех вытекающих из этого мер воздействия".

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 139. Л. 30 – 32.

96. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о ходе сбора семян.

10 февраля 1933 г.

Отмечается, что сбор семян идет "преступными темпами", за пятидневку колосовых заготовлено 0,5 %. Станица Ладожская, находящаяся на черной доске по хлебозаготовкам, перенесена крайкомом ВКП(б) на черную доску по сбору семян. Другие особо отстающие станицы – Некрасовская, Восточная, Тенгинская, х. Болгов, Аргатов – "при общем ничтожном проценте сбора семян совершенно не заготавливают зерновых культур".

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 127. Л. 66-67.

97. Приложение к постановлению бюро Ейского райкома ВКП(б) о ходе сбора семян по району.

15 февраля 1933 г.

Отмечено, что районные и станичные организации сорвали выполнение плана по сбору семян к сроку, установленному крайкомом (15 февраля), "преступно прекратив работу по выявлению разворованного хлеба, переобмолоту соломы и перевеиванию половы". Решено "занесенную на черную доску по хлебозаготовкам станицу

Старощербиновскую перенести на черную доску по сбору семян".

ЦДНИКК. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 142. Л. 65.

98. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о распределении по колхозам семенной ссуды и выдаче части найденного зерна лицам, указавшим на тайники.

21 февраля 1933 г.

Сов. секретно.

Утверждено распределение предоставленной краем семенной ссуды в размере 67 800 ц и фуражной помощи 5 730 ц. В связи с этим пересмотрен и утвержден "окончательный" план засыпки семян (намечено выполнить к 5 марта). Разъясняется, что "всякому, указавшему на спрятанный хлеб, будет выдано на продовольствие до 15 % найденного зерна и 50 % зачисляется в счет выполнения его задания по семенам". Колхозники, сами раскрывающие ямы и другие тайники, к ответственности не привлекаются.

Станичные организации предупреждались о том, что "единоличникам никакой семсуды и фуража не будет дано".

С 25 февраля колхозам разрешалось использовать 10 % фонда концентрированных кормов для подкормки наиболее ослабленного тягла.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 79. Л. 39-40.

99. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о семенной и фуражной помощи государства нуждающимся колхозам.

21 февраля 1933 г.

Принято по постановлению крайкома ВКП(б) об отпуске колхозам Усть-Лабинского района семенной помощи в размере 14 200 ц (ячменя – 9 000 ц, овса – 3 700 ц,

кукурузы в кочанах 1 500 ц) фуражной помощи – 3 600 ц, для снабжения специалистов – 40 ц и обменных фондов – 3 000 ц (ячменя).

С учетом семсуды установлен новый, сниженный план сбора семян.

Разъясняется порядок получения ссуды – только колхозам, бесплатно и беспроцентно, на условиях возврата 110 пудов из нового урожая за 100 пудов ссуды, с покрытием за этот счет административных и транспортных расходов.

Всем добровольно сдавшим семена правления колхозов должны гарантировать их возврат из нового урожая после выполнения колхозом своих обязательств перед государством.

Каждому, указавшему на спрятанный хлеб, 50 % из найденного зачисляется в счет выполнения заданий по семенам и 10-15 % выдается на продовольствие. "Упорствующим" надлежало снимать с колхозного обслуживания (не продавать промтовары, задерживать расчеты по трудодням, не давать лошадей для поездок на базар и т. п.).

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 127. Л. 78 – 82.

100. Постановление внеочередного заседания бюро Староминского райкома ВКП(б) о дополнительном оказании продовольственной помощи остро нуждающимся колхозникам.

25 февраля 1933 г.

Сов. секретно.

Отмечаются "факты острой нуждаемости в продовольственной помощи некоторой части колхозников". Дана ссылка на постановление бюро райкома от 17 февраля 1933 г. (не выявлено) о немедленном получении из элеваторов и ссыпных пунктов зернопродуктов для нуждающихся в продовольствии колхозников. Однако это постановление не выполнено: Новодеревянковский,

Албашский и Новоясенский сельсоветы до сих пор не получили отпущенных для них зернопродуктов, а остальные проявили "недопустимую медлительность и боязнь распределить продовольственную помощь среди остро нуждающихся". Бюро постановило категорически и в последний раз предложить Новодеревянковскому, Новоясенскому и Албашскому сельсоветам в суточный срок получить отпущенные им зернопродукты и распределить их остро нуждающимся колхозникам; за проявленную медлительность объявить выговоры председателям сельсоветов; в целях устранения случаев острой нужды дополнительно отпустить Советам зернопродукты (дана разбивка по советам: всего для колхозников 19 000 пудов, для совпартактива – 1 700).

Эта продовольственная помощь отпускается колхозам в ссуду до нового урожая, из расчета возврата за каждые 100 пудов 110 пудов.

Также решено, начиная с 5 марта, перейти к порядку выдачи хлеба нуждающимся в продовольствии по отработанным за пятидневку трудодням (в первую очередь колхозникам, занятым на посевной кампании). В нуждающихся станицах организовать в школах выдачу завтраков из расчета 50 г хлеба на школьника.

Секретари парткомов и ячеек, председатели Советов и директора МТС строго предупреждались, что должна быть обеспечена "тщательная проверка каждого случая нуждаемости колхозника и самая жестокая расправа с случаями кулацкой провокации и спекуляции якобы на голоде и против разбазаривания и использования не по назначению ограниченных хлебных фондов".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 79. Л. 45-47.

Примечание:

5 марта бюро принято еще одно постановление об использовании продовольственной помощи, в котором отмечается, что отпущенная государством продовольственная помощь Советам полностью не получена, а полученная - не распределена. Предлагается в трехдневный срок обеспечить ее получение и выдачу.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 79. Л. 56.

101. Постановление внеочередного заседания бюро Староминского райкома ВКП(б) о черносочной станице Новодеревянковской.

*25 февраля 1933 г.
Сов. секретно.*

Ввиду того, что станица Новодеревянковская решением крайкома ВКП(б) от 23 февраля снята с черной доски, Совету предлагается "немедленно восстановить прежде существовавший порядок в отношении базара, торговли и проч.", разъяснить это решение колхозникам, "добиваясь темпов сбора семян и подготовки к весеннему севу".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 79. Л. 47.

102. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о мероприятиях в связи со снятием с черной доски станицы Ладожской.

26 февраля 1933 г.

Сообщается, что ввиду выселения за пределы края части населения станицы Ладожской, злостно проводившей саботаж, и добросовестного участия остальной части жителей станицы в хлебозаготовках, сборе семян и разгроме кулачества ("добровольно раскрывали ямы"), решением крайкома ВКП(б) от 23 февраля 1933 г. станица Ладожская снята с черной доски. Бюро предлагает фракциям райисполкома и райсоюза возобновить подвоз товаров, разрешить государственную и кооперативную торговлю, а также "всякого рода кредитование". Одновременно поручить станичному парткому, стансовету и политотделу МТС представить материалы на предмет выселения на "часть населения", продолжающего саботаж".

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 127. Л. 84.

103. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) и райисполкома об устройстве переселенцев-красноармейцев в станицах Бейсугской, Пластуновской и Платнировской.

26 февраля 1933 г.

Утверждено организационно-хозяйственное устройство четырех переселенческих колхозов: земли, тягло, инвентарь, кредиты на приобретение скота и фуража, кредиты для авансирования на питание.

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 168 – 169.

104. Постановление бюро Ейского райкома ВКП(б) о снятии станицы Старощербиновской с черной доски.

28 февраля 1933 г.

Соответствующее решение крайкома ВКП(б) принято к руководству. Указано на необходимость окончательно очистить колхозы от "классово-чуждых, вредительских и воровских элементов", "прекратить еще имеющийся падеж лошадей усилением заботы о коне", собрать недостающее количество семян за счет выявления разворованного хлеба.

ЦДНИКК. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 142. Л. 86.

Март

105. Постановление комиссии по чистке ячейки ВКП(б) колхоза "Заветы Ленина" хутора Третья Речка Кочеты Усть-Лабинского района об исключении из партии П.А. Завгороднева "за связь с чуждым элементом и скрытие службы в белой армии".

1 – 3 марта 1933 г.

"Середняк, казак, в колхозе с 1928 г., в колхоз внес пару лошадей, ход, борону, плуг, косилку". "В период голодовки скупал коров у бедняков", "в момент ожесточенной классовой борьбы за хлеб он скрывал воров

колхозного урожая. Имеет связь с чуждым и кулацким элементом. Родственники все изъяты как чуждые".

*ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 131 б. Л. 50.
На л. 151 – запись беседы с П. А. Завгородневим.*

106. Телеграмма Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) секретарям райкомов ВКП(б) о занесении на черную доску колхоза "Красный Кубанец" станицы Новорождественской Тихорецкого района.

5 марта 1933 г.

Этот колхоз (в числе других) занесен на черную доску "за организацию саботажа весеннего сева". В связи с этим предусмотрены, кроме ранее применявшихся, дополнительные меры репрессий, отзыв отпущенной семенной и фуражной ссуды и передача ее "окружающим добросовестно готовящимся к севу колхозам"; прекращение всякой продовольственной помощи; роспуск колхоза, если в декадный срок не будет обеспечен решительный перелом в подготовке к севу, с передачей обобществленного имущества и земли другим колхозам; высылка жителей из пределов края.

ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп.1. Д. 329. Л. 8 – 13.

107. Постановление районного посевного комитета Армавирского райкома ВКП(б) об охране продовольственных, семенных и фуражных грузов.

7 марта 1933 г.

Строго секретно.

Постановили: на уполномоченного райкома ВКП(б) при элеваторах, а также на зав. пунктами заготзерно возложить, под их личную ответственность выпускать продовольственные, семенные и фуражные грузы, только в

случае наличия достаточно вооруженной охраны из переменников и членов ВКП(б). Для сопровождения обозов и автомашин, направленных за получением семенных, продовольственных и фуражных грузов рекомендуется организовать в достаточном количестве вооруженную охрану из переменников и членов ВКП(б), переведя эту охрану на казарменное положение.

П. 4 (10 марта 1933 г.) – для целей охраны посевного материала обязать союзпушнину отпустить пороха – 16 кг, союз охотников – дрови 20 кг.

ЦДНИКК. Ф. 7943. Оп. 1, Д. 100. Л. 46 – 48, 50.

108. Постановление комиссии по чистке ячейки ВКП(б) при коммуне станицы Усть-Лабинской Усть-Лабинского района об исключении из партии ветфельдшера коммуны Ф.М. Кудряшова "за политику кулацкого саботажа".

7 марта 1933 г.

Из крестьян-бедняков, иногородний. В 1920 – 1921 гг. был председателем ревкома. Обвинен в падеже скота и сопротивлении хлебозаготовкам. ("Повешу замок на амбары и хлеба не дам, тогда возьмете хлеб, когда пройдете через мой труп").

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 131 а, Л. 16.

109. Постановление Центральной комиссии по чистке сельских парторганизаций Северо-Кавказского края об исключении из партии председателя правления колхоза "Хуторянин" станицы Староминской С.И. Галаса.

8 марта 1933 г.

Из казаков, кандидат ВКП(б) с 1932 г., арестован. Будучи председателем правления колхоза, не боролся с саботажем, а наоборот, выступая на колхозном собрании,

заявил, что "план хлебозаготовок нереален, что хлеб государству вывозить нельзя, т.к. колхозники останутся голодными". Сам Галас – "выходец из кулаков", дядя – белый эмигрант, родственники высланы.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 97. Л.47. 47 об.; Д. 100. Л. 112 об.

110. Постановление комиссии по чистке ячейки ВКП(б) хутора Свободного Усть-Лабинского района об исключении из партии И.Б. Попова, председателя колхоза, за непринятие мер к предотвращению женского бунта.

9 – 11 марта 1933 г.

Обвинен в том, что не вел борьбы по слову саботажа и допустил, "что его жена была инициатором организации женщин против плана хлебозаготовок; был случай, когда женщины выходили, вооружившись вилами, к колхозным амбарам, чтобы не дать вывозить хлеб в счет плана хлебозаготовок... также его жена, работая в степи, говорила колхозницам – ломайте кукурузу и берите себе, а то все равно заберут". Кроме того, Попов обвинялся в том, что держит дома иконы и имеет связь с высланными.

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 131 б, Л. 35-36.

На л. 75 – запись беседы с И.Б. Поповым.

111. Директивное письмо председателя Усть-Лабинского районного посевного комитета, секретаря райкома ВКП(б) Конева всем председателям правлений колхозов, стансоветов и секретарям парторганизаций о борьбе с хищениями в колхозах и укреплении дисциплины сельхозработ.

10 марта 1933 г.

Предлагается "решительно ударить по каждому случаю срыва дисциплины"; категорически прекратить начисление "излишних" трудоней; материалы о каждом

случае хищения "любых размеров зерна" передавать милиции; лишать продовольственной помощи всех замеченных в хищениях, "организовать в каждой бригаде черные доски, на которые заносить имена расхитителей колхозного и государственного имущества", "предупредить всех колхозников, что за расхищение семян они будут привлекаться к самой суровой ответственности вплоть до расстрела".

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 127. Л. 92-93.

112. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о положении с отходничеством в районе.

11 марта 1933 г.

Сов. секретно.

Отмечается, что предыдущее решение по этому вопросу (от 21 февраля) не выполнено. Предписывается учесть в пятидневный срок колхозников, ушедших на отходные заработки внутри района без договора и пересмотреть их состав с целью возврата на работу в колхоз. Запретить колхозам отпускать, а организациям – вербовать колхозников на отходные заработки без заключения индивидуальных договоров.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 79. Л. 65.

113. Постановление комиссии по чистке ячейки ВКП(б) при ж.д. станции Усть-Лабинская об исключении из партии секретаря партячейки М.В. Соколова "за усугубление саботажа".

12 – 14 марта 1933 г.

Обвинен в том, что не боролся с разложением коммунистов, "большинство коммунистов занялись спекуляцией и приобретением коров из станицы (Ладожской), занесенной на черную доску, вместо оказания помощи партии в проведении последствий, вытекающих из черной доски, коммунисты железной дороги стали на путь

углубления саботажа, покупая у саботажников коров и давая им возможность укрываться. И сам т. Соколов вместо борьбы с этим проявлением занялся спекуляцией в перевозке сельхозпродуктов в Москву, а также покупкой коров и продажей таковых (куплена корова за 300 р., а продана за 1 000 р. в буфет)".

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1, Д. 131 б. Л. 26-27 об.

На л. 96-98 – запись беседы с М.В. Соколовым. ("со спекуляцией борьбу вела дружина, я лично выявлением спекуляции не занимался, так как сам спекулировал").

114. Постановление комиссии по чистке ячейки ВКП(б) при ж.д. станции Усть-Лабинская об исключении из партии Г.Т. Саматько, машиниста электростанции, "за поддержку саботажа".

14 – 17 марта 1933 г.

Обвинен в спекуляции – возил мед и семечки в Москву, а "во время занесения ст. Ладожской на черную доску, когда партия применяла все последствия, вытекающие из черной доски, усугублял саботаж покупкою коров и тайным вывозом таковых из станицы. Обвиняет партию в построении совхозов, колхозов и МТС своим письмом в центральные органы – газ. "Правду".

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1, Д. 131 б, Л. 26-27 об.

На л. 125-126 запись беседы с Г.Т. Саматько.

В беседе он пояснил, что писал в газету "Правда" о том, что районная парторганизация недостаточно руководит колхозами, поля засорены, падеж тягла. О нем же члены комиссии по чистке сказали так: "Придя в колхоз к брату, который перед ним расплакался, что ему нечего есть и что он голый и босый, он поверил такому кулацкому настроению и стал на путь классового врага – написал письмо в газету ... Такие люди, как т. Саматько, в партии опасны, такие люди способны только для отступления,

115. Постановление Староминского районного комитета по весеннему севу об использовании сурепы на общественное питание и об обеспечении хлебом инвалидов и красных партизан.

22 марта 1933 г.

Сов. секретно.

Решено в суточный срок учесть наличие сурепы в колхозах и организациях и решить вопрос "о переработке некоторого количества сурепы на масло для общественного питания в колхозах в период весеннего сева". Советам и правлениям колхозов предлагалось инвалидов, красных партизан и остро нуждающихся колхозников обеспечить хлебом из отпущенной колхозам продпомощи, "а неколхозников обеспечить хлебом из продпомощи, отпущенной сельсоветам для советского и партийного актива".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 81. Л. 42.

116. Постановление Староминского районного комитета по весеннему севу об улове рыбы и отстреле пернатой дичи для общественного питания в период весеннего сева.

23 марта 1933 г.

Сов. секретно.

Отмечается, что эта работа Охотсоюзом организована плохо, бригады ловцов укомплектованы не полностью, неудовлетворителен контроль за уловом рыбы. Устанавливались ежедневные контрольные задания по улову рыбы каждой бригаде, цена на рыбу-сырец повышалась до 40 коп. за кило. В пользовании ловцов разрешалось оставлять не более 15 % улова.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 81. Л. 49-50.

117. Директивное письмо Краснодарского горкома ВКП(б) секретарям парторганизаций, председателям стансоветов, колхозов, директорам совхозов и МТС Краснодарского района с разъяснением постановления Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о трудовой дисциплине в колхозах.

23 марта 1933 г.

Сообщается, что постановление крайкома, опубликованное 21 марта в краевой газете "Молот", целиком относится к Краснодарскому району и пригородным станицам. Крайком партии занес на черную доску, лишил семенной и продовольственной ссуды вторую бригаду колхоза "Путь социализма" ст. Динской и предал суду ряд колхозников и бригадиров района "за кулацкий саботаж весенней посевной кампании".

В директиве горкома отмечается "новая форма кулацкого саботажа", когда колхозники выходят на работу, а придя в бригаду, даже вочуя в степи, норм и дневного графика пахоты и сева не выполняют.

*ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп.1. Д. 330. Л. 62 – 65.
Машинописный подлинник.*

118. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) о ходе весеннего сева и занесении пятой бригады колхоза им. Первое Мая станицы Березанской на черную доску.

27 марта 1933 г.

Строго секретно.

За продолжение саботажа, невыходы на работу и низкие нормы выработки эта бригада занесена на черную доску, полностью и немедленно лишена семенной ссуды и всякой продовольственной помощи. Предписано провести чистку бригады и всех исключенных из бригады обязать по суд.

Ряд руководителей и колхозников других хозяйств также наказаны "как саботажники, лодыри и паразиты", с исключением из колхоза, лишением продовольственной помощи и высылкой за пределы края.

Несколько хозяйств за успешное окончание сева занесены на районную доску Почета.

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 236 – 238.

Апрель

119. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) об отпуске продовольственной ссуды нуждающимся единоличникам.

1 апреля 1933 г.

Строго секретно.

На 4 442 хозяйства 21 населенного пункта района выделено 3 800 пудов продссуды (приведена разрядка с указанием количества дворов). Установлен порядок выдачи по пятидневкам, в размере от 6 до 12 фунтов, только мукой и только тем хозяйствам, которые участвуют в севе. В случае "острой нужды (болезнь, истощение)" допускалась выдача аванса на две пятидневки вперед. Оформлялись ссудные обязательства о возврате не позднее 1 августа 1933 г. за каждый взятый пуд 4 фунта.

Сельсоветам и парторганизациям станиц предписывалось возвратить тем единоличникам, которые обязуются сеять, изъятые у них тягло и сельхозинвентарь, "организовав из них супруги". Возвратить единоличникам и семенное зерно, но не более того количества, которое было сдано в семфонд. Принимать в детясли и обеспечивать завтраками в школе детей остро нуждающихся единоличников.

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 208 – 210.

120. Постановление Староминского районного комитета по весеннему севу об оказании продовольственной помощи остро нуждающимся единоличным хозяйствам.

2 апреля 1933 г.

Сов. секретно.

Признано необходимым из отпущенного краем фонда продовольственной ссуды оказать продовольственную помощь остро нуждающимся единоличным хозяйствам, выделив для этой цели 1 500 пудов зерна. Определен порядок выдачи – под обязательства о возврате полученного по осени 1933 г. и в зависимости от посева на своем участке или работ в колхозе. Дана разбивка по сельсоветам. Отдельными пунктами записано: "В случаях необходимости – болезнь, истощение, признать возможным выдать единоличникам аванс продссуды вперед на две пятидневки. Обязать Советы и правления колхозов принимать в ясли и обеспечивать завтраками в школах детей остро нуждающихся единоличников и работающих в колхозе или выполняющих работы по заданию Совета и производящих свои посевы. Всех председателей Советов освободить от всех других нагрузок и возложить на них организацию единоличников на сев и другие работы, а также выдачу продпомощи".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 81. Л.59-60.

121. Постановление Староминского районного комитета по весеннему севу о разрешении секретарям парторганизаций и председателям сельсоветов использовать для питания детей в яслях и больных колхозников часть дневного удоя молока с колхозных ферм.

4 апреля 1933 г.

Сов. секретно.

Устанавливались проценты от дневного удоя по станицам, которые разрешалось использовать на питание

детей и больных: Новодеревянковская – 40 %, Албаши – 40 %, Новоминская-25%, Новоясенская-20%, Елизаветовская (колхоз Дзержинского) -100 %. Сообщалось также о распределении дополнительной продпомощи – 7 000 пудов,

Постановление принято по телеграмме крайкома ВКП(б) от 4 апреля 1933 г.

Другим постановлением, принятом на этом же заседании, правлениям колхозов разрешалось использовать сурепу путем переработки на масло для общественного питания.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 81. Л. 65.

122. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) о запрещении занесения колхозов и бригад на черную доску.

7 апреля 1933 г.

Строго секретно.

Принято в соответствии с постановлением бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 5 апреля 1933 г. Запрещалось: занесение колхозов, бригад на черную доску, принятие решений о высылке за пределы края, выселение из домов и лишение приусадебных участков колхозников и единоличников, прекращение завоза товаров в колхозы и бригады – без санкции крайкома, крайисполкома и крайпосевкома.

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 257.

123. Выписка из протокола заседания бюро Кушевского райкома ВКП(б) о выселении 300 хозяйств из станицы Шкуринской.

12 апреля 1933 г.

Особое решение.

В соответствии с решением крайкома партии из ст. Шкуринской выселяется 300 хозяйств, главным образом за счет хозяйств распущенного колхоза "Путь к

Социализму", бывших 2 и 8 бригады колхоза "Путь хлебороба", саботирующих сев.

Для проведения операции мобилизованы из ст. Кушевской 30 человек из партактива.

ЦДНИКК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 127а. Л. 10.

124. Протокол заседания районной тройки Кушевского района по выселению классово-чуждых и враждебно настроенных элементов из ст. Шкуринской.

20 апреля 1933 г.

"В связи с тем, что остатки кулачества и их агентура организовали вокруг проводимых мероприятий в ст. Шкуринской саботаж, направленный на срыв хлебозаготовок, сбора семян, подготовки к проведению весеннего сева, постановили очистить население станицы от враждебно-чуждых, кулацко-белогвардейских элементов, выселив их за пределы Северо-Кавказского края совместно с их семьями и конфискацией имущества (тягло, средства производства, постройки и т.п.)". Далее следует поименный список глав 308 семей.

ЦДНИКК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 127а. Л. 13 – 18.

125. Постановление Староминского районного комитета по весеннему севу о ходе сева в районе за третью пятидневку апреля.

15 апреля 1933 г.

Сов. секретно.

Указывалось, что план сева в районе выполнен только на 42,1 %. Объявлялись строгие меры к виновным (выговоры, исключение из колхоза, предание суду). "Всех лодырей и саботажников, злостно не выполняющих свои нормы выработки, - немедленно исключать из колхоза, лишать продовольственной ссуды и предавать суду". Предписывалось ликвидировать "существующую кулацкую

уравниловку к выдаче продовольствия": ввести увеличенную норму для трактористов и колхозников, выполняющих норму выработки; установить, что работающие в поле обеспечиваются в первую очередь по выработанным трудодням, и только остатки после этого могут быть выданы работающим на подсобных работах.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 81. Л. 69-70.

126. Постановление Староминского районного комитета по весеннему севу по рапортам бригад № 1 и № 2 колхоза "Правда" Новодеревянковского сельсовета о выполнении сева колосовых.

15 апреля 1933 г.

Сов. секретно.

Сообщается, что эти бригады, соревнующиеся в числе "15" в районе и "250" в крае, показали образцы добросовестной работы и большевистской настойчивости в борьбе с классовым врагом, "еще недавно державшим в плену станицу в целом и приведшим ее на черную доску". За большевистские показатели в работе постановлено премировать бригады, для улучшения питания лучших ударников-колхозников, мукой – 30 пудов, рыбой -15 пудов, маслом – по 5 пудов на бригаду, а также библиотеками. Бригадирам – по 2 пуда муки, 20 фунтов рыбы, 10 фунтов растительного масла и по 100 руб. Персонально премировались и отдельные ударники.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 81. Л. 73.

127. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о ходе весеннего сева.

21 апреля 1933 г.

Шесть коммун и два колхоза занесены на районную доску почета, три колхоза – на "районную доску позора". Кроме того, секретари и руководители хозяйств, уже занесенных на доску позора (в т. ч. ст. Ладожской)

предупреждались об ответственности – "вплоть до роспуска отдельных бригад и высылки бригадиров и колхозников распущенных бригад в северные районы".

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 127. Л. 126.

Типографский экз.

128. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) и райисполкома о распределении дополнительно отпущенной на апрель продовольственной ссуды для колхозников района.

23 апреля 1933 г.

Сохранена прежняя норма выдачи на трудодни печеного хлеба в день: не вырабатывающим норму 250 грамм, вырабатывающим – 400 и перерабатывающим – 600 грамм сверх получаемой муки на трудодень и отпуске до 200 грамм крупы в день на тракториста для общественного питания. Из дополнительной ссуды увеличен отпуск муки для детей в яслях до 200 грамм, в детплощадках – 150 грамм и на ученика в школе (для горячих завтраков) – 100 грамм в день. Предложено также увеличить отпуск муки на трудодень для колхозников и трактористов, выполняющих и перевыполняющих нормы и организовать общественное питание. Предложено, в связи с выделением дополнительной ссуды, "полностью ликвидировать факты острой нужды в хлебе".

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 290 – 291.

129. Постановление Усть-Лабинского райкома ВКП(б) об утверждении сметы расходов на содержание пионерских лагерей и смета на питание детей в лагерях.

23 апреля 1933 г.

Лагерь планировалось открыть с 1 июля на два месяца на 330 человек (две смены по 165 чел. каждая). По смете перечислено 23 вида продуктов, в том числе 600 г пшеничного хлеба в день на человека, по 30 г трех видов круп, 50 г мяса, 100 г молока и т. д.

Расходы на содержание лагерей распределялись на 30 организаций (наиболее крупные – за счет райсовпрофа – 2 500 руб.) и за счет родителей (1 500 руб.)

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 127. Л. 149 – 152.

130. Постановление Староминского районного комитета по весеннему севу о предупредительных мероприятиях в связи со случаями отравления населения приманкой для грызунов и корнями дурмана.

26 апреля 1933 г.

Сов. секретно.

Отмечается, что в ряде колхозов района (названы) наблюдались случаи отравления людей кукурузой, травленной мышьяком и разбросанной "в осенне-зимний период 1932 г. для борьбы с мышевидными грызунами". Отмечается также "значительное количество случаев отравления в большинстве колхозов населения корнями дурмана (белладона)". Райкосевком обязывал медперсонал, актив и местную печать вести разъяснительную работу, а председателей колхозов – немедленно сжечь все приманочные кучи кукурузы, разложенные в поле в осенне-зимний период для борьбы с грызунами.

"Категорически запретить колхозникам подбирать оставшуюся приманку, а также корни пастернака".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 81. Л. 83.

131. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) об оказании продовольственной помощи колхозам мясом и молоком за счет мясо- и молокопоставок.

29 апреля 1933 г.

Во исполнение постановления крайкома ВКП(б) об отчислении 50 % плана мясо- и молокопоставок на май и июнь утверждены ориентировочные нормы продпомощи: для детяслей и детплощадок – 0,25 литра молока в день на

ребенка и по 25 грамм мяса из расчета трех дней в пятидневку; школьникам – 0,25 литра молока и 15 грамм мяса в день из расчета двух дней в пятидневку; больным колхозникам – 0,5 литра молока в день из расчета трех дней в пятидневку (только по справкам врача) и по 50 грамм мяса в день из расчета трех дней в пятидневку (только в больнице); трактористам – 0,5 литра молока и 100 – 120 грамм мяса в день из расчета трех дней в пятидневку и т.д.

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 311 – 312.

132. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) и райисполкома о борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью.

29 апреля 1933 г.

Борьба с детской беспризорностью рассматривается как "важнейшая политическая задача". Кореновскому стансовету, району и райздравотделу поручено организовать в станице Кореновской "дом беспризорных для временного пребывания детей (3 – 5 дней), обеспечив их питанием хлеба 200 грамм в сутки".

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 315.

133. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) об усилении продовольственной помощи мясом и молоком колхозникам и единоличникам, работающим в степи.

29 апреля 1933 г.

Для работающих в поле выделено 410 ц мяса в живом весе (по району в целом). Утверждена разнарядка по хозяйствам. Для снабжения молоком детей колхозников и единоличников и больных выделено 40 % от фактического надоя ферм.

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 127. Л. 145-147.

134. Постановление бюро Павловского райкома ВКП(б) о продовольственном положении станицы Уманской.

3 мая 1933 г.

Отпущено из фонда продовольственной ссуды колхозов 300 пудов и из фонда единоличников 100 пудов муки "для продпомощи истощенным нуждающимся колхозникам и единоличникам". Силами актива, сельсоветов и депутатских групп организовать "питательные пункты с расчетом обслуживания на дому нуждающихся пищей в жидком состоянии". Отдельным пунктом записано: "обязать ячейки Уманской использовать эту помощь для ликвидации смертности от истощения и организации всех на борьбу за окончание сева 10 мая".

ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 67. Л. 148.

135. Инструкция СНК СССР и ЦК ВКП(б) всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, суда и прокуратуры о прекращении массовых выселений крестьян, упорядочении производства арестов и разгрузке мест заключения.

8 мая 1933 г.

Секретно. Не для печати.

В инструкции отмечается, что метод массового выселения крестьян "в условиях новой обстановки уже изжил себя", устанавливаются предельные лимиты допустимых выселений по регионам (в т.ч. Северный Кавказ – 1000 хозяйств) и максимальное количество заключенных (кроме лагерей и колоний) – не более 400 тысяч человек "на весь Советский Союз". За подписью В. Молотова и И. Сталина.

*ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1, Д. 66а, Л. 22, 22 об.
Типографский экземпляр.*

136. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о порядке использования продовольственной помощи мясом и молоком.

*8 мая 1933 г.
Сов. секретно.*

В соответствии с решением крайкома ВКП(б) от 25 апреля 1933 г. разрешается в течение мая и июня использовать 50 % от планов мясомолокопоставок на общественное питание колхозников, работающих в поле, больных и детей в детяслях. Рассматривается порядок оказания продовольственной помощи. Отчисления от мясопоставок единоличников разрешается использовать для помощи единоличникам, работающим в поле.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 79. Л. 99-100.

137. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) о ходе пропадной кампании.

*14 мая 1933 г.
Строго секретно.*

Особыми пунктами постановления отмечено "наличие фактов ограбления квартир колхозников, особенно переселенческих колхозов, в связи с чем имеется значительное количество случаев невыхода в степь на сев и прополку трудоспособного населения по этой причине", Также наблюдаются "факты срезывания ножницами и ножами озимой пшеницы". Бюро предлагает милиции и ОГПУ обеспечить "должную охрану порядка в станицах", развернуть борьбу с ворами, а также "обеспечить посылку заключенных в совхозы для работы по прополке".

ЦДНИКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 338 – 339.

138. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о проведении в жизнь инструкции СНК и ЦК ВКП(б) от 8 мая 1933 г.

18 мая 1933 г.

Констатируется, что "контрреволюционно-кулацкие элементы Усть-Лабинского района", развернувшие отчаянное сопротивление колхозному движению, "создали необходимость применения репрессивных мер в виде массовых арестов и выселения кулаков и их агентуры на Север". Далее приведена обширная цитата из инструкции ЦК о том, что теперь задача – отстоять колхозную форму хозяйства, исходя из чего бюро постановило – "воспретить производство ареста лицами, не имеющими на то права по закону, как-то: председателями сельсоветов, председателями колхозов, бригадирами, уполномоченными района и пр."; запретить аресты до суда за маловажные преступления; обязать начальника РУМа обеспечить арестованных продуктами по установленной нормам.

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 127. Л. 172-173.

Июнь

139. Постановление Староминского районного комитета по весеннему севу о снабжении хлебом больниц района.

6 июня 1933 г.

Предлагается ввиду перегруженности больниц больными сверх штата коек и отпуска краем 300 ц хлеба на штатную численность больных, "что создает тяжелые условия больных в больницах"), выдать продссуды из фонда посевокома для больниц Новоминской – 1,5 ц, Староминской – 3 ц, Канеловской – 0,9 ц, Новодеревянковской – 1,5 ц, Елизаветовской – 0,6 ц.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 81. Л. 107.

140. Постановление бюро Кореновского райкома ВКП(б) и президиума районной контрольной комиссии ВКП(б) об извращении решений партии о методах работы в деревне.

11 июня 1933 г.

Отмечается, что несмотря на проработку инструкции – постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г., отдельные руководящие работники не поняли этого решения и "в отдельных случаях проводят работу с колхозниками старыми, партией отвергнутыми методами – голым администрированием", Председатель райисполкома и начальник районной милиции допустили разгон колхозного базара в ст. Кореновской, чтобы "произвести мобилизацию трудоспособного населения в порядке трудповинности на прополку пропашно-технических культур". Виновным указано на "грубейшую политическую ошибку".

ЦДНЙКК. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 214. Л. 420.

141. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о ходе экспортных заготовок во втором квартале 1933 г.

16 июня 1933 г.

Сов. секретно.

Отмечается, что план экспортных заготовок 2-го квартала сорван (масло – 63 %, яйца -7,3 %; пушнина – 66 %). Это квалифицируется как "оппортунистический самотек". В отстающие сельсоветы решено направить работников для обеспечения выполнения плана экспортных заготовок до 25 июля 1933 г.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 79. Л. 153-154.

142. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о проведении двухдекадника экспортных заготовок.

21 июня 1933 г.

В связи с эмбарго, наложенным английским правительством на советский экспорт, райком "в целях борьбы против эмбарго" объявляет с 22 июня по 10 июля двухдекадник заготовок, перевозок и отгрузок экспортной продукции: молоко, масло (жирностью 80 %; своевременно отгружать в Новороссийск), яйца, мед (установить дополнительно к плану, данному краем, еще 10 тонн); шкурки крота и т.п.

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 127. Л. 252-253.

143. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) и политотдела Усть-Лабинской МТС о занесении коммуны "Социалистический путь", первой в районе выполнившей годовой план сдачи зерна государству, на районную доску Почета.

26 июня 1933 г.

Указаны меры поощрения: немедленно дать весовщику коммуны указание направлять весь обмолоченный хлеб исключительно в амбары коммуны; разрешить правлению выдавать хлеб коммунарам на трудодни без ограничений; детскому лагерю выдавать хлеб "в меру потребности"; помол зерна коммуны производить на мельнице вне очереди; запросить в крае товары ширпотреба для коммуны; командировать одного члена коммуны в Москву на Октябрьские торжества и т.д.

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 127. Л. 227.

Типографский экз.

144. Постановление Староминского районного комитета по весеннему севу о прекращении с 1 июля 1933 г. использования молока и мяса в качестве продпомощи.

29 июня 1933 г.

Принято по телеграмме крайснаба. Правлениям колхозов и сельсоветам предлагается с 1 июля 1933 г. прекратить расходование молока и мяса в порядке продпомощи, а все заготовленное молоко и мясо сдавать в счет выполнения государственных планов. Однако, "учитывая тяжелое положение со снабжением в данный момент в детяслях, больницах, изоляторах – использовать из отпущенной краем для района и неиспользованной продпомощи в количестве 700 ц молока на июнь месяц" и распределить эти остатки продпомощи молока по сельсоветам в суточный срок.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 81. Л. 121.

Примечание: 10 июля 1933 г. по телеграмме крайисполкома от 7 июля 1933 г. райпосевком принял постановление об утверждении плана продпомощи на июль в количестве 1039 ц и разбивке его по сельсоветам района (распределять с учетом нуждаемости больных колхозников и детяслям). Ранее вынесенное постановление об использовании 700 ц молока предписывалось отменить, а производственный расход засчитать в июльский план.

Там же. Л. 124-125.

Июль – август

145. Постановление Староминского районного комитета по весеннему севу об охране от воровства и расхищения государственного хлеба.

5 июля 1933 г.

Райпосевком, отмечая по Канеловскому сельсовету массовые случаи срезки колосьев с хлеба, предлагает всем председателям сельсоветов и колхозов в

суточный срок проверить состояние колосовых хлебов колхозников и единоличников и принять меры по охране посевов.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 81. Л. 123-124.

146. Постановление бюро Тимашевского райкома ВКП(б) о состоянии работы по борьбе с временной беспризорностью.

22 июля 1933 г.

Секретно.

Констатируется, что директива крайкома ВКП(б) "обеспечить к 21 июля всех оставшихся беспризорных детей с улицы не выполнена". 263 беспризорных ребенка содержались в безобразном состоянии, питание остается неудовлетворительное, обувью и одеждой дети не обеспечены, в детприемниках продолжаются заболевания. Также отмечаются факты снижения ежедневных норм выдачи хлеба до 100 грамм, по ряду колхозов – прекращение выдачи хлеба, вследствие чего дети находятся "в крайне истощенном состоянии".

Райком рекомендует разъяснить, что "дети, принятые в детприемники должны получать продукты из расчета не ниже 400 грамм хлеба в день, крупы – 50 грамм".

В порядке прокурорского надзора рекомендуется систематическая проверка состояния беспризорных в районе и немедленное привлечение к судебной ответственности всех лиц, замеченных в халатном отношении по борьбе с беспризорностью.

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 140. Л. 105 – 106.

147. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о борьбе с временной беспризорностью.

24 июля 1933 г.

Сов. секретно.

Принято на выездном заседании в с. Ольгенфельд совместно с политотделом МТС и президиумом райКК.

Сообщается о плохом состоянии временных учреждений для беспризорных в районе – недостаточное питание, слабый саннадзор и пр.

Бюро РК обязывает всех секретарей ячеек и председателей сельсоветов лично посетить детприемники и принять меры, в т. ч. обеспечить усиленное питание для слабых и больных. Для заблаговременного обеспечения "остающихся после раздачи в семьи беспризорных интернатами при школах развернуть кампанию по сбору средств на борьбу с временной детской беспризорностью и по широкой общественной поддержке колхозов, советских организаций этому делу".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 80. Л. 29-30.

148. Постановление выездного заседания бюро Староминского райкома ВКП(б) совместно с политотделом Новодеревянковской МТС о нарушениях законности в колхозе "Животновод" Новодеревянковской МТС.

28 июля 1933 г.

Сов. секретно.

Бюро отмечает, что в этом колхозе "группа руководящих работников колхоза совершила ряд фактов избиений и факт пытки колхозников и единоличников, уличенных в воровстве колосьев и подозреваемых в воровстве". Эти факты расцениваются как "контрреволюционные деяния", которые ничего общего не имеют "с мерами, указанными партией и пролетарским государством".

Виновных в пытках и избиениях наказывают.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 80. Л. 35-36.

149. Постановление бюро Тимашевского райкома ВКП(б) о ходе уборки и хлебосдачи по району.

5 августа 1933 г.

Секретно.

В п. 4 отмечаются огромнейшие потери колосьев хлеба на полях косовицы и недооценку рядом руководителей значения организованной борьбы с потерями урожая "путем создания специальных детских отрядов, привлечения старух и другого малоспособного населения на сборку колосьев вручную". Приводятся примеры: "Тимашевская – 8 детей собрали 270 кг колосьев, Поповка – три старухи за 3 часа собрали 4 мешка колосьев".

В документе говорится о выполнении июльского плана хлебосдачи по колхозно-крестьянскому сектору района – на 188,3 %, из них по пшенице – 103,6 %.

В п.10 сообщается "об усилившихся за последние дни фактах вредительских действий кулацкого и антисоветского элемента, выражающихся в попытках вывести из строя комбайны, молотилки и т.д."

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 140. Л. 110 – 113.

150. Постановление бюро Тимашевского райкома ВКП(б) о работе отрядов "легкой кавалерии" по охране урожая в районе.

18 августа 1933 г.

Секретно.

Бюро райкома отмечает, что в результате работы политотделов и РК ВЛКСМ в районе "достигнут широкий размах, вовлечение пионеров и колхозных ребят в отряды "легкой кавалерии" по охране урожая и в работу по сбору колосков, в результате чего организовано 53 отряда с охватом 1 011 детей. Кроме того, на сбор колосьев привлечено 1 361 ребят собравших 30 тонн хлеба". К охране урожая привлечено 2 400 колхозных ребят. Вместе с

тем райком отмечает, что по 60 фактам задержания воров колхозного хлеба отрядами "легкой кавалерии" только 24 человека привлечено к судебной ответственности.

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 140. Л. 121 – 122.

151. Совместное постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б), президиума райисполкома и политотделов МТС об оказании помощи в приобретении коров безкоровным колхозникам.

26 августа 1933 г.

Принято в соответствии с решением крайкома ВКП(б) и крайисполкома. Утверждены цифры на покупку и контрактацию коров (телочек) колхозниками и единоличниками – 1070 штук по району – с молочно-товарных ферм. Сверх этого количества допускалась покупка молодняка – телочек непосредственно самими колхозниками у единоличников и колхозников, правления колхозов и сельсоветов, должны были оказывать в этом всемерное содействие. Утверждены планы кредитования. Разрешалось выдавать зерновые отходы вне плана распределения.

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 128. Л. 12-13.

Сентябрь – октябрь

152. Постановление бюро Кушевского райкома ВКП(б) о вселении в колхозы Кушевского района 500 красноармейских хозяйств.

17 сентября 1933 г.

Сообщается о вселении в колхозы станиц Шкуринской – 200 человек, Кисляковской – 100, Новопашковской – 100, Кушевской – 100 человек красноармейских хозяйств. Для подготовки к их принятию создана комиссия. Директорам МТС поручено из прибывших красноармейцев создать специальные

колхозные бригады, "не допускать ни в коем случае распыления", обеспечить их инвентарем и тяглом. Председателям колхозов и секретарям колхозных партячеек поручено "немедленно выделить для красноармейских хозяйств продукты (хлеб, картофель, овощи, масло и др.) не менее 60% потребности до нового урожая по нормам. Председатели сельсоветов должны обеспечить переселенцев жильем, "немедленно произведя учет всех кулацких и пустующих домов", произвести их ремонт. С прибытием переселенцев по линии райсоюза выделялись промтовары (обувь, мануфактура, мыло) не менее чем на 150 руб. на главу семьи. Кроме того, специальным приложением к постановлению колхозы обязывались заготовить на каждую принимаемую красноармейскую семью по 8 пудов овощей (капуста и другие соленья). Ввиду ограниченного количества картофеля в колхозах переселенцам рекомендовалось везти картошку с собой. Колхозам, имеющим в своем составе переселенческие хозяйства, устанавливались льготы: сокращение на 50 % посевных заданий красноармейским бригадам; освобождение всех переселенческих семей от индивидуальных поставок молока, мяса, картофеля на 1934 – 1935 гг.; на три года – от уплаты сельхозналога, культсбора и т.д.

ЦДНИКК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 130 г. Л. 20 – 21.

153. Постановление объединенного заседания Тимашевского райкома ВКП(б) и президиума райисполкома о выполнении постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. о новой обстановке в деревне и недопустимости необоснованных арестов и репрессий.

27 сентября 1933 г.

Секретно.

Отмечается, что постановление от 8 мая 1933 г. о новой политической обстановке в деревне и новых методах работы нашло практическое преломление в деятельности

партийно-советских организаций района. Констатируется, что после инструкции ЦК и СНК от 8 мая 1933 г. в районе "наблюдается снижение количества осужденных по району... осторожный подход к привлечению и осуждению социально-близких слоев". Приводятся цифры – из общего числа осужденных 118 чел. (по делам с хищением урожая и уборке) к лишению свободы приговорены 61 человек, из которых 25 относятся к кулацко-зажиточному элементу, бежавшим из ссылки.

Районным органам юстиции предложено "развертывать массовую работу вокруг отдельных судебных процессов, имеющих общественно-политическое значение. Вместе с тем, исключительное внимание со стороны прокуратуры должно быть уделено предупредительной работе...".

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 141. Л. 20 – 21.

154. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о готовности колхозов Новодеревянковской МТС принять переселяемые красноармейские семьи.

8 октября 1933 г.

Сов. секретно.

Принято на совместном заседании с политотделом Новодеревянковской МТС. Отмечается срыв заданий по подготовке к приему переселенцев (из 80 домов по колхозу "Путь к социализму" подготовлено только 15; по колхозу "Трудовой молот" из 80 – только 25 и т. д.; не организовано соление овощей для семей красноармейцев, имеются факты перегибов при переселении колхозников из своих хат в другие).

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 80. Л. 95-96.

155. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о ходе приема красноармейских семей.

19 октября 1933 г.

Сов. секретно.

Отмечается, что на 25 % резерв домов не создан. Качество ремонта низкое. Остро не хватает мебели (топчаны, столы, табуретки). Встреча красноармейских семей, их выгрузка с вагонов проходит неорганизованно. "Переселенцы попадают под влияние чуждых разлагающих влияний".

Бюро дает стансоветам и правлениям колхозов трехдневный срок для подготовки 25 % резерва домов. Милиции предписывается организовать "контроль над самоохраной вселяемых красноармейцев".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 80. Л. 101-102.

156. Постановление бюро Староминского райкома ВКП(б) о переселении и вселении семей красноармейцев.

25 октября 1933 г.

Сов. секретно.

Отмечается, что ремонт домов идет "преступно слабо"; продукты и предметы быта не выкупаются, а если выкупаются, то не выдаются красноармейцам. Колхозы "проявляют саботаж": колхоз "Труженик" сшил матрацы в один метр длины для красноармейцев. Питание не налажено. Из Новодеревянковской бежало 15 красноармейцев, из Новоминской – 12, что "дискредитирует идею переселения". Предлагается целый комплекс мер.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 80. Л. 108-110.

157. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о ликвидации временной детской беспризорности.

29 октября 1933 г.

Секретарям партячеек, председателям сельсоветов и колхозов предлагалось немедленно обеспечить работу по патронированию беспризорных, проработать вопрос "по созданию интернатов в колхозах, имеющих большое количество беспризорных". Фракции райисполкома, советским ячейкам и сельсоветам поручалось решить вопрос о долевом участии в организации фондов питания беспризорных детей единоличников за счет общественных запасек.

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 128. Л. 84.

Ноябрь – декабрь

158. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о проведении "Октябрьских дней" – праздника годовщины Октябрьской революции.

5 ноября 1933 г.

В постановлении записано: "Все колхозы праздник проводят в борозде". Передовые колхозы помогают отстающим. 7-го ноября демонстрацию и митинг в ст. Усть-Лабинской решено не проводить. "Все учреждения и организации организовано со знаменами являются к зданию МТС 6 ноября в 5 часов утра, откуда отправляются по указанию МТС и Совпрофа в помощь колхозам по уборке, главным образом свеклы".

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 128. Л. 102.

159. Постановление бюро Усть-Лабинского райкома ВКП(б) о наложении штрафов на колхозы за невыполнение плана поставок подсолнуха.

5 ноября 1933 г.

На колхоз им. Чапаева наложен штраф 3 000 руб., на колхоз "Красный кубанец" – 2 000 руб. Поручено договориться с начальниками остальных политотделов МТС "о наложении штрафа по одному колхозу с политотдела".

ЦДНИКК. Ф. 1471. Оп. 1. Д. 128. Л. 102.

160. Постановление бюро Тимашевского райкома ВКП(б) о ходе вселения красноармейских семей.

11 – 13 ноября 1933 г.

По состоянию на 11 ноября 1933 г. в район прибыло 1 021 хозяйство с трудоспособными – 1 210 мужчин, 649 женщин, из них 420 членов и кандидатов ВКП(б) и 338 членов комсомола. Отмечаются "политически здоровые настроения прибывших", несмотря на ряд крупных недостатков вселения и бытового устройства. Предлагается комплекс мер по улучшению быта красноармейских семей: обеспечение мебелью, стройматериалами, снабжение литературой, газетами, выдача молока детям, а также выделение необходимого количества мяса, жиров, крупы и др. продуктов, ремонт подворных построек и т.д.

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 141. Л. 52 – 55.

161. Постановление бюро Тимашевского райкома ВКП(б) об уборке хлебов и подготовке к весеннему севу.

27 декабря 1933 г.

Сообщается, что сроки уборки всех видов хлебов, установленные решением бюро райкома от 19 декабря

сорваны. Постановили: "п. 2. В целях стимулирования производительности труда и облегчении условий колхозникам, работающим в поле на уборке, обмолоте хлебов и очистке сорняков в условиях зимнего периода, признать необходимым временное понижение существующих норм выработки на эти виды работе в пределах: а) по обмолоту хлебов нормы выработки понизить в два раза; б) уборки пропашных с поля – в три раза; в) уборка сорняков – в два раза".

Пункт 10 "Не для печати: Принимая к сведению телеграмму крайкома ВКП(б) об отпуске для отдельных слабых колхозов района семенной и продовольственной ссуды в количестве 76 000 пудов, против заявки района в 122 000 пудов считать, что отпускаемого количества 76 000 пудов семян и продссуды району недостаточно, что при таком минимальном количестве отпущенной ссуды ряд колхозов района ... все же останутся в тяжелом положении, не будучи в полной мере обеспеченными семенами и продовольствием".

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 141. Л. 107 – 110.

Документы обобщающего характера

162. Справка об экономическом и политическом состоянии станицы Новоминской Староминского района по состоянию на 9 декабря 1932 г.

Составлена оргпартгруппой по чистке. Даны: подробная характеристика количества населения (всего – 12 674 чел., из них батраков – 1 289, бедняков – 2 556, середняков – 7 606, зажиточных – 1 039, кулаков – 185 человек); сведения о колхозах и о партичейках в них (очень малочисленны, по 5 – 12 человек, только в коммуне – 30 и в МТС – 20 коммунистов), о выполнении хлебозаготовок. Отмечается, что из-за массовых арестов "население боится идти на собрания и чистку". Кулаки запугивают активистов

(приведены примеры). Зажиточные, середняки и единоличники "настроены в большинстве антисоветски, часть из них активизируется".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 76. Л. 5-7.

163. Информационная сводка зам. руководителя оргпартгруппы по Новодеревянковскому сельсовету Литвинова в оргинструкторский отдел Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о работе оргпартгруппы в связи с чисткой партийных рядов по Староминскому району.

Не ранее января 1933 г.

Оргпартгруппа приступила к работе 6 декабря 1932 г. и вела подготовку к чистке: проводила собрания, "просматривала" актив, подбирала выдвиженцев в новый состав партячеек сельсоветов. Кроме того, изучала населенные пункты и составила экономико-политическую характеристику станиц Новоминской и Новодеревянковской (приведены в сводке). В них указаны: количество жителей в станице, в т.ч. кулаков, показатели по хлебозаготовкам, примеры "саботажа", слухов о голоде ("ожидается черная хмара" и др.), настроения населения, количество высланных кулаков в станице Новоминской (139 хозяйств и вторично – 18 хозяйств). По Новодеревянковской отмечалось, что "кулаку здесь удалось добиться частичных временных успехов: хлеб разворован на 40 %, воровало большинство населения, этим самым создана круговая порука молчанием в отношении розыска украденного хлеба. В этом нет активного участия населения. Открытые ямы с украденным хлебом почти все открыты при помощи милиции и отдельных работников уполномоченных".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 92. Л. 2-4 об.

164. Справка руководителя оргпартгруппы по чистке партколлектива станицы Староминской об экономическом и политическом состоянии станицы.

Не ранее января 1933 г.

Отмечается, что Староминская - самая крупная станица в районе (21 179 чел. населения). Дается разбивка по типам хозяйств (бедняков 9,8 % населения, середняков – 83,2 %, кулаков - 1,6 %, лишенцев – 27 хозяйств, 114 человек). Парторганизация (членов и кандидатов) – 161 чел. Итоги хлебозаготовок. Вывод о том, что "сопротивление классового врага до сих пор не сломлено. Бойкотируют мероприятия советской власти посредством молчания и круговой поруки". Настроение неодинаковое – "крепкая часть середняков находится на стороне кулачества". Беднота – одиноличники колеблются, середняк настроен плохо. "Кулацкая часть" распускает слухи, что "хлеба нет, отбирают последний хлеб под видом разворованного хлеба, а никакого разворованного хлеба нет, и что хлеб отправляют за границу для того, чтобы предотвратить надвигающуюся войну"; "большевики боятся войны и хлебом откупаются, а крестьяне должны помираться с голоду". Упорно ходят слухи, что "скоро будут выселять всех".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 96. Л. 23-28.

165. Информационная сводка о результатах чистки Староминской районной парторганизации.

5 марта 1933 г.

Составлена бригадой оргпартгруппы в адрес Центральной комиссии по чистке сельских парторганизаций Северо-Кавказского края, с копиями Северо-Кавказскому крайкому ВКП(б) и Староминскому райкому ВКП(б).

Охарактеризовано политико-экономическое состояние района, приведены разнообразные статистические данные (сельского населения в районе 16 085 дворов, 68 108 чел., колхозов 45, одна коммуна, коллективизация – 88,8 %). Из колхозов на отходе находится 6 800 человек. В 1930 г., в период сплошной коллективизации, "открыто" до 26 группировок кулаков и белогвардейцев (до 650 человек). За весь период выселено свыше 5 000 человек. "По последним сведениям ОГПУ" кулаков насчитывается 600 чел. "Саботаж еще не сломен".

В парторганизации района к моменту чистки было 548 членов и кандидатов ВКП(б). Исключено из партии 258 чел. Приведены примеры. Даны характеристики колхозов. Отмечен массовый падеж тягла ("лошадей перегружали работами целые сутки, без отдыха и корма", в колхозе "Авангард" Новодеревянковской станицы из 137 лошадей к концу декабря 1932 г. осталось 4, не считая сапных). Но о гибели людей нет ни строчки!

Имеется раздел "Состояние станичного партийно-советского руководства". Вывод о том, что, например, в ст. Новоминской на 90 % коммунисты политически неграмотны (на вопрос, "какой ты партии", отвечает: "Я член партии МТС").

Приведены настроения казаков: "казаков вычистят, так как казака партия считает неисправимым", "казаков всех все равно выселят на север".

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 99. Л.1-28 (с оборотами).

166. Из обзора результатов чистки членов ВКП(б) по Курганинскому району Северо-Кавказского края.

Март 1933 г.

В разделе о политико-экономическом состоянии района дается характеристика "контрреволюционных" выступлений в районе в 1928 – 1930 гг., состоянии хлебозаготовок в 1931 г. (распущены колхозы ст. Темиргоевской за то, что более 3 000 га убранного хлеба

оставалось до зимы необмолоченным, а часть пшеницы погибла в поле в снопах). Однако после перерегистрации членов колхозов "ряд активистов-ударников оказались вне колхозов, а вся мразь, воры, лодыри вновь остались в полной неприкосновенности". Кроме того, в станице 50 % единоличных хозяйств. В 1932 г. "кулацкие элементы" вновь организовали саботаж хлебозаготовок, вследствие чего крайком ВКП(б) своим решением от 4 ноября 1932 г. занес станицу Темиргоевскую на черную доску.

Приведены статистические данные о состоянии района, проценте коллективизации, количестве населения и пашни. Отмечено, что земля в районе по своему качеству является "одной из лучших земель Советского союза, так как глубина чернозема достигает 1,5 метра". Снижение урожая последних лет объясняется кулацким саботажем.

ЦДНИКК. Ф. 1690. Оп. 1, Д. 11а. Л. 1 – 2.

167. Список исключенных из рядов ВКП(б) членов и кандидатов ВКП(б) по Новодерёвянковой парторганизации.

1933 г.

Сов. секретно.

Список на 38 персоналий, есть графа "за что вычищен из рядов ВКП(б)". Причины исключения – "неучастие в борьбе с хищением колхозного урожая", "невыполнение плана хлебозаготовок", различный политический и бытовой компромат. Формулировки – "агент кулачества" и т.п.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 104. Л. 24-29.

168. Отчетное пролитдонесение начальника политотдела Лиманской МТС Ейского района Н.П. Петрова

29 декабря 1933 г.

В документе подробно рассказывается о результатах уборочной кампании 1933 года в сравнении с показателями 1932 года.

Раздел 2. "Сама МТС" посвящен анализу технической оснащенности МТС, работе с кадрами, политмассовой работе.

Далее следует раздел "Организационно-хозяйственное укрепление колхозов". По данным руководства политотдела МТС, хлебозаготовки проводились таким образом, что "колхоз как организация был стёрт". Состояние людей в январе 1932 года "было жутким". По четырём колхозам умерло свыше 1 000 человек. "В Ейукреплении (к-з "Красный Партизан") был ряд случаев трупоедства и людоедства своих близких родных. "Трупы разворовывались с кладбища. ... Причем отношение живых к смерти своего близкого родного было удивительно равнодушное, пассивное. Люди как бы потеряли свои человеческие чувства и симптомы человека".

Отмечены многочисленные факты смерти от голода целых семей, у которых в домах были спрятаны десятки пудов семенной пшеницы. Перечисляются репрессивные меры за укрытие зерна, забой скота.

ЦДНИКК. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 2, Л. 1-15.

169. Из выступления секретаря Краснодарского горкома ВКП(б) Ш.М. Двойлацкого на 4-й городской партконференции об участии коммунистов в разгроме кулацкого саботажа в Краснодарском районе и проблемах переселенческих хозяйств.

13 января 1934 г.

Отмечается, что от городской парторганизации (которой в феврале 1933 г. передан в партийное руководство Краснодарский район) в станицы были направлены "сотни лучших товарищей-коммунистов и беспартийных". Только в станицах Старокорсунской "руководители шуповых бригад составляли не менее ста с лишним активистов". Характеризуется ситуация с севом и уборкой хлеба в 1933 г. Дается анализ "ошибок", к числу которых отнесено установившееся в колхозах "хамское

отношение к нуждам колхозников". Отмечается, что за последние месяцы район получил свыше 2 тысяч переселенческих хозяйств (в основном в станицы Старокорсунскую и Старомышастовскую, "откуда много народа было выслано"). Есть факты отъезда переселенцев. Местные "кулаки" занимаются разложением переселенческих бригад, покупают скот и кур, которые привезли переселенцы. При обсуждении вопроса о создании новых колхозов без "вредительских элементов" докладчик сказал, что "если мы начнем сравнивать всю массу единоличников по их делам и родственным связям, то наши колхозы придется распустить, так как многие имеют родственников в таких местах и на таком расстоянии, что трудно достать".

Приводятся цифры: для помощи колхозам края во время прополки уборки и для организации хлебосдачи было послано 45 тысяч человек. В другие районы на сельхозкампании направлялось 16 тысяч человек.

ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 443. Л. 152 – 160.

170. Из выступления на 4-й Краснодарской городской парткоференции о положении в колхозах станицы Васюринской.

14 января 1934 г.

При объезде таборов в полях колхозов по жалобам председателей, что "люди бегут с молотьбы", проверяющие констатировали "остатки саботажа" – плохие условия, в которых работали колхозники ("Как же нам работать, когда сидим на одной затерке и 100 граммах хлеба").

ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 443. Л. 223 – 224.

171. Отчет Староминского райкома ВКП(б) о работе на 8-й районной партконференции.

15 января 1934 г.

Документ содержательный. Имеются разделы:

"Социально-экономические особенности района" (приведен процент казачества, состав населения по типу хозяйств в динамике за 1929 – 1939 гг.; изложено "революционное и контрреволюционное прошлое", начиная с 1917 г.);

"Обостренность классовой борьбы в деревне и организованный кулачеством контрреволюционный саботаж (приведены факты якобы саботажа и высказывания "кулаков": "Люди мертвые, тягло не тянет, такие цифры сева мы не выполним"; "нормы не выполним, тягло не тянет, народ слабый"; "весь урожай заберет государство, верить в закон соввласти нельзя: выполним один раз, наложат еще. Власть все у нас забрала, выполнить обязательства нечем, подохнем, что будет дальше, может быть, платить не придется, эта власть долго не продержится". "Хоть обещают в этом году дать на трудодни, но этого не будет, так как в прошлом году, эту зиму все подохнем".)

В других разделах отчета освещена работа парторганизации, экономические показатели по сельскому хозяйству за 1932 – 1933 гг., итоги чистки, работа с молодежью. Есть раздел "работа милиции" со статистическими данными (л. 75-77).

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 83. Л. 23-88.

172. Статистические сведения об экономике Староминского района (материалы к отчету Староминского РК ВКП(б) на 8-й районной партконференции).

Январь 1934 г.

В таблице о коллективизации даны сведения о народонаселении района в динамике за 1930-1933 гг. Если в

1930 г. в районе числилось 76,7 тыс. человек, то далее идет убыль: 1931 г. – 76,3 тыс., 1932 г. – 68,2 тыс., 1933 г. (на 1 июня) – 52,0 тыс. человек. Количество колхозников: 1930 г. – 53,2 тыс., 1931 г. – 65,4 тыс., 1932 г. – 58,44 тыс., 1933 г. – 42,6 тыс. человек.

ЦДНИКК. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 83. Л. 90-91.

173. Документы Краснодарского горкома ВКП(б) о результатах обследования колхозников станиц Старомышастовской и Андреевской, опухших на почве недоедания.

14 – 27 февраля 1934 г.

Особая папка. Секретно.

В деле "особых папок" горкома ВКП(б) отложились:

– постановление бюро горкома от 27 февраля 1934 г. о результатах обследования опухших колхозников, в котором отмечается, что нечуткое отношение к нуждам колхозников и несвоевременная выдача натурдоходов стали причиной данных фактов; виновные привлечены к ответственности;

– докладная записка инструктора горкома Прудникова об обследовании пяти колхозников в ст. Старомышастовской и двух – в Андреевской, с указанием ФИО, возраста, выработанных трудодней, полученных натурдоходов; содержит выразительное описание жилья и состояния обследуемых;

– акт, составленный бригадой горкома ВКП(б), о проверке работы сельсовета, правления колхоза, станпо и партячейки ст. Андреевской, с указанием обстоятельств получения и распределения в станице продсуды.

ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 510. Л. 105 – 110.

174. Отчет районной комиссии ВКП(б) по чистке парторганизации Тимашевского района.

12 ноября 1934 г.

В разделе II "Социально-экономические особенности района" дается подробная характеристика исторических и экономических особенностей Тимашевского района. В подробностях рассмотрен и кулацкий саботаж 1932 года.

ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 133. Л. 7 – 14.

ГОЛОД НА КУБАНИ: 1932–1933 ГГ.

Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции Научно-исследовательского центра традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор»

Публикуемая выборка – это лишь часть материалов по данной теме, хранящихся в архиве Научно-исследовательского центра традиционной культуры. Формирование базы данных по голоду началось в 1975 году и продолжается в настоящее время в ходе комплексных исторических и фольклорно-этнографических полевых исследований, проводимых Кубанской фольклорно-этнографической экспедицией НИЦ ТК.

В процессе исследований использовался метод интервью, беседы, которые документировались и фиксировались с помощью магнитофонов, диктофонов и, реже, видеокамеры. Оригиналы на аудио- и видеоносителях зарегистрированы и хранятся в архиве НИЦ ТК. (Многие из них, к сожалению, из-за недолговечности носителей, отсутствия необходимых условий и средств хранения, техники для оцифровки находятся в угрожающем состоянии и могут быть безвозвратно утрачены).

По содержанию, в большинстве своём, изложенные материалы – это воспоминания жителей Кубани-очевидцев и участников трагических событий 1932 – 1933 гг. Т.е. предлагаемые материалы представляют собой не научную или политическую интерпретацию, а своеобразный исторический документ (свидетельства очевидцев).

При выборке и подготовке материалов к печати вмешательство в содержание интервью со стороны научных сотрудников, занимавшихся этим, было минимальным и на содержание, объективность информации не влияло. Тем не менее, следует иметь в виду, что в одних случаях использовался метод «полной/дословной расшифровки» (с сохранением диалектной речи), а в других – «метод пересказа и обобщения».

Географически материал охватывает Краснодарский и Ставропольский края, территории Республики Адыгея и Карачаево-Черкесской республики, тех населённых пунктов, которые ранее относились к Кубанскому казачьему войску и входили в состав Кубанской области.

В этническом, конфессиональном, сословном отношении материалы дают представление о состоянии и положении во время голода восточнославянского, православного населения: русских, украинцев, белорусов, кубанских казаков и иногородних.

В интервью имеются косвенные свидетельства о положении дел в этот период в Закавказье и в северо-кавказских (исламских) обществах.

В материалах представлены свидетельства, относящиеся как к бывшим черноморским станицам (основанным украинцами), так и к линейным (заселявшимся русскими), а также с изначально смешанным в этническом плане населением (Закубанье, ряд населённых пунктов Ставрополя, КЧР).

Следует также иметь в виду, что в процессе и после образования Кубанского казачьего войска, этническое самосознание и этническая идентификация казачества (русских и украинцев) претерпели существенные изменения, в т.ч. в черноморских («украинских») станицах в основном была утрачена жёсткая этническая идентификация себя с украинцами.

Каждый, кто ознакомится с этими материалами, увидит очевидное:

1. «Искусственный», спровоцированный характер голода 1932 – 1933 гг. и его связь с политикой депортации, коллективизации, с созданием коммун, колхозов.
2. Ужасающие масштабы и последствия голода для восточнославянского православного населения Кубани (юга России), как для «украинцев», так и для «русских», как для казаков (в основном), так и для неказачьего населения.

Голод в значительно меньшей степени коснулся или вообще не затронул Закавказье (Грузия, Азербайджан, Армения) и коренные северокавказские народы.

В целом же этнический подход (голод, как инструмент этнического геноцида) маловероятен. Каток голода прокатился

через все «житницы») России, независимо от этнического состава населения этих территорий.

Об этом красноречиво свидетельствуют и события на Кубани. Вне зависимости от исходного этнического состава населения, на юге и севере, западе и востоке края проводилась одна и та же по форме и содержанию репрессивная политика. Абсолютно одинаковыми были и её последствия.

С меньшими потерями перенесли голод те станицы и хутора (бывшие «линейные» и «черноморские»), которые соседствовали с этническими территориями северокавказских народов, были расположены в предгорных, лесных районах, вблизи лиманов и вдали (в «глуши») от административных центров.

В подготовке материалов принимали участие научные сотрудники НИЦ ТК: Т.А. Бондаренко, В.В. Воронин, И.Ю. Васильев, А.И. Зудин, И.А. Кузнецова, М.А. Лященко, О.В. Матвеев, С.Н. Рыбко, Э.Г. Шевченко.

проф. Н.И. Бондарь

КРАСНОДАРСКИЙ КРАЙ

г. Краснодар

АК 2840. пос. Пашковский.

Инф.: Евтушенко Вера Григорьевна (1910 г.р.), казачка; во время голода жила на хуторе Городском.

В [19]33 г. был сильный голод, умерло много людей. Люди рвали рогоз, сушили его, мололи и пекли пляцкы. Это такие маленькие пышечки. Хутор Городской и адыгейские аулы не очень пострадали от голода. Собирали колоски. Во время голода помогали адыгейцы. У них занимали кукурузу.

Абинский р-н

КФЭЭ-2000.

АК 2185. Станица Мингрельская.

Инф.: Дамницкий Сергей Емельянович (1917 г.р.)

«Тоди було пэрэд 33м годом, 32-й, ото возы йидуть, гарба йидэ и красный флаг, на флагу, – «дайте на красный обоз». Хто видро там..., у кого есть. Ну, люды шо-нибудь давалы. Вобще сама природа подсказала, шо будэ голод, хто закопав зерно... А если напышуть [люди], та найдуть у тэбэ закопанэ, то... [...]. Сыдю, на мэлнычку мылю, кукурузу, шоб кашу маты зварыла, придсидатель Совета линейкой заижжа: « Ну вот, казачка, шо мэлыш?», – на матерь. – «Та мылю, дитэй кормыть». «А, хай дохнуть казачата», – кажэ. «Хай дохнуть твои казачата [...], давай топор». Топор маты дала, вин поколов на отаки кускы [мельничку]. «Кормы тэпэр своих казачат». Хамство, я б сказал, если б щас быть на войны, пэрого я б убыв як собаку [председателя]».

Тоди козакив ны ставылы ни бригадирами, тика «городовикив». Кое-хто зымли и ны чув, и ны бачив, бригадирамы поставылы [...].

Умыралы [от голоду] вэсной. Отут двое лыжалы. И вызты ж никому, и яму копать, и гробив ни с чого робыть, досок [нет], так замотають у кой-шо, на кладбыще отвызлы [...]. Пэрынысла станыця...

А там за Кубанью особенно, там ото Красноармейска станыця [...], там же шо, забунтувалы козаки [...]. Ну дак еи окружили потом. [...]. Каганович потребовал войска там, русьски войска, солдат, и прыказав стрелять. А оны ны стреляють, солдаты. Солдат всех отвылы, а «нацмэнив», казахстанскую дивизию [привели]. Так воны там далы пэрэпалу, так вона и стала Красноармейска [...].

КФЭЭ-2000.

АК 2186. Станица Мингрельская.

Инф.: Бирюк Иван Артемович (1918 г.р.), казак.

[...] Скажу прямо, просто ограбылы народ, забралы продукцию всю. В 33-м году ще батько живой був, мама жива была, и нас три брата и систрэнка. Оцэ нас семья осталась. Дедушка з намы жив, а потом низзя було. Такый закон був, шо низзя вмисти було жить. Дедушка пишов на квартиру, бо дом у нас забралы. Мы построили, уже з батьком, кой-яку там завалюшку, у нас пустой план там був. И посадылы мы там [...] кукурузы багатэнько [за хутором]. Кукуруза уродыла хороша [...]; забралы у

нас до чиста всё. Специальная была комиссия така. Приходят до тэбэ домой с жилищными щипками, гостри, заточени. [...] По двору прощупают. Ты закопав нигдэ? Проверять и у синови, и на потолках, всё проверять. Дэ шо нашлы – забралы. Вот кукуруза, як узналы шо в нас есть, план со двора: сигодня – сто килограмм, завтра сто пидисят, а послезавтра – триста. И так каждый дэнь новое. И пока полностью забралы. Потом прышлы и корову забралы, и всё [...]. Така установка була [чтоб люди умирали], потому-шо там, за Кубанью, там раньше произвылы. Там двадцать восьмого уже голодовка началась, у нас в 33-м полностью була голодовка, потому шо всё народ из-за Кубани хлынув сюда, тут ише був кой-как хлеб, то квасоля там, то горох у людэй пооставался. И тым людэ пэрыживалы [выживали]. А ти виттила вжэ людэ як хлынули, уже пухли, полуголодни. А потом ужэ тут яки дэ прыстроилысь, могли спастысь. А большинство погибли по дорогах, а то так, дэ канава, по куветах [...].

[Где хоронили?]

– Дэ кого прыйдэця, [в огородах хоронили]. Отут глыныща булы, тут на глыныцях прямо позакопувалы людэй та и всё. [Памятника нет?] – Нет, кто там, як его уже пэрэпахалы двадцать раз там.

[Были такие случаи, что люди людей ели?]

– У нас я ты могу сказать, а ты шо приходилы з-за Кубани рассказувалы, булы случаи. [...] Я в трыцать пятом году йиздыв туды на заробитки, за Кубань, хлиба посялы, а убирать никому, народа ты було. Тоди з России понавозылы булы сюды багато людэй. Тоже обманулы, кажут, отам [на Кубани] булки на деревьях растут, йижайте. Россия ж тоже голудувала, так як и ты на Кубани. Ты прыпрыжалы, а где, говорят, на каком дереве? [...].

[Это приехали вместо тех, кто поумирал?]

– Поумырав, повысылалы, дома пусти стоялы. Ныхвата [еды] в свой симы, а прышло пухлэ, ну, як ты йёму ты дасы, [...].

В 34-м уже було шо йисты, хоть ты так сытно [...]. Багато даже. Када дождалы хлиба, и после того помыралы: в апетит наився и всё, организм слабый [и человек умирает]. Дождав хлиба и помырав [...].

[...В голод ели рогоз], оно такэ длиннэ ростэ, а в сирёдки структура мучна, и ото йёго сушуть, вытряхують из йёго и пыклы пышкы [...]. Прямо сразу на плыту. Тут уже пощитать, постикэ

пырыпадэ, чи по половинки, чи по цилий. А потом там есть однэ растение, тоже у речки ростэ, коришочки таки як оришки, мохнатки йих называлы. И ото их навьтягають, намяють и на жилезку, жарять и йидять. Ракушкы, я як бы ны ракушкы, я б здох бы, а ракушкы мэнэ спаслы [...].

Мэнэ исключилы ис школы, – кулацкый сынок, за родителя [...] [Забрали отца из-за крепкого хозяйства].

Апшеронский р-н

КФЭЭ-2003.

АК 2874. Станица Тверская.

Инф.: Олейникова Вера Ивановна (1927 г.р.)

В 33 году был голод. Голод был потому, что власть хотела расправиться с кулаками и теми, кто не хотел идти в колхоз. Всё с амбаров повыгребли, повымели. Нигде ничё не осталось. Многие люди поумирали. Вся наша семья в голод выжила. У нас прямо чёрное тело было, синее. Голодные ж были. Выкапывали какие-то корни, наподобие чеснока и толкли его. Потом варили. Пекли пышки. Один раз удалось поесть мёду. Отец умер от болезни сердца. Люди шли по улице, падали и умирали. Некому было хоронить.

Брюховецкий р-н

КФЭЭ-2002.

АК 2597. Станица Переяславская.

Инф.: Петух Вера Сергеевна (1921 г.р.)

Информатор сообщает: «Полную подводу вывезли у нас с амбара в 1933 г. У нас полный амбар был. Зерно, картофель забирали, говорили: «Так надо!». Коров не брали, «брали только готовое, а у богатых даже одежду. Забирали «комсоды». Себе брали.

В 1933 г., в голод ели горох, тот что смогли припрятать в доме. Горох пропускали через мясорубку. Ели отруби с мусором.

Прятать продукты было нельзя, а если украдёт кто-нибудь хлеб, и его выдают, то забирали этих людей [арестовывали]».

«Если бы люди не предавали друг друга, то больше бы людей выжило».

В 1933 г. Вере Сергеевне было 12 лет. Ей пришлось бросить школу, (папа её умер, хлеб забрали, у мамы не было от голода сил чтобы ходить на работу в табаководческую бригаду. За эту работу давали немного муки. «У сестры моей было кольцо, так она выменяла на его трохи пшеницы». «В 33-м году не хватило нам рассады табаку. Голодные, мы поехали за ней в станицу Батуринскую. Там шелковицу нашли, ели. В Батуринской вообще пустынно было, люди вымерли. В Переясловской тоже много умерло от голода. Умерших хоронили в саду дома. Если крест на могиле ставили, крест ломали активисты. Поэтому не все ставили кресты».

«Были хаты, где люди людей ели. И детей зазывали погреться, но с тех хат уже не выходили...»

КФЭЭ-2002.

АК 2598. Станица Переяславская.

Инф.: Петух Вера Сергеевна (1921 г.р.)

В.С. вспоминает: «В голодный 1933 год купили родители по случаю Пасхи 10 яиц за 10 рублей. Кинули в самовар – сварили. Каждый съел. Пришёл брат. «Христос Воскрес!», – говорит. И ему яичко дали. Тогда люди щавель ели... Косилки, грабли, плуги отобрали, что у кого было.»

КФЭЭ-2002.

АК 2609. Станица Переясловская.

Инф.: Коряк Раиса Ивановна (1932 г.р.)

У белорусов такие же порядки. Тоже верующий народ. Вместе гуляли.

У некоторых людей нечего было есть. На речку ходили, рыбку ловили. Этим спасались. Второй мой муж рассказывал: «На котлован у реки приходили издалека старики. С нами ловили рыбку эту. И кушали с нами. И с детьми шли откуда-то». Люди по улицам лежали мёртвые. Некому хоронить. Всё у людей забрали,

все продукты: пшеницу, лук и укроп. Овощи и фрукты, всё сушенное забирали. «И оставались люди ни причём. Вот и голод был». Был приказ закрыть магазины. На Украине в 1932 году, а у нас – в 1933.

КФЭЭ-2002.

АК 2610. Станица Переясловская.

Инф.: Рожок Евдокия Иосифовна (1920 г.р.)

Голод был в 1933 г. Мне было тринадцать лет. Я ходила в пятый класс. «А голод! Исть-то как хочется». Чтобы выжить надо было получать паёк. Поэтому я пошла работать в колхоз вместе со старшей сестрой. В бригаде ловили рыбу. Этим и выживали. Голод был потому, что «кулаки» восставали. Их за это выслали. По улицам ходили «комсодовцы». Они у всех всё забирали. Искали всё: и пшеницу, и фасоль. Голод был устроен специально. Зачем – я не знаю.

КФЭЭ-2002.

АК 2703. Хутор Полтавский.

Инф.: Пасенко Пелагея Ивановна (1921 г.р.)

«Голод пережили очень трудно». У нас была яма, укрытая камышом. В яме хранилась картошка. «Комсод ходив – усэ забрав. Последнюю мукичку, что осталась. Маты моыла: «Оставьте хоть кусочек хлеба. Забрали весь хлиб. Ничёго ны оставылы». Но оставили корову. Прикопанную картошку не нашли. Прокормились на молоке и сыре. В поле собирали пшеничные колоски. «По дэсят жмэнёк у карман!». Зёрна прокручивали на мясорубке и пекли липэныкы. По две-три штуки.

Выселковский р-н

КФЭЭ-1992.

АК 244. Станица Березанская.

Инф.: Бондаренко Михаил Савельевич (1915 г.р.); Фесенко Иван Сергеевич (1910 г.р.)

Информатор сообщает: «В голод багато людэй помэрло». У колхозников забирали всё подчистую. Актив забирал «Это 5-6 человек, свои, из станицы, ходили по дворам с крюками железными. Искали, что закопано из продуктов.

Голод сделали. Ничего не найдут, идут в другие дворы. Люди по степям ходили, в мышиных норках кукурузу искали.

А если колосок пшеницы на поле вырвал и кто-нибудь об этом доносил, 10 лет тюрьмы давали.

Умерших от голода людей хоронили в общей яме.

КФЭЭ-1992.

АК 247. Станица Березанская.

Инф.: Вивчарь Ефросиния Васильевна (1911 г.р.)

В 33 – особенно разгар голода был. Общие ямы копали для захоронения. Туда кидали полуживых людей. Умерло очень много. «У моей свыкрухы пацан пишов до сусидкы, а она ёго взяла да заризала. Голову отризала... Она умэрла. Дитэй було двое у нэи. Диты умэрлы, и она умэрла». Было люди и собак ели. Люди больше ежиками спасались. Отваривали. Ели камыш, лободу / лебеду, заячью лапку.

КФЭЭ-1992.

АК 250. Станица Березанская.

Инф.: Бойко Акулина Мифодьевна (1916 г.р.), казачка.

Акулина Мифодьевна рассказывает о том, что в 1933 году еду абсолютно нигде не возможно было достать, и люди доходили до людоедства. Ловили маленьких детей. Её сестру поймали в то время, когда она шла в садик, и зарезали. Был в станице случай когда мать съела свою дочку.

Называли это время, события «саботаж», но саботажа не было.

В 1933 году умерших хоронили за станицей в общей могиле, потом там было устроено кладбище, которое до этого находилось в станице. Людей свозили и полуживых. Акулина Мифодьевна похоронила двух сестер и мать.

Когда «начались колхозы» стали давать макуху. Рожать детей стали только в 1935, 1936 году. В эти годы уже стали понемногу выдавать хлеб.

ПМ КФЭЭ-1992.

АК 267. Станица Березанская.

Инф.: Прокопец Анна Васильевна (1910 г.р.)

Информатор рассказывает: «В 1933 году по дворам ходили группы – активисты – мужчины и женщины. Спрашивали у всех: «Есть у вас яма? Что заховано в яме?»

Ходят по двору с крючками. В соломе, сене ширяют, шукают...

Отец и мать нам, детям, говорили: «Кто придёт, в хату не пускать!»

Картошка у нас была, забрали, огурцы, семена... И собак ели в голод, и люди умирали. Мыши выручали нас. «Шукалы мы по полю норкы. Находим, копаем там. А там кукуруза. «Спасиба мышам!»

По дворам приезжали с «тарой» [повозкой]. Говорят, если кто при́смерти, ложите его в «тару», всё равно по дороге умрёт. В общую яму умерших кидали, не хоронили отдельно».

КФЭЭ-2007.

АК 3802. Станица Бузиновская.

Инф.: Бутова Вера Гавриловна (1924 г.р.)

– *Вы голод помните в 1933 г.?*

– А чё ж не помню, я пухлая была. Тут такое было. А брат работал трактористом и получал на неделю три булки хлеба. И ото он булку хлиба пырырижэ напололам и прынэсэ, и батьки приказуе: «Смотри! Если хоть одну крошку одрижешь и куда она денется, я тебя убью». Як я кричала тогда: «Ой, мама, мама!». А вона: «Ой, дочечка, когда ж ты ослобоньш мэнэ». [Работающим в колхозе] давали на трудодни зерна: кому пять, кому шесть, кому десять килограмм, смотря у кого какая семья. Рогоз ели. Нарвем его и с солью едим. Молочай ели.

– *Вообще людей много померло в станице?*

– Конечно багато. У меня мать в голодовку умерла. А отец через год, в тридцать четвертом.

– *А что за причина, неурожая ведь не было?*

– Это уже в тридцать четвертом хороший был урожай.

– *А комиссии по дому не ходили, хлеб не отбирали?*

– Цэ я ны помню.

КФЭЭ-2007.

АК 3859. Станица Новобейсугская.

Ииф.: Калугин Николай Иванович (1946 г. р.), казак.

– Мне деды рассказывали, что станица не поддержала ни красных, ни белых. Вот поэтому и тридцать третий год сделали.

– *Ведь неурожая не было?*

– Неурожаем здесь ни при чем. Говорят, что станица была окружена войсками НКВД. Никого не выпускали, только впускали. Ходили по домам люди с красными повязками. Если у кого на печке варилась какая-нибудь баланда, ее просто выливали на землю. Есть нельзя было ни в коем случае. А урожай был.

– *Говорят, бурьяном дороги позарастали?*

– Да, всё позаросло. Мне один дедушка говорил. Вот идешь по станице. Строишь, в бурьянах тропинка есть – значит там еще живые люди есть. Если тропинки нет – то уже всё, все умерли. Хоронили без гробов. Даже были такие случаи, что еще чуть живых людей бросали в общую могилу.

– *А случаи людоедства были?*

– Я слышал, что были.

– *«Комсодовцы» были свои станичные или пришлые?*

– Свои.

– *А из казаков или из мужиков?*

– И те, и другие были. Здесь неподалеку жил дедушка Бабенко, он месяца два как уехал. Он мальчонкой был в то время. И он говорил, что и те, и те были.

Горячеключевский р-н

КФЭЭ-1992.

АК 392. Станица Имеретинская.

Ииф.: Ищенко Кузьма Данилович (1900 г.р.), иногородний.

Кузьма Данилович во время революции «работал в чека». В 20-30 годы жил в станице. При образовании коммуны в неё вступил. «Станица на нас смотрела в волчьем настроении. Мы

пошли, заняли самые хорошие места. Грек был, он большую плантацию имел, мы поселились, а потом начали подстраивать...»

Вопр. – В голод людей умерло много?

[Речь идет о коммунарах]

– Я б сказал, что не много. Коммуне давали продукты. Всё же и хлеб был, но понемногу давали. Так оно ничево. У нас там пасека была, овцеводство мы развели, до 37 голов дойных коров было. Так что голод у нас не ощущался.

КФЭЭ-1992.

АК 312. Станица Мартанская.

Инф.: Карпенко Михаил Тимофеевич.

Информатор сообщает: «В 1933 г. был в станице голод. По дворам ходили комсомольские команды, состоящие из [местных] жителей, иногородних, и с ними участковый милиционер. Подвода подъезжала, обыскивали дома, потолки. Найдут продукты, говорят, несмотря на то, что у тебя 5-7 детей: «Тебе сумочки этой хватит?». Будешь возражать, заберут и тебя, как многих людей, неугодных властям. Ночами людей забирали, а вечерами комсомольские команды дворы обыскивали.»

КФЭЭ-1992.

АК 326. Станица Мартанская.

Инф.: Голуб Анна Ивановна (1919 г.р.), казачка; Карпенко

Анастасия Сидоровна (1915 г.р.), казачка; Матющенко

Антонина Сидоровна (1926 г.р.), казачка.

В 30-е годы много людей померло. У кого коровка, хозяйство, те выдержали.

Валялись люди то там, то там, страшное дело.

– [Почему голод был?]

– Потому, что забрали всё, чи партейцы. Власть советская наступила. У них ума ещё не было хозяйничать, они неграмотные были. В 1933-ем всё забирали, у нас нечего было забирать. Люди кукурузу, пшеницу в стенку [прятали], замызывали [глиной] шоб не нашли. Но, они разбивали стенку и всё у людей забирали. Всё государству отдавали, нам ничего не оставляли. У кого коровка была, те выживали.

КФЭЭ-1992.

АК 327. Станица Мартанская.

Инф.: Попова Людмила Алексеевна (1943 г.р.); Гавриленко Вера Наумовна (1921 г.р.), казачка; Бутова Татьяна Касьяновна (1914 г.р.), казачка.

Наши родители приехали с России, они русские. Потом казаки были, много было казаков.

Голод был в 1921 г. тогда «красные», «зелёные», «белые» были. И в 1933-ем забрали всё у людей и был голод. Мне было 12 лет. Забрали и корову, и кукурузу, даже груши забрали и батька посадили.

– [А кто забрал?]

– Коммунисты

– [Чем питались?]

– Соль, да крапива. Варили, пекли её.

– Нас трое было. Старшая сестра умерла. Мамка ходит то живучки нарвёт, то снытки, бурьяну разного, ото посолим и едим. Живучку прижмут, зажмут. А у кого [что] было, видят, шо мы голодаем, так они ночью принисут нам хочь такой [маленький] горшочек кукурузы, [так мы её] даже драчку сдерём. Хочь супчику сварым, жывучка и крупички трошкы.

– Груши у нас были сухие, квасоля – всё забрали. А из-за чего забрали: батько шёл с работы, на подводах везут кукурузу, у людей же забирали, упало с подводы 3 кочана, он узял на руку и идёт. А 3., тут был, пошёл, заявил. [Отцу] 10 лет тюрьмы дали.

– Сестра умерла прямо в яслях. Им привезли семечки питаться, они со шкорками поели. Колосов Коля и наша Рая там и кончились.

Гулькевический р-н

КФЭЭ-2002.

АК 2589. Хутор Кравченский.

Инф.: Зенина Ефросинья Дмитриевна (из станицы Темижбекской).

«В 1933 году вредительство было. Людей поморили». Спасаясь от голода, отец копал корни «мышинной кукурузы», молот их. Из муки делали баланду и ели. Но «советские представители» приходили и выливали баланду, если её не успевали съесть. Людей

специально морили голодом. Это делалось, чтоб станица вымерла от голода. В станице умерли почти все. Остались только те, кто бежал в Грузию. Или кто работал с советской властью. А остальные умерли. Забирали всё у всех. И у казаков, и у иногородних. Если находили что-то спрятанное во дворе или в доме, хозяев арестовывали. Из станицы не выпускали. Мы еле успели уехать в Грузию. Отцу помог бежать кум. Он пропустил нашу семью через переезд.

Динской р-н

Архив НИЦ ТК.

Станица Динская.

Рукопись. Воспоминания Шрам Пелагеи Григорьевны (1921 г.р.), казачка.

П.Г. рассказывает «Двух сестер выслали, папу расстреляли, нас оставили. Было страшное время. Даже днём страшно было по улице ходить. Люди умирали целыми семьями. Ездили «санитары», грабители. Ломали двери, мёртвых голых бросали друг на дружку и увозили в общие ямы, бросали их как чурки, а сундуки опустошали. Вот тогда сколько было умерших без погребения. Убивали людей и люди людей ели. Продавали на базаре холодец. Милицонер проверял этот холодец и находил в нём детские пальчики. Расстреливали этих людей.

Нас Господь спас. Незадолго до своей смерти папа наш познакомился с одним станционным работником по фамилии Шабельник Пётр [Он взял П.Г., которой было тогда 11 лет, к себе пасти корову. После окончания занятий, на летних каникулах, она ходила пасти корову с утра и до 9-10 вечера. Ещё она нянчила его внука Юру. За это они кормили П.Г. и домой каждый вечер давали кувшин кислого молока, а соседка, монахиня давала ей большую жестяную банку очистков от картошки и говорила: «Пусть мама их промочит и сварит».]

П.Г.: «Меня дома встречала сестра Анастасия, она ходить не могла [опухла], а ползала на четвереньках. Она сядет, а на другую скамейку положит ноги, а под коленку поставит ведро, с ноги набегало полное ведро жидкости. И вот меня Анастасия встречает, а я несущу кувшин кислого молока, хлеба и эту банку с

очистками. И когда высыпем эти очистки, а там и целый картофель, штуки три яичка, кусочек мяса сырого и хлебца кусочки. Тут сестра и мама плачут от радости, сварят, на день хватает. На второй день опять я несу кислое молоко и опять очистки. К осени сестра окрепла, а после голодного года какой был изобильный урожай, на деревьях ветки ломались, в огородах росли грибы, всё росло необыкновенного размера».

Кавказский р-н

КФЭЭ-1999.

АК 1816. Станица Дмитриевская.

Инф.: Синюкова Н. В. (1910 г.р.); Рыбакина М. И. (1908 г.р.); Кудрова М.В. (1918 г.р.)

– С тридцатого года начались колхозы. А в тридцать третьем такой «саботаж» был! Сохрани Бог! Видно, Сталин считал, что лишних людей много. Искусственный голод делали. Его, голода, не было. Всё было: картошка, коровы... Всё забрали. Даже если буханка хлеба оставалась, и ту забирали. А люди умирали. К чеченам ездили за кукурузой. Если кто привез с собой муки, тут же приходит «комсод» и забирает.

– *А в «комсоде» свои же станичники состояли?*

– Да, свои. Начальники назначали. Дураки ходили, умный бы не пошел. Дураков только заставляли. У нас Филя, да Сема, бабы – все дураки. Подошли все уже.

Калининский р-н

КФЭЭ-2000.

АК 2151. Хутор Греки.

Инф.: Лапин В.В. (1924 г.р.)

В голод ходили активисты и у всех отбирали все продукты. Активисты были местные. От голода умирали люди. У Зайцевых померли сын и дочка. Умерли многие.

КФЭЭ – 2000.

АК 2153. Хутор Гречаная Балка.

Инф.: Сидоренко С.В. (1920 г.р.)

В 1933 году был голод. «Голод хороший был туточки». Ходили по дворам и всё забирали. Спрашивают про ячмень, пшеницу. На подводу и забирают. Приходили через каждые две недели. К концу 1932 г. отобрали даже горох, арбузные и тыквенные семечки. Забрали даже сумочку с сушенными овощами. Поэтому весной 1933 г. нечем было сеять и нечего было есть. Немного было только у колхоза, у людей – ничего. Приехала комиссия и приказала забить много скота, особенно лошадей. Якобы они были больные. Поэтому весной 1933 года колхозной бригаде было не на чем и нечем сеять. Некоторые люди успели вывести в степь продовольствие и спрятать его там. Во дворах прятать было бесполезно. Всё находили. Весной 1933 г. года люди были больные, пухлые. Многие умерли. Голод устроили, чтобы уничтожить кулаков. Продукты отбирали по приказу приезжего начальства местные комсомольцы. Активисты. Среди актива тоже было много приезжих. К 1933 г. во дворах совершенно не было кур.

КФЭЭ-2000.

АК 2151. Хутор Могуковровский.

Инф.: Воропаев А.М. (1927 г.р.); Кузьминская К.И. (1922 г.р.)

На хуторе Могуковском не было голода, потому что не ходили «комсодовцы».

К.И.: Мама рассказывала, что всё забирали. У нас забрали скотину. Голод был от бедности и безденежья. Рыли корни камыша (чакана, куги) и их ели. Мололи и варили кашицу. Пищу выменивали на одежду. На хуторе люди с голоду не умирали. Умирали в Калининской. Там ели табак. На хуторе некоторые люди могли доить коров и собирать в полях кукурузу. «Комсодовцы» не ходили и продукты не забирали.

Каневский р-н

КФЭЭ-2001.

АК 2364. Станица Каневская.

Инф.: Сосновская Наталья Леонтьевна (1915 г.р.)

Когда создали колхоз, начался голод. Умерло очень много людей. «Скикы ж помэрло людэй, ой-ой-ой». Людей не возили на кладбища. Их сбрасывали в колодцы. Голод был в 1933 году. В 1932 – 1933 голод был страшный. У кого не подох скот, у того его забрал колхоз. Скотину нечем было кормить и она вся подохла. «Нечего было жрать!». В станице не было ни людей, ни скота. Много людей было похоронено в огородах. Очень много умерло с голоду детей. У соседей умер маленький мальчик. В колхозе начальству давали паёк.

КФЭЭ-2001.

АК №2423. Станица Новодеревянковская.

Инф.: Бибик Сергей Гордеевич (1910 г.р.), казак; Денисенко Марфа Никифоровна (1914 г.р.)

Исс-ль: В 30-е годы не говорили о вредительстве, или это местное начальство?

С.Г.: Слушай, шо это було? [...] Вы харашо знайтэ гимн, там прямо сказано, Ленин прямо твердо указал: «весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем, новый мир построим, кто был ничем тот станет всем». Так от разрушить разрушылы, а построить ныяк.

М.Н.: Ось зараз яки дома розрушили – Совет, больныцю, школу, цэркву. Я вчора йихала – сэрцэ кровью облываица дывыця. Яки дома. И церковь. Я стояла як церкву валялы. У мэнэ сэрцэ чуть нэ лопнуло.

С.Г.: Мово батька так [забрали]. Колодизь копав, ну, вин чувствував от это [приближение голода] и пшыныци, там видра два було, мешок спустыв туда. Ну, выдалы, шо там. Прышлы, пшыныцю всю забрали и батька забрали. И так и остався там батько, погыб дэсь, задавылы во время воды.

[...] Налог на зерно, только на зерно. Вывозь и всё. А потом уже начали делать обыскы. Шукать вси ямы, вси закоулкы, везде. Забыралы там и зерно и всё падряд.

М.Н.: Зять у мэнэ росказував, шо заставлялы лазыть по чердаках и каже, даже из огурцив, помыдор, свеклы зерно, семена, и тэ забыралы. Шоб нэ кынь в рот. От так робылы. Да ны дай Бог сказать.

Люды людэй йилы. У нас ныдавно женщина умэрла, та шо людэй йила. Ловылы дитэй. Да о цэ ж П., она ж ныдавно умэрла.

Ото ж ловылы дитэй. Значить йшов мальчик, послав батько: «Пиды до конзавода у лавку, купы табаку». Там дав ему шось. Сынок завэрнув, и вин [чужой мужчина] махнув рукою, показав шо дасть конфет, чи шо: «Иды сюда». Хлопыць же ны знав, пидишов, тот тикэ ево цап-царап. Голову долой, на горище, а ево... Оны дэсять дитэй заризалы. Пойилы, зылы. А було такэ, шо ты ще хороший, а уже мэртва пошты. Я умэрла, ты обрizaиш, и варыш йсты. А одна женщина росказувала, була в Донбасе, и почула шо тут така голодовка, шо цэ такэ страшнэ, и она значить набрала крупы там того сёго, три мешка. Пойиду я, два браты осталось [на Кубани], можэ я их спасу. И тико заходэ в хату, а оны на пэчи лыжалы, воны як глянулы, вона ж свижа, повна. Воны як хишныкы, як вытрищылысь, та дума: «Щас зарижим и сьимо». Вона як глянула, злякалась, мишок той бросыла, а сама тикать. Утикла, а через, дэ вона там ховалась, чырыз скикы врэмя прышла, а воны помэрлы. Воны открылы той мешок, понаидалысь, и всё. Отакэ було. Оцэ ж та пия: «Наступае чорна хмара, дрибный дощик з нэба»...

КФЭЭ-2001.

АК 2401. Станица Новоминская.

Инф.: Недбайло Иван Иванович.

В 1932-1933 г. был голод и повальный мор. «Подъезжает бричка. Смотрю, а там руки-ноги торчат. Мать вышла. Кричат: «Есть мёртвые?» Мать: «Слава Богу, живы покаместь»

Одна женщина зарубила топором девочку. Разрубила её на куски и наелась. Сама была пухлая.

КФЭЭ-2001.

АК 2327. Станица Челбасская.

Инф.: Беда Пётр Иванович (1913 г.р.)

Голод был потому, что был саботаж. «Не хотите в колхоз, мы вас придушим». Голод устроила власть. Приходили и отбирали всё. Ничего не оставляли. Ходил забирать актив. Уполномоченный был не местный, а остальные все – местные. Из батраков. Искали спрятанное зерно железными щупами. Отбирали в основном у единоличников. Умирало много людей. Ездили трёхколки и собирали мёртвых. Их потом отвозили на кладбище и хоронили в общей могиле. Могилу рыли доходяги под руководством колхозного кладовщика. Тем, кто копал, давали по два килограмма

комбикорма. Это крупа, корм для скота. Умирили целыми семьями. Семья батраков Богатырей вымерла вся. А в семье было много детей. Потому что забирали всё, что есть. Не оставляли ничего. Отец спрятал немного сорго и кукурузы, поэтому наша семья выжила. Особенно много умерало весной 1933 года. Осенью уже был урожай и голод закончился.

КФЭЭ – 2001.

АК 2328. Станица Челбасская.

Инф.: Шинков Михаил Иванович (1913 г.р.); Кабан Николай Ефимович (1925 г.р.); Кабан Татьяна Нестеровна (1924 г.р.)

Голод был от того, что у нас всё забрали. Многие умерли.

Голод был в тридцать третьем. У людей забрали хлеб. Его забирали бандиты. Приезжали: «Давай хлеб!». И семена забирали. У всех отбирали, и у колхозников, и у единоличников. Людей умирало навалом. Особенно в третьем квартале. В нашем квартале [голодающие] собирали кукурузу в поле. Собранную кукурузу отнимали друг у друга. Падали и умирали прямо на дороге. Выживали те, кто был сильнее. Были случаи людоедства.

КФЭЭ-2001.

АК 2329. Станица Челбасская.

Инф.: Проценко Василий Фёдорович (1918 г.р.)

Голод был от того, что всё забирали. Зерно, другие продукты. Это делал актив. Часть активистов прислали из района, частью были свои. От голода умерло много людей.

КФЭЭ-2001.

АК 2351. Станица Челбасская.

Инф. Коломиец Александра Васильевна (1916 г.р.), казачка.

Накануне голода проводилась кампания по созданию колхозов. Вступающий в колхоз должен был сдать (обобществить) всё: домашний скот, лошадей, сельхозорудия и машины. Мать А.В. склонялась к тому, чтобы войти в колхоз, отец был против: «Чортам душу продавать / отдавать».

«Хто отвиз [имущество в колхоз], той живой остався».

Тем, что работал в колхозе, в т.ч. и А.В., готовили еду, выдавали в день по килограмму хлеба. Хлеб старались незаметно

унести домой, где, как правило, оставалось по 3-4 неработающих члена семьи, маленькие дети, кто-либо из родителей.

Колхозный «паёк» помогал выжить, но был недостаточным. Поэтому, по словам А.В., приходилось менять оставшуюся одежду на горсть, баночку муки, зерна.

В критическом положении оказались те, кто не пошел, кого не приняли в колхоз.

«Пишов актив, позабырав усэ. Якый узольчик, там було из кавунив семьячек и тэ позабыралы. Ныма нигде ничёго, хочь шаром покоты. Дэ хлеб якый був – выгрыблы. [Вывезли или в район, или в колхоз]».

«Люды людэй ийлы. Люды лягушок ийлы, люды собак ийлы, хто ны пишов у колхоз».

[...] «А мэрлы... Оцэ иду з роботы по улыци. А тут у нас ромашкы було! Ромашкы куча, отака ввышкы, а там лыжыть, умэрло, там лыжыть, умэрло, из голоду». Умерших на кладбище свозили два человека, от колхоза, один из них был инвалид, без ноги. Умерших брали за руки, ноги и «як скот» бросали в телегу. «Там на кладбыще выкопана яма здорова. Привозять у ту яму. Одын шар наваляць, другый шар. Тих кладуть ногамы туда, тих головамы туда, шоб бильше влизло».

Кореновский р-н

КФЭЭ-2007.

АК 3708. Станица Дядьковская.

Инф.: Логвин Мария Ефимовна (1928 г. р.), казачка.

– Я прекрасно помню какой был «саботаж». Это голод называли «саботажем». Знаете сколько людей поумирало. Раньше были русские печи. А семьи были большие: детей по 8, по 11 [душ]. И умирали дети с голоду прямо на той печке. Топить нечем, люди ослабли. И по хатам ездили, мертвых собирали. Сделали такие длинные палки с крючками, и стягивали этими крючками людей с печи, сразу по пять, по шесть человек. А около двора стояла телега, и в нее закидывали трупы как снопы. И на кладбище у нас могила есть, куда их всех скидывали. По-человечески похоронить было некому. А кто был, у того не осталось никаких сил.

– *А за счет чего люди выживали?*

– У кого, может, бурячок какой был... И то, чтобы никто не узнал, что он у тебя есть. А то приходили и забирали. «Комсод» такой был. Да еще и женщины [в «комсоде»]. И забирали всё. Даже ходили прутами ширяли. Где только чуть [что-то есть] – раскапывали.

– *А эти «комсоды» из местных составлялись?*

– Местных власть нанимала.

– *А как люди к ним относились после голода?*

– О-о-о! Потом знаешь что им было! И били их, и колотили их, и всякими словами обзывали. Померли проклятыми. А сами кушали что хотели, юбки у них с кружевами. А простые люди умирали. Тогда если кому кусок макухи-жмыха попадался, так за сахар был. Так и того не было. Хмель варили и лебеду. Хмель давали детям, чтобы они спали, чтобы есть не просили. И вот они спят, а у самих такие животы – все рахиты.

– *У вас речка есть. Почему рыбу не ловили?*

– Рыбу не ловили, а собирали ракушки. Ракушками еще выживали. А «кулаков» еще и из собственных хат выгоняли. Дети их по-над заборами ходили, там^и спали.

– *Так почему всё-таки люди рыбу не ловили?*

– Люди слабые были. Если он в эту речку залезет, то там и останется.

– *У вас в семье сколько детей тогда было?*

– Четверо.

– *Все выжили?*

– Нет, трое.

– *А выехать из станицы нельзя было?*

– Нет. Станица не была паспортизирована. А без паспорта никуда не поедешь. Только моей тетке удалось уйти в Кореновку и устроиться на сахарный завод, там хоть какую баланду давали. У нее вся семья вымерла, шесть человек. Одна она осталась.

– *А людоедства не было?*

– Нет, такого я не слышала. Только кошек, собак. Но и их не было.

– Я рос сиротой. Жил у бабушки. Она умерла во время «саботажа» 1933 г. Моя учительница была Мирна Надежда Евстафьевна. Я ее ввек не забуду. И говорит мне: «Андрюша, у тебя рядом и подушка есть?» Я говорю: «Есть». «Забирай и переходи в Дом». В том доме колхоз сделал нары и собирал в нем немощных малолеток. За счет баланды, которую там давали два раза в день, они выживали. В том доме нас человек пять насобирали, которые уже никуда негодные. Ну, прихожу я домой до бабушки. Бабушка уже лежит не подымается. Я пришел и плачу. Она: «Чего ты?» Я говорю: «Мне учительница сказала забрать подушку и рядом и перейти в Лабунивску хату». Бабушка: «Иди, может ты жив останешься. Я уже всё. Мне день-два и хана». Я: «А вы как? Не пойду». Она: «Иди». Я взял подушечку, рядом и пошел. Через день или два пришел проведать бабушку, а ее уже нема. Хата закрыта, окна заколочены. Мертвых по станице собирала подвода. По хатам ездили, мертвых в шарабан накидывали. Привезут на кладбище, в яму скинут. И едут собирают опять.

– *А выживали за счет чего?*

– Да так и выживали. Коняка у кого сдохла. До могильника ее не довезут, по дороге [люди] по кускам разрубают. Даже детей рубали и ели.

– *И много таких случаев было?*

– Было сколько хочешь! А то речка выручала. Ракушки собирали. Отваривали их и ели.

– *А как люди объясняли причины голода?*

– Тогда Сталин был у власти. И он отдал приказ ЦК партии вывезти весь хлеб. А хлеб тогда какой был? Не уродился. Люди поэтому всё оставляли себе. Кто два, кто три мешка спрячет. Тут комиссия идет, забирает. Кто прятал, того выселяли, как «врага народа».

– *И много таких семей из станицы выслали?*

– Да сколько хочешь. И вот отдал Сталин указ. Но, кто знает, какой это был указ. А местная власть что хочет, то и делает. Забирали всё. У нас с бабушкой на чердаке ведро фасоли лет десять уже стояло. И я ее сутками варил. А она так высохла, что не разваривается. Забрали и ее. «Комсод» пришел и забрал.

– *Это были местные жители?*

– Местные.

КФЭЭ-2007.

АК 3717. Станица Дядьковская.

Инф.: Хилько (Рева) Антонина Петровна (1927 г.р.), казачка.

Уже в 33-ем году стал падать народ. Не то там одын, два, пять, а улыци. Наша Партизанская улыця, вона тоди нияк не называлась, но казали Берегова на неё, там полностью семьи повымирали. Вот у Пэтрэнкив семеро дитэй было, и свёкр, и свекруха была, и мужик и жинка, и у них семеро дитей, и одна толко Груня дэсь на совхоз выйхала, и ниhto ны знае дэ вона есть. А то все полностью помэрлы, в хати лежали. Это страх, это нельзя рассказать. Ну, вот были племянники Коля и Ваня, и батько их Сашка, здоровый, в кузне работал. И вин умэр, и детишки их помэрлы. Приихалы, выкыдали йих – шарабан был, арба драбынамы обшилёвана...

Тяжелый шел тридцать второй, ужэ воно заходыло, тридцать третий, тридцать четвёртый. А уже в тридцать пятом, уже «отборни»: тому дадут есть, тому не дадут. А тому было кажут не давайте есть, она всё равно сдохнэ до вэчэра. Мы оце шас кажим умираем, а тогда не казали шо умирають, уже сдохла... Очень тяжелые годы были. Некоторые спаслися, но мало. Мало-мало. Вот эта поляна, 23 гектара, моё дитя, оце ж усэ булы хаты и усэ люды жили. И вси поляглы в 33-ем году.

КФЭЭ-1992.

АК 213. Станица Платнировская.

Инф.: Кирьянов Владимир Ефимович (1913 г.р.), казак.

Информатор сообщает: «В 30-е годы коммунисты, актив забирали у населения продукты, зерно, а куда везли всё это – не знаю. Может они сами пользовались всем, что забирали.

Те, кто сумел скрыть продукты, и у кого не удалось их найти, только те и выжили.

Прятали кукурузу, ячмень.

Уже и отдавать было нечего, а всё приезжали отбирать...

В станице было людоедство.

Станица заросла бурьяном и было жутко во дворы заходить, – может там уже звери водятся.

КФЭЭ-1992.

АК 215. Станица Платнировская.

Инф.: Третьякова Анастасия Кирилловна (1918 г.р.);

Третьяков Степан Михайлович (1913 г.р.)

Информатор вспоминает о голоде 1933 года: «Пятьдесят процентов населения умерло в голод в станице. Забирали даже узелки с семенами. Говорили: “И так подохнешь!”

Кто виноват, не знаю. Когда власть в свои руки берут, каждая власть имеет право требовать своё. Сколько делали вреда!

Мы не знаем, как выжили с братом. В плане ведь было – только зерно забирать, а забрали даже семена помидор.

Школьникам давали 100 грамм хлеба.

Я выжил, у меня быков было две пары, табак возил, что кому подвезу...»

КФЭЭ-1992.

АК 217. Платнировский сельсовет, хутор Левченко.

Инф.: Самохвалова Фёкла Фёдоровна (1906 г.р.)

Информатор вспоминает: «До 1933 г. жили мы в колхозе хорошо. Мой муж был бригадиром. Посеяли овёс, плохо посеяли: нечем было пахать. И мужу за это дали 10 лет тюрьмы. Меня из колхоза исключили, из хаты выгнали, детей забрали. А тут голод начался. И кони, и люди – все от голода падали. Люди людей ели. У нас тут это всё на глазах было».

КФЭЭ-2007.

АК 3743. Станица Раздольная.

Инф.: Пелехов Иван Романович (1927 г. р.), казак.

– Почему голод произошел, неурожай был?

– Нет. ... Вот приходят, у печку, на печку, на горище лазияют, хлеб шукають. Ну, хлеб – другое дело. Если б. А то квасоля там сваренная и то забирають. Ну, наверное нарочно так было сделано, чтобы станицу выморить. Ну, вот приехали хоронить – все умерли. А копать кто будет? Людей уже таких нет. Взяли, у колодец кинули. А у кого погреб, в погреб кинули, мертвецов.

– Людей много померло?

Ну, кто разбежся кто куды – то повезло. Если он действительно казак, настоящий, то он себе пропасть не даст. А если такие люди, забитые, как мой отец, простой рабочий. Например, голод был – он лягушек наловил. А там ножки только

задние, больше есть нечего. Вот он наварил. Я две съел и наелся. А то – бурьян был. Ну, в рост человека. По станице ходить было страшно. Ну, вот отец наварил лягушек, я наелся. А он побоялся есть лягушати́ну, вылил в лоханку. А тогда начал делать сетки и рыбу ловить. А лягушек – нет.

– *А отбирали продукты местные или приезжие?*

– Я не знаю. Наверное наши. Например, у меня жена. А ее отец был чекист. И вот тут он в Раздольной как бы командовал этим делом. Вот приходите, а их человек семь там, десять. У хату зашли. Он не лазит, потому что он у них как старший начальник. А люди лазют, проверяют. В сундук лазют, одежду перебирают. Это я хорошо помню.

Красноармейский р-н

КФЭЭ-2004.

АК 3049. Станица Староджерелиевская.

Инф.: Безворитняя (Таран) Варвара Филатовна (1912 г.р.), казачка.

Голод в станице был «у 33-му и послѣ войны, послѣ оцѣ гѣрманськой войны [...]. Страшнѣ дило було, людѣ людѣй йилы, ризалы. У мѣнѣ сусиды, як воны мѣнѣ ны заризалы. Ризалы дитѣй, ризалы, ну кого заманять у хату, и ризалы. А потом ѓѣезщѣкиив назначилы, шо дивающѣ диты, дивающѣ людѣ, дѣ? А потом одна дѣвка пишла до йх, подружка, а оны варять кушать. Раньше ны було ж плиток, а русськи пѣчки булы, а тоди як глянула, а в йих, [в вареве], отак ручка пиднимающѣ, кыпытъ в борщи, чи там шо воно. А вона кажѣ, ну, варить борщ, а я пиду хлиба прынысу. Оны б йии булы заризалы, оны вжѣ и дѣври защипнулы. А тоди отщипнулы. [...] А оны двѣнадцать душ заризалы вжѣ. Цѣ Б. був, Б. Настя, Лѣдка, оны йилы людѣй.

Сусѣдка в мѣнѣ ось тут була, жила, тоже сына своѣго заризала и зыла. [...] У нѣи два сына було, так она младшого заризала, а старший остався, ны вспѣла. А потом йѣи вѣзлы та посадылы в тюрьму, она дѣсятъ лит сыдила в тюрьми, а потом прѣйшла з тюрьмы и умѣрла. [...]

Страшный голод був, и в садику дитэй кралы. Як тикэ няня звивае, дэ дытына отвихнулася, так дытыны вже и няма. Кралы и ризалы.

Цэ «саботаж» був пэрыд войною. Даже семички з кавунив, семички з дынь, и тэ всё забыралы. Ходят, «комсод», трусят, шупом шупають, и дэ позакопуванэ, дэ похованэ, усэ забыралы. Вредительство було.

КФЭЭ-2004.

АК 3051. Станица Староджерелиевская.

Инф.: Туманова Анна Никитовна (1916 г.р.), казачка.

Люды мэрлы з голоду як мухы послаи пэрого морозу. И здесь на дороги лыжить, и здесь. Потому что всё забрали, всё забрали. И коноплю забрали, прядиво называлось. Кажуть, у колхоз на вирёвки.

КФЭЭ-2004.

АК 3052. Станица Староджерелиевская.

Инф.: Задорожний П.В. (1938 г.р.)

Полтавские отказались колхозное зерно убирать. Каганович говорит: «Браты-казаки, здравствуйте!». А те шумят: «Тамбовский волк тебе брат!». Вин опять: «Браты-казаки, здравствуйте!». Голоса не повышает, ничего. А те ему опять. Вин говорит в третий раз: «Браты-казаки, здравствуйте!». Не повышая ни тона, ничего. Часть поздоровались. Вин кажэ: «Я всё расскажу! Скажите мне, братья-казаки, почему пшеница в поле осталась?». Из толпы возгласы: «Наша пшеница в амбаре. Тока ваша пшеница в поле». [Каганович:] «Та пшеница, что в амбаре, то не ваша пшеница. Ваша пшеница в поле!». Сразу шум-гам. А в это время составы подгоняють пустые и станицу окружает воинская часть. И ни один человек ни туда, ни сюда.

Батя был завхозом. В Приморско-Ахтарске. Зерна полно. Лошадям зерно скармливают. А людям нет. Один отрубал у лошади кусок мяса и думал зашить. А за лошадей тогда строго. А лошадь загнулася да и всё. С ведра лошадь кормит, овсом, ячменём. А люди смотрят, людям нельзя. [У отца] было шестеро детей. Три сестры и три брата. Засыпают в карманы в пальто зерно и выносят. Домой принесёт кукурузы или чего. Надо как-то сготовить так, чтоб никто не чуял запаха. И до утра съесть.

КФЭЭ-2004.

АК 3066. Станица Староджерелиевская.

Инф.: Гладкий Алексей Федорович (1928 г.р.), казак.

Голод 1933-го года.

«А то впэрэд мы жылы там, аж за станыцёю, до 33-го года. А в 33-м году оцэ сэстру було вкралы, чуть ны заризалы. Благодаря бабам шо с мамою робылы, отбылы. А маты кажэ: “Хоть наймай дэ-ныбудь кватырю, дитэй то низзя бросать”. И ото мы пырыйшлы сюды блыше в центр, и тут купыв батько хату».

[...] Во время голода в станице много людей умерло. «Бувало маты кажэ, у бригаду пишла, а йих заставляють..., запрягай конэй, и цэ вас там 4-5 чоловик, йидьтэ, там вымэрла симья, надо вывызты, шоб ны завонялося. Запрягали конэй, йихалы, вывозылы. А яму хто копав? Так, чуть-чуть выкопалы, абы шоб прыкыдалы, и всэ [...]». Хоронили в общей могиле, кресты не ставили, гробов не было.

КФЭЭ-2004.

АК №3020. Станица Старонижестеблиевская.

Инф.: Троян Антон Карпович (1925 г.р.) казак.

Я в первый класс пошел. Мать умерла, брат умер, а отец еще остался и мы с ним спали на одном топчане. Утром пошел в школу: «Папаня, я пошел в школу». Возвращаюсь со школы, а он лежит в том же положении [...]. Дотронулся, он не шевелится. Я скорее к соседке напротив. Соседка прибежала, зашили в рядно, заехала подвода, там уже несколько лежало мертвецов, его положили. Соседка: «Садись, Тоська, посмотриш, где хоть батька заховають».

Не знаю где, сейчас хожу на кладбище на поминальные дни, не знаю где мать похоронена, где отец.

В 33-м году хоронили в общих могилах. У нас два кладбища в станице, старое и новое. И там, и там были общие ямы. Тут три ямы было. Сейчас на месте одной табличку поставили, оградку сделали, скамеечки [...].

КФЭЭ-2004.

АК 3028. Станица Старонижестеблиевская.

Инф.: Либидко Иван Яковлевич (1928 г.р.) казак.

[В 1932 – 1933 «Комсод» ходил?].

Ходылы, пэрыкыдувалы скырду, як я сам бачив, и ципкамы шукалы пшыныцю, дэ закопана. И пока ходылы, пока такэ рышили выгнать. И шо получилось, прыдставтэ якый инстинкт у дитэй. Сыдили на пичи, батько у нас був «красный», матырын брат, вин за намы поглядував. И вот, значить, сэстра схвачуеця и с пэчи и прям, тут у нас возли двэрэй такой комод був, темно-коричневый цвет, лак, открыва и масло бэрэ, прямо йисть, это масло топляннэ. Я: «Нюрко, будутъ быть!», – с пэчи. А потом бачу, мини нэ хватэ, тода схватывся и соби. Получилось, шо мы його доили. И батько засакауе, цэй, «красный», мы його папкой называлы. Засакауе, а мы тоди на пичь, и вин нас лаяв [...], мы дывылысь як бы нэ був [...]. Тикэ ж вин оцэ пырылаяв, и заходятъ [комиссия] – так, убэрайтэсь отсюда. [...]. И ото всё им [«комсоду»] осталось. Выгнали с хаты. Маты нас, дитэй, одила и, ото, за руки и повэла [...]. А двоюридна сэстра жила тут, напротив кладбыща [...]. Хатка була саманна, она сама була вдова, а мы там жылы. Так и намэрзлыся, и голодувалы, и лободу йилы, и пухлы.

Выгнали [нас] на ночь. Так маты ночью ходыла [в свой дом] красты посуду свою. [...] Ходыла якый-то лучок собырала, молола, пляцкы робыла. А выжили мы за счет дядька, матырыного брата, он моложе був матыри на два года, и там аж за Кучугурамы жыв. В тэ врэмья у його була вжэ там хатка нэвэлыка, и вин закопав пшыныцю. Потом конь у його був, заризав коня. Знаю шо пид послидок мы конем пиджылыся.

КФЭЭ-2004

АК 3029. Станица Старонижестеблиевская.

Инф.: Костоглот Павел Артемович (1922 г.р.), казак.

П.А.: Ну я в этой станыци родывся, тока в центре, в дедовской усадьбе, там я родывся. Потом отец поженился, вышел на квартиру, потом с этой квартиры, надел тада дали аж на улице Хлеборобной, там эта була усадьба. И там всё время жили, до 32-го года, пока отца не забрали в 32-м году, репресировалы.

– Перед голодом?

П.А.: Это в 32-м году, это в тот момент когда приезжал на Кубань Каганович. Там «тройка» була, судили без суда и следствия. Отец мой работал в колхозе имени Шевченко, был бугалтером. И тогда в 32-м году давали всем [притесняли], ну шоб вывезли весь запас, ну, всё зерно которое есть [чтобы] сдали государству. Они в колхозе думали ш хозяйнувать и дальше. Зерно, семенное зерно, у ково-то на дому булы амбары деревянные, и туда ево и ссыпали. Дескать, ну шоб весною посеять это зерно, сохранить. Ну и приписали. Када приехала та комиссия, начали тут искать, нашли [этот амбар], приписали шо эта «черный амбар», спрятанное от государства зерно. И их в 32-м году забрали – председателя колхоза, главново бугалтера, отец работал бугалтером, и еще там кладовщики, всё правление колхоза. Их арестовали, посадили и присудили к расстрелу. Это председателя колхоза, председателя ревизионной комиссии, отца (бугалтера). Ну, в общем, человек пять. Ну, там без суда и следствия забралы йих и до сих пор не известно. И сам я в эту реабилитацию [комиссию] пысав и нигде следов нету.

А там такой период сложный. Ритуалы соблюдались, сохранялись до 32-го года, када люды жылы. А потом приехали, всех тут пересажали, пересудили, голодом заморили. И уже было не до игр. Тока как выжить? Вот я выжил. В 32-м году, вот нас было 8 душ семьи, и все померли. Тока я остался в живых и только почему, потому шо я был самый старший и весною в 32-м году взял сумку и на степь ходыв. Вот есть заячий орешик, так он называется, едят ево. И там норы [мышинные], еще зерно было, выкопаешь. А там еще были трактора, пахали весной, под Крупским, и я туда ходил. Трактористы копають, а я иду за плужком, орешки собираю. И ото как на работу ходыв. А трактаристам привозят обед. Им давали кусок кукурузного хлеба и там шо-то, бульон.

– А «комсоды» были?

П.А.: Были. Эти «комсоды» ходылы, шупалы, у кого зерно где.

– А они были местные или приезжие?

П.А.: И местные были и приезжие. Приезжий был организатор, а местный – тут мобилизованный.

– А местные были из казачьих семей или иногородних?

П.А.: С инагородних булы, городовыкы.

Инф.: Небавский Иван Гаврилович (1919 г.р.), казак

Голод, это такое страшное. Начался всё весной 33-го года. У школи учащимся мамалыгу давали, кашу.

Так представляешь, улица по которой ехать, заросшая была бурьяном, тока тропинка проходила. Доходило до того, шо матеря дитэй резали своих. Л., была така, значит мальчика пятилетнего собственного [сына] зарезала. Наложила мяса в чугунок и пашла до стога соломы набирать. Набрала и отак на том месте застыла. А другая мать, одна вжэ, Т., та мальчика лет 11 зарезала и съела.

Весной, тогда со станицы никаво никуда не выпускали, тока в Славинску. Морили людей, не выпускали. Так там [в Славянской], за сэрэбрияни кинжалы, там давали муки кукурузяной тока, представляешь. Я лазил по деревьям гусеницу собирал. За то шо пять дней проработаешь, получаешь то два килограма муки, а то по 400 грамм. Так прядставляиш, ото як прынэсэш домой, так отак чайной ложычкой бырэш, и ото она така была вкусна.

– «Комсоды» были приезжие?

И.Г.: Не, это месные, из тех же «городовыков».

[...] а прыходылы на кладбыще, так ото прядставляиш, от так, от горизонта [мёртвые] и не зарытые, а так прям рукав виден из ямы. [...]

КФЭЭ-2004.

АК 3041. Станица Старонижестеблиевская.

Инф.: Колесник Василий Серафимович (1928 г.р.), казак;

Чередник Нина Георгиевна (1938 г.р.), казачка.

В.С.: [В 1932–1933 гг.] очень много помэрло людэй. Мне было 5 лет, но я помню. Антонов Иван Иванович, он казак такой был, все призы брал, и по рубке лозы, и на выдержку, кто быстрой на коню, так вин возыв покойныкив. В одияло, и в общу яму.

Голод был искусственный.

Н.Г.: Я в 1947 году голод помню, но цэ була засуха. Йилы и корышки копали, из рогозу. Они белые такие, их перемальвали и ладушки пекли. Они прытарни, а кушать хочиця. Паникум ели. В рисовых полях такой сорняк. Семечки в нем, их на самоделку и с этой муки делали лепешки, вместо хлеба. Оцэ кукурузну лепешку спычу, цэ прями празнык. У нас была корова, мать продавала и нам оставалось молоко. Благодаря этим лепешкам и молоку выжили.

В.С.: В 1929-30-м году началось. Тогда были «комсоды». Забирали [продукты] ходили. Помню был Ш.В. Он был бригадир 3-ей бригады, а его отец такой завзятый был. Приходит, у него длинный штырь, острый и ходят щупают, искалы что закапывали.

Помню мы золу выносили, там ямка была. Он раз штык, пошел, пошел, думал, что что-то есть. Взял лопату, копал-копал, а там зола.

[Ходили и забирали продукты местные, станичники не казаки, а иногородние].

КФЭЭ-2004.

АК 3078 ПМ. Станица Чебургольская.

Инф.: Завада (Головка) Лидия Тимофеевна (1926 г.р.) (родом из станицы Новониколаевской), казачка.

Оцэ значала забрала мужикив, вони поотдавали все в колхоз, тикэ сами в колхоз ны пишли, вони ж ны знают, шо воно такэ. Оны свои зэмли имили. Як хлопощь родывся – пять дэсятин зэмли [давали], а на дивчат ничего. А у Пэтра було шисть хлопщив, а одна дивчина – Рая, сама старша [...]. Йих оцих трёх посадылы в [тюрьму], шо ны пишли в колхоз, и йиздыв, «комсод» тоди называли. Значить ото гарба, двое конэй, а вони ще як глянулы, мужыкы, шо йихними киньмы да так распоряжающа... Бьютъ йих, та дёргають, [«комсоды»] местни и ны местни, всяки, бильше местних було, из иногородниж, уже много понаезжало. Цих же [местных] повысылалы, а тих попрывозылы.

Повыгонялы ж, поарыстовувалы [казаков], хороши дома [забрали], самих багатих людэй. Оны и ны пытали: чи вы дастэ, чи ны дастэ. Сами позабыралы. Все, ны тикэ шо лошадей, а шо и в хати було. Куды вони йёго вззлы? Роскурочили все. Хаты ото пооставалыся, тоди з йих поробылы школы [...].

Оцэ ти «комсоды» йиздять, тры чиловика их, одын за вожжамы сыдыть, а два идутъ у хату и начинаютъ шастать. Они настолько всё проверяли... Русская печка, от это дымоход, трубу открыишь с пэчи виттиля дэ диты отдыхаютъ, качалку заложилы а тут оклуночэк чого-нэбудь [продуктов] отсюды в дымоход прывззали, так и цэ понаходылы [...]. И даже если на печке у чугуни звэрэна каша, тоди ны було там пирижквив, варэныквив, уже як отакэ пишло, а хоть шо-то, шоб було накуёвдынэ, но каша була всигда, или от эта пырловая из ячминя, или кукурузна. И с чугунамы бралы [«комсодовцы»], дажэ тэ шо поварынэ. Ничого ны оставлялы. Шо ото там куча дитэй сыдыть голих, плачуть?! Никого и ничего ны пытали. Бабы плачуть, а вони смиюща. Ту кашу отак поварькою бырэ, йисть. [...] Я иногда вспомню, як оцэ я стара стала, я плачу. Я так боюся голоду, шо я ны могу тоби пэрыдать [...].

У трыццятъ трэтём у мэнэ булы пухлы ножкы, шо мы булы вжэ таки голодни [...]. Мама робылы дояркою, и своя корова була, но ще була ны ростылылась, диточки, молицца Богу, [...]. У мэнэ икона, вона осталась ище, мама поблагословылы нас з Ванёю покойным, моим мужем [...]. Эту [икону] я никуда ны дивала, и как мне ни было [трудно], и пид шовковыщёю мы з Ваней жили 2 месяца, уже Ниночка была у нас маленькая, а икона у мэнэ закупорэна всигда в сундук, уныз стикло, [...].

[...] 33-й год – столько мира умэрло. Мы остались живы, чэтыро и мама одна. А папа уихав у Раевскую, там шось гатылы биля ричкы [...], возылы зэмлю дэсь, якусь дамбу робылы. Ну, куды послалы, туды и йшлы. Бо тоди низя було возражать, зразу попытыш на Магадан загорать. И йих ны було 2 годы, папы. [...]. Всэ мама було кажуть: «Скоро й папа прыйдэ, папаня. Скоро папаня прыйдэ наш» [...]. Так мама [с фермы] прынысутъ нам малозива [...], оцэ йих там тры дояркы було, оцэ вони подиляця, и тэ молозиво забыруть, а тылята понасосуця у коров [...]. И мы ны голодалы. Хоть раз у дэнь, да ты наисыся. А други ... [...]. Настолько помэрло много людей у 33-м году. Дажэ трупы йилы. Кто ще нэ умэр. И всиравно умыралы. А дило було высной, апрэльский, уже жарко було, сонцэ [...]. Каждый же лизэ з хаты. Довго ты голодный в хати сыдить будыш? И якый бы ны був, пухлый, голодный, а вылазыш из хаты, хоть дэсь якый бурьян [надеялись найти]. Ничево не было, ни мыши, ни крысы, ны коты, ны собаки, ны лягушкы, ни чирвяка, ни ёжика. Всё люди съели, и траву поели [...]. Выходять уси ото, идэ каждый шось там чи пастыся, чи дэ якась шчырычина, дэ шо, шо биля города е, трысуця, йидять [...]. [Мёртвый] лыжыть, отак сдулося, я сама бачила. Пузий хвамылия була, Мария, в нэи деток ны було, она жила сама, така манэнька хатка завальяночка, глыняночка. Она сама йеи змостыла и там жила. И вона, уже вона ны могла [терпеть], вылизла аж [...]. А мама прыйшлы та плачуть: «Та мои ж вы диточки, гляньтэ ж яка Мария лыжыть». И ото ж мы там глянулы: отака гора лыжыть, мухы, пыдъжае грабарка... Та ны тикэ вона [Мария]. Заходять у дом любый, забирають, выносять одни скилеты, дитэй уже помэрших и стариков. Это ж ны каждый же на улыцю вылезет, грузят на грабарку, носылкы дэрывьянни [...]. Ото туды скидають, дэ дэрывьяною лопатою, дэ рукамы, дэ шо, и в ту грабарку... А грабарка – цэ называиця подвода, одын кинь, отак оглобли, а тоди

четыри колёса и отак две доски [...], и тут две доски над ними. Ото туды накладывают повну и вызуть. Вызуть, десь ото тамычки мужики ише яки здоровищи... И ото значить копають ямы. И ото в ти ямы, або з одний грабарки, або з двох, з трех, ото зарылы, зарылы... Було обще, каждому ны копалы [...].

КФЭЭ-2004.

АК 3092. Станица Чебургольская.

Инф.: Мазур Л.Т. (1926 г.р.)

«Ишла коллективизация. Кто не хотел у колхоз, тех голодом морылы. Кушать ны давалы». Детям варили галушки из ячменной муки.

Курганинский р-н

КФЭЭ-1997.

АК 1289. Станица Воздвиженская.

Инф.: Тарасенков Пётр Данилович (1906 г.р.), казак.

«Бурьяны такие стояли! В них люди валялись, гнили. И некому было убирать. Человек умирал и там згнивал. Забрали всё. Сделали, чтоб мы подошли. Воняло кругом».

КФЭЭ-1997.

АК 1339. Станица Константиновская.

Инф. Жеребцова Анна Денисовна (1903 г.р.), иногородняя.

[В голод в 33 г. много в станице вымерло?]

– Щёту нету. От у хати пятеро, четверо, шестую – наповал, не брышу. И тода коров запригаим мы и визем на кладбище. А тамо мушины копали ямы большущие и в эти ямы клали [умерших]. От увернуть тут в одиялко или в чо, ни гробов, ничё не было. Поклали, закопали и пашли. Отак було. [...]

Мёрли страшно, повыбрали, всё забрали. Хадили [«комсод»] по хатах, громили. От иде квасоля лижала, вже ш в нас ничиво не было, забиралы. Там и тёрын, ну, што было, всё грядли и вязли. На брычки вязли, а куды их подивали, мы ни знаим. [...]

[Свои отбирали?]

Да, заставляли. [...].

В 33-м году старинные фотографии, родовые, семейственные, висели на стенах, как обычно у нас заведено, снимали, бросали на землю и ногами топтали. [...]

Работали, голые были, голоднали, в ночь шли, работали. Галоднали, исть хочица, прийдешь домой, а он [ребёнок] ляжит уже, бальной, вот и всё. Ты поплачешь, поплачешь, а покормить и нечим [...]. [Умирили за работой] пряма вот идеть, уже галодная, в ей уже ноги не ходють, а итить нада. Думае, – може там котёл какой дадут [из колхозного котла поесть], сварють нам бульон, и впала, и всё. Вот это было, правда.

КФЭЭ-1997.

АК 1242. Станица Темиргоевская.

Инф.: Реус Георгий Димидович, казак.

Неурожай, это в тридцать третьем. Ну это уже дохли [люди], забрали всё. Та наши забрали – активисты, комунисты. Качан найдет, где квасоль найдет и забирает. Ну, много [умерло]. Которые побогаче были, уезжали отсюда в Грузию.

Вон там дедушка жил, он взял пучочек сенца, пошел, на могилке лег и кончился.

Утото ш вот и довело што повыселяли. Всех хлеборобов выслали, а тут некому сеять, пахать.

Те, кто с голоду умирал, бегали до черкес полоть.

Конечно, если у тебя золотишко есть, идут меняют [шли к черкесам]. У черкес у их урожай всегда.

[– Их не коснулся голод?]

Ну, коснулся, но не так. Черкесы подошли чи нет, а у нас подошли. Там [доносчиков] меньше було этих. Хочь и уворуют, они не признаются. А наши доказуют [заявляют] кто чево взял.

КФЭЭ-1997.

АК 1244. Станица Темиргоевская.

Инф.: Кролёв Пётр Евстафевич (1904 г.р.)

Станица на «чёрной доске» была. Эта [как] позорная [считалася]... Красноармейская, Урупская. Люди валялися! Очень много умирало. Семья была, муж, жена и трое детей. Я сам их у ямку закопал. Старуха съела сына и дочку. Собак всех съели. Где МТС, там был сад большой. Там общая могила была. Почти никого старых жителей не осталось».

[Причина голода?]

Неправильное руководство было. Ш. в Ростове [был]. Вроде хотели от России отделиться.

КФЭЭ-1997.

АК 1267. Станица Темиргоевская.

Инф.: Неповинных Вера Александровна; Бобрышев Иван Павлович (1919 г.р.), казак.

В.А.: В описываемое время стали всё отбирать. «Мама картошку пекла в печке – картошку вывернули, фасолу вывернули. Всё забрали, чем хочешь тем и живи».

Отец у Веры Александровны умер в январе 1933 года, а потом сестренка. Мама осталась беременная с тремя детьми. В том краю станицы, где жила их семья, стало страшно жить, потому что стали пропадать дети. «Родители ходят на работу, а мы одни оставались».

Их родная тетя стала часто к ним захаживать в то время, когда матери не было дома, и мама наказала им её не пускать, потому что «за неё что-то плохо [люди] говорят». После, заходя в гости к тете Акулине вместе с мамой, В.А. видела у неё в кладовке варилось мясо и в кадушке было засоленное мясо. К этому времени в станице уже съели всех собак и кошек. Спустя время тётю обвинили в том, что она торгует холодцом из детского мяса, и она бежала из станицы.

Однажды, идя по улице, они видели, что впереди них шла женщина с ребенком. Улицы были заросшие высоким бурьяном. Они услышали стон и крик ребенка, потом всё стихло. Мама В.А. зашла к В.И. Чугурдум и рассказала о произошедшем. Тот позвал «дружинников» и они захватили там трех мужчин, которые выглядели сытыми. В хате, где они жили, нашли [человеческие] головы и обувь. С тех пор в этой хате никто не живет.

Детей девяти – десяти летнего возраста собрали вместе, «вроде как интернат», и там кормили. В число этих детей попала и В.А. Туда к ней приходили её двоюродные брат с товарищем и она их подкармливала. Повариха это заметила, расспросила её и потом стала оставлять для ребят немного еды. Когда в огородах стали созревать тыква, кабачки, картошка, ребята перестали к ней приходиться. Овощи они воровали, но люди их не очень ругали, потому что понимали, что мальчишки голодные.

Иван Павлович рассказывает о том, что спасаясь от голода люди ехали в Грузию, где голода не было. Однако его родственник, добравшись до Грузии с дочерью, не выжил. Местные жители на станции насыпали им орехов. Они, изголодавшись, съели их сразу много, чего нельзя было делать, и через три дня они умерли.

КФЭЭ-1997.

АК 1279. Хутор Сухой Кут.

**Инф.: Кириченко Павел Нестерович, 1912 г.р., иногородний;
Котлярова Анна Ивановна, 1915 г.р., казачка.**

П.Н.: [Голод] был. Но трактористов хорошо кормили, ... Я вообще голода не видал. Нас там в колхозе кормили, хлеб давали и приварок.

А на хуторе люди пухлые были. Страшно было. [Мёртвых на кладбище свозили в тракторной тележке].

А.И.: Были это вроде как одни казаки, а потом с Власовки поприехали, ишо откудова-то. Как раз это тридцать третий был.

А.И. рассказывает, что вымидали целыми «проулками». В районе МТФ и где сейчас пустыри, везде сплошь стояли хаты. Кого выслали, а большинство вымерли в голод. Умерших с голоду свозили в общие ямы на кладбище.

Активисты ходили по домам и забирали продукты. «А я куда? У чугуна насыпала, у кастрюлю кукурузы, у печку задвинула». Полезли в печку забрали эту кукурузу.

«Я плачу, я говорю, у менеш трое дитэй, мама четвертая, сама пятая, шош вы делаете?» Что забрали, унесли.

Ели траву, бурьян: ширыцю, лебеду. Делали из неё «ладыкы» (олады).

Кушевский р-н

КФЭЭ-1991.

АК 118. Станица Кисляковская.

Инф.: Корчина Н.А. (1922 г.р.); Корчин Н.С. (1917 г.р.)

«А зима в тридцать трэтём году така була – замэт в уровынь с хатой був. И оцэ в хату заходыш... Из хуторив в Катэрыновку идэш... Яка старуха пустэ... А цэ сосульки

понамырзають. Ны глаз ны выдно... В хату спускаешься, як у колодизь. Спустишься, яка обигрие, яка йисты дасть, а яка и в хату ны пуська.

– Много людей умерло у вас в 33?

– Ой-ё-ё-ёй, оцэ ны нада й вспомынатъ.

В 1933 г. Н.С. вместе с отцом пошли в ст. Екатерининскую купить картошки на посадку. В станице им пришлось разойтись по разным квартирам. Отец той же ночью умер и его похоронили на кладбище в общей яме. (Сейчас на этом месте стоит маслобойный заводик).

Н.С. возвратился домой где оставались брат и мачеха. Есть было нечего.

Н.С.: «И я пишов по-пид доски, просыть хто шо дасть: картошку, хто коркы з буряка... Я всё брав. И ото я в детдом попов, у Михайловки».

Н.С. сбежал из детдома, искал брата, устроился на работу в совхоз, но не надолго.

«Опух, як колода. Оцэ всё з мэнэ тиче, з рук, з ног. Тичэ з мэнэ... Я в ОРСи работав, пры столовой. Ужэ питание в мэнэ, всё... Кажуть, шо нильзя дыржать пры продуктах. Пишов до-дому. Конэць лита, кургу начав сушыть, гарбузы. Ото гарбузы, курга, наварю... И мини Запорожыць дав муки... И ото мамалычку... Став йисты и оттух. И оцэ остався живой... Оцэ остався живой».

В Кысляковки больше людэй помэрло чим осталось. У нас було восимнацать тысяч [населения], сичас пять тысяч. Здорова станыця була. А тоди в трыццать трэтём году Кысляковка попала на «Чёрну доску» и Шкурына [ст. Шкуринская] на «Чёрну доску».

– А почему голод случился?

«Голод? У нас було восим закрамив пшыныци. Оны [«комсод»] всё вывызлы на станцию. А тоди «тройки», «комсоды». Забэрають усэ чисто».

Кабак, картошка, бурак, семичкы яки – всё чисто забралы. [Оставылы] чытыри стины и дитэй куча. Ничёго абсолютно ны оставлялы. И оцэ вси диты подохлы. Дитэй йилы... Матыри своих дитэй ризалы, у кадушку солылы и йилы...

Да-а. Отакэ мы пырыжылы (Плачут). Цэ на моих глазах усэ.

Н.А.: «А нас було двинадцать штук... и дивчата вси, дитэй. И тожэ – вынбари повни. Ну, мы ж тоди «кулакы», роскулачувалы. Мы отдельно жылы. Батько наш отдельно, а збоку був дедушка. Пяць сынив, пяць нывисток и дочка, и зять. Представляете себе? И жылы тоди в одний симьи, в одний хати. [...]

Так я хотила сказать... У нас булы повни вымбари, а мы чуть ны подохлы. Мы досыдилыся в трыццять трэтём году, пухнымо вжэ... Двое близнючат [девочки-близнецы, сёстры Н.А.] упалы [на колени], – папа, одвызы нас у Ростов, завызы... Тоди завозылы дитэй. А я тырпылыва. И старша, восимнадцятого года... А четырнаццятого года, тожэ завэзына. Тико она була ужэ ось тут у Краснодарському краи... Там давалы хочь по сто грамм хлеба. А нам ничёго ны давалы. Заставлялы в колхоз итты. И так заставлялы... А старыкы оны ж то боялыся. Забралы ж у нас и корову, и пидводы... Ну, всэ чисто побранэ...». [...]

Лабинский р-н

КФЭЭ-1994.

АК 591. Станица Чернореченская.

Инф.: Телеусова Галина Николаевна (1915 г.р.), казачка.

Мама умерла по болезни, в семье оставалось 3 брата, Г.Н. и отец. В 1933 год был назначен Я.С. ходить по дворам, смотреть «у кого что есть». Прошёл уже слух, что будут ходить отбирать продукты. Нам отец не дал спать ночь. Он предложил из погреба выбрать картошку, туда насыпать кукурузу, а картошкой досыпать. Братья так и сделали. Мешки с кукурузой положили вниз, а картошкой присыпали. Устали, предлагали картошку, которая полностью не влезла в погреб, занести хоть куда-нибудь. Отец сказал: «Завтра». На следующий день, ни свет ни заря, стучат. Бытько вышел.

– Я пришел, так сказать, проверить ваш погреб.

– Иди проверь.

Довел его до погреба, у него палка, на ней железяка. С ним ездил ездовый. Батько открыл, он полез в погреб.

– Так сказать, тут есть кукуруза.

И вот он с ездovým всю эту кукурузу с погреба выгреб, нагрузил на подводу. А куда дел? Мы тут вот собираемся в воскресенье, старые люди, куда он девал, мы не знаем.

Ленинградский р-н

КФЭЭ-1993.

АК 444. Станица Крыловская.

Инф.: Жарино Кузьма Иванович (1903 г.р.)

– [Много людей умерло в Крыловке?]

– Не знаю, кто их считал. Но, не управлялись коняжкой возить.

Коняжку выдали одну.

Мостовской р-н

КФЭЭ-2006.

АК 3656. Станица Губская.

Инф.: Двойникова Ефросинья Дмитриевна (1921 г. р.), казачка.

– *Голод сильный был в станице?*

– О-о-о! Не дай Бог! Жигу́ку ели. Гамалу́ с груш ели.

Ходили, ломали, сушили в печке, толкли.

[Гамала?], Мы их раньше называли сопляки. Они на яблонях, на грушах растут кустами. Мы скотине их ломали. Отцу моему в тридцать третьем 10 лет тюрьмы дали, за то, что 10 килограмм зерна не довез на ссыпку. Не досчитали... В 33-ем – голод. Люди по улице мерли, валялись... В тридцать третьем у меня братишка и сестренка с голоду померли... Остались только я и старшая сестра, мама раньше умерла. Забирали всё. Мы, чтобы себе что-то оставить, смешивали смолотую кукурузу с мусором, песком, а потом на потолок высыпали сор. А потом по чуть-чуть выбирали из этого мусора крупу и ели. Потому что комиссия выгребала всё, даже семена огурцов, помидоров, дыни, кавунов. Все выметали.

– *А кто выметал? Местные?*

– Конечно, местные. Комсомольцы.

КФЭЭ-1991.

АК 144. Станица Махошевская.

Инф.: Редкокашин Михаил Тимофеевич (1909 г.р.), казак;

Редкокашина Евдокия Фёдоровна (1917 г.р.), казачка.

В 1932 г. отца Е.Ф. забрали. Обвинили в том, что не вовремя разбросал отраву на поле для грызунов. Забрали и многих других. И «без вести» [«Забрали, как у воду пападали»].

М.Т. во время голода в Махошевской не было.

Е.Ф.: [В 1933 г.] Люди по проулку / улице лежали, ну вот «как сено косили», рядами. Станица бурьяном заросла, в человеческий рост. Зайдёшь в дом, «пустая хата – лежат мёртвые». В сельском совете держали несколько человек, их кормили, «чтобы они тверденькие были», т.е. работоспособные. Они на бричке ездили по домам и забирали умерших, бросали их на повозку «как на свалку». Хоронили на кладбище в общей яме, просто сбрасывали, присыпали землёй. «Тут голод страшный был».

М.Т. голод переживал в Азербайджане, в Грузии. «Там голода ни было. Там усега было отак [«по горло»]. Ели, пили, что хочиш».

В 1932 г. в Махошевской была коммуна и был один еврей. В 1932 г. начали дохнуть лошади. Он говорил: «Ну, ничего, лошади подохнуть, а потом начнут дохнуть люди». Этот еврей уехал / выехал, «а тут вскорости и мор начался».

В основном выжили те, кто был в коммуне, работал в колхозе. Там немного кормили. Остальные почти все вымерли. Это больше половины жителей станицы.

В голод ели цвет акации, который поджаривали в печи на жаровне «как сухари», дорожник сушили в печи; черемшу, [брат Е.Ф. пошёл за черемшой в лес и там погиб]; крапиву («жигулку») толкли; «купыри по бугру расли, белым цветётъ».

Е.Ф. работала в табаководческой бригаде. Повариха готовила обед [три котла] «баланды»: «и жигуху / крапиву, и салат и чиво ана только ни напхатъ в эту баланду».

КФЭЭ-2006.

АК 3620. Станица Переправная.

Инф.: Пономаренко Михаил Антонович (1925 г.р.); Спицын

Иван Андреевич (1928 г.р.)

– *А кто продукты в 33-м г. у казаков отбирал?*

– Активисты.

– Люди умирали от голода?

– Да не дай Бог! Даже их собирали и отвозили на кладбище без гробов. Забирали на брочках, даже живых. Пока до кладбища довезут – он уже мертвый.

– А сколько человек в станице умерло, примерно?

– Не считали.

КФЭЭ-2006.

АК 3633. Станица Переправная.

Инф.: Асеев Иван Михайлович (1929 г. р.), казак.

– В 33 м году был голод. И моего отца прислали сюда из [ст.] Владимировской. Он знал, что скоро власть возьмется за него, потому что он был из зажиточной казачьей семьи. А моя мама варила самогонку из арбузов. А эти друзья [актив], что ходили по домам, отбирали у людей всё, убивали их, до отца придуть, (а его ж тоже надо было выслать, моего отца), а самогонка [стоит] и сидять пьют, закусывают. Моя мама рассказывала, – вот придуть они, пьют самогонку. А потом как заругаются между собой: «Ты, говорит, скотина такой! Батя трудится, варит, а ты его выслать хочешь!» И так берегли, берегли отца моего, а потом ему: «Михаил Евсеевич, уже дальше тебя сохранять невозможно. Принимай салотопку в Переправной». Здесь в Переправной, за станицей, была салотопка. А салотопка почему называлась: туда, как раз 33 год был, привозили мертвых животных, или отходы от скотины. Там котлы были, в них топили сало на мыло, а мясо курям отвозили. Так люди туда на рачках подлаживали, есть хотели. Вот приведут на салотопку лошадь или быка и наказывают отцу: «Михаил, Боже сохрани, чтобы кормить кого-то!» Вот такая жизнь была. И вот отец занимался этой топкой. И всё равно выслали, потому что по сословию был казак. А тетка моя рассказывала, что и мужикам доставалось тут на хуторе, выселяли тоже их. Потом до нас пришли опять. В сундуке муки немножко было. Они эту муку выгребают. А мама моя стоять, и мы, один одного меньше, и на руках у нее еще дитё: «Чем же я их кормить буду? Это же последнее что у меня есть». Вот так.

– А как выжили? Что кушали?

– Кушали всё, что приходилось. И траву всякую, всё приходилось.

– *В вашей семье кто-нибудь во время голода умер?*

– Во Владимировской умерли Катя, Ваня, Лена и Ксения, маленькими еще. А переехали сюда – Катя умерла, маленькая. А мы трое выжили: две сестрицы и я.

– *А всего было восемь детей?*

– Да. Я с этого времени всё помню, с четырех лет.

– *А случаи людоедства были?*

– Это я не знаю. У нас даже и разговору в станице не было, чтобы людей ели. А к отцу моему на салотопку приходили и просили: «Михаил Евсеевич, ну дай чего-нибудь! Дядя Миша!» Так его здесь потом после смерти вспоминали, как он людей выручал.

– Выбирали всё. Вот схоронил ты пшеницу в навоз – приходили в навозе ширяли, раскапывали и всё забирали. И брали, чтобы тебе ничего не осталось. Вот лежить умирает человек прямо на дороге, а начальство мимо едет: «Га! Сдыхает!» На кладбище возили [и полуживых], еще не умер: «Повезем! Пока доедем, он дойдет». Такие случаи были.

– *А кто этим занимался, отбирал всё у людей?*

– Активисты.

– *Местные или приезжие?*

– Местные.

– *А сами, небось, с голоду не помирали?*

– Они? Да ты что! И скотина у них, всё. И была здесь коммуна, хутор. Они туда попереходили, а тут грабили. И там варили, ели и пили.

Новопокровский р-н

КФЭЭ-2005.

АК 3270. Станица Ильинская.

Инф.: Сляднева (Сметина) Евдокия Васильевна (1915 г.р.), казачка.

Пережила я три голода. Двадцать первый, особенно тридцать третий [год] был. Я залезла лягушек ловить в речку и [начала тонуть]. Ехал председатель колхоза, да накинул на меня веревку на шею и выташил меня. Сохрани Бог, помилуй. Что мы ели... Вот лошадь сдохла. Просили, нам дали по кусочку. Пухлые ноги были.

Ходить нельзя было никак. Плачу сижу. Полезу потихонечку, скраюшку нарву пикуликов [молодой камыш], едим. Сыты, слава Богу. И то рады были этому. И карагач низкий нашмыгаем, едим. И слава Богу, дожили до весны, уже хлебушек порядочный стал. А четвертое отделение, там был совхоз, и вот говорят там принимают [на работу].

Я пришла, уже у меня ноги начали опадать, она и говорит: «У вас и ноги пухлые, как же я вас приму?» Я говорю: «Пожалуйста, не дайте умереть, я буду работать.» – «Да нет, подождите ещё недельку.» А мне одна женщина, вышли, она и говорит: «Да ты принеси ей луку, сразу примет.» Лук зелёный уже пошёл. А у меня у сестры был лук. Я пришла, сказала, она мне надёргала, понесла, она записала меня, приняла. И что ты думаешь, дочечка, неделю поработала, у меня ноги опали, хлебушка то я стала есть. Кукурузный хлеб наливной, но стали есть. По семьсот грамм нам давали. Так я вот такой кусочек съем, а это маме берегу.

А мама, у нас бочонок двадцать пять ведер, засыпала [в него] кукурузы и [закрыла] бурьяном и каждый вечер, каждое утро она «Живые помощи» читала вокруг сарая. И вот, а живем мы, мальчик у нас был, ручка тоненькая [засунет в бочонок], достанет, мама говорит: «Сынок, по две горсточки достань и хватит.» [Ели сырую кукурузу и слушали, не ходит ли кто под окном]. Дочечка, [активисты] шли в уборную и смотрели чем оправляюца. И говорит: «Это кулаки, их надо уничтожить, где-то кукуруза спрятана.» А до этого сарая не подходят. [Молитва] «Живые помощи» – сильные они.

Потом уже весна движеца, мама стала доставать побольше. Возьмёт, растолкёт и по ложечке кашку нам давала. Ага, актив идет, а сугробы, метель, а я соберу их, у нас четверо детей, за руку, да бегим у камыш прятаца. Ой, Госпади. А у меня сестричка была, семь лет, её схватил приступ сердечный, она умерла. Так мы жили, так над нами издевались.

... вот у тридцать третьем как умирали, их заворачивали в дерюжки и бросали в общую могилу как попало, как дрова бросали. Везли на быках, руки тянуца, волоса закручиваюца на колесо, я сама всё это видела, я не вру.

КФЭЭ-2005.

АК 3274. Станица Ильинская.

Инф.: Суханов Павел Ермолаевич (1918 г.р.)

В голод умирали люди. В домах собирали мёртвых. И живых тоже увозили на кладбище. «Только ещё [еле] дышит, давай его!».

У людей отбирали все продукты. Это всё делало начальство. Хлеб отбирали местные «комсодовцы», станичники.

Рвали и ели плетюшки – соцветия акации. Их толкли и ели. Рыбу никто не ловил. Умерло много людей. У нашей семье не было умерших.

Хоронили и на кладбище и в огородах. Были случаи людоедства.

Создали «комсоды». Они ходили и отбирали у людей всё. Это было в 1932 г. Пришли брать хлеб. «Ну, какой хлеб! Ничего ж нету!».
«Нет, у вас есть!». Отец говорит: «Нет!». «Ну, мы будем искать». «Ищите!». Они в доме крюками тыкали. Потом на конюшню пошли. Нашли яму в огороде, земля просела. Там что-то есть, – говорят. Там картошка была. А они: «Мы будем копать». В начале камень попался. Потом ещё что-то. Заругались, бросили всё. На окне стояла четверть. В ней сверху была простокваша, а внизу мать прятала муку. Комсодовец сунул туда палку и нашел муку. Мать объяснила, что ей нечем кормить детей. Но он всё равно забрал. Последний оклунок муки отец спрятал в соседнем брошенном доме с разрушенной [печной] грубой. Через день оклунок украли. Сухари так и не забрали. Один человек наелся в колхозе сухарей и от этого умер. Вообще мёртвых хоронили каждый день. Ловили и ели сусликов и мышей. Разрубали топорами мёрзлую землю и забирали мышинные кладовые. Добычу прятали в норках, которые рыли сами, в скирдах соломы. Мёртвых свозили целыми кучами. Когда весной сеяли, следом выбирали [мёртвых]. Вы не поверите, выбирали!. Я однажды шел с сестрой копать норки. Увидел ещё живого станичника, лежащего в луже. Хотели его вытащить. Нам отсоветовали: «Дети, вы его не вытасщите, а сами умрётё». Мы его поднять-то не могли. Обрато идём, а он уже лежит мёртвый. В станице умерло от голода больше половины жителей. Из восемнадцати тысяч населения осталось четыре. На деда уполномоченный, двадцатипяти тысячник, наставил пистолет. Он требовал зерно. Деду стало плохо с сердцем, и он умер. Отчаенные казачки ругали комсодовцев: «Как тебя только земля носит! Щас рогач возьму, не поздоровится!».

Богач Катасонов прорыл в колодце боковой ход. Там он прятал хлеб. Его долго не могли найти. Но потом кто-то выдал.

Наша улица вся заросла бурьяном. Мертвецов собирали на мажару, запряженную быками. Умидали каждый день. Мёртвых везли на кладбище. Тем, кто закапывал умерших, давали по два килограмма кукурузной муки. Мёртвых закапывали в братской могиле [общей яме]. Мёртвыѣ привозили и утром, и вечером. Для перевозки мертвецов приходилось выделять подводы каждой колхозной бригаде.

КФЭЭ-2005.

АК 3231. Станица Калниболотская.

Инф.: Майдибор Таисия Михайловна (1922 г.р.)

В 33 году голод был. «Я только четыре года с бабушкой-дедушкой жила. В 33 году они все умерли». Семья была-то большая. Но они все померли. Голод был. Остались мама и я, вдвоём. Мама искала пищу в мышиных норках. Потому что ходили «комсодовцы» и всё отбирали. Они отбирали у матери всё, что она приносила с поля. «Комсодовцы» были назначены Советом. Мать уехала за Белоглинку, в станицу Еланскую. «Мама сама уехала, а меня бросила. Тогда 33 год был». Много людей померло. Осталось много беспризорных детей. Их собирали в детский приют. Под него в станице отвели особый дом. И меня туда забрали. Бездетные пары усыновляли и удочеряли детей. А меня никто не взял. Мать вернулась и не хотела меня брать к себе. Говорила, что у неё нет ни кола, ни двора. Но её заставили меня взять. Мать бросила меня у подружки и уехала. Она спасала свою душу.

КФЭЭ-2005.

АК 3258. Станица Калниболотская.

Инф.: Долженко Таисья Григорьевна (1929 г.р.), казачка;

Дьченко (Харченко) Лидия Ивановна (1926 г.р.)

Цэ ж ны пырыдать як в тридцать трэтём... Я хоть манэнька була, я тоже нэ помню, [люды росказувалы], тоди так – семьямы умирали с голоду. Не то шо голод. В двадцать пэрвом был голод – не уродило. Всё выгорело, высохло. А в тридцать третьем тут искусственный голод сделали. Сдали всё, уже ш колохоз был. А потом перед Рожыством, мама кажэ, зашли и всё забрали. Даже бурякы забрали, картошку, ну всё. На голодну смэрть... Семьями

люди умирали. Так як йих хоронили? Мама кажэ, на нашей улице жила семья, имели корову в тридцать третьем, так от тий коровой и возыком покойников возили. Накидают, а там яму выкопают на кладбище, накидали як дров, закрыли. Никому было хоронить, никому было яму копать. Уси были люди ныгожи. Сэдня вин копав, завтра вин уже умер и его в [эту же] яму. Ото такочки, так яки там похороны править.

Отраденский р-н

КФЭЭ-1996.

АК 1167. Станица Надежная.

Инф.: Петренко Алексей Николаевич (1908 г.р.), казак.

«Коллективизация начиналась страшно. Приехали уполномоченные, вели беседу с людьми, что значит у колхоз идти записываться. Ну была своя агитация. Ну и потом люди некоторые рискнули пошли. А потом [уходили]. Сэдня идет в колхоз, видит быков и лошадей, затем забирает оттудова...» [...]

По мнению А.Н., провал коллективизации побудил советскую власть к применению карательных мер. Лучших хозяев, зажиточных раскулачивали, высылали, сажали в тюрьму. Отбирали всё. Умелых хозяев почти не осталось. Это и спровоцировало голод.

«Повальный был голод. На могилках лежали люди, вот как ото валки, глиди, так люди один в один лежали мертвые. Моя мама умерла... Много так лежит [людей] как снопов... Привезла маму [на кладбище], сорок человек в одну яму закопали. Там сейчас поставили памятник.» [...]

«Хоронили так, траншею выкопали, заполнили мертвыми, засыпают. Другу копают. Это тридцать третий год.» [...]

«Дашковых, я помню, дочка умерла. Ну, и кто-то там заявил, што мол умерла... А мать еще была живая. Их приехали, забрали, дочку мертвую, а мать живую. Пошла туда в могилу.

Такие были случаи, што человек еще живой, а подвода ходит мертвых збирает. Живова бирут, а всё равно ему помирать, берут и кидают. Вот такие страсти были.

Один, той, Яшка, знаю што Яшкой ево звать..., привезли ш ево тожить на могилки, а ямы не было и он ночью отошел [ожил]. Отошел и лез рачки [домой], и живой был даже после тридцать третьево голоду.

Люди увсякую гадость ели, люди людей ели, дитей.

Вот конятину и щас едят, [раньше] вроде как ни ели [до голода]. Да и собак, да Господи.

Всё забирали, даже в печке стоит каша и то забирали.

Был уполномоченный [не местный]. Один или там пять их, пускай, в станице. Остальные свои. Подбивали таких людей которые ни с чем ни считались: покормили ево похвалили, пошел делает страшные дела. Свои же люди. Полномоченый командовал, а свои всё делали. И печки ломали. [...]

Мои родители наверно чувствовали што будет голод. И перестраивали печку рускаю. Ну, значит когда ее строят, там засыпают хвундамент камнем или чем. А они, значит, зделали как пустое там. И туда насыпали кукурузы и позамазали. ...а я в школу пошла. Приходу, мама голосить, пришли [активисты], эту досточку ударили и кукуруза посыпалась. Забрали всё, всё забрали. И нас четверо дитей осталось, и папашу оттедова взяли, коней забрали. Десять лет моему отцу дали. И семья повалилась. У нас в тридцать третьем трое детей в один день поумирали с голоду. Этот, маленький, как просил бедненький ладичко (оладик), на коленях. Так мне в память зашло.»

КФЭЭ-1996.

АК 1168. Станица Надежная.

Инф.: Калабухов Семен Архипович (1911 г.р.), казак.

До ста человек помирало в нашей Надежке в день. Это вот как раз в этот период хлеб не вродил. Еще зеленый был, а когда уже хлеб начал поспевать, люди не стали умирать. Шмурыгали пшеницу, зерно ели. Утут трошке остановилось.

Почему? Были «кулакы», назывались «кулакы». Больше казачество вот это вот голодало, Украина и Кубань, Белорусия. Вот Грузия... Наши все уходили [туда]. Это нас грузины спасали.

КФЭЭ-1996.

АК 1199. Станица Надежная.

Инф.: Полтавченко Мария Стефановна (1930 г.р.)

[1933 г.] Да, людей ели. И вот у женщин которые ели людей, у них вот бороды, ну волосы на лицах росли.

КФЭЭ-1990.

АК 1201. Станица Передовая.

Инф.: Войченко Анастасия Трофимовна (1918 г.р.), казачка.

Да как не помнить? Вот это дедушка был, был в тюрьме, Кишечко. И потом сбиг он. Ташённый, галодный, и пришол к нам, к маме (уже отца не было). И у нас у голод, кушать нечево, ево надо поддержать. А што мы, атца уже не было, а мама – «кулацкие корешки», куда ни пашлеть [туда и] работать. Быков этих, валов водила. Пахали, ана вадила. Там двести грамм муки давали кукурузой. Я помню [это] хорошо. Ну, я выжила потому што училась у школе. У нас был директор, очень умный человек. Он сознательный, взял землю, пахали, сеяли на этой земле. И работали ученики в летнее время, и были и наемные работали, ухаживали за лошадьми. В Пригородной был потом сад. [Директор] узяв у наших, Кишечкиных, они сами сажали. Попросили, дал колхоз саду немного. В школе давали горячий обед. Кто ходил в школу, все живы оставались. Вот кусочек хлеба, суп или борщ. А [директора] забрали в тридцать седьмом. Михаил Алексеевич Мищерин. У них сын здесь живет.

Всё забирали, ходили. У горшки заглядывали, где што ни есть [забирали]. У нас было у гаршочке кукурузы немножко, и ту забрали. Где картошечка какая была, всё уродило, но всё ето забрали. А потом говорили, [что это] сабатировали, сабатаж. Вот так. И на потолок залезла активистка. А сушки, у нас сушили немножко, ну, ведра два лежит сушки на потолке [на чердаке]. Ана это визде сюды-туды тыкает.

А бывало люди голые оставались. Ужасно, ужасно умирали. У нас дедушка умер, вот тут отец похороненный, в огороде этом. В огороде похоронен и отец и дед. А вот здесь, [по соседству], вся семья вымерла, были кресты [в огороде]. Я вот такой страсти набралась с детства и сколько училась уже взрослой, пойтить у центр там, посмотреть или спектакли, иду [и вспоминаю] – там на углу жили люди Гончаровы. У них одна из семьи, четверо дитей, мать и отец, одна осталась дочка, выжила девочка. А то кристов помню было в огороде! Счас там дома построены для специалистов, живут.

Некому было на кладбище ни везти, ни нести, как попало [хоронили]. Вот у нас без гробов [хоронили]. Доски там были какие-то, вот поставили, так положили, тут и похоронили. Делать [гробы] некому [было]. *

Вот некому было ни отца хоронить, ни дедушку хоронить. Старичек и с старухой жили, и тоже они впроголодь жили, ну, живи остались. И они пришли вот и помагли.

А вот оттуда шли люди на Зеленчукскую. Так они туда уходили, голодные. Люди идут и, вот, не дойдут до конца улицы. Умирают, лежат мертвые. Пойдешь у центр, смотриш – там умирает, там умирает. [...]

КФЭЭ-1996.

АК 1202. Станица Передовая.

Инф.: Красников Иван Георгиевич (1910 г.р.)

В 1933 г. был голод. Много людей умерло. Забирали всё съестное. Скот тоже забирали. Он почти весь подход с голоду в колхозе. В голоде виновата советская власть. В начале она делала людям много зла.

КФЭЭ-1996

АК 1071. Станица Удобная.

Инф.: Гордиенко Василий Михайлович (1913 г.р.)

Ну как же не помню? У тридцать третьем году человек пятнадцать – шестнадцать с железными кастылями ходют, хлеб ищут. Сперва были «красные обозы», зерна было много. Ну, подъезжает и всё чисто позабирали зерно. Ну, а в голод кое-кто в ямы позакапывал, вот они ходят и [ищут]. Забирали, как вроде Сталин приказал, шо где-то зерна надо було, а ево нету, так вот забрать это зерно [с населения]. Позабирали, а потом с этими железными штыками ходют [активисты], ищут. Найдут, а потом у тюрьму понятно. Десять лет, вот это, дают. А потом приходят до нас. Уже всё забрали, кукурузы много. Тамичке на потолку хвасольки було баначка литрова, и ту полезли, забрали. А потом приходят десять раз, двадцать раз. А потом заходят, а тут такой был, эта, комунистяга, эта, значит командир этой «разведки». Вот, заходит и говорит: «Так, вы знаете кто к вам зашел?», – до моей жины. [Моей жене говорит]. Она сидит. Она спужалась: «Та бачу,

люды зайшлы». А викона винчальная, так небольшая, в углу стояла. Ну, уже не знаю, чи по Господнему, чи может бичовка перепрела... Эта викона как лытыть на этого командира ..., на голову как брыкнется, как разобьется. Они как спужалыся, тикать. Уतिकлы и ничёго ны делали.

А один с винтовкой, с ихней партии, и наверно забыл, она заряжена, на боевом взводе. А тутэчкэ на саму прохвиль вышли. Тамычкэ зашлы также шукать, як до нас. А там собака здорова така и кинулась на ёго, на этого, шо с винтовкой. А вин ложе [винтовки] ему у рот. Собака як всхватыв за курок, как блыснуло, так и упав вин, и [получается, что] собака его застрэлыла. Они так испужалыся, Божэ мой! Там викона, а тутэчкэ собака. Ну шош, бросили это дело, надо хороныть. И больше не стали приходить.

Люди умирали, так некому было хоронить. У городах похорóныти много, как-нэбудь. Люди умирали на ходу.

КФЭЭ-1996.

АК 1072. Станица Удобная.

Инф.: Гряда Семён Васильевич (1907 г.р.); Онищенко

Григорий Тимофеевич (1907 г.р.)

С.В.: Ну што ты, сразу не принмали бгатых, не принимали [в колхоз].

Актив поназначали, позабрали. Такой урожай был хороший. По списку забирали, а люди были, предатели, предавали. Вот поэтому и получилось [голод]. Сказал не так, значит уже...

Г.Т.: С тридцать первого начинался [и] до тридцать шестого года голодовали. Много людей взрослых умирало, дитей много умерло. Много умерло потому шо кушать нечего. Были «вполномоченные» и ходили, «активы» называется. Ходили: «Дай хлеб». А де я возьму. Ну, некоторые чувствовали голод и там прикопают пшеницы или что. Они [актив] с железными костылями ходют, скрось ищуть. Забирают [продукты] и отправляют.

Ну, ни все умирали, ну, все ровно, нечево было исть. Мы ж голодные и работали. Так мы сами бежали [работать] пока есть возможность. Там выделяли муки для тех кто работает. Три котла [еды] наварит. Понятно, кто норму зделал, значит ем.

Ну, какой силен, тот полторы нормы зделал. Он этой баланды больше получит. А кто маленький и нормы не зделает

[такие оставались без еды]. Норма была такая я скажу [...] двадцать пять сотых значит, это норма, а в станичную называли – десять соток. Запрещали [наши] песни конечно, а такие, как бы сказать, социалистические – пели.

КФЭЭ-1996.

АК 1113. Станица Удобная.

Инф.: Кирильчук Василий Митрофанович (1898 г.р.), казак.

– Годы прошли. Я, считай, три голодовки пережил: 21 по 22 годы, 33-й, пришедши с армии, 46 по 47 – тоже нечисто было.

– *А в 1933 г. много людей вымерло?*

– Не надо про это даже разговаривать, на эту тему. Семьями вымирали.

– *На ваш взгляд, всё-таки, отчего голод был? Ведь неурожая не было?*

– Ну, значит этому быть. Я так понимаю. Почему? Потому, что мир обобрали – оголодели. А кто этим руководил, куда это всё забрали – никто не знает. Вплоть до того, что пошли, прости за выражение, что в печку ползет и из печки вытаскивают. Враждебность народная наша.

– *И свои же это делали?*

– Да Боже мой! И росли тут. И друг друга ни в чем не обижали. А потом, как появилась враждебность... Да не дай Бог!

КФЭЭ-1996.

АК 1158. Хутор Кисловодский.

Инф.: Колесников Павел Григорьевич (1924 г.р.)

В голод единоличников облагали госпоставками. Опять и опять. Пока всё не отберут. Потом ищут, что припрятали. Люди стали пухнуть и умирать. Мёртвых собирали в бричку и везли на кладбище. В бричку кидали и умирающих. Никто никому не был нужен. Мёртвые валялись везде. Их хоронили и в огородах.

Павловский р-н

КФЭЭ-2003.

АК 2961. Станица Атаманская.

Инф.: Ковалёва Наталья Макаровна (1925 г.р.)

«Два брата умэрло, дядька Андрей умэр, дедушка умэр с голоду. На лавах [ослабшие] лыжалы, так и помэрлы». Маме в колхозе, на работе, давали похлёбку. Отец в 33 году продал хату за шапку сухарей. А там братья закопани, прямо на усадьбе. В станице умерло много людей. Ходили «комсодовцы» и забирали всё.

КФЭЭ-2003.

АК 2962. Станица Атаманская.

Инф.: Жук Вера Григорьевна (1925 г.р.), иногородняя.

В голод умерла бабушка. Маму взяли помощником бригадира, в Пластуновку. «В бригади жили – голода дужэ нэ бачилы. Брыгада була пэрэдова. Примировав [колхоз] коровою брыгаду. Варылы кашу кукурузыну з молоком, хоть и водычкою разводили».

В станице люди умирали на ходу. Ездили телеги и свозили мёртвых в общую яму, на кладбище. Часто хоронили и дома. Бабушку завернули в одеяло и похоронили под деревом.

Соседка съела дочкину подружку, а дочку не успела. Однажды меня в степи подманила красивая, здоровая тётка, похожая на цыганку. Она пошла со мной через станицу. Мня увидела тётка Олёна и позвала. Цыганка убежала. Я была полная, и она, наверное, хотела съесть.

КФЭЭ-2003.

АК 2987. Станица Незамаевская.

Инф.: Бутник Петр Григорьевич (1918 г.р.), казак.

– Моего отца присудили к высшей мере наказания, расстрелу. Их троих здесь судили в станице. Нас у него было пятеро. Мы остались пять детей и мать. Нас должны были выслать, но почему-то не выслали. Но из дома убрали. Жили мы в бригаде полеводческой. Эти четверо, меньше меня были, не выдержав такого голода, померли. Я один остался.

– *В каком году вашего отца расстреляли?*

– Это конец 1932 – начало 1933 года. Мы вступили в колхоз в 1930 г. Он был бригадиром полеводческой бригады. Ну, и, вроде, они утаили от государства зерно. Я даже толком и не знаю. И вот когда отца судили, нам присвоили кличку. Тогда она была очень опасна для народа: «Враг народа». Это магическое слово. Если

люди слышали, от тебя сразу отворачиваются, ... боялись. И я был «врагом народа», хоть в конституции и было записано, что сын за отца не отвечает. Но это только на бумаге было. И меня поэтому не брали в армию. И только в тридцать девятом призвали, потому что назревало такое положение, то Финляндия, то Халхин-Гол, то Хасан. Взяли меня в армию – служил я на Дальнем Востоке до 1944 г. [...]

Мне старики некоторые потом рассказывали, что тут судов не было, с судьями, заседателями. А была «тройка». Из них большинство было нерусские, в основном «черные», кавказцы. Потому что, это даже я слышал, как они разговаривают. По-видимому этот народ был настроен очень плохо к кубанцам. Ну и, говорят старики, отцу твоему приписали, что он, якобы, в Добровольческой армии, у Корнилова служил. А она только по названию была Добровольческой. И забирали в нее всех способных воевать. Так и моего отца в нее забрали... А потом отца Корнилов демобилизовал...

[Незамаевскую занесли на] «черную доску». Это, что «сын врага народа», что «черная доска». Это равнозначные были термины. Это значит, что там все были враги народа. И в эту категорию попали даже красные партизаны, которые в Гражданскую войну воевали на стороне красных. И их тоже выслали. Не всех, но, пожалуй, процентов сорок их выслали. [...]

До голода, говорят, в станице было 15 – 16 тысяч населения, а кто говорит и больше. А сейчас только четыре тысячи. А в тридцать третьем много выслали, много умерло, много в тюрьмы взяли. И брали людей преимущественно только ночью... Даже это я только знал, что кто-то ночью у нас был. Встал – отца нет. Там легонько постучали, никто в хату не ломился. Отец вышел: «Кто там?» «ГПУ». Всё. Крючок поднял отец, они вошли: «Тише! Подымайтесь». И больше я отца не видел.

КФЭЭ-2003.

АК № 2989. Станица Незамаевская.

Инф.: Капуста Даниил Иванович (1915 г.р.), казак.

Вы знаете почему произошел голод, по моему умозаключению? Во-первых, страшная болезнь была, лихорадка. Вот работает человек, работает нормально. После обеда, в двенадцать примерно [часов], хватает его. Его озноб такой берет,

ему холодно. А после этого холода его в жар. Страшная температура. Это первое. Второе, плохой был урожай. Вследствие этой болезни задерживался обмолот зерна. Все это входило в одну колею. И вот тебе – ранняя осень. Осталось немного немолоченного хлеба. И вот эти продразверстки, которые были наложены на колхоз: сколько ты сделал зерна – должен сдать государству. И не хватало для [сдачи] государству. И разгон какой [начался, заносили на] «черную доску». Вы знаете, я не пойму, почему называли «черная доска». Вот, значит, это наказание. И никаких расчетов не дали: никакого хлеба. Что было у человека, картошка, свекла, кабак, и это отбирали.

– Кто в первую очередь пострадал от этих мер: казаки или иногородние?

– Конечно, казаки. Какие тут были иногородние. Ну, было их тут, может с десятков, этих иногородних. У меня друг был, Бричников Владимир, считался почему-то иногородним. Зычаный Алексей. Вроде ж сыны партизан в Гражданскую войну, а всё равно они пострадали. Лично я не пострадал. Мне повезло. Меня направили сажать кукурузу. Давали кружку кукурузной муки в день. Ну, там по выборам старший выбрал меня. Я там помогал ему. Писал там. А потом всё как-то закончилось. Уже тогда говорили, что всё это ошибочно сделали. Да какой ошибочно! В декабре – январе месяце 1933 г. прислали сюда роту «нацменов». Это жестоко. Они казаков всех арестовали. Арестовали потому, что почти все служили в Белой армии. Ну, и поработала чья-то рука, которая руководила, чтоб это сделать.

– И сколько человек арестовали?

– Я так считаю, человек около трехсот. Все мужчины. Всех их ОГПУ арестовало. И все они погибли. До единого погибли.

– Их расстреляли?

– Нет, их не расстреляли. Их заморили голодом. Их направляли на этап в Сибирь. Я знаю, что отца моего судили в декабре месяце. И он попал вместе со всеми. И их везли в вагонах. И он умер там.

– А ваш отец тоже служил в Белой армии?

– Служил.

– Кто-нибудь из этих людей назад потом вернулся?

– Нет. Ни один человек. Никто не вернулся. Почему? Потому что им не было чего кушать. И всех, кто служил в Белой армии, всех выбрали до единого.

– *А кто в «комсоды» входил?*

– Станичники. Наши люди.

– *И из казаков тоже?*

– С казаков тоже. Приходили к простым крестьянам, у которых очень легко найти всё, чем они располагали. И, я вам скажу, что забирали у одних, а поедали другие, те, что забирали.

– *То есть никакому государству не сдавали?*

– Конечно нет. Я вас уверяю.

КФЭЭ-2003.

АК 2978. Станица Новопетровская.

Инф.: Курбала М.Г. (1931 г.р.); Романова И.З. (1929 г.р.);

Петренко Д.А. (1928 г.р.), казак.

В станице Незамаевской осталось 20% людей [после голода]. Говорили, что там было много «кулаков». «И Кисляковка так же. Забыти [заколоченные] окна. Ничого нэ осталось, вымырлы уси».

Голод был искусственный. Его организовали специально. Люди умирали и в станице Петровской, и везде. «Комсоды» забирали всё. «Ямы с зерном понаходили. Всё выгребли».

В голод многие умирали. Люди ели траву. Спасались те, у кого остались коровы. Коров в основном у людей не забирали. В садах собирали фрукты. Собирали зёрна кукурузы. Ели травы: заячье ухо, лободу, какиш и сурепку.

КФЭЭ-1992.

АК 279. Станица Старолеушковская.

Инф.: Щука А.Я. (1909 г.р.)

– Трупы по улицам лыжались. Людэй заставлялы, с повозкой ходылы, собиралы [умерших] и в общу яму кыдалы. На улицы бурьян вышэ головы. [...]

– Ходылы с ципкамы. Дэ сумочка с семенами, фасоль, горох, зашлы и забыралы и эти сумочки. Ничего ны оставлялы.

– [Кто забирал?]

– Местные, бедняки. Но их давно уже нет, кто это делал. Кого парализовало, кто так сдох, люди прокляли их, они и погибли.

– [Когда они живы были, как люди с ними обходились?]

– Обходьлы йих, боялысь, з нымы розговор ны вылы. Ны так скажыш, оны докладуть и ужэ тэбэ нымае. [...]

Вся станица вымерла. Прислали белорусов сюда, и молодежь, и семьями. [...]

[Комсодовцы] ширяли, если нашли ямку с зерном, с пшеницей, то сразу забирали и зерно, и хозяина. Высылали, или в тюрьму. Вывезли наших в Ольгинскую. [...]

Когда вернулись, уже начали нам после голода хлеб давать, понаедались и помэрлы. Человек, если голодный, багато есть нельзя.

– [Что ели в 1933 г. ?]

– Дэ коняка сдохла, бижым, скорее хватае, рубае. Ракушкы у рички, вытягалы йих и (й)илы, варылы и жарылы. Тогда их много было, шас нымае.

– [Перед 1933 г. знаменья были?]

– Пэрэстройка, колхозы началысь. Это и признак. Были «комсоды», вербовали в колхозы. Отец сказал, шо йдём.

Перед голодом мыши пишлы «толпою», гостроносые, они ядовитые. Наш отец рыбу ловил, вышел рано утром на мост, як глянув ричка кышыть от них. Пришёл домой маме кажет: «Дунька, вставай, идём до ричкы». Пишлы. Их ричка полная. Пэрэходьлы через ричку «толпою».

Тодди булы таки нашествия на хлеб. Саранча, и хлеб с колосками поели, шли полосою.

КФЭЭ-1992.

АК 286. Станица Старолеушковская.

Инф.: Наливайко Евдокия Филипповна (1924 г.р.), казачка;

Яровая Екатерина Владимировна (1924 г.р.), казачка.

Е.Ф.: Мы учились во 2-ом классе. Я то пэрэросток була. Но собирали тех детей, яки живы осталысь после голодовки. Нам 8 лет было, пухли ноги и руки от голодовки. Шрамы пооставались на руках.

Е.Ф.: Забрали картошку, буряк. Ходили в каждую хату. Нас четверо было. Кукурузку на печи послали, рядом заслали и мы сверху легли. Из-под нас выташили.

– [Все голодовали?]

Е.Ф.: «комсоды» не голодовали.

– [А что ж ели?]

Е.Ф.: Господь на свити дыржав людэй. Тоди ж пустыня була: ото хатка, ище хатка, а то лобода скризь.

Нарву лободы, мама лежит распухша, брат лежит на печи распухший, у меня руки и ножки попухли. Я у глину устромяю [ноги, руки], трошки оживу. Нарву лободы, накрышу, намяю, в пичку русскую встромяю чугуници и маму покормлю... Один [ребенок] умэр, захован тут у россаднычку, у люлечки. Лободычкой и выжылы. Крапиву варили, ели. Ракушку. Люди..., нашука ракушечку и упадэ, безмошные же были. Тоди раздроблялы, там виса булы, принимали ту шкарлупу на пуговыци. А то самое мясцэ [из ракушки] жарыли, варылы. От так Бог питал людей. Кукурузу собиралы из мышиних норок. Мама ходэ, ходэ, а норка ей не попадается, она пришла с пустыми руками.

«Комсода» ходэ, ходэ, а брать ничёго. Гирчиця стояла, загрэблы и гирчицю. Местные робылы.

[Умерших] по огородах хоронили.

– [А людей ели?]

– Знаю шо собак, котив йилы, а за дитэй ны знаю.

Казаков, которые здесь населяли, выгоняли с хатив, а населяли белорусив. Знаю, шо мы дивчаткамы ходылы, голодуемо, ныма у нас ны батькив, ны матырив. Мы йдэм до йих дитэй нянчимо, коров у йих чыстылы. Оны ны голодувалы, бо йим, этим переселенцам давалы [йиду].

– [Среди «комсодов» кто был?]

Е.В.: Были и местные, и приезжали уполномоченные.

– [Какой они были национальности?]

Е.В.: Больше было русских. С завода рабочих присылали, они это и организовывали. У нас С. был первый... Туда ж кто пошёл, одни лодари, не имевшие образования, «мать перемать». [...]

Тех, кого высылали, все их арбы шли на ст. Павловскую. Все сбегались и провожали их, плакали. А они пели: «Прощай родимая станица, прощай родная сторона, Бог зна когда я воротюся, назад на родину свою». Это было в 1928–29 г. У нас пустая станица была, выслали. В 1933 г. стали белорусов к нам завозить. Они рубили кресты на кладбище, жгли, сады повырбили.

КФЭЭ-1995.

АК 819. Станица Григорьевская.

Инф. Сивовол Ефросинья Трофимовна (1908 г.р.); Трофименко В.В.

В.В.: В голод умерло много людей. Потому что всё отбирали люди из Совета. Это был произвол местных властей. Сталин ничего об этом не знал. В колхозе никак не поддерживали работников. Налог был больше заработка.

Е.Т.: Мы здалы [налог]. Корову правда ны брали, а коней здалы [в колхоз]. По хатах ходылы, то пшиныцю брали у кого [...], грабылы, выгрибалы. И наши ходылы люды [станичники] и выгрибалы наши – коммунисты. [...] Булы против, ну а шо будыш делать? Против власти ны пайдёшь [...].

Ну, в нашей ще станыци тут кой-як було, шо в нас груш було много сухих, и мы грушамы жылы, то бурьяном. А вот уже там по Черномории, там много людэй помырало, кажуць [...].

Кропывы нарвэм, нарижым, напарым харашо, а тада тих ляпэныкив налипым и падсушим. Була корова в нас в той голод, отэлылась в маю, и ото «мазун» делалы. В мэнэ оцэй [ребенок] так ны йив ничего, ны хочэ ны бурьяна, нычо, малый же був, а шо тоби давать? Давать ничего. Ну, вжэ як молоко було, так хоть молоко пыв.

КФЭЭ-1995.

АК 821. Станица Григорьевская.

Инф.: Шацкий Василий Васильевич, (1908 г.р.)

В 1933 г. урожай был хороший, но коммунисты с подводами подъезжали и забирали у станичников весь урожай.

Забирали даже фасоль. Местные лазили по чердакам, знали, где люди могут прятать.

Выживали те, кто покидал свою станицу, переезжал в город Краснодар, в пос. Яблоновский.

Во время голода, [если повезло], делали лепёшки: немного муки и толчёные орехи.

Ели сухие груши, бурьян.

Многие в станице умерли.

КФЭЭ-95.

АК 806. Станица Калужская.

**Инф.: Скляр Евдокия Ивановна (1915 г.р.); Нестеренко
Антонина Фёдоровна.**

Во время коллективизации забирали всё вплоть до припрятанных для детей кукурузных початков. Одна женщина больная лежала на печи, и у неё забрали кукурузу.

КФЭЭ-1995.

АК 906, 907. Станица Крепостная

Инф.: Феофанова Нина Степановна (1921 г.р.)

Приходили «комсодовцы». Они шарили везде. Искали зерно. Стали искать в печке. Сбросили с неё детей. Печку развалили. Много людей умерло. Одного маленького мальчика положили в корыто и похоронили в огороде. Многие спаслись тем, что росло в лесу. Ели фундук, грушу-дичку.

В голод недоедали. В колхозе приходилось работать за пайку баланды. Более-менее нормально снабжали только семьи колхозных активистов и коммунистов.

КФЭЭ-1995.

АК 774. Станица Новодмитриевская.

Инф.: Шевченко Анна Моисеевна (1921 г.р.)

Голод был. Ели бурьян вареный. Брат собирал соль из солёного колодца, выпаривали. стакан соли в совете продавали за 100 руб. У колодца была большая очередь.

КФЭЭ-1995.

АК 785. Станица Новодмитриевская.

**Инф.: Антипина Вера Васильевна (1911 г.р.), казачка; Ермак
Пантелей Алексеевич (1923 г.р.)**

По сведениям информантов в 1933 году создавался колхоз «Новый путь». К нему относились четыре хутора: «Передовой», «Труженик», «Культурный». Много [было] семей казачьего рода.

Из воспоминаний П.А.: «Вымирала станица. Я пухлый был. Наши [станичники] забирали все и отправляли. Умирали станицы почти все: Новодмитриевская, Ильская, Калужская [...].

Корешки мать рыла в плавнях с камыша. Сушили, на бердушку, мельницу, [перемалывали].

– Протестовали люди?

– Нет. Кому жаловаться?

КФЭЭ-1995.

АК 785. Станица Новодмитриевская.

Инф.: Антоненко Вера Васильевна (1911 г.р.); Ермак Пантелей Алексеевич (1923 г.р.); Головки Иван Артёмович (1912 г.р.); Певнёв Тимофей Иванович (1913 г.р.)

П.А. Ермак в 33-м был пухлый. Станичные активисты забирали пищу и уничтожали. Вымерла большая часть станицы. Некому было хоронить. Ели лободу, корешки камыша, из них муку делали. Активисты разбивали и ручные мельницы. Банды были. Шли против советской власти. Грабили. Убивали активистов.

И.А.: Голод был сильный. Специально был устроено, выморить людей. Вымерла почти вся станица Пашковская. Из Урупской выслали почти всех, кроме 7 семей. На их место – поселенцев. Забирали всё подчистую. Расправлялись без суда и следствия.

Т.И.: Голод был потому, что не было продуктов. Подчистую забрали. Местные. И крупу, и овощи брали.

КФЭЭ-1995.

АК 787. Станица Новодмитриевская.

Инф.: Винниченко Надежда Матвеевна (1913г.р.), казачка; Ермак Нина Степановна (1927 г.р.), казачка; Колониди Анна Андреевна (1927 г.р.), иногородняя.

Во время голода станичный актив всё забирал. Кто не шел работать в колхоз, у тех отбирали абсолютно всю пищу. Одевала в школу один галош и один туфель. Вспоминается постоянный голод. Делали постолы из свинячьей кожи.

Во время голода один вдовец хотел взять её маму замуж, потому что у нас была корова. Мама отказалась, потому что было у

обоих много детей. Неизвестно, как их кормить. На следующую ночь зарезали корову. У соседа умирали дети, он хоронил их в огороде под яблоней. Трогали тех, кто не пошел в колхоз. Ели что придётся: буряк, бурьян.

[...] Мама в колхоз ни пошла работать, дети, мы все малинькие, мама глухая [...]. И вот, как щас помню, как приехало две подводы к нам, [...], а у нас было одно одияло новое, [...]. Мы в одной комнате, а в той комнате в нас, не помню кто, или учительница, [...], и в нас были двери к ним отсюда. Ну, тут закрыли мы, заложили, а они с другой стороны ходили. И вот кода подводы подъехали, мы уже знали, что приехали забирать, а она в дверь заглядуит и говорит маме: «Степановна, отдайте хоть одияло отэто новое». А она [мать]: «Нет, они не возьмут». Вы знаете – всё абсолютно забрали, даже до бурячка, где-какой кабак, где чо было, всё абсолютно. Мы остались совсем на лоскутах. Мы на печке сидели, они ещё заглядывали туда, – там ничо ни попрятали? [...] Никаво ни пожалели. А мы на лахмотах там спали, там куфайки, такое старое У нас харошево и не было, ото одно одияло, я как щас помню, красное было [...]. Всё забрали и повезли в сельсовет, а куда они ево дели? И мы оста́лись без ничево. В школу я начала послИ этово ходить, в первый класс. Ну што? Я одену один галош, один туфель, истинный Бог вот. Харашо помню, вот почему было обидно, говорят, ну ты в таком году родилась, в двадцать сидьмом, ты ж должна грамотная быть. Где мы будим грамотные, если мы голодували. Сижу на уроки и оно мне ни лезить – я кушать хочу, я голодная. Потом галош порвался, или там туфель порвался, мне не в чим ийти. [Потом] парасёнка там кто-то зарезал, дали мне кожу, выкроили, я постолы сама пошила, с кожи свинячей. Постелю соломки и иду в школу, [...].

КФЭЭ-1995.

АК 798. Станица Новодмитриевская.

Инф.: Архипенкова Мария Трофимовна (1908 г.р.)

В голод носила документы при Совете. Активисты забрали всю скотину и пропили её. Народ пух с голоду. Забрали всё. Умирали все, и самые молодые. Умерло много детей. Хоронили во дворах и огородах.

Ели клевер. Чуть не умерли. Ели крапиву, лебеду, шавель, чеснок. Из подсолнечных семечек варили суп. Умирили от него. Потому что скорлупки жесткие.

Славянский р-н

КФЭЭ-1995.

АК 712. Станица Петровская

Инф.: Курина (Гайдарь) Раиса Евтиховна (1920 г.р.), казачка.

В 1933 г. был страшный голод от грабительства. Было создано 10 комиссий (по 8–10 чел.), которые ходили и всё забирали. Комсомольцы, партийцы. И других брали насильно в эти комиссии. Семьи членов комиссии тоже проверяли и всё отбирали. В печке в макитрах прятали фасоль и горох. Хорошие люди из комиссии делали вид, что ничего не находили. А другие вытягивали всё. Вымерло много людей. Ходили спокойно смотреть на умерших соседей. Мама спасали детей луком. Ели лук с кипячённой водой, утром и вечером. Отцу в колхозе давали пайку в 200 г. чёрного хлеба. Давали баланду, кукуль. Отец приносил 2–3 ложки макухи (на 7 человек). Заставляли работать до 12 часов [ночи].

Подружку Р.Е. съела мать. Её арестовали. Другую женщину за людоедство даже не арестовали. Не заявляли.

Съели кошек и собак. Воровала в 13 лет в колхозе капусту, кукурузу. Кухарка подкармливала её «злэпкамы» с хлеба. Потом стала работать на поле с папашей. Была погоничем. Лошадей лучше кормили чем людей. Лошади полагалось в день 10 кг кукурузной муки, людям – 200 г на трудодень. Потом отелилась корова, появилось молоко.

Умерших бывало хоронили, бывало – нет.

В одной семье отец был картёжник, он проиграл в карты всю еду. Его семья погибла. Отца похоронили в гробу. Детей, Андрюшу и Васю, завернутыми в рядно возле дома.

Иногда на местах таких захоронений стоят памятники.

КФЭЭ-1995.

АК 763. Станица Петровская.

Инф.: Костенко Наталья Семёновна.

В голод было трудно. Продала всю одежду. Работала на людей. Муж был конюхом. Приносил отруби. По сравнению с другими пережили голод хорошо.

КФЭЭ-1995.

АК 740. Станица Черноерковская.

Инф.: Ерёменко Мария Антоновна (1925 г.р.)

Информатор сообщила, что обессиленных от голода людей, у кого не было совсем сил работать – убирать хлеб, того привязывали к конскому хвосту и тащили по полю. «Это зверство настоящее, ещё хуже немца...»

КФЭЭ-1995.

АК 746. Станица Черноерковская.

Инф.: Соколов Даниил Георгиевич (1925 г.р.); Соколова Анастасия Тимофеевна (1929 г.р.)

Воровала во время голода в колхозе кукурузу и капустные кочаны для детей. В голод бабушка выменяла на золотые украшения еду. Черноерковская спасалась от голода рыбой. Рыбу ловил отец Д.Г., работавший с лошадьми. Привозил рыбу в школу для учеников. И домой тоже возил. Рыбу высушивали на печке, положив на камыш. Варили. Отец брал для прокормления семьи крупу, выделявшуюся для лошадей. Ели ещё капусту и буряки. От буряка люди пухли. Бабушка готовила борщ из смеси буряка и капусты. Отец А.Т. опух с голода. Его забрали в Ачуев на работу.

Была возможность держать корову и пить молоко.

КФЭЭ-1995.

АК 760. Станица Черноерковская.

Инф.: Берёза Антонина Григорьевна (1919 г.р.)

В 33 году работали голодные и холодные. Один активист, палач, привязал женщину к конскому хвосту. Кормили только водянистой похлёбкой.

КФЭЭ-1994.

АК 539. Станица Канеловская.

Инф.: Костенко Анна Романовна (1908 г.р.); Илюшкина Тамара Александровна (1937 г.р.); Сытник Варвара Ильинична (1938 г.р.); Андросова Лидия Степановна (1930 г.р.)

– [Сильно тут голодовали?]

– Голодовали сильно. Ходылы, ходылы вокруг [колхозного] амбара, визьмымо швайку, та провэртымо [дырку], пидлизымо, та пидставымо шо-нибудь. Если ны выдно никого, то ше наточим [пшеницы]. А тоди ж босымы ногамы по стэрни [24 км] бигтэ до дому. Пэрэстрива нас вырховый, та плитью. Поотнимав у нас сумочки. Ой, Боже, а шо ж я тэпэрь диточкам буду нэсты. Крычала, крычала и прышла так, пуста додому. На другый раз, на другый дэнь всё-равно украла, прынысла. Ступа у нас была своя. На ступу стовчэ мамаша и варит кашку. Оцэ, нас спасало то, шо у нас корова була. Гóрба [т.е. на себе], вызу до дома сино. Як тико осталась жива, ны знаю.

КФЭЭ-1994.

АК 552. Станица Новоясенская.

Инф.: Мижевич Раиса Антоновна (1923 г.р.); Каплунова Меланья Лукинична (1921 г.р.); Глушко Серафима Константиновна (1926 г.р.)

[...] в трыцать трэтэму стикэ народу умырало, хурманкы ходылы по-пид хатамы, збиралы мэртвякив [...]. Из брыгады прысылають чоловика, двух людэй и воны йиздять по-пид городамы, йиздылы у трыцать трэтём году, збиралы, у хурманку. Накыдають повну, повызлы у общу могылу. Укынули як порося и всё [...]. Потому шо тоди ны було ны дэрыва, нычэ, ны трун ны робылы.

КФЭЭ-1994.

АК 556. Станица Новоясенская.

Инф. Зоз Клавдия Арсеньевна, (1917 г.р.), иногородняя.

Я в школу ходыла сюда, в Новоясынку. Идём, по дорози валяюца люды. Там умырае ше живой, там уже готовый. Пидийдым, побачим-поплачим, пишлы дальше. И сама ходю в

школу – ноги пухли, руки пухли, морда отака пухла. На урок того ходылы, шо тут давалы у школи, горячи завтракы. Там водычка горяча, дэсь там крупынка крупынку ганяе. Так за той крупынккой ходылы в школу [...].

Сделалы голод, понимаитэ, сделали голод спициально. Ведь голоду ны було [не должно было быть], урожай був. А делали так: набрали вас дысяток и одын стойкый, в кармани наган, прыходять до вас. Всё [везде] вылазылы, вышукалы, и в його штырь такый [металлический], метра два, ищуть, шупають, цэ, ищуть – хто закопав можэ хлеб. Найшлы – в тюрьму забрали всю симью, всё опысалы [...]. Ны найшлы – всё забрали: семечкы на викни кабашни лыжалы сохлы, и ти крылушком змылы, забрали. В подвали помидоры, капуста солёна, и тэ забрали. Дэ мука була – крылушком замитають, забырають [...].

Я дитё була, сыдю, на мясорубку мылю мочину пышыныцю. Ото мочимо, потом мэлымо. Она як кисто. Тоди делаим пляцыкы, на плитки пычем. И за милую душу [...].

Шарылы, забыралы всэ. Пидвода, на пидводу [грузят], увозють, сдають государству, а людыдохнуть. Люды розбрыдалыся, кого выслалы, а кого и ны высалалы, бросылы, вин сам здох. Я, лично, ходыла просыла [подавание], и по Старощербиновки ходыла, и по Катырыновки, по городку там за Старощербыновской, но ныхто ны давав, ныма. Полубоси, полуголи, всэ забрали, батька в тюрьму загалы [...].

КФЭЭ-1994.

АК 519. Станица Староминская.

Инф.: Гавриш Ксения Семеновна, (1922 г.р.); Трэхсвяткая Н.Д. (1924 г.р.); Гагагайка А.П. (1919 г.р.)

У трыцать трэтём був голод страшный-страшный. Люды людэй йилы, люды собак йилы [...]. Копалы ямы на кладбищи таки, группову яму выкопають, а по-над заборами йиздэ пидвода и збирають пид доскамы мэртвих [...]. И ото покыдають йих и так, и так, и так и отак, и ото прывызуть йих на кладбыще, кыдають сюды-туды, всэ [...], абы зэмля накыдана. А есть лыжалы [мёртвые] и потлилы, пороссыпалысь [...].

Маклюкы жили и в йих був батько, такый завзятый [...]. Оцэ ж колликтивизация, позабиралы всэ. У нас на горище полизлы

и хамуты, и все забрали [...]. А тоди як стала ж оцэ така пэрэворуха, та оцэ трыцать трэтий год, «саботаж» став. Довив Сталин до того. А воны [Маклюкы] всий симьею вымырлы в хати [...]. Заихалы пидводою, повкыдалы, а той же Харытон Павлович ще живой був. А вин прыйдэ було до мамы, та: «Кума, дайтэ мини хоть бурячка». А мама: «Шо кум, угудувалы тэбэ?». Умырав з голоду, йисты то ничего, и вин умэр [...]. Оставалося багато дворив пустих [...]. По Пушкинский улыци, там жыв Хайло, сын и маты, но маты вмэрла, вин зыв матирь [...].

[После голода 33 года]... привозылы, дэсь из «кацапни» привозылы сюда [людей]. Йих обиспечувалы всым, кормылы их, а мы пыд доскамы умыралы [...]. На стэпу стояла пшыныця у копнах [...], и кукуруза на пни стояла, отак, ны кошена, ны ламана, нычо на свити, и мы так голудувалы. И було як визьмыш там, натрэш пшенычкы, та старайся скорей на ныви сырою пойисты. Если тикэ вытрусять – дэсять лит давалы.

Тбилисский р-н

КФЭЭ-1999.

АК 1770. Станица Геймановская.

Инф.: Ильченко М.А.

Коллективизация у нас начиналась в 28 [1928]. За два месяца, ноябрь – декабрь. До весны всех уже в колхозы включили. У нас было 23 человека в сельском совете. Видите задняя комната – там были нары. Одни лежали внизу, другие на средних полках, другие – наверху. Тут были милиционеры, НКВД. Сам начальник НКВД тут был. Из Курганинского отдела. Сам начальник НКВД был рабочим, но стал начальником. Ему нравилось быть начальником. Очень он тут рьяно решал вопросы. У нас сеяли кукурузу, будылка сухая была выше роста человека. По ней проводили посев [не убирая]. Он вопрос задавал: «Что это? Вредительство, специально так делали, чтоб урожая не было?». Тут актив, сами ребята, что сеяли, активисты, К.А.В. говорит: «Да нет. Если мы к вечеру не подадим сводку, что участок засеян, да нас повешают, не то перестреляют. Давайте сначала посеем, потом женщин пришлем, чтоб будылку порубалы, потом уже будем пахать и боронить». Это он так сказал, говорит: «Не только я

пострадаю, но и вы, местные руководители. Так что давайте решать». И вот таким путем они везде [так поступали].

1929 г. – получили урожай колхозы средний, хороший. В 28 году сеяли и единолично. И урожай получился хороший. Приказ пришел, пшеницу, ячмень, кукурузу, всё вывезти в «закрома государства». Отвезли в Тбилисскую. Тут ничего не оставалось. Лошади к сентябрю месяцу не могут пахать. Потому что зерна нет. Кормили травой и сеном. Лошадь без зерна – не лошадь. Положились лошади. В колхозе «Красный партизан»... лошади располагались в 4-х конюшнях – лежат все. Мой отец сдал в колхоз одну лошадь. Хорошая лошадь была. Скучал всё. Запросил последней раз привезти железа и угля. Кузница тогда ещё прямо во дворе была. Пришел, лошадь не движется. Он напал на конюхов: «Да что вы тут делаете, почему?» – «Зерна нет, корма нет, фуража нет. Попадали, не знаем что делать». Он в сельсовет прибежал, а в сельсовете племянник работал: «Как же ты довел до этого» – «Тут уполномоченные командуют, они весь хлеб забирают». И у людей забирали. В 20–21 [годах] – продрозверстка. В 32, ноябрь – декабрь, пошли «комсоды» по дворам. У кого мешок, у кого сколько там зерна – все стали собирать. Остатки остались у некоторых с 28. Увозили в Тбилисскую, «комсод» из местных, и был уполномоченный [приезжий], чтоб тут по-свойски не делали чего. Большинство [«комсодовцев» из] иногородних. Поняли, что казаков можно трясти. Зерна нет, так одежду забирали. Было ж бесплатно. Защищаться нельзя было. Если члены комиссии берут чего, сказать [возразить] нельзя было. Люди очень боялись. Постепенно утекало с каждой семьи, одежда и всё. Обедняли страшно. Голод сделали [искусственно].

КФЭЭ-1999.

АК 1758. Станица Нововладимировская.

Инф.: Черенкина Т.Д. (1915 г. р.), казачка.

– В тридцатые годы здесь тяжело было?

– О-о-о! Не дай Бог! Ой, голод был! В тридцать третьем году. Тридцать второй, тридцать третий, тридцать четвертый. Но самый [страшный] в тридцать третьем году. Столько людей поумирало! Не управлялись. И в погребях их закапывали, и в колодезях, и где только не закапывали.

– А почему голод был? Неурожай?

– Нет, почему? И урожай был. Забирали. Всё забирали, «комсоды» называли. Було, где ни схоронишь качан кукурузы, всё равно находили. Всё равно находили и забирали. Ни на кого не обращали внимания, ни на детей... А матеря своих детей ели. Я знаю вот тут, до мельницы, там женщина жила. «Комсод» этот пришел, а они топят в печке. Посмотрели, чугуна там стоит. Вытащили, а там, она порубала дитенка и сварила.

– А как люди выживали? Что ели?

– И травы всякие. То чеснок такой был, полевой называли. То травы там какой. Если работаешь, давали зерна. Сто грамм дадут. С элеватора давали. Вот если дадут грамм триста..., а семьи было человека четыре. Вот той травы туда насекаешь, нарубишь. И вот тот лаваш спекешь. Вот вышло четыре, и делишь, чтобы всем хватило.

– А худобу тоже отбирали?

– Да, худобу... Была кое у кого. Курей ни у кого не было, всё поедали. Не дай Бог!

КФЭЭ-1995.

АК 1735. Станица Тбилисская.

Инф.: Попов Борис Николаевич (1923 г.р.), казак.

Родился я в Тбилисской, как и все мои отдаленные предки. На Кубань прибыли в 1813 г. Бабушка моя оста[лась] вдовой, [...] муж её погиб у атамана Платова. Платов откомандировал его к Денису Давыдову. Знаменитый наш соотечественник посвятил ему целую книгу и в своем посвящении моему прапрадеду он пишет, что он с Пятихатки, что у него 5 детей, описал его походы и был снят по книге кинофильм «Эскадрон гусар летучих». Под Березино он был убит. Бабушка решила идти на Кубань. Потомки моего предка крестьянствовали. Приписали в казаки их потом. Они все получили образование 1–3 класса. Отец мой был заведующим школой.

– [Расскажите о голоде 1933 г.]

– Ой, ужасный голод. Целыми кварталами вымирали. Вот у нас на Батарейной улице, [кроме нас], только потому что отец был учитель, все остальные просто вымерли: Саморядовы, Матюховы... Как сейчас помню, жил сапожник старик Матюхов, сапожничал. У них хатка древнейшая, маленькие окошки, мазаная и соломой крытая, вот и он умер. Хоть

голодные люди, пухлые, а всё-таки у них хватало совести, што ли, глянуть – сосед живой или неживой, если неживой...

– [Похоронить, да?]

– Похоронить, то на кладбище. Кто туда донесёт? Во дворе закопать. Так вот, этот дед заперся, у него старинная [дверная] затычка, засов, и умер. Сначала он пухлый был, потом в скелет превратился, вот и лежит на тапчане. Соседи окошко выставили маленькое, а взрослый не пролезет, и послали меня. Я говорю, а дед? Та он уже как качарышка. Мне страшно, говорю, боюсь деда.

[Дед в своей работе использовал специальные плоскогубцы], широкенькие такие, на окне лежали. «Я спрашиваю, дадите плоскогубцы мне? «Дадим, дадим». Залез я и по деду, он твердый, как по дереву. Перелез через этого деда, открыл засов в двери и пустил [людей]. Эти плоскогубцы до сих пор где-то валяются.

Темрюкский р-н

КФЭЭ-2004.

АК 3138. Станица Ахтанизовская.

Инф.: Чуб Сергей Ильич (1928 г.р.), казак; Кохан Павел

Андреевич (1924 г.р.), казак; Кохан Валерий Семенович (1953 г.р.)

Голодовка была, а батько мэнэ кормыв, поив. Маты кормыла мэнэ [...]. А як вони доставалы? Було, розказувалы, шо, кажэ, в кальсоны насыпэ, так же ны давалы, воровалы люды, у лошадей уворують там чи комбикорм, чи шо... В кальсоны насыпэ, прыйшов, тут розвязав, маты пышок напэкла, наилыся и на том кончилося.

[...] Ходылы [«комсоды»] и отбыралы последнее [...]. Ны знаю як воно называлося, якось... «чорна митла» [...]. Ходылы, последний килограмм и той забиралы [...]. И всё это ж наши всё робылы, активисты, покойный С., П. був такый, В. одноногий [...].

[...] Высылалы людэй у 33-м, тут багато высылалы, [...]. Голод був сильный в 33-м году. Забыралы всё [...].

Голод я застал. Отец работал в цеху, а цех это рыбный, они перерабатывали рыбу. Все рыбные колхозы сдавали в цех, сюда [...] Мы, если бы не рыба, мы б пропали. Там обрабатывали судак, икра, жир с судака, все отходы. Их никуда [не использовали], их вообще закапывали. И рабочим давали. [...] Умирала [люди] и очень много. У нас была вот здесь вода, с лиманом соединялась [...] и там колючка такая была, очень острые были перья, а ее много было. Наловим ее, а потом ступка такая и ото колючки послушаем, а потом, когда человек кушает, дизентерия, кровь [...]. Очень много людей умерало от голода. Кто работал у колхозе [...] выживали. Но как выжили? Пухлые были. [...]

Я помню, мне мать рассказывала, когда 33-й год, голод был, у неё были сережки золотые, как замуж выходила, и кольцо. И вот она поехала в Керчь и оттуда привезла кой-яки продукты за это кольцо. [...]

Тоди и коровы отбырала. У людэй же булы и лошадки, еще остались у некоторых, шо единоличныкамы работала, тоже забирали. Накладувала большие, большие штрафы, шоб платылы налоги, и воны, воля – нэволя, который так ище дыржався, а впоследствии и оны ны выдэржали и поздавали [в колхоз имущество] и сами пишлы в колхоз [...].

Выслала пэрэд, или в 32-м кажыцца була высылка, или в 31-м. И от эти сами ж, и воны создали искусственну голодовку, выгрибала, дэ kwasолына, дэ шо ..., бурякы, и ти забрали. А увозили, кажуть, на Синну, а там у буртах погныло всэ, зерно, ото шо вывозылы, як-будто б його туды, чи в Россию отправлять, чи куда-то. А голодовку настоящу сделали.

[Люди умирали от голода], пухли ходылы, отаки шо и в брюкы ны влазылы. Рыбка пиддэржала [...]. Хто живи [ещё были], то на кладбыще як-нэбудь довозылы [умерших], а там отак закапывала, хто як [...].

КФЭЭ-2004.

АК 3145. Станица Ахтанизовская.

Инф.: Оградовская Ефросинья Ивановна (1917 г.р.); Шамрай Павел Михайлович (1931 г.р.), казак.

В голод 33-го года «рыба только спасла, лиман. Несмотря шо и рыба была, а много и поумирали. [...] Урожай был тогда, ну, тогда называли «красная метла». Шо за метла, не знаю. Я в ту пору подросток была [...]. Позабирали, где и баночка была крупы или муки, и то забирали. Организовывали тоже наши, местные. Из района был уполномоченный, «комсод» называли. Мы тогда сиротамы жылы, отца-матери не было, так нам шо? Они зашли, ничего нету [...]

КФЭЭ-2004.

АК 3107. Станица Вышестеблиевская.

Инф.: Филиппенко (Кириченко) Нина Васильевна (1929 г.р.), казачка.

Кириченковы казаки булы. А теперь кто мы, не знаем. Мама с Титаровки сама, а вышла замуж сюда за Кириченко. А в Кириченко было много детей. Було четыре брата, четыре сестры. Какие замужем, какие не замужем были.

Жили вместе, а когда начала раскулачивать, 29-й год, 33-й, за семь дней шесть человек похоронили от голода. Отец уже при смерти, опухший был от голода, а детей кормили, «там [дэ] якый кусочок». А они всё равно не выжили, дети.

КФЭЭ-2004.

АК 3123. Станица Вышестеблиевская.

Инф.: Кривонос Яков Андреевич (1922 г.р.), казак; Якименко Александр Сергеевич (1916 г.р.), казак; Якименко Федор Степанович (1923 г.р.), казак.

[...] Люды бурьян йилы, пухлы, умыралы, стоко людэи поумырало. [...] Голод произошел просто, я ны пойму, какой-то спициальный, я считаю, шо спициально, враг якый-то тут був, [...], делав голод. Это врагы спициально, шоб люди ишлы против советской власти, вот оны и творылы. И кто же? Самэ начальство, я ж то ны прыкажу вам [...].

Ныззя сказать, шоб и урожаю ны було, и урожай був, а вообще зэрно забыралы. Як ото говорят, под метлу. Вывозылы всё в государство. А куда тэ государство? Кого воно кормыло? Но

крестьянина оставылы голодного. [...] Тода ж з району прысылають там уполномоченные, «комсоды» лазылы кругом, искалы хлеб.

Во время голода много умерло станичников. После войны, Отечественной, рассказуют же ш, шо Сталин творыв на Украине! Там вообще, приказав Хрущову, шо вывизты хлеб, весь начисто. А людэй голодних оставылы. Скикэ там поумэрло людэй! Страшно поумэрло! У нас на Кубани, Бог мыловав, выдть вин пожалив. А вот як за Славянской, там станиця Полтавска була, вона, сразу Протока, Славенська и от это Полтавска. Так йи вообще унычтожылы. Красноармейцив прыгнали, всех выбылы, выстрэлялы, и вона щас называеця Красноармейска.

В голод спасались рыбой. Так и говорят, шо эти лыманы и спаслы людэй, рыба была [...]. Пухлые были люды, [...] плохо питались, потому шо негде його было взять, но ны слыхать було шоб так сыльно вымыралы.

КФЭЭ-2004.

АК 3124. Станица Вышестеблневская.

Инф.: Якименко Федор Степанович (1923 г.р.), казак; Черненко Михаил Яковлевич (1923 г.р.), казак; Черненко (Лютая) Нина Антоновна (1928 г.р.), иногородняя.

М.Я.: Я помню как забирали хлеб, [...] пришли к нам, спрашуют: «Яков Яковлевич, хлеб есть?». Он говорит: «Нету» – «А если найдем?». Отец говорэ: «Ищите». У нас был такой закрот сделанный, цементный. Один долбанул его там чем-то, и на этом оны и ушлы. Затем мы немного пожили тут, хлеба конечно не было, и мы переехали в Крым, в Керчь. Отец устроился на работу [...] и мы ны голодували. А котори остальсы тут люды, то много вымэрлы [...]. Их спасал токо лиман, рыба тут была [...]. Много, конечно, умерло, а то як-то так пережили.

Н.А.: У нас була корова [...]. Папа возъмэ молока, пидэ, наминае рыбы и таким образом мы ны пухлы. Голодни булы, хлиба нэ було, но хочь рыбой мы накормлени.

[Рыбу варили, солили, сушили].

Тода судили очень сильно [...], власть судила за колосок [поднятый в поле]. Там собрав и, значить, скоко там, 3, 5, 8 лет за колоскы [...]. Отца судылы булы [...], отец был завфермой овцеводческой, а потом его послали на переподготовку. В это время, когда он был на переподготовке, рабочие с фермы,

колхозники назывались тоди, собирали колоски, и его, как организатора, судили. Месяц он просидел и его отпустили, как незаконно.

Тихорецкий р-н

КФЭЭ-1996.

АК № 1044. Станица Архангельская.

**Инф.: Пелипенко Василий Филиппович (1913 г. р.),
иностранец.**

[Причины голода?]

– Увезли хлеб отсюда. Выметали все подряд. Не оставалось ничего. Приезжал Михал Иванович Калинин. Жители написали письма о том, что они голодные, кушать нечего. И весной, в тридцать третьем году, в начале марта приезжал Калинин сюда.

Голод был. Ходили отряды, комсомольцы ходили, я ходил – хлеб весь забирали. Зажиточных выселяли, 66 семей. С семьями выслали. И 150, кажется, так выслали. Большинство выселяли тех, кто не хотел работать в колхозе. Кто не шел в колхоз... Но в отношении казаков – нет, по-разному смотрели. Те, которые выступали против советской власти, их наказывали. Наказывали, выселяли, расстреливали.

[Мне в Фастовецкой рассказывали, что расстреливали здесь, на Козловой балке.]

– Может быть и на Козловой балке расстреливали. Но я знаю такой случай. Вот этот С. мне рассказал. Он долго не рассказывал, а потом рассказал. Как-то сели мы с ним, разговорились. Он говорит, что из станицы Новорождественской выслали почти всех жителей. Для окончательного выселения пришла машина. Собрали пятнадцать мужчин. Посадили в машину. Привезли... Здесь у реки Челбас вырыта яма. Выстроили их всех около ямы. Там же команда какая-то была. Расстреляли и закопали. И шофер, знакомый был этого С., прибежал домой: «Меня всё равно расстреляют, потому что я видел как расстреливали людей, ни за что – ни про что. Может быть они в чем виноватые. Но при мне они ничего не сделали. Они сидели, курили, разговаривали. И на машине приехали, и там всех расстреляли, закопали. За мной завтра придут». Прибежал домой, схватил деньги, документы и скрылся. Вот я такой случай знаю.

КФЭЭ-1996.

АК 937. Станица Новорождественская.

Инф.: Сивцов Степан Иванович, (1909 г.р.), казак.

...И выселялы и «шайками» расстреливалы, и голодом томили, и шо тильки не делали тут. Да, тридцать третий, тридцать второй. Значит так. В двадцать втором году убрали хлеб, а потом неврожай, понял? Вот тебе голод образовался. А потом когда при «нэпи» стали люды багато жить, так... В амбарах было [много] хлиба и пишла развеска [продразвёрстка], понятно? Развеска пошла и забрали хлеб, на Кубани и Крыму забрали хлеб. Ничо не оставили и никому ничо. Даже шукали ямы, в ямах хдеб. Да тут не одни казаки были. Сталин на основании коллективизации и ликвидации кулачества... Да у кого хлеба того не было. Хоть бы ты там расеиц, хоть бы ты казак, раз хлеб есть, значит давай. Да ета хлеба мало, кажутъ. Ешо вы там не выполнили много [план]. Тут ешо был какой-то, у Растове сидел, забыл как ево фамилия [первый секретарь], да ладно. Дак вот, как зашли и забрали в каво картошки были, и всё забрали. Потом шабаташ [саботаж] сказали, што шабаташ в станице, [станлица] на «чёрной доске». Ну, на «чёрной доске», значит это такая станица, шо самая худшая станица, против советской власти пошла. Выселялы, дохли люды, дохли голодные.

А чёрти куда [выселялы]. Куда дальше. Вышлют в лес – у лесу, скрозь. На север и где только хочешь. А это уже когда докатились, что уже надо сеять хлеб, а некому. Тада начали тут, у станице. Отобрали у местных, кто там остался, выгнали. Туды, у пустые хаты значит, прислали переселенцов. Вот это они тут живут.

КФЭЭ-1996.

АК 939. Станица Новорождественская.

Инф.: Лунев Алексей Николаевич (1919 г.р.); Коплин Леонтий Митрофанович (1913 г.р.), казак.

А.Н.: Коллективизация началась вроде добровольно. Ну, вот приходит [человек в Совет], «комсод» сидит, вызывает: «Алексей Иванович, надо в колхоз вступать». «Да вот дома надо посоветоваться». «Надо». Ну, когда ничо, а когда сидит у «комсоде» с политотдела: «Ну чо ты, подумай». А сам с кобуры вытаскивает пистолет и ложит [на стол]. Дает понять.

Выселяли, [а] сюда присылали с России, с Воронежской области. Много прислали. Были и сами приезжали. Были – прямо с армии. Ну, куда? На Кубань. Там людей нету. Ну, говорят, так люди там такие нехорошие, не хотят работать, а там надо работать, надо землю пахать. Так им говорили там. Ну приезжают. Вот меня выслали, дом стоял. Вот это твой дом, занимай и живи.

Та так же одинаково [равные права у казаков и переселенцев], не подразделялось.

Это когда в тридцать третьем «саботаж» был, было такое, этих [переселенцев] поддерживали, а местных..., на «черной доске» станица была, как противники советской власти. Ну много было глупостей.

Л.М.: Тут же казаков если есть, то осталась сотая [часть]. Их не выслали, а просто они померли [в голод] много. Второе, коллективизация началась. Они не идут в колхоз, их расстреливали. Ну, за станицей. Ну расстреляли моего отца.

КФЭЭ-1996.

АК 986. Станица Фастовецкая.

Инф.: Резников Пётр Иванович (1918 г.р.), казак.

В голод питались кожей, собирали на полях пшеницу, ели лошадиный корм. В школе некоторым давали паёк. Очень скоро умерла мать. У сестры умерли дети. На улицах через двести – триста метров лежали трупы. Их подбирали и хоронили где придётся. Я остался один. Меня сдали в приют. В подвале приюта лежали трупы мёртвых детей. Была одна старуха, которая заманивала детей к себе домой, убивала и съедала. У меня умерла сестра. Другая сестра забрала меня в город.

КФЭЭ-1996.

АК 985. Станица Фастовецкая.

Инф.: Безгин Иван Иванович (1923 г.р.), казак.

Ну, сама коллективизация это еще ничево не значит. Кто победней, значит первые пошли. Соответственно богатые не пошли в колхоз, это ясно. А потом вот, это в двадцать девятом, тридцатом году. А в тридцать втором году уже это искусственно, начали ходить [комсоводцы], надо было зерно, и неурожай был до этого.

Не знаю, но надо было государству зерно. А кода это всё пошло, ... люди начали прятать зерно, и кто бедный, кто богатый – все подряд. Начали всё это вытаскивать, выбирать «камсоды» специальные ходили, комитеты содействия. Это два, три человека, их боялись как огня. Я помню, мне было лет девять наверное, и утето как увидел, «камсод», Боже!... А оставалось – у ково пуд, у ково ничево. А всё [равно] сдирали, всё драли. Вот нас, дитишек, кто в школу ходил, поддерживали горячими завтраками в школе. Прийдем в школу, там значит покормят этой баландой, или как она называлась, ну, в общем, крупа там, мука кукурузная сваренная. Утето давали в школе.

Выселяли много. И на моей памяти. Вот этих, Берлизовых, при мне, там через два двора [жили]. Выселяли. Крик был. На подводу посадили и дитишек. Ну, в общем, подвода и шо с собой...

В тридцать третьем весной, я помню, голод был страшный. Пухлые люди, погибали. Я вот в школу ходил далеко, три километра туда. Идем оттуда, иду с товарищем. Заходим [к нему], у нево отец и мать готовы [умерли]. Страшно...

Кладбище у нас недалеко было, с километр. Там хоронили кто мог, или во дворах хоронили.

Я уже работал в колхозе, потому што лет с десяти, с одинацати мы там начиналы, то с лошадьми там чего, то воду носили. Так вот, в каждой бригаде была «черная» и «красная доска». Вот там, значит, если ты трудодень там или сколько не выработал, тебе на черную доску, а если выработал, значить на красную доску.

[Сколько погибло в голод] я точно не знаю, но знаю, што станица бала четырнадцать тысяч примерно, а после [голода] если одна треть осталась, то это хорошо. И улицы ликвидировались все. Улицы были все двухсторонние. Сейчас я назову какие. Пугачевская улица – односторонняя стала, а там за ней было еще три улицы. Конец этих трех улиц... Фастовецкая улица, она тогда, я не знаю как называлась, кварталами тогда были, была двухсторонняя. Щас до половины она двухсторонняя. Она три километра или три с половиной длиной. Казачья – односторонняя,

тоже около трех километров. Дальше, Краснопартизанская, двухсторонняя была, – односторонняя. И несколько улиц вообще их не стало [после 1933 г.].

[Переселенцы, которые заселяли станицу после голода], с Украины и из тех мест, утут вот Белорусия, тамбовчане. Там тоже голод большой был. И начали так называемые переселенцы сюда ехать, обыкновенные русские люди. И вот это мы почему знали, потому что мы с их детьми начали дружить и так они жили и прижились, ничё, не обижали [их]. И они в эти пустые хаты, их заселили и всё. Хочеш жить, значить работай.

Успенский р-н

КФЭЭ-1999.

АК 2031. Станица Николаевская.

Инф.: Караченцев Николай Григорьевич (1921 г. р.), казак.

– 1933 г. – это не просто голодовка была по недороду. А просто кому-то надо было, чтобы казаки снова поднялись против советской власти. Всё забирали: горох, фасоль. Всё побили. Такими штырями стены пробивали, в подполье шурудили. Всё забирали. А люди остались голодные. Вымирали улицами. Сейчас в западной части станицы двадцати-тридцати улиц нету совсем. Поэтому из казаков сейчас осталось очень мало. Еще немного есть казачек, которые что-то помнят. Но, в основном, все приезжие, все молодые.

Усть-Лабинский р-н

КФЭЭ-2008.

АК 4069. Станица Некрасовская.

Инф.: Солодовникова Александра Стефановна (1928 г. р.)

– В 33-м году голод был страшный. А мы на хуторе Кобозеве жили с 32-го. Вот выбирали всё. Мама поставила сырой картошки в чугунок и в печку... Вот говорят, Сталин. А какой

Сталин, когда наша, нашинская, хуторская в «комсоде» была. Пришла, а нечего уже брать. Она полезла в печку, вынает картошку. Мама просит: «Пашка, ну двое детей. Ну, чего ты картошку забираешь? Много там той картошки?!» Она засмеялась. Я как сейчас помню, засмеялась и в мешок высыпала эту картошку и пошла. А мы чего ели. То лебеды этой натолкуть, листьев этих намнуть и ели. И у меня еще был в 32-м году братик Коля, полтора года. И сажали картошку в поле. А у мамы косы были большие, и она в косы замотала две картошины и принесла. И сварила. А постелей не было, все позабирали. Вот кровать деревянная, а на ней палки и камыш лежали. И мама с папой на кровати, а мне постелили камыш на полу, я на камыше спала. И мама меня поставила на койку, чтобы я Колю держала, чтобы он не упал. А он просит, ручку тянет: «Мама, йисть!». Она сварила эту картошечку и даёт ему: «Коля нехай ест, а ты большая». И Коле дала. И Коля взял эту картошечку двумя ручками и ест, а я стою Колю охраняю. Коля потом лёг и картошечка во рту. Лежит навзничь. А я: «Мама, а Коля картошечку ны йисть!». Мы до Коли, а Коля мёртвый. Приходит папа. Мама плачет, что Коля помер. А он молится: «Ну, слава Богу, Господь прибрал. Кабы ещё и эту Господь прибрал», – на меня. Но меня Господь и доси держит. Вот они ему ящичек сбили. А куда его отнесли, чи на кладбище, не знаю.

А в колхозе были уже ясли. В яслях были заведующие, няньки – едят все. А нам баланды какой-нибудь сварят, дадут. Лебеда была выше хаты у нас. И ели эту лебеду, акацию молодую обрывали. А няньки в яслях картошку почистят, выкинут [очистки] на солнце. А они на солнце позаворачиваются, а мы с Мишей Вакулиным деремся за эти корки. Корки эти едим. Но я убежала с этих ясель. Бурьяны были страшные. Спрячусь и не видать меня в бурьяне. Потом домой прибежала. Ни дверей в нашей хате уже не было, ни стекла ни одного, а всё равно домой тянуло. Приду, упаду на камыш и лежу. А няньки за нас всё-таки отвечали. И вот они приходят за мной домой, ведут назад, ругают. А я их не боялась. Потом одна говорит: «Пойдем, я тебе меду дам». А у них и мед, и хлеб был. Но нам не давали ничего. Ну, привели меня, отрезали хлеба кусок, помазали медом. Одна подносит мне хлеб с этим медом, а другая подходит – хватить этот хлеб: «И помажут, и покажут, и покушать вот дадут». Дулю

скрутила мне под нос. И не дали мне ничего. Я переночевала там, а на другой день опять убегла. Сижу дома. А родители на работе. На таборе на том день и ночь работают. Умирает там кто, не было кому их похоронить. А не работать нельзя, а то баланды не дадут. Тогда няньки меня опять забрали и на кухню до поварихи. Закрыли меня на кухне, а ей приказали, чтобы глядела за мной. А я гляжу, она мясо режет, картошку чистит, хлеб лежит. А я: «Теть Наташа, это нам?». Она заплакала и говорит: «Мои деточки, да ничего вы не знаете, что делается!». А эти няни вышли, где школа была, и частушки там поют. Вот они ели, а дети с голоду умирали.

– *Много людей умерло?*

– Не знаю как в станице, я на хуторе жила. Знаю, что ездил один глухонемой на быках. Он собирал трупы по станице. Один лежит, еще ворочается – он туда его, на мажару. Он собрал их, везет на кладбище. Там яму выкопали общую. А он одну девочку еще живую вынул из той ямы и вырастил. Она ему как дочка была.

КФЭЭ-2008.

АК 4040. Станица Новолабинская.

Инф.: Серикова Мария Алексеевна (1916 г. р.), казачка.

– [В 1933 г.] Были специально нанятые люди. Б. была, живая еще. Г. ходила. У кого что есть всё забирали. Обобрали нас. А мы бурьян ели. И люди умирали в домах зарáz по три, по четыре человека. У меня самой никого не осталось после голода. Я на карачках ползала и ела одну траву.

– *У вас, говорят, общая могила есть?*

– Да. Копали эту могилы трактором. Помню, как грузили этих людей на подводу, голых. И подвозят к яме, сваливают один на одного, как попало. У меня у самой на огороде трое закопано. Не на чем было их отвезти на кладбище. Ни гробов, ничего не было.

– *Людоедство в станице было?*

– Было. Было такое, что закопали люди своего в канавке, а есть то хочется. Они пошли, это наши сваты были, отрыли, а он чуть-чуть присыпанный... Бросали и в канавы, и кругом, и ели. И собак ели, и кошек ели, и крыс ели. Всё-всё ели.

КФЭЭ-2008.

АК 4041. Станица Новолабинская.

Инф.: Хамчичёва Агриппина Ивановна (1917 г.р.),
иностранка.

– *А вы голод помните?*

– Ой! Мёрли мы. Пойдёшь [просить] – кто дасть, а кто не дасть. По нашей улице прямо на тачке возили мертвых.

– *На кладбище хоронили?*

– На кладбище, по ту сторону. И сейчас эта ямка и могилка [есть].

– *А почему голод случился?*

– Потому что советская власть стала «кулаков» ссылать, всё забирать.

– *Так забирали только у «кулаков» или у всех подряд?*

– Ну, если мы бедные были, у нас брать нечего, то нас и не трогали.

– *А кто забирал?*

– «Комсода».

– *Местные?*

– Конечно, местные.

– *Говорят, в станице бурьян стоял выше головы?*

– А бурьян! Лежит покойник, а его и не видать.

КФЭЭ-2008.

АК 4042. Станица Новолабинская.

Инф.: Кравченко Евдокия Тихоновна (1926 г.р.); Кравченко
Иван Васильевич (1925 г.р.)

Е.Т.: – Из лебеды пышки пекли... [В колхозе] кто принесет фасоли или чего, тому какого-нибудь бульона сварят. Если соли не принес, значит тебе несоленое.

Было такое время, что ничего не было. Дадут по стакану семечек, всем не хватило – давай отбирать. Кто убежал, тот полный стакан притащил. А кто... Как я была такая, что неопытная, несмелая – значит нам уже досталось по полстакана.

– *Люди умирали от голода?*

Е. Т.: – У нас в станице две общих могилы. Везли на тачках туда, сбрасывали.

И. В.: – А мы не голодовали. У меня отец работал на мельнице. А ему давали там муки. И у нас дома, если что пекли, то сразу и съедали. А то «комсод» отберет.

– *А голод почему случился?*

Е. Т.: – А кто его знает. Всё отбирали. Мой отец два ведра пшеницы в плитку спрятал. А в печке у нас стоял чугунок кукурузы, уже сваренный. Пришел «комсод» и эту кукурузу забрали. А у нас бабушка была инвалидка. Вот я с ней на печке сижу. И вот отец спрятал два ведра пшеницы. А «комсодовцы» всё, даже бороны и сеялки поразбивали, и нашли они у отца эти два ведра пшеницы и дали ему десять лет. Ну, он, правда, отсидел шесть месяцев.

– *А «комсоды» были местные?*

И.В.: – Да, местные. У нас этот С. ходил, хромой. Я его чуть не убил. Он ходил, сосед у нас, Б., потом В. Много таких было.

– *А людей выселяли из станицы?*

И.В.: – «Кулаков». А какой он кулак? Лошадей держит – кулак. Пара лошадей, земля своя – кулак. Вот тут дедушка жил. У него было три девки. И их раскулачили. Он даже батраков не держал. Пара лошадей было. А вообще земли мало. Только он один пользовался землею. Его, правда, никуда не выслали.

КФЭЭ-2008.

АК 4048. Станица Новолабинская.

Инф.: Щурова Александра Алексеевна (1920 г. р.), казачка.

– Я всю станицу и не знаю. Старые почти все поумирали. А молодежь – все приезжие. У тридцать третьем году передохли все люди. Все передохли, а дома пооставались, хаты пустые. Начали туда плановых переселенцев приглашать: с Украины, откуда только не приезжали. А плановые переселенцы приехали – им сразу корову дали, хлеба дали. А свои люди подошли с голоду. Всё забирали, до дна. Придуть – мыла брусок и тот брали. Свекруха рассказывала: уже брали-брали, забирали всё, что приобретали люди. А кувшинов раньше много было. Только в кувшинах молоко было. А плетни были с колами. Она сумочки пошила и в эти кувшины. А кувшины на колы, там не найдут. И там нашли. Это спасибо, что по улице росла лебеда и шерйца, ровно с домом. Вот такая тропинка только была, ходить некому было. У всех ноги были пухлые. Тропинка узенькая была. И вот нарвешь листвы, накрошеш, кипятком обдаш, вот так выжмешь и ешь. Ни соли не было, ничего не было. Цинга повыведала у людей зубы все. Все беззубые люди были. Да не дай Бог!

– *А рыбу ловить не ходили?*

– Какая там рыба! Человек был нѣмощный! Кротов копали и ели, лягушек ловили и ели. Я пришла один раз до родни. А дед наловил этих лягушек. А я их как боюсь. А они глаза повылупляли у ведре (он их кипятком ошпарил). А у них мясо белое-белое, как курятина. И собак ели, и кошек ели. Всѣ ели.

– *А людей?*

– Что людей, не слыхала. А там жили мы, пожарка была. А в пожарке лошади были. На лошадях тогда пожарка была. И много тогда лошадей было. И лошади с голоду дохли. И как сдохнет коняка – народу. Тянуть кто чего. Кому что достанется. Да не дай Бог!

– *Получается, что в станице плановых переселенцев больше, чем коренных?*

– Конечно! Коренные попередохли уже все. Были три общих ямы на кладбище. Там такие длинные ямы. Там одна только обозначенная, люди сделали свои, памятник обделали. А вот тут сразу, где ворота, была [ещѣ одна]. А потом туды дальше, где Чубукин Сашка схоронен, там была яма. И вот это возили... У кого были коровки, заставляли их мертвых возить, подбирать. Вот он шел на работу, упал – и всѣ. Ноги у него грязные. В рядюшку кто замотают, кто как. На эти подводы кладут и везут. Кто на тачке везет. А туды подвозят к яме, там багры такие железные. И вот так баграми, и туды их, в яму. А раньше женщины без штанов ходили. У кого задерется всѣ. А тетка у меня была, она божественная была, всю жизнь замуж не выходила, полезет в эту яму по мертвым, расправляла у них одѣжу. Забирали всѣ. До тла забирали. И где подушка, и где рядюшка – всѣ гребли. «Комсод» был такой.

– *А они не голодали?*

– Они забирали всѣ. И подушки, и рядюшки. Понажились.

– *Это приезжие были?*

– Местные.

– *А фамилии не помните?*

– Да ну их! Не хочу и вспоминать.

– *А как к ним потом люди относились, когда всѣ закончилось?*

– Да также и относились. А чѣ будешь делать? Вот тут у нас недалеко жила С. Также и разговаривали. Грубые были такие. А куда денешься?

– *А они были?*

– Нет, они тоже приезжие.

– Люди не мстили им?

– Нет.

– А в вашей семье все выжили?

– А у нас в семье мы выжили. Почему мы выжили? Мы жили, я ж тебе говорила, две хаты у нас в одном дворе. Но когда наш отец отделился, то бабушка и сын меньший, и старшая дочка остались в коренной хате. А мы с отцом, у него трое детей было. Я от одной матери, и от другой двое. И мы имели на два двора корову. И корову эту в хате держали. И до койки привязывали, чтобы не украли. А у нас чулан был, и она в чулане была. И у нас молочко было. А потом вот эти ребята, двое, что я рассказывала вам, они были подростки. А там был колхоз и там был длинный кирпичный сарай. И возили кукурузу туда. Ворота железные. Откроют было кукурузу, а мы ж дети, и вот везут, а она там сыпется. А мы на коленках ее собираем. Нас отгоняют, а мы собираем. А эти ребята подружились с одним дядькой. Он из воров был, такой здоровый дядька. Ну, подружились и: «Ребята, пошли». Кирпич выломал. И оттуда кукурузки качан. Вот так мы выживали, а то бы тоже подошли.

И вот мы так все остались живы и никто не умер. А люди с голоду помирали. А свекруха у нас толстая была, центнер с лишним. А потом была такая вот – руками себя перехватывала. Худая такая. Потом сделали площадку для таких немочных, варили бурду эту. И вот она с кувшинчиком пойдет. Идет-идет, зацепится за этот бурьян – упала, и кувшинчик разлился. А мой муж работал в совете посыльным и говорит ей: «Мама, не ходи. Я буду тебе сам носить». Выжили.

А на осень тыквачи уродились.

КФЭЭ-2008.

АК 4055. Станица Новолабинская.

Инф.: Филипская Евгения Дмитриевна (1932 г.р.)

Много, сказывали, умирали. Одна женщина выжила с голода, так говорит, что много поумирало. Приходят, всё забирают.

В степь колоски ходили ночью воровать, чтобы выжить. Питались кто чем. Корни какие-то ходили на кручу копать. Мы приехали – ничего не было. Мало людей было. Населяли. Потом

поприезжали кто откуда. Местных мало было. Все ж поумирили в голод.

Отовсюду в станицу люди населялись. Где кто услышит – сюда и едут. Мы с Вологды приехали. Четыре столба поставили, затурлучили абы чем, обмазали их, чтобы переспать где было.

КФЭЭ-2008.

АК 4023. Станица Тенгинская.

Инф.: Воткулова А.М. (1915 г.р.)

– [Из-за чего был голод 1933г.?)

– Комсомольцы всё отбирали. Был «комсод», по 10-12 человек. У них были железные, длинные костыли. На кладбище были ограды, так они ограды ломали для костыля. Идет, «дрынь-дрынь костылями»... Что найдут, всё забирают.

У моего дяди и тётки семеро детей было. Даки пришли и всё забрали. У них [дяди] мальчик калека был, ножками, они сказали: «Подними его». Подняли, а под ним сумочка кукурузы... Поэтому и голод был, что забирали. У дяди жена пойдет к матери, а её перестрелят и забирают что несёт. Даки один за другим умирали. Первая она умерла. А её хоронила сестра мужава. Она была казачка, но за мужиком замужем. Их не трогали, они корову держали.

– [То есть только казаков трогали?]

– Да. И она их усех хоронила в общей могиле. Я свою сестру тоже в общей зоронила.

Отец у нас был рыбак, его друзья носили мене рыбы, а я сетя вязала, и мы с мамой рыбой выживали. Потом мама тоже умерла.

Нашу хату ломали на топливо, рядом «комсод» жил, он топил себе хату.

РЕСПУБЛИКА АДЫГЕЯ

Гиагинский р-н

КФЭЭ-2006.

АК 3505. Станица Дондуковская.

Инф.: Люлюков Александр Васильевич (1919 г. р.), казак.

Раньше в станице жили мирные черкесы. И хорошие ребята были, прямо хорошие. Помогали, делились в голодные годы, в 32-м – 33-м годах.

КФЭЭ-2006.

АК 3509. Станица Дондуковская.

Инф.: Будников Федор Никитович (1918 г. р.)

Мы в 1933 г. выехали отсюда в хутор Духовской, Гулькевичского района. Брат отцов приехал и забрал нас туда. Иначе бы подошли с голоду. Тут вообще ничего не было. А там мы в коммуне были. Мы там жили четыре года.

КФЭЭ-2006.

АК 3562. Станица Келермесская.

Инф.: Бобрышева Матрена Алексеевна (1927 г. р.), казачка.

В 33-м году голод был страшный. А у меня брат был старший и сестра, старше меня на два года, и я. Вот мы и остались.

У нас была коза. А голод же. А мы хотели её доить. А она окотилась только. Мы ее завели в коридор, стали. Брат старший начинает дергать [за дойки], а она рогом как дала, он – шлеп: «Ах, тудыт твою растудыт». Схватил ее, как швыранет из коридора. А она встала на ноги: «э-те-те». А он говорит: «Ну, раз молока мы не надоили, давайте зарежем ласточку». А ласточки в коридоре гнездо свили и там жили. Мы ту ласточку поймали и зарезали...

[– *В голод много людей померло?*]

– В нашей семье было десять детей. С отцом и матерью – двенадцать. Осталось – четыре [человека].

[– *И все погибли во время голода?*]

– Да. В один день умирали двое. И на первый день Пасхи. Отец лежит на постели умирает, а братишка на лавке. Умирает и говорит: «Дайте мне хоть половинку яичечка покушать. Я умираю». А нема ничего. Вода одна стоит, да и всё. И ветка вербы

в хате лежит. Знаете, как долго голодные умирают. По пятеро суток. Харчат люди. Вот такая пена, толщиной с палец, розовая идет. И мы пухлые дюже были. Но мы как-то отошли, а эти поумирали. И зайдешь в хату: один человек на печке лежит, другой на полу лежит, третий на кровати лежит [мёртвые]. Едет подвода, корова запряженная. Везет мертвых. Доезжает до рва и скидывают в него людей. Поехали дальше. Приезжают еще раз, а там ни могилки, ничего нет. Они их так поскидывали, как дрова, повернулись и поехали.

[– *Говорят, что даже живых забирали, если видели, что он умрёт?*]

– Да. Так выйдешь на улицу, глянешь: то там лежит, то там. А то за бардой ходили в голодовку. Идешь по улице среди мёртвых. Смотришь, у одного столичко барды в мешке лежит... Страсть была! А вон какая была невыносимая!

Я войну пережила и голод пережила. И всем говорю, лучше война чем голод. В войну убили – убили. Значит всё. А голод – это очень тяжелое время. Мучились люди.

[– *А хоронили на кладбище?*]

– У нас двое сразу умерли. Приехала подвода. Мы их в дерюжку замотали и туда бросили. И их увезли на кладбище. А девочка была, полтора года было, сидела в люльке. Одно губы облизывала. Мама говорила: «Вы ей хоть водички давайте». Мы воды поднесем – она глотнет глоток. Умерла. Мы в огороде выкопали ямочку, люльку с ней туда поставили и закопали. Прямо в люльке. Прямо на огороде.

[– *А кто ездил собирал мёртвых? Это станичники?*]

– Станичники.

[– *А у них откуда силы были грузить людей?*]

– Возили те, у кого коровы были. На коровах же возили. Эти хоть молочка могли подоить. Ходили люди черемшу собирали в лесу, бурьян всякий. С молоком смешают, поедят. А у кого не было, эти все умирали. Интересно что, было и зерно, была и фасоль, были и семечки. Комиссия такая ходила, всё забирали до зернинки. У нас и корову хотели забрать. Мама отцу говорит: «Слушай, продай её. Её всё равно у нас заберут». «Да как же я продам, у меня детей сколько». «Продай, заберут». Он её только продал, а на другой день пришли её забирать. А её у нас нет уже. Ну, и что мы с этими деньгами? Такая семья...

[– А в этой комиссии кто состоял?]

– Станичники, наши.

[– И казаки?]

– Там не понимали. Все.

Майкопский р-он

КФЭЭ-1993.

АК 447. Станица Абадзехская

Инф.: Чернышев Александр Викторович (1965 г.р), казак ст.

Новосвободная; Романенко Пётр Яковлевич (1923 г.р.)

А.В. рассказывает о семье своего отца, который воспитывался у отчима. Вся семья отчима умерла в 1933 году, кроме него, потому что он был старшим по возрасту и ушёл в Грозный на заработки.

Старшие о голоде помнят. Отмечают, что в этой местности растёт яблоня-дичка, её собирали, сушили, перетирали на муку, немножко добавляли кукурузной и этим спасались.

У людей всё забирали, «подмита́ли». Люди шли в колхоз, плакали.

П.Я.: В 33 году мне уже 10 лет было, я уже помню это всё. Семьями вымирали. Семьи были от 15 до 20 человек. Два-три сына, жены и все вместе, все работают.

Мать послала к соседям [Павловым] за чем-то, не помню. [А они]: дед, бабка, сын, невестка, две дочки – все мёртвые.

[Рядом с П.Я. кладбище]. Так я считал это всё. Вымерло пол станицы в 33-ий год.

Почему так? Мать ездила в Баку, в Баку не было голода, кукурузы привозила. Пешком в Майкоп ходили, до Армавира. Всё вымели. Выгребали так: придут в дом, несмотря что 15-20 человек семья, с потолка всю сушку, картофель где в земле, всё выгребут, что в печке. На голод [людей] оставляли.

Кто? Представитель района и наши местные общественные энтузиасты.

[– Почему это делали не объясняли?]

– Причина – за неповиновение [налога]. Забирали всё.

У кого семья, силы есть, выроют яму. Пока покойника привезут, там уже полно. Кто привезёт, кто принесёт, кого на

тканой дерюжке приволокут. Пока кто вырыл яму, а там уже набросали [умерших]. Ужас шо творилось. 60, а то и 70 процентов домов пустые остались. И вот тогда лучшие дома перевезли в Тульскую.

КФЭЭ-1993.

АК 453. Станица Абадзехская.

Инф.: Козьменко Трофим Семенович (1906 г.р.), казак.

Я помню хорошо революцию. Как шли казаки. Тут был этот, Деникин, генерал. Он возглавлял армию казачью. Многие шли туда наши казаки. А некоторые шли не в казаки, а в большевики. Против казаков. И казаки делали нехорошо. И эти... Расстреливали. Там на памятнике есть. В нашей станице казаки расстреляли всего шесть человек. А когда уже пришли будёновцы, расстреляли много. В одной могиле двадцать восемь человек. А так я не знаю сколько по сторонам [в других станицах]. В Даховской памятник поставили. Там сорок человек расстреляно. Два или три уехали. Остальных расстреляли. Свалили и закопали. Тогда был лозунг Ленина: «Стереть с лица земли казачество».

Люди голодные мёрли. В тридцать третьем году. Хоронили, в дерюжку [и] ховають».

[Отец и старший брат Т.С. были раскулачены и сосланы на север. Причиной послужил отказ отца сдать колхозу свое имущество и, в первую очередь, скот и зерно. В 1933 году Трофим Семенович был исключен из колхоза как сын кулака. Семь месяцев провел в тюрьме г. Армавира.]

КФЭЭ-1993.

АК 487. Станица Безводная.

Инф.: Доценко Анастасия Павловна (1912 г.р.), казачка.

Тридцать третий? На своей памяти три голода пережила. В двадцать втором году у нас была голодовка, не потому шо недород, а недород получился на чистых степях... А у нас был урожай. Тогда мой отец был раненый, дома он был. Узяв, выменяв лошадь за зерно. Тоди была своя худоба. А мать говорит, а мы как? А он сапожник хороший, славился. Со всех сёл везли товар ему. А он говорит: «А, чепуха, пару «гусаков» сошью, тут кукурузу и принесут» [как плату]. А тут [в 1933 г.] как надвинулись сюды, как наехали [беженцы]. И пришлось нам

голодать добрэ. Да отседова ш, нашего Краснодарского края много наехало: Расшеватка, с Успенки люди тут были. Тут пустая мельница была, уже на ей не работали, полная мельница [людей]. У соседей у земле была сделанная баня, и полно в бани той [людей]. Та не дай Бог шо творылось. Наши не мёрли у двадцать втором, а наезжих много помирало, не могли прокормиться. Но много и спасшихся. Это первый, а потом тридцать третий. Забирали зерно, был урожай, вывезли [куда-то]. Не разговаривали. [Не спрашивали], чем ты будешь жить?

А у нас, правда, с нашей семьи никто не помер, я красноармейка была, отец завоевывал за советскую власть. [Таких] чуток не совсем грабили, несерьёзно. Кабы б сами не схитрили, подошли б тоже. Дак это, мы зерна понарушили и захоронили. Ну как-то сумели мы пережить, трудно конечно.

За мной ешо брат родился, уже ему восемнадцать лет было. На производство гоняют, он ни там не вырабатывает [норму], ни там, уже начал пухнуть. Мать пришла с работы, я не работала, мать пришла: «Ты чево?». Тимошка опять дома. Ево ш послали на обводном, побыл, ничо ни зарабатывает. Они его направили, называли завод, завод порошковый. Ну, а там дали сто грамм груш сухих. Он пошел, он уже охлялый, чиво он можит у лесе сделать, ни вырабатывал. На другой день бригадир говорит кладовщику: «Дай ему двести грамм ишо груш, он парень хороший, но он уже ослаб, голодный, чо ш он может зарабатывать?». «Я, говорит [брат], получил, в карман высыпал, вышел, туда-сюда поглядел, ништо не наблюдает. Пошел помаленьку на дорожку и убег». Говорит: «Помру, так дома». Ну вот, понемножку сэкономили конечно, пережили. Много тут по нашему краю семьями вымирало. Щас лесом заросло, усе було заселёное, и всё, считай почти все вымерли. Там семьи три или четыре осталось. Тут вот, как я знаю, пятьдесят дворов по за речкой на нашем краю.

КФЭЭ-1993.

АК 495. Станица Безводная (прежнее название станицы – Прусская).

Инф.: Родовко Николай Тимофеевич (1923 г.р.)

Н.Т.: На Кубани сделали голодовку [искусственно]. Это, может частично, а может и сто процентов – правда. Приходили, приезжали комсомольцы собирать, что у кого на потолках.

Забирали всё: и фасоль, и кукурузу, и сухие груши, не говоря уже о картошке. Говорили нам, что нужен семенной фонд. Забирали всё, ничего людям не оставляли. А куда они всё девали – не знаю. Много людей попропадало. Грушу-дичку ели, крапиву. На грушах и крапиве долго не проживёшь. Люди пухли, умирали.

КФЭЭ-1993.

АК 462. Станица Курджипская.

Инф.: Белоусова Мария Павловна (1926г.р.) казачка; Белоусов Прокофий Матвеевич (1922 г.р.), казак.

В станице Курджипской каждый день от голода умирали 5-6 человек. Дети находили умерших людей на улице. В больших семьях выживало 2-3 человека.

От голода спасались травами, растениями, кореньями. Собирали цветы одуванчиков, черемшу, лебеду, бурьян и отпаривали в воде, отстаивали как тесто и ели. После этой еды очень болели. Травы мяли, сушили и мололи в муку, после пекли лепешки. В весенние месяцы собирали лягушек.

По воспоминаниям П.М. председатель колхоза выдавал, [тем кто работал в колхозе], каждой семье с детьми один килограмм кукурузной муки на неделю.

Самое страшное воспоминание связано с тем, как пришлось съесть ёжика. «Случайно поймали с братом. А дедушка по матери, Арсений Исаакович, говорил, чтобы матери не говорили. Он его в печку русскую [бросил]. Он там бедный хрюкал-хрюкал, там же жар. А потом умер... Он же обгорел, колючки обгорели. А дед взял разодрал его, внутренности выбросил. Соли не было. Вода соляная была. И вот обмочили его и так ели, а оно белое мясо, как курица.»

В эти годы у семей забирали не только продукты питания, но и имущество. Людям объясняли, что их имущество и продукты необходимы рабочим из других городов, так как там положение было еще сложнее.

Люди прятали продукты, но «комсорги» находили. «Мы спрятали с матерью кушины [кувшины] с фасолью и кукурузой и они, «комсорги», нашли. Мать укусила одного за руку». Комсоргами называли партийных членов колхоза, которые проводили обыски и занимались изъятием.

Станицу Курджипскую к 1932 году заселяли и казаки, и иногородние. По мнению местных жителей, «комсорги» не

отдавали приоритет более бедным семьям. Обыски проводили так же сурово, как и в зажиточных семьях, которые чаще всего были казацки. Семьи, оказавшие сопротивление, были высланы. На места тех семей, которые были высланы, компактно в 1932–33 гг. и позже поселили молодёжную коммуны.

КФЭЭ-1993.

АК 464. Станица Курджипская.

Инф.: Белоусова Мария Павловна (1926 г.р.); Уразова Мария Петровна (1916 г.р.); Лупета Анна Ивановна (1918 г.р.)

– Ну что, 33-й, его ж, голод, искусственно сделали. Он же ш не то что сказать не урожай, не стихийный, он искусственный. Всё забрали: и соленья, и сухофрукту и картошку, кукурузу. Всё, всё забрали.

– [А кто?]

– «Комсоды» были. Назначены были Советами. Ходили с подводами, всё забирали, так голод и сделали. Столько мира погибло. А чё ели? Траву: крапиву, разные коренья, зелёнку, которая растёт на деревьях. Какое барохло у людей было, ходили меняли. Рабочий район не голодовал. Апшеронка то не голодовала. А думали, шоб в колхоз [людей загнать].

КФЭЭ-1993.

АК 470. Станица Курджипская.

Инф.: Власенко Стефан Фёдорович (1905 г.р.)

Много поумерало [в 1933 г.]. Забрали всё дочиста. Облагали [развёрстка], а за што?

Забирал актив, в него люди сами шли.

Семьями умирали. Мой отец даже повесился, из-за того, что забрали всё. Груши сушеные, и те забрали.

КФЭЭ-1993.

АК 478. Станица Курджипская.

Инф-р: Уразов Иван Петрович (1920 г.р.), казак.

[...] Потом коллиktivизация началась. Это до коллиktivизации их [крепких хозяев] повыслали, а потом после коллективизации еще поотбирають. Потом тридцать третий, голодовка, хвосты [лошадиные] тут валялись, люди мертвые [...].

Если имеешь шо, кочан кукурузы, то это вжэ чуть ни «враг народа» был. Не должен ничо из продуктов диржать был. С лопатами [активисты] ходили, печки ковыряли. А в нас зимля была у хати [...] зимляной пол был, с лопатами и стукають – где, как , чиво [искали спрятанные продукты].

Ничо в хати не было... И груши забирали, от лесные сушили, позабирали всё. Но в нас было барахло. Отец взял сапоги хромовыи, ну жикетка такая, бобриковая называлась, взял и пошел туды, в Черниговская, Апшеронская, вот туды [...] менять. А там [в тех местах] кукуруза была, квасоля, турша кака-то. Выменял за эти сапоги там чо: блюдку хвасоли, пол-мешка груш зилёных, сухих... Дней пять-шесть хадил минять, принес, а мы за полчаса всё поели. Пухлые были все Ну я та пухлым не был, но худой прыхудой был. Крапиву ели. Тапором нарубав, наварыв, масло туда [добавили] машинное [...]. Масло машинное, шоб ни пригорали эти лепешки с крапивы. Налъешь туды масла, а потом поел и рвёшь.

Пережили всё.

КФЭЭ-1993.

АК 501. Станица Новосвободная (Царская).

Инф.: Горбунова Татьяна Павловна (1901 г.р.); Бараненкина М. (1910 г.р.)

Т.П. отмечала, что много станичников умерло в голод. Трое детей Т.П. умерли от голода в 1932 году. Пол станицы вымерло во время голода. «Люди пухли, молодёжь и дети вовсе умирали с голоду. Голод так был: идёт-идёт человек, упал – умер. [...] Заезжая девочка залезла в один дом, чужой. Пришла хозяйка, убила девочку за то, что она что-то съела. Убила её и выкинула в сад, хоронить не стала. [...] Во время голода в станице ели черемшу, барыню (белаым цветёт), чакан (початки)».

КФЭЭ-1993.

АК 461. Станица Севастопольская.

Инф.: Зашка Вера Власевна (1925 г.р.), казачка; Синько Варвара Николаевна (1927 г.р.), казачка.

Семьями умирали. Семья большая – все умерли. Всё забирали. На чердак спрячешь – достанут. Даже колоски не давали

собирать. «Комсоды» залезут и выгребают. Люди говорят им: «Ребята, хоть немного оставьте. У меня дети маленькие». Гребуть! Не знаем почему такой голод. Такая власть была. Корову, картошку, кукурузу взяли. Выгребали свои. Заставляли их. Отнесли всё в амбар и закрыли. А мы остались голодные. Крапиву ели, жёлуди ели. Что попадётся, подножный корм. Денег ни копейки. Половина не умерла, меньше.

Тута стена стояла, в гражданскую расстреливали. Около церкви, у ограды. У мамы отца расстрелялы, дядю. Камень аж кровью напитался. Сломали, увезли в Новосвободную, что то там построили с этого камня.

«Мы помним тридцать третий год. Это наша уже память. Семьями умирали. Семья большая. Забирали, подъезжали на подводах лошадьми и забирали. На чердак кукурузу ложили, не давали. Они залезают [«комсорги»] и сгребают. «Да вы че-нибудь оставьте, у меня ж дети».

«Такая власть была, забирали ничего не объясняли.»

По сведениям информантов, продукты прятали в земляные ямы: «картошку, кукурузу прятали, хоронились. А они ходят, шныряют, ищут по ангарам». «Нас трое детей было и у нас корову забрали. Папу нашего заставили в Майкоп гнать их скот. Свои же коровы. Он плакал, но гнал».

Обыски в станице Севастопольской проводили сами станичники: «Матина тётка... [К ним] нет ненависти. Пришли они, сказали: «Нас послали забрать у вас корову». Папа не дал. А потом уже вечером пришли другие. Забрали и в амбарах. И мы остались голодные. С мамой остались живы. [...]

Ели траву, крапиву, желуди ели, что попало, подножный корм. [...]

Из станицы не уходили, куда идти? Денег ни копейки, работы нету. Папа работал, ничего не получал и живи. А как мы жили? Не представляю. [...]

Умерли многие, не половина станицы, но многие. [...]

Один так и голову сыну отрубал. Да ел отец. Отец сыну. Значить ему есть хотелось, а дитю нет? [...]

Расстрелы были. Около церковной ограды расстреливали, у камня. Лет десять назад увезли камень. [...]

В 33-ем мы жили в старой хате, сейчас нет. Около нас умер мужчина. Пришел вечером. Корова еще была... Зашел там,

палочек наклал там в яме. Попросил переночевать. Мама его не пустила... А когда утром папа встал, а он мертвый уже лежит, около нас. Так папа его там и закопал. А чьей он фамилии, никто не знает. [...]

Давали по 100 грамм кукурузной муки. Одна очень слабенькая была. Пошла, получила эту муку. Села на полпути и съела эту муку. И пошла домой и умерла. А моя мать и еще одна пошли, ямочку выкопали, аккуратно мешок постелили и потом ремешком опустили туды. Чтоб хоть собаки не тронули. От такие были похороны. Все люди слабые были в 33-ем».

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКАЯ РЕСПУБЛИКА

Зеленчукский р-н

КФЭЭ-1998.

АК 1631. Станица Зеленчукская.

Инф.: Гуменская Анна Ивановна (1918 г.р.), казачка; Горин Алексей Иванович (1924 г.р.), казак; Горина Евдокия Антоновна (1925 г.р.), казачка.

Голод был в тридцать третьем. Был в сорок седьмом. Тоже очень много людей голодало. Но я такая была, шо не голодала, а люди были голодали.

А в тридцать третьем сильно вся семья голодала, не только семья, но очень много людей поумирало. Много. Передова станица, Надежна станица, Отрадн... И все до нас ходили, меняли вещи на питание. Кто кусок сала даст. У нас Карачаево-Черкессия, дак тут не так было. Раскулачили немножко людей, а часть пооставалась. Кто вперед пошел у колхоз, не сопротивлялся, тем лучше было. Голод был потому, что забрали в государство муку, картошку, кукурузу, такое всё. Забрало всё государство, потому что не пошли в колхоз. Вот и голодовали мы. В тридцать третьем сильный голод был. Где приходилось хоронили. На кладбище, и на лошадях провозили аш до Самойлова. Самойлова – это [на речке] круча, Самойлова называется. И на дороге помирали. Где кто помер, там и закапывали.

КФЭЭ-1998.

АК 1586. Станица Исправная.

Инф.: Лихолетов Василий Васильевич (1904 г.р.), казак.

Казачков выселяли недалёко, в Прикумский район. Нашу семью выслали в Прикумский р-н. Отца – на Урал. Имущество осталось хорошее, [но] всё забрали. Раскулачивали тех, кто имел хозяйство. Свои выселяли. Свои, справинцы. В час ночи приехали, забрали. «Павернись!», [пошли] в одну хату, «Павернись», [пошли] в другую.

КФЭЭ-1998.

АК 1665. Станица Кардоникская.

**Инф.: Скориков Константин Андреевич (1922 г.р.), казак;
Плотникова Матрёна Яковлевна (1907 г.р.), казак.**

- [Кто заселял станицу?]
- К.А.: Переселенцы с Украины, дед мой с Украины.
- [Голод 1932 – 33 гг. помните?]
- Это я помню. Голода у нас такого как чуть ниже, в Черкесске и ещё ниже, не было. Люди сюда наплывали целыми батальонами, приходили и, рыбу всю поели, лягушек по болотах ловили. Их подбирали и отправляли обратно домой. А уже когда мне пришлось поехать туды вниз [...], свои лошади были, зерно для посева достать, там я видел посёлки бурьяном позаросшие. Там собака, там кошка крычить. Редка где старик или старуха выйдет.
- [Все поумирали?]
- Кто поумирал, кто в другое место ушёл для спасения.
- [А почему был голод?]
- Старики так говорят, [что] у нас всё булó [продукты]. Они говорыли, что «у нас вытягивали чугуны с печки, хлеб и забирали». Вот искусственный какой-то голод такой.
- [А кто?]
- Не знаю кто. Поселки какие-то остались и беженцы были оттедова, вот там мы и зерно достали.
- М.Я.: У нас голоду не было. У каждого корова была, картошка. В Кардоникской ни один человек не умер. А приезжие, Спокойная, Надёжка, все сюда ехали спасаться. Даже у нас родственники были у Исправной и то голодовали и поумирали.

У нас кадушка, 15 ведер была, соленой капусты. Они пёшки придуть, наберуть капусты, поедять, опять придуть. У нас е капуста, картошка.

- [Почему у них голод был?]
- Забиралы. Они были тогда у Карачаевской автономии. У нас брали, но не так, а у них брали до последнего. Люди голодные умирали. И людей люди ели тогда. У Спокойной были случаи, рассказывали.

Меньшие в семье вперед умирают, а старшие есть хотят, да свою семью варыли, да ели. И поумирали и те, шо варыли свою семью, и те поумирали.

Кто остался до весны, пашут весной. Степ убирать некому уже было. Картошки остались у земле, а тогда картошка сама по себе пропала, нэма, а крахмал остался в земле. Висной люди копалыся и эту картошку гнилую, прелую ели. Появился бурьян, лебеда, начали то есть, те люди остались. А хто людей ел, те поумирали, всё равно поумирали, только что не сразу. Эти, беженцы назывались, уехали на своих лошадях, сюды ж, с Чернигова. Привезли с собой муку. У моих родителей были у хате старой. Мы пустили тех людей. Там печка была, обогревание, они там хлеб пекли, у них мука была. Те люди пооставались, какие ушли раньше. А какие до последнего дожидались, там поумирали, на родине. Спокойная станица, Надёжинская, Отраднинская там...

КФЭЭ-1998.

АК 1516. Станица Сторожевая.

Инф.: Белоусов Иван Борисович (1908 г.р.), казак.

Когда была коллективизация, папаша был в станице, потом сослали в Архангельск. Я тогда только отделился. Дали 10 лет. [У них] была установка. Брали всех: коммунистов, виновных, невиновных. Ожидали [всех] 10 лет. Много нас тогда было. Сейчас некого нема. Там все остались. Брали в 1929-30 гг. Бедные пошли в колхоз, деваться некуда. Кто немного разбогатели – уже кулак. Дали 10 лет сразу.

С Архангельска я утик. На войну меня отседа брали. Полгода там [в Архангельске] пробыл и оттудова драпал. Прятался в шалашах, потом дома у сестры скрывался. Осужденные в

Архангельске всё делали. Грузили брусья. Кто уже был слабый, дорожки откидал от снигу. Там снигу много. Всякую работу. Забирали только мужчин. Может и попадали женщины. Стариков не брали. У мене отец был старый. Мэнэ взяли, и меньшего брательника взяли. Отец оставался. Хату не отобрали. Вернулся, попал в голод. В колхозе ничего нэма. Забирали тягло, пшеницу забирали, корову, забирали усё. Оставался в чем стоишь. Писали кто зажиточный, и забирали. Актив это делал. «Комсоды» ещё назывались. Они забирали всё у колхоз. Не хочешь идти в колхоз – подыхай. Оставляли, а человек помирал. Умиралы, но немного. Антипенко умер, молодой был. Умиралаи прихожане, местные мало. Ели всэ, что попадетса. Пили настой, нарастаить не дереве, как гарох. Копали в речке траву, корень как марковка, по степу ходили туда-сюда. Что оставалось, подбирали: картоху, крахмал – можно спечь оладушек. Зачем у людей забирали – не говорили. Ходили с бричкой и забирали. Что в колхозе уродило, государству здавали. На будущий год токо семена. Людям почти шо ничего. На 1 трудодень – 100 грамм чечевички чи кукурузки.

КФЭЭ-1998.

АК 1541. Станица Сторожевая.

Инф.: Шапетин Иван Петрович (1915 г.р.), казак; Шапетина Настасья Петровна (1915 г.р.), казачка.

Голод не забудеш пока не умреш. Голод был страшный, страшный голод был.

Вот оттуда, с Краснодарского края даже люди шли... Псибай [посёлок] называли. Андрюковцы называли. Они идут, бедные, и деток на руках несут и падет на дороге, и умирает. Ишли пачками.

Может и умирали [жители станицы], может и не умирали, ну около того было. У нас своя семья была, большая, родители были, все. И один мой братишка вжэ терялси, совсем негодный был, но выжил голод, вышел, а потом на фронте погиб.

Видимо не урожай был в России, никакой помощи не было.

Мы сами не придумаемо – почему, шо? Агароды ш были, а ни картошки не было, ничево не было, куда [всё дели]. Там не было хлеба визде [нигде], картошки. И голод был, страшный голод. Пухли люди.

Та забирали и зерно в каво какое. Куда ево дивали? Де ево возили? Кто (з)на куда.

Да всех отсюдова назначали [активистов], лазили по всех уголках. Кто забирал? И свои, и чужие. Посылали.

Урупский р-н

КФЭЭ-1998.

АК 1420. Станица Преградная.

Инф.: Сидоров Карп Самойлович (1907 г.р.), казак; Сидорова Александра Гавриловна (1913 г.р.), казачка.

- [Вы из казачьей семьи?]
- Да. Отец мой, [Самуил Андреевич], населял станицу.
- [Голод 1932 – 33 гг. помните?]
- А то не помним. Если б не коровка, гибель всем была бы. Мёрли у меня под воротами люди. У меня корова была, ведерная прямо, так я спасал много людей. На вербе трут был, как грибы. Он молодой – белый, нарэжим его, у котле наварым, а тода печку топим. Он упарится в печке и хлебаем с молоком, как печёнку. Идут люди с кружечкой, пожалуйста, хоть помойте кушинчик, но дайте. Идут уже разутые, пухлые. Даже молоденькие дети, рвут щавель и там померли, на степи.
- [Почему голод, что говорили?]
- Свои люди сделали, «комсод». Пришли, всё забрали. Я как раз стал жить один [единолично]. Пахал, у меня и сеночко, и овёс, и кукурузы под потолок завален. Приехали, забрали, и жинку посадили, нашли у дровах мешок кукурузы.
- [Вашу жинку?]
- Да. Я её не хоронил, отказался я.
- [Свои или приезжие забирали?]
- Свои. В повозки выгребали и увозили. Облигацию, сами пьяные, по 800 рублей [навязывали]. А корова дешевле была, но подписывались. К. забирал себе облигации, замотал их, туда, сюда. Взяли его в тюрьму. В тюрьме наши сидять, у которых он забирал: «А, так ты тут!». Они его и убили. [К. возглавлял комсод, распространял облигации. Сам приезжий].

КФЭЭ-1998.

АК 1424. Станица Преградная.

Инф.: Денисов Иван Васильевич (1920 г.р.).

– [Голод 1932 – 33 гг. помните?]

– Краснодарский край испытал [его] так же, как и наш край.

Были моменты, когда мертвые валялись на улицах. Я, например, помню в 1933. если взять Украину, Северный Кавказ, Среднюю Азию, умерло рприблизительно 7 млн. человек.

Забирали всё. Почему забирали. План индустриализации. Индустриализации нужны были станки заграничные, а для этого нужна была валюта, а чтоб получить валюту надо было давать зерно. Зерно забирали, поставляли на Запад.

[Активисты] лезли в печь, на печку, в люльку. Страшный голод. До этого многие казаки уходили, оставляли свои семьи, детей. Уходили подальше. Один уехал на Волгу, в 1939 г., когда казалось бы всё затихло, вернулся. Приехали оперативники, с прокуратуры, арестовали и расстреляли. То есть те кто не возвращались, те может остались

– [Не объясняли причины почему забирают?]

– Обвиняли в кулацком саботаже. Не выполняется план хлебозаготовки. Какой там план. Мы, ученики, тоже были мобилизованы в «комсод». Нам давали штыри, костыли металлические. Ходили по дворам со взрослыми и ширяли в землю, чтобы найти спрятанное. За это время единственное, что мы обнаружили, по улице был колодец, мы заметили, что вода в колодце поднялась. Сказали учителям, они посмотрели. Оказывается, хозяин спустил в колодец зерно. Бывало так, что идет «комсод», а хозяин стоял у ворот с косой и никого не пускал. Страшный голод.

– [Много людей умирало?]

– Очень много умирало, очень много с Краснодарского края. Полностью вымирали хутора. У нас были даже такие моменты, когда отец и мать оставляли детей, а сами уходили, брали самых меньших, девочку и мальчика, а остальных оставляли. Туда, по направлению к Сторожевой. У нас тоже бывало что мертвые лежали вдоль улиц, ну и хоронили тут же. Канаву роют вдоль ограды и хоронят. Бывали нападения на голодных людей, особенно если дети одни.

КФЭЭ-1998.

АК 1427. Станица Преградная.

**Инф.: Черкашина Евдокия Николаевна (1925 г.р.), казак;
Петров Георгий Николаевич (1924 г.р.), казак.**

- [Вы казачка?]
- Е.Н.: Казачка
- [Отца вашего как звали?]
- Николай Сафонович Черкашин. Его забрали в 1925 г. как «врага народа», про него не спрашивай, не знаю.
- [Голод 1932 – 33 гг. на вашей памяти?]
- Конечно.
- [Почему началось это всё?]
- Был неурожайный год и станица выбилася со всех ресурсов, а зажиточные были мы.

Старинные материнские и отцовские вещи, хорошие, ценные, одеяла и платки, и юбки, и скатертя, всё носили мы менять у Пантелеимоновку. Там урожай был хороший. Набъём подшальников, шали. Мы шаль променяли за ведро картохи, барашковая шаль. Начистили кужурок, посадили кожурку и урожай был.

Едем на степь, на работу, видим – лежат люди под Семёновской, мертвые, пораздутые.

Бабушка одна рассказывала, что дитё залез к соседке луку перышко сорвал, она его тяпкой убила и выкинула за забор. Вот я плакала, да что ж это за людина.

[Голод] из-за неурожая. Активисты были, «полицай» С., П. Кукурузу зарыли у песку, они и там нашли.

[Голод] это у памяти. Это начиналась коллективизация. Это у нас так, может где и раньше. У нас в 1933 г. сказали: «Сдавайте хозяйство и вступайте в колхоз».

Другие спугались, сразу всё сдали, а другой не схотел, у меня отец не схотел. Они забрали всё хозяйство: пара коней, пара быков, 4 коровы, голов 10 молодника, штук 40 овец. Забирают, чо драться... Это забрали, потом зерно стали всё забирать, даже на семена не оставляли. Вот ворота были, у воротах отец ночью яму выкопал и ящик пшеницы запрятал. Потом хорошо затрамбовал. «Кмсод» пришёл, костылями

начали [тыкать в землю] Нашли «А ну, откапуй», «Тебе надо, ты и откапуй. Я не закапывал». Они взяли откопали. Дед не выдержал, схватил лопату и на «комсода». Его забрали и увезли в Армавир. Через 2 месяца вернулся. Как он выкрутился?

Даже в печке, кушинчик где найдут с зерном, всё забирают.

- [Умирили от голода люди?]
- Ой, было. Была одна семья, они мне родственники. Отец умер, мать умерла, Николай умер, сын, дочь. Пять душ с одной семьи поумирало.
- Барахло забирали. Вывозят на рынок, потом торгуют.

СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ

Андроповский р-н

КФЭЭ-2002.

АК 2720. Станица Воровсколеская.

Инф.: Карульская Мария Денисовна (1914 г.р.), казачка; Ляховченко Таисия Андреевна, иногородняя.

– Много поумирало людей в голод?

– Ой, страшно. Тут хутор був. У нас у хуторе ни фрукта не було, ничё не було. У нас там был паслён, в огороде родил, ягоды и щавэль, моркивнык. От этот маркивнык, я б и щас йила, страсть какой добрый маркивнык. Мы вязанкамы носили его, три раза в день. Отак понаедаемся: страсть какой был питательный. Сынюшка... От это така еда была. Картошка у нас плохо там родыла. А шош там. Тут то зэлэнь появится, то алычу у рот возьмэш, а у нас там ничё ны було, ничё, шаром покаты. От зайды у хату, нет, нема ничё. Бурьян и кости толклы, йилы. Кто зна как выжили. Брат у мэнэ, 27-го году, пухлый был, страсть який пухлый. Уже всё, умирал, просэ молочка. У кого коровы булы, ти люды вси живы остальсь. Я пишла до соседей, воны дали молочка, така рада... Прыходю, говорю: «Алёшка уже умирае, просэ молочка». А вин молочка попил, и всё, и пишов, и пишов жить. Тогда коллективизация була, всё на свити забыралы, у кого шо

було. Штыкамы ширялы, всё забыралы. Даже семена, ну всё забиралы, ничё не оставлялы, морылы людэй голодом, и всё. Ото шо я вам говорю, дитэй багато було, так оны [родители], мешок муки у них був, так оны спустили у колодезь муку, а мука, она ж сразу так обмокнэ мишок, а так суха... А картошка була закопана, женщина [из «комсода»] ходыла и найшла, и забрала. От этой мукой спаслысь.

Коней кормили тогда, а бригада була рядом, у них одын сын на конюшне робыл, и ото крал. В кармане по жмэнечке носил. Конэй кормылы зерном, а люды с голоду умиралы, пухлы. Люди тамочки, на степену прямо умиралы. Там и коровы булы, в степену, пахалы на йих, и доилы. А травы булы какие – страсть! Нэ дай Бог...

Новоалександровский р-н

КФЭЭ-1999.

АК 1832. Станица Расшеватская.

Инф.: Маслов Иван Стефанович (1913 г.р.).

В голод кормилысь в колхозе, что завхоз даст. Варили мамалыгу. Неурожай был, одно. Ещё как раз «саботаж». Продразвёрстка. У кого хлеб был, тот спрятал. А кто не спрятал, забиралы. «Комсоды», так называются, были. Пять человек, приходят: «Что у тебя есть?» – «Ничего». – «Печку открывай». Печку открыли, кашу, всё вытащили. С активистов «комсоды», от бедняцкой прослойки. Кто был недоволен на советскую власть, а у кого находили спрятано что, сразу судили. Срок отбывали. Отца посадили вперёд. А сын [брат И.С.], на год постарше меня, жанился, с матерью жил. «Комсод» у них нашёл [спрятанные продукты]. Ходили с щупами. Искали по огороду. Нашли. Забрали их. Больше никто не видел. «Комсод» – это комитет содействия. Я тоже исполнял роль посыльного, грузчика. Посылают раз к Седельниковым. А сын ихний тоже у нас работал. Только в другой группе. Приезжаем, а брать-то нечего. «Комсодовцы» на потолку там нашли картошки. Мешок картошки забрала. Сашка приехал. А мать жалится: «Забрали картошку».

Люди умирали целыми семьями. Хоронили кого в погреби, кого в колодези.

Был детский дом, приют. Там я не знаю сколько было сирот, детей без родителей.

Большинство умирали мужчины, дети. Их возили на салазках зимой на кладбище. Но копать-то некому было. Свежую могилу раскапывали и ложили туда голого ребенка. Три, пять лет, разный возраст. Присыпали землёй. Собаки раскопали – съели. Страшно было. Мы то жили, потому что работали. Правда, весной припухли.

КФЭЭ-1999.

АК 1979. Станица Григориполисская.

Инф.: Дронов Василий Иванович (1914 г.р.), казак.

[19]33-й, эта самый голод был. А мы с сестрой, ана свинаркой работала, а я коннонарочный, по бригадам ездил, все эти сводки палучал. Ну, тада што, каллективизация. Начали лашадей забирать. И стрельба, и всё было. Ну, дашло, што было в станице сто двадцать тысяч населения, а асталась пять тыщ нас. Ну, калективизация, голод начался. «Камсод» хадил, забирали... Эта, трастник знаиш, гальян назывался. Кисти эти все забирали. Вот сбоку меня тетка жила, дети па четыре годика, адной три. З голоду вмерли. Было у ней варенья, тада ж закрутки. Все забирали. Ни аставляли ничево. Картошку забирали.

А из станицы можно было уйти?

– А куда ты уйдешь, безденежье.

Станицу не оцепляли?

– Нет. За эта я не помню. Но так, кто вперед уехал па гарадам, вот в Чечню туда, те люди астались. У меня тётка вот, ана уже лет 8 как умерла, радная. Их семь систер было. А адна ана только асталась. Ну, ана што, детей этих пахаранила и уехала. Наурская станица, знаите? К казакам на Терек. От эта ана асталась. Там замуж вышла.

А в «комсоде» были станичники?

– Сваи, инагородние. Г. был, гарбатенький такой был, не человек, полчеловека. И всё он тварил.

Уполномоченные были?

– Были. Хлебом распоряжалси. Вот у нас старые были СТЗ [трактора]. Три круга сделал – перетяжка. Загонят, снимают, перетянул, завел, паехал апать три круга. Вот и упалнамоченый: «Ты не выпалнил [норму]». Все, [почти без еды остались].

Ударный кател был. Ему [, кто выполнил норму, еда] с мясом, все варили, яйца, мёд, малако, смятану давали. А нам как тюремщикам, мамалыгу сварюют жидкую и всё. И так и жили. Был еще «политадел», К. у нас. Он бил страшно трактористов. Батурин был, он тоже маво года, и перетяжку делал [ремонтировал трактор], и К. приехал. А он [Батурин] забитый же, галодный, как [ремонтировал так с ключом] и заснул. Он ево как начал бить сапагами. Ну, атправили дамой, он и помер. [Во время голода были и случаи людоедства].

Или от пахароны. Дети мрут,иди харани. Я упитанный был, хлеба давали. От приедешь у домик, а туда зайтить нельзя. Разлажённые. Вилами накладали, вдваем. А старые, на стуле как сидел, и всё. Ну када ишо не ванияит, вазьмем, ну пятнацать челаевек, када двацать. Ну, каровы были. И каров этих запрягут и везут на магилку. Ну, а вот мая жинка, мать у ней з голоду умерла, дак ани з братом на тачке вазили харанить. Што это? Жизнь? Ямы не дюже капали. Кости валялись па всёй магиле. Хуже ската были [жили].

А всё ш таки пережили.

Шпаковский р-н

КФЭЭ-1999.

АК 1933. Станица Темнолесская.

Инф.: Герасименко (Безладнова) Агриппина Ивановна (1913 г.р.), казачка.

В семье деда (по отцовской линии, Безладнова) было «тридцать душ»: пять братьев, невестки, дети. «Все жили вместе, пахали, работали...»

В 1915 году «дедушку нашего халера схватила и маму маю». Мать спасли, дедушка помер.

В 1929 году началась коллективизация, высылка из ст. Екатерининской. И «в 1929 году кинули [выгнали] нас из новой хаты. В феврале, метель, аж сиза [...]. Скитались, скитались, а затем папа и мама перебрались в совхоз, туды, к Пятигорску [...]. Ну, и там работали.» Кто-то из станичников в поезде узнал отца А.И., сообщил в милицию. Отца арестовали как кулака, посадили в тюрьму в Пятигорске, а в 1933 году расстреляли.

А.И.: «Я тоже два года скиталася, под лавками пряталась. Нас хватали и ссылали в Сибирь. Гаварили, – маладэжь высилим, а атцы, радители сами прыдуть».

В 1931 году А.И. вышла замуж, а через два года вспомнили, что она «кулацкая дочка». «А у нас, [считай] и земли ни было». У отца было пять дочерей и лишь один надел, отцов. «На дивчат, на девок ни давали [земли]». И хотя А.И. была беременна, в 1933 году её с мужем власти выгнали от свёкра, у которого они жили. «Пришли, выгнали в марте. Холод, ночь, метель...». Пошли к брату мужа, Тихону, на другой край станицы.

«А так было время, хто пустит нас ночевать, и того [хозяев] выгоняли. Эта я вам не абманываю, истинную всю правду гаварю».

У брата невестка сварила поесть. «Тольки паели, слушаим – сабаки гавкають. [...] Всё, это идуть за нашей душой». Муж спрятался за дверь, а А.И. спрятали на русской печи меж детей: «Лежу как гара [в положении]».

Нашли, – уходите. И Тихону: «Если пустите, то придём и вас вышвырнем». Было это под Чистый четверг.

«Оделись и пошли [...]. Взялись за руки... Ветер нам ганяит адэжу».

У А.И. начались родовые схватки. Дошли до скирд. Муж вырыл в соломе нору. В этой «хате» А.И. родила девочку. «Ой, милаи дети, ни вспаминайте и не згадуйте за эту жизнь. Ни дай Бог!»

Возвратились к свёкру. В этот раз не тронули, не выгнали.

Пошли в колхоз работать. Там варили два котла еды. В одном вкрутую, тем кто вырабатывал норму, а в другом жидкую мамалыгу, и на половник не цеплялась. Люди были ослабшие, мало кто вырабатывал норму. Первым давали и молоко, «а нам – ничиво».

Весной пахали на лошадях, на быках... «И таки люди были [...] Ой, милаи люди, сахрани Бог.

Вот адин гонит там лашадей, паганяет. Другой – за плугом. Если этак, за плугом упал, помер, ни харанили, ни брали. Другой плуг идеть [следом] чем-как засыпало и всё. Ну, ни абманываю его всё, всё эта истина [...]

Хлеб паспева, жёлтый [...] Вышки делали [на полях] бальшие-прибальшие и сажали комсомольцев [охранять]. И хлеб уже жалтел. Уже ж зёрнушко. А этих камсамольцев сажали на эти

вышки... И сарвать каласок... Ну, галодный же... Десять лет биз суда. Пряма сразу забирали и всё.

У мужа стали пухнуть ноги. Решил пойти в коммуну, там кормили хорошо. «Нету день, нету другой, нету третий... А тада так, на дароги упал, ништо внимания не абращал.»

А.И. отправилась на поиски мужа. Пришла в коммуну, а там как раз обедали, [не пригласили, не поделились едой], спросила, не было ли у них её мужа. «А там по хахлацки, – був.

– А дэ ж вин?

– Та, кажэ, пишов в совхоз.»

А.И. пошла в совхоз, 10-й, им. Ворошилова, нашла мужа. Ему дали работу, присматривать за «хурдой», плохими овцами, и он резал их в бригаду. В совхозе кормили и мясом, «давали хлеб серый, хароший».

Муж дал «каких-то отходов» и А.И. отправилась домой. «А тры яра глыбоких перехадить». У Темнолесской межи А.И. «затрепала малярия». А.И. упала на валок скошенной пшеницы, уже делали обкосы, и так под дождиком пролежала всю ночь. «А люди слабаи были. Хто живой был, малярия трепала беспашадно. У нас был врач, В., [но он не лечил, а] хадил специальна травил людей. Специальна травил... [...] Как мы астались? [Как мы выжили?] Скольки людей пагибло...

Када стали люди умирать, я иду [по дороге], даганяить секретарь [Совета]. Идём, разгавариваем... А у нас была пять систёр. Вот он и гаварит, – Гарпеш, а ты знаиш, что у тебе систра здохла адна?

Тада ни гаварили помер или памерла, Тольки здохла.

А я и гаварю, – а какая?

– Дарья.

Ну, Дарья й Дарья, што ж... Тада ни слэз ни было, ничё, Тольки и думали о крошке хлеба. [...]

Он гаварит: «О, уже да числа мала асталось».

– А чё, братишка, да какова числа?

– А как же, нам, гаварит, Масква давала указ – сколько с села, сколько с хутора, сколько из города, гаварит, далжны пагибнуть з голоду.

[...] Хадила брычка, падбирали людей мёртвых. Адна женщина, ана упала [на улице]. Ани пидбигають, бирут её за руки

и за ноги... Мёртвых сабирали, кто живой, кто мёртвый... Бирутъ её, а ана кричить, – ой, ни берите, я ещё жить хачу.

– Ага, ищё тада [ещё раз] за табой ехать.

Ну, кинули её да и паехали.

Ну, вот такое было. И вот кидали живых.

Зделали магилу такую, выкапали трактарам и кидали туды. И варочались, и прасилися [те кто ещё был жив].

– А чё, гаварит, за табой ещё раз ехать?

А забирали [продукты] бепашадна, беспашадна. Хоть бы одну расиначку аставили. Вот зашли [комсодовцы] в хату, там дитёночек, кукурузинка в руках... Раз [и забрали]. Эта ни брышу, ну, всё эта на маих глазах.

«Камсоды» хадили, нигде ни спрячиш. Люди прятали, в ваде нахадилы, в земле нахадилы...

Муку апускали, каладезя были, на вирёвки. Ана ж далёко ни мокнит [глубоко не промокает]. Там эта, шкорка [образуется]. Скрозь нахадилы, забирали. Ой, ой, Боже мой!

[...] Я не знаю хто этим [голодом] рукавадил. Эта такое зверство было. Вы знаете, не заснёшь, не праснёшься [ни во сне, ни наяву не уйти от воспоминаңий]. Всё у миня в глазах. Всё што было...

Ото ж молиш Бога, – Господи, да хоть бы как-нибудь забыть! Не, никак. Никак. Такая страсть».

Некоторые диалектные слова и термины

Батько	отец.
Барахло	в целом, любые изделия из ткани, но в первую очередь одежда, независимо от её состояния: новая – старая.
Бригадир	бригадир, руководитель производственного подразделения колхоза (коллективного хозяйства); колхозы делились на бригады.
Будылка / бадылка	стебель, ствол растения.
Вымбарь / вымбари	амбар / амбары.
Гарба	разновидность колёсного транспорта.
Глыныще	места выхода глины на поверхность, карьер, где местное население брало глину.
Горбд	огород, приусадебный участок; подворье и приусадебный участок.
Грабарка	разновидность колёсного транспорта.
Гусаки	вид самодельной обуви.
Голтепа	малоимущие, бедные.
Городовик	иностранец, не казак.
Дерюжка	домотканое изделие, подстилка на кровать или на пол.
Живучка / жигучка / жигулка	крапива.
Завалюшка	небольшая хатка, домик, построенные из любых доступных материалов, «слепленные абы как, лишь бы стояла».

Комсод'ы	комитеты содействия, организованные на местах в период коллективизации, продразвёрсток.
Кулаки / кулаки	главы и члены крепких семейных хозяйств. (По народному толкованию: трудолюбивая часть населения, спавшие не на подушках, а на кулаках, чтобы не проспять утреннюю зарю, начало рабочего дня).
Куфайка	фуфайка.
Кацапня	(пренебрежительное) русские, не входившие в состав казачества.
Лахмоты	могло использоваться как синоним слова <i>барахло</i> но, по преимуществу, применялось к уже использовавшимся вещам.
Ляпэныкы / липэныкы	лепёшки, как правило, сделанные наспех, из чего придётся.
Лаять	ругать. •
Лава / лавка	мебель, массивные деревянные пристенные скамьи для сиденья и сна.
Мэлнычка	небольшие ручные мельницы для помола зерна.
Мажара	разновидность колёсного транспорта.
Мазун	блюдо, (пища).
Могилки	кладбище, (гробки / гробки).
Нацмэны	(национальные меньшинства) – не русские, не славяне.
Накуёвдынэ (куёвдыц(ц)я, куёвдыть)	смешано, намешано; (что-либо делать в затруднительных ситуациях без какого-либо плана и знаний, ища опытным путём решение проблемы).
Оклуночэк	сумка или мешок, наполненные менее чем наполовину.

План	участок, официально выделявшийся казаку станичным правлением для постройки усадьбы.
Потолок	чердак, горище.
Постолы	вид самодельной обуви.
Пидвода / подвода	разновидность колёсного транспорта.
Пляцкы	лепёшки.
Пытать	спрашивать.
Рогоз / рогиз	водное, речное растение. В обычное время использовался как строительный кровельный материал.
Рядно	домотканое изделие, использовавшееся для застилания кровати, лав, выполнения некоторых видов работы.
Ступа	утварь, деревянная или, реже, металлическая, предназначенная для переработки (шелушения, толчения) зерна. Особый вид ступок использовался для измельчения листьев и стеблей табака.
Саман	строительные блоки (кирпич) из необожжённой глины. Применялся при строительстве жилых и хозяйственных построек.
Скырда / скирда	большой стог соломы, сена.
Трусуть	искать, обыскивать; сыпать.
Тапчан / топчан	деревянный помост для отдыха и сна.
Тягло	тягловая сила, использовавшаяся в сельском хозяйстве (быки, лошади).
Трут	сухие порошкообразные части растений, вата, использовавшиеся для добывания огня способом высекания или трения.

Хурманка / фурманка	разновидность колёсного транспорта.
Ховать	прятать; хоронить (умершего).
Худоба	крупный и мелкий рогатый скот.
Ципок	длинная металлическая трость (от метра и более) с закруглённой ручкой. Использовалась при ходьбе, в драках и, как щуп, во время обысков.
Шо / чо / чё	что
(Ничо / ничё	ничего)

•

Исходный этнический облик станиц* на момент их основания

Станицы с изначально преобладающим русским населением	Станицы с изначально преобладающим украинским населением	Станицы с изначально смешанным русско-украинским населением
1	2	3
<p><i>Краснодарский край:</i> <i>Горячключевской р-н:</i> Мартанская <i>Кавказский р-н:</i> Дмитриевская <i>Курганинский р-н:</i> Константиновская Темиргоевская <i>Лабинский р-н:</i> Чернореченская <i>Мостовский р-н:</i> Губская Махошевская Переправная <i>Новопокровский р-н:</i> Ильинская <i>Северский р-н:</i> Григорьевская Калужская Крепостная Новодмитриевская <i>Тбилисский р-н:</i> Геймановская Нововладимировская Тбилисская <i>Тихорецкий р-н:</i> Архангельская Новорождественская Фастовецкая</p>	<p><i>Краснодарский край:</i> <i>Брюховецкий р-н:</i> Переяславская х. Полтавский <i>Выселковский р-н:</i> Березанская Бузиновская <i>Динской р-н:</i> Динская <i>Калининский р-н:</i> Новониколаевская х. Греки х. Гречаная балка х. Могуковорский <i>Каневской р-н:</i> Каневская Новодеревянковская Новоминская Челбасская <i>Кореновский р-н:</i> Дядьковская Платнировская <i>Красноармейский р-н:</i> Староджерелиевская Старонижестеблиевская Чебургольская <i>Куцевский р-н:</i> Кисляковская</p>	<p><i>Краснодарский край:</i> <i>Абинский р-н:</i> Мингрельская <i>Апшеронский р-н:</i> Тверская <i>Выселковский р-н:</i> Новобейсугская <i>Кореновский р-н:</i> Раздольная <i>Отраденский р-н:</i> Надежная Передовая Удобная <i>Ставропольский край:</i> <i>Андроповский р-н:</i> Воровсколеская</p>

1	2	3
<p><i>Успенский р-н:</i> Николаевская</p> <p><i>Усть-Лабинский р-н:</i> Некрасовская Новолабинская Тенгинская</p> <p><i>Республика Адыгея:</i> <i>Гиагинский р-н:</i> Дондуковская Келермесская</p> <p><i>Майкопский р-н:</i> Абадзехская Безводная Курджипская Новосвободная Севастопольская</p>	<p><i>Новопокровский р-н:</i> Калниболотская</p> <p><i>Павловский р-н:</i> Атаманская Незамаевская Новопетровская Старолеушковская</p> <p><i>Славянский р-н:</i> Петровская Черноерковская</p> <p><i>Староминской р-н:</i> Канеловская Новоясенская Староминская</p> <p><i>Темрюкский р-н:</i> Ахтанизовская Вышестеблиевская</p>	
<p><i>Ставропольский край:</i> <i>Новоалександровский р-н:</i></p>	<p>•</p>	
<p>Григориполисская Расшеватская</p> <p><i>Карачаево-Черкесская республика:</i> <i>Зеленчукский р-н:</i></p>		<p>•</p>
<p>Зеленчукская Исправная Кардоникская Сторожевая</p> <p><i>Урупский р-н:</i> Преградная</p>	<p>•</p>	

* В таблице приведены станицы, упомянутые в материалах Приложения II

Сокращения, используемые в приложениях

АК	аудиокассета
г.р.	год рождения
Д.	дело
Инф.	информатор / информант
КФЭЭ	Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция
Л.	лист
НИЦ ТК	Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор»
Оп.	опись
ПМ	полевые материалы
р-н	район
Ф.	фонд
ЦДНИКК	Государственное учреждение Краснодарского края «Центр документации новейшей истории Краснодарского края»
ЦДНИРО	Государственное учреждение Ростовской области «Центр документации новейшей истории Ростовской области»

Сведения об авторах

Бекетов Владимир Андреевич – председатель Законодательного Собрания Краснодарского края

Берляев Алексей Иванович – ведущий специалист отдела информационно-поисковых систем и использования архивных документов ГУ «Центр документации новейшей истории Краснодарского края»

Бондарев Виталий Александрович – профессор кафедры теории государства и права и отечественной истории, доктор исторических наук; Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт)

Бондарь Ирина Юрьевна – зам. руководителя ГУ «Центр документации новейшей истории Краснодарского края»

Бондарь Николай Иванович – директор НИЦ ТК ГНТУ «Кубанский казачий хор», кандидат исторических наук, профессор

Васильев Игорь Юрьевич – научный сотрудник НИЦ ТК ГНТУ «Кубанский казачий хор», кандидат исторических наук

Власкина Нина Алексеевна – младший научный сотрудник Южного научного центра РАН, аспирант Южного федерального университета

Власкина Татьяна Юрьевна – преподаватель Южного Федерального университета, научный сотрудник Южного научного центра РАН

Гарбузова Евгения Николаевна – аспирант кафедры истории России Армавирского государственного педагогического университета

Громов Владимир Прокофьевич – кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета, казачий генерал

Еремеева Анна Натановна – доктор исторических наук, профессор Краснодарского государственного университета культуры и искусств

Жиганова Светлана Александровна – ведущий научный сотрудник НИЦ ТК ГНТУ «Кубанский казачий хор», кандидат искусствоведения

Зудин Антон Иванович – старший научный сотрудник НИЦ ТК ГНТУ «Кубанский казачий хор», аспирант КубГУ

- Корсакова Наталья Александровна** – старший научный сотрудник Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына
- Кринко Евгений Федорович** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН
- Матвеев Олег Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета
- Новиков Сергей Геннадьевич** – историк, главный редактор Черноморского исторического журнала «Аргонавт»
- Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна** – доцент кафедры теории государства и права и отечественной истории, кандидат исторических наук; Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт)
- Попова Наталья Геннадьевна** – зам. руководителя, начальник отдела информационно-поисковых систем и использования архивных документов ГУ «Центр документации новейшей истории Краснодарского края»
- Ракачёв Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета
- Рожков Александр Юрьевич** – доктор исторических наук, профессор Краснодарского государственного университета культуры и искусств
- Самсоненко Татьяна Александровна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и курортного дела Сочинского государственного университета туризма и курортного дела
- Скорик Александр Павлович** – заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории, профессор, кандидат исторических наук, доктор философских наук; Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт)
- Тикиджьян Руслан Геннадьевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Ростовской академии сервиса (филиал) Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса
- Хлынина Татьяна Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южного научного центра РАН

Содержание

БЕКЕТОВ В.А. «Не забыть!»	5
Предисловие (<i>Н.И. Бондарь, О.В. Матвеев</i>)	8
РАЗДЕЛ 1. МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ	10
<i>Бондарев В.А.</i> Голод 1932–1933 г. в южнороссийской историографии: проблемы, направления и перспективы исследований	10
<i>Матвеев О.В.</i> Методологические аспекты устной истории голода 1932–1933 г. на Кубани	19
<i>Хлынина Т.П.</i> Устная история: между теорией и методом	33
<i>Кринко Е.Ф.</i> Устная история в России: вчера, сегодня, завтра	40
<i>Рожков А.Ю.</i> «Мыши съели людей...»: память о голоде 1932–1933 годов в откликах на публикации И.И. Алексеевко	48
<i>Скорик А.П.</i> Депортация населения «чернодосочных» станиц как антиказачья акция: причины и последствия	57
<i>Гарбузова Е.Н.</i> Политика «расказачивания» как попытка изменения традиционных представлений казаков	66
<i>Новиков С.Г.</i> Голод 1930 г. в Черноморье: «генеральная репетиция» трагедии 1932–1933 гг.	72
<i>Тикиджьян Р.Г., Панкова-Козочкина Т.В.</i> Голод 1921–1922 гг. и 1932–1933 гг. на Юге России: сравнительно-исторический анализ	80
<i>Бондарь И.Ю.</i> Архивные документы о голоде на Кубани 1932–1933 гг.	88
<i>Попова Н.Г.</i> «Занести на чёрную доску...» (документы о репрессиях в кубанских станицах в 1932 – 1933 гг.)	100
<i>Берляев А.И.</i> Коллективизация в Кущёвском районе Краснодарского края. По архивным документам Кущёвского райкома ВКП (б). Рассекреченные документы	116

<i>Скорик А.П., Бондарев В.А.</i> Голод как результат стихии и политики: «продовольственные затруднения» в сёлах и станицах Юга России в 1930-х гг.	121
<i>Ракачев В.Н.</i> Государственная политика хлебозаготовок 1932–1933 гг. на Кубани и её демографические последствия	129
РАЗДЕЛ 2. АНТРОПОЛОГИЯ ГОЛОДА	141
<i>Бондарь Н. И.</i> Код смерти (Голод 1932–1933 гг.)	141
<i>Власкина Т.Ю.</i> Голод на Дону по устным свидетельствам	155
<i>Власкина Н.А.</i> Языковой концепт <i>голод</i> в донских говорах	174
<i>Васильев И.Ю., Зудин А.И.</i> «Голодомор» на Кубани 1932–1933 гг. в исторической памяти очевидцев: обзорный очерк	184
<i>Бондарев В.А., Самсоненко Т.А.</i> Культура и социально-политический заказ: тема голода в художественной литературе и прессе 1930-х гг.	196
<i>Громов В.П.</i> Голод 1932 – 1933 гг. в судьбе моих родных и близких	204
<i>Корсакова Н.А.</i> Голод 1932–1933 гг. на Кубани в воспоминаниях старожилов	208
<i>Еремеева А.Н.</i> Голод на Кубани в памяти кубанского ученого В.Ф. Писаренко	216
<i>Жиганова С.А.</i> Лихолетья 20–30 гг. XX века как тема народно-песенного творчества кубанских казаков	219
РАЗДЕЛ 3. ПРИЛОЖЕНИЯ	236
<i>Приложение I.</i> Перечень документов из некоторых фондов Центра документации новейшей истории Краснодарского края о хлебозаготовках и голоде на Кубани в 1932–1933 гг.	
<i>Приложение II.</i> Голод на Кубани: 1932–1933 гг. (Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции Научно-исследовательского Центра традиционной культуры ГНТУ «Кубанский казачий хор»	336
<i>Сведения об авторах</i>	450

Contents

<i>Beketov V.A.</i> Do not forget!	55
Foreword (<i>N.I.Bondar, O.V.Matveev</i>)	8
Section I. Methodology, historiography, source studies, history.	10
<i>Bondarev V.A.</i> The Famine of 1932-1933 in South Russian historiography: problems and directions	10
<i>Matveev O.V.</i> Methodological problems of oral history of the famine in 1932-1933 in Kuban province.	19
<i>Khlynina T.P.</i> Oral history: between theory and method	33
<i>Krinko E.F.</i> Oral history in Russia: yesterday, today, tomorrow	40
<i>Rozhkov A.Yu.</i> “ <i>The Mice ate the people...</i> ”: memory of the famine of 1932-1933 in the press responses to the publications by I.I.Alexeenko	48
<i>Skorik A.P.</i> Deportation of population of the “blacklist” Cossack villages as an anti-Cossack action: causes and effects	57
<i>Garbuzova E.N.</i> The policy of Cossack extermination as an attempt to change the Cossacks’ traditional notions.	66
<i>Novikov S.G.</i> The famine of 1930 in Черноморье: a ‘dress rehearsal’ of the tragedy of 1932-1933	72
<i>Tikidzhyan R.G., Pankova-Kozochkina T.V.</i> The famine of the years 1921-1922 and 1932-1933 in the South of Russia: comparative-historical analysis.	80
<i>Bondar I.Yu.</i> Archive documents of the famine of 1932-1933 in Kuban.	88
<i>Popova N.G.</i> “Enter into the black list...” (documents on repressions in Kuban Cossack villages in 1932-1933)	101
<i>Berlyayayev A.I.</i> Collectivization in Kuschevsky District of Krasnodar region. Based on the archive documents of the Kuschevsky District Communist Party Committee. Declassified documents.	116

<i>Skorik A.P., Bondarev V.A.</i> Famine as a result of environment and politics: “food difficulties” in villages and Cossack villages of the South of Russia in the 1930-ies.	121
<i>Rakachev V.N.</i> State policy of grain procurements in 1932-1933 in Kuban and its demographic consequences.	129
Section II. The anthropology of the famine	141
<i>Bondar N.I.</i> The code of death (The famine of 1932-1933)	141
<i> Vlaskina T.Yu.</i> The famine in Don Region by oral testimony	155
<i> Vlaskina N.A.</i> The language concept <i>famine</i> in the Don dialects	174
<i>Vasilyev I.Yu., Zudin A.I.</i> Famine-Genocide in Kuban 1932-1933 in the historical memory of eye-witnesses: review studies	184
<i>Bondarev V.A., Samsonenko T.A.</i> Culture and social-political order: the subject of famine in fiction and the press of the 1930-ies.	196
<i>Gromov V.P.</i> The famine of 1932-1933 in the destiny of my family members and dear ones.	204
<i>Korsakova N.A.</i> The famine of 1932-1933 in Kuban as recollected by the old-timers	208
<i>Eremeeva A.N.</i> The famine in Kuban in the memories of the Kuban scientist V.F.Pisarenko	216
<i>Zhiganova S.A.</i> The troubled years of the 20-30-ies of the XX century as a topic of folk song creation of Kuban Cossacks	219
Section III. Appendices	236
<i>Appendix I.</i> List of documents from some archive sections of the Center of documents of Krasnodar Region contemporary history relative to the state grain procurements and to the famine in Kuban in 1932-1933	336
<i>Appendix II.</i> The famine in Kuban: the years 1932-1933 (Field data of the Kuban folklore-ethnographic expedition of Research Center For Traditional Culture of Scientific and Artistic Institution “Kuban Cossack Chorus”	336
<i>Credits</i>	450

•

Формат 60x90¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная.

Заказ 3569. Тираж 600 экз.

полиграфическое объединение
ПЛЕХАНОВЕЦ

г. Краснодар, ул. Индустриальная, 28.